

1986

REPORTS AND RESEARCH

REPORTS AND RESEARCH

1986

ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1986

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1986

Старенький паровоз, надрываясь на подъемах, тащил трехвагонный состав из Сеула в Чемульпо. Нетерпеливый и подвижной младший врач крейсера «Варяг» Михаил Банщиков с каждым толчком паровоза повторял одно и то же:

— Наш «Варяг» пробежал бы это расстояние вдвое быстрее.

Банщикову прощали однообразие темы: каждый из офицеров в душе гордился ходкостью своего корабля.

— Нет, господа, в самом деле, лучше оказаться в центре жестокого шторма, чем трястись на этом ревматическом поезде, — горячился Банщиков. — Вы слышите, как сииг в цилиндрах пар? Это же чахотка в последней стадии!

Капитан первого ранга Всеволод Федорович Руднев — командир «Варяга» — чуть заметно улыбнулся. Почти в каждую свою поездку в Сеул к посланнику Павлову он брал с собой Банщикова. Говорун и остро слов, тот скрашивал томительное время поездки. Но сегодня его шутки казались неуместными. Слишком тревожно складывались обстоятельства. Руднев, от внимания которого не ускользнула подозрительная возня японцев в Чемульпо, предложил Павлову перебраться вместе со всей русской миссией на «Варяг». Если понадобится, они всегда успеют уйти в Порт-Артур под посольским флагом. Но посланник уперся, на все находя один ответ: японцы ничего враждебного сде-

дать не посмеют, а если и посмеют, о том его уведомят заранее. Павлов, как истый дипломат, ждал подсказки из Петербурга или от дальневосточного наместника Алексева. Но каким путем он собирался ее получить? До Артура миль триста, а радио на «Варяге» покрывает только сто. Телеграф? Но каждый второй служащий на нем японский шпион. Нельзя же, в самом деле, думать, что наш дипломатический код, который не сменяли почти год, до сих пор не расшифрован!..

Старший штурман крейсера Беренс подавил вздох. Чтобы не мешать командиру, погруженному в свои мысли, он старательно делал вид, будто разглядывает в раннем рассвете примелькавшийся пейзаж: однообразные рисовые поля-террасы на склонах гор, бамбуковые мосты, маленькие, почти игрушечные фанзы.

— Вы что-то хотите спросить, Евгений Андреевич?

От неожиданности Беренс вздрогнул. Умение Руднева угадывать мысли подчиненных могло смутить любого. Сам Руднев посмеивался и разводил руками, когда ему говорили о его даре. «Помилуйте, — говорил он, — какой дар? Обыкновенная наблюдательность».

— Нет... Собственно, да. Всего один вопрос: когда мы уйдем из Чемульпо?

Банщиков с грохотом отодвинул дверь. Около купе, вытянувшись, стоял бдительный ординарец Руднева Тихон Чибисов.

— Так что не извольте беспокоиться, ни одного японца поблизости нет! — доложил он.

Наивный Чибисов! Он и подумать не мог, что тучный человек с европейским разрезом глаз и звучной английской фамилией из соседнего купе давно уже прилип трубкой к тонкой перегородке. Трубка была обыкновенным стетоскопом, позволявшим услышать не только удары сердца.

— Значит, никого?

— Чисто, ваше благородие.

Банщиков закрыл дверь, обернулся к Рудневу. В его чуть выпуклых бесцветных глазах стояло то же нетерпение, что и у Беренса.

— Господа, у меня нет приказа оставить Чемульпо.

— Но ведь это же самоубийство! Если начнется война, мы можем оказаться в порту, как в мышеловке.

— Господин посланник надеется, что до этого дело не дойдет.

Резкий на слово Беренс не удержался, высказал все, что думал о Павлове:

— Типичный образчик нашей мудрости, именуемой «авось». Авось вывезет, авось не начнется! Простите, Всеволод Федорович, но нет никаких сил знать, что твоя судьба, судьба «Варяга» зависит от подобных лиц.

— Господину Павлову следует прописать очки от близорукости. — Банщикова по обыкновению был насмешлив. — Впрочем, по моему разумению, такие очки следует прописать кое-кому и повыше.

Это уже был намек на наместника Алексеева. Незаконнорожденный сын Александра II, Алексей полновластно распоряжался в крае. Настолько полновластно, что приходилось долго залатывать прорехи, которые появлялись после каждого его «мудрого» решения. Особенно страдал флот, к которому, к несчастью, Алексей питал слабость.

— Как вы можете шутить в такое время, Михаил Леонидович?! — Беренс совсем не намерен был вести разговор в тоне Банщикова. — Посольство в Сеуле просто опасается беспокоить наместника тревожными вестями накануне дня его ангела.

— Успокойтесь, Евгений Андреевич. Все не так мрачно, как вы рисуете. — Руднев уже пожалел, что сам затронул эту тему. Лучше бы офицеры оставались в неведении о результатах его встречи с посланником.

— Еще раз простите мою горячность, Всеволод Федорович, но ведь речь идет о «Варяге»!

— Я знаю. И смею заметить, беспокоюсь не меньше вашего. Но приказа уходить нет. Есть иной: «Оставаться на месте и ждать». И нам следует только подчиниться. Будем надеяться, что, даже если случится самое плохое, японцы не посмеют напасть на нас в нейтральном порту. В открытом же море они нам не страшны. Котлы, слава богу, пока в порядке — прорвемся.

За перегородкой тучный коммерсант, проклиная не вовремя загудевший паровоз, пытался разобраться с котлами: в порядке они или нет? Но русские в купе уже замолчали. Тогда... пусть будут в неисправности. В японском военно-морском штабе, куда стекались все разведывательные донесения, требовали правду, но всегда охотно принимали такую, в которой сообщалось бы о недостатках и слабых сторонах русского флота.

— Смею надеяться, что и матросы нас не подведут, — продолжил Руднев, — настроением команды я

доволен, хоть и не так много времени имел для общения... Эх, господа, нашего матроса хотят запугать, страхом заставить слушаться. Это же в корне неправильно! Вспомните прежнего командира крейсера и старшего офицера! Много ли они добились своей неоправданной суровостью? Поощрение, любовь, искренняя забота — вот ключ к матросскому сердцу. Осмелюсь напомнить вам, господа, слова Нахимова: «Матрос есть главнейший двигатель на военном корабле, а мы только пружины, которые на него действуют». Прозорливые слова! Надо решительно отбросить всякое чванство. Это гибельно для службы, особенно сейчас.

Руднев на мгновение умолк, внимательно посмотрел на своих попутчиков. Поймут ли они его? Ведь то, о чем он говорил, стоило многим карьеры. И они это знали. С мордобоем и окриком куда было проще... Лицо Беренса было спокойно-сосредоточенно: этот подтянутый офицер был симпатичен Рудневу: вот и сейчас он как бы ощупывал и взвешивал каждое слово, прежде чем согласиться или возразить. Впрочем, капитан первого ранга давно видел в лейтенанте единомышленника.

— Вы совершенно правы, Всеволод Федорович, — горячо вступился Банщиков. — Когда на Приморской я вижу надпись «Водить собак, входить нижним чинам запрещается», меня всего трясет. Это какое-то крепостничество, троекуровщина...

— Ну-ну, не так пылко, — Руднев улыбнулся одними глазами. — В свое время за подобные мысли и даже действия я получил внушение. Мне посоветовали не выражать явно дружеских чувств к команде. Что можно гардемарину, запрещено мичману!

— И что же вы?

Беренс укоризненно посмотрел на Банщикова, который не сразу уловил всю бестактность своего вопроса. Разве не ясно «что», если на плечах заслуженного, блестяще знающего свое дело моряка не эполеты с адмиральскими орлами?

Банщиков понял свою оплошность, сконфузился и замолчал.

Спустя час показался порт. Солнце заваливалось за прогнутую коромыслом линию морского горизонта, бросая на воду сияющую дорожку. Упругий ветер изламывал ее в тысячи бликов. Корабли, стоявшие на рейде, от этой световой круговерти казались празднично иллюминированными. Чемульпо был нейтральным портом, и

кораблей разных стран здесь собралось предостаточно.

Руднев надел фуражку.

— Господа, я попросил бы не разглашать наш разговор даже в кают-компании. Мы люди военные. Выйдем в море по приказу или... в силу чрезвычайных обстоятельств.

Утром 26 января с поднятием флага командир канонерской лодки «Кореец» капитан 2-го ранга Беляев был по приказанию Руднева на «Варяг». Руднев принял его в своей каюте.

— Одну минуточку, Григорий Павлович, — извинился он, протягивая руку и тотчас же усаживаясь обратно за письменный стол, — только допишу донесение в Артур.

Беляев увидел на столе листки машинописного текста, удивился:

— Но рапорт уже напечатан, Всеволод Федорович.

— Еще вчера, как только вернулся из Сеула. Я лишь хочу приписать известие о странном бегстве крейсера «Чиода». Может быть, в штабе смекнут наконец, что при потушенных огнях уходят отнюдь не с добрыми намерениями.

Беляев кивнул. Это его вахтенный офицер первым заметил попытку японского крейсера «Чиода» тайно выскользнуть из порта. Выдал крейсер узкий просвет в плохо задраенном кормовом иллюминаторе.

Беляев уселся в кресло, вытащил портсигар.

— Разрешите? — Чиркнул фосфорной спичкой, закурил. — Насколько я понимаю, с донесением идти мне?

— Совершенно верно. Посланник ни за что не соглашается на переезд к нам, на крейсер, всей миссии, не соглашается и на возвращение в Артур.

— Остается лишь сожалеть. Недальновидность — родная сестра нашей политики на Востоке.

Руднев захопнул крышку чернильницы, протянул Беляеву листки.

— Я бы хотел, чтобы вы познакомились с рапортом, Григорий Павлович.

Пока командир «Корейца» смотрел текст, Руднев растирал кисти рук. Мебель «Варяга» была сделана из легкого металла американской фирмой «Густав». Может быть, это и спасало от пожара, но руки на металличе-

ской поверхности, хоть и прикрытой сукном, немило-сердно стыли.

— Постарайтесь вручить это лично заместнику. Он сейчас в Артуре. И на словах, я очень надеюсь на вас, внушите ему: положение чрезвычайно тревожное.

Беляев усмехнулся. Попробуй внуши! О самоуверенности и заносчивости Алексеева ходили легенды.

— И все-таки постарайтесь. Когда можете покинуть порт?

— Разрешите отбыть в 16 часов, как только придет дипломатическая почта.

— Хорошо.

Эскадра контр-адмирала Уриу кралась к Чемульпо. Головным шел броненосный крейсер «Асама», приданный 4-му отряду легких крейсеров. Адмирал нет-нет да и бросал довольный взгляд на восьмидюймовую кормовую башню крейсера и многочисленные орудия, торчавшие из его бортов во все стороны. Что ни говори, а с «Асамой» Уриу чувствовал себя много увереннее. Один этот крейсер по огневой мощи и дальности огня превосходил артиллерию русского «Варяга». А все шесть японских крейсеров могли потопить русских за несколько минут.

Впрочем, почему утопить? Направляя эскадру в Чемульпо, главнокомандующий адмирал Того без обиняков объявил, что желал бы видеть «Варяг» в составе японского флота. Приготовлено было даже название — «Соя».

— Заприте русских на рейде, поставьте впритык — на пушечный выстрел — миноносцы, и русские сами стащат свой флаг с гафеля, — процеживая слова через редко расставленные зубы, наставлял командующий. Совет и вправду был хорош, хотя Уриу совершенно не переносил этого высокомерного выскочки с английскими манерами. Но прежде чем его осуществить, нужно было высадить десант и захватить порт. Хотел бы он знать, как пройдет эта операция под самым носом русских?

Адмирал Уриу поглубже упрятал лицо в меховой воротник морской куртки. Морозный ветер нес ледяные брызги. В борт крейсера «Нанива», на котором держал флаг адмирал, била крепкая, стянутая кружевом пены волна. С мостика было видно, как зарывались в воду

тяжело груженные транспорты. Должно быть, десант — пять тысяч солдат — сейчас небоеспособен: обблевал все трюмы.

Миновав архипелаг Клиффорд, стали втягиваться в петляющий фарватер Чемульпо. Болтанка пошла на убыль.

— Через полтора часа войдем в порт, — доложил старший штурман.

С берега спросили: «Нужен ли лоцман?» Уриу усмехнулся:

— Не отвечать! — Наивность местных властей веселила. Какая предупредительность! Готовы помочь в захвате собственного порта. Хотя почему бы и нет? Большинство здешних лоцманов — японцы, и жалованье они получают не только от портовых властей. — Доложите, когда покажется порт!

Уриу уже занес ногу, чтобы спуститься по трапу в каюту, когда с идущего форзейлем* миноносца сообщили о появлении русской канонерской лодки. Адмирал почувствовал легкое волнение. Вот оно! Русские определенно что-то пронюхали. Но поздно — мышеловка захлопнулась.

Уриу остался на мостике. По его приказу крейсера стали брать ближе к берегу. Вперед вырвались миноносцы. Было видно, как на палубах суетились минеры, готовя торпедные аппараты.

— Суетятся, слишком суетятся, — закачал головой адмирал. — Сколько готовили к войне, а вот начали — и суета.

На крейсерах ударили колокола громкого боя. С мостика было видно, как на «Асаме» мягко покатились бронированная носовая башня. Хоботы двух восьмидюймовок дрогнули, поползли вниз, впиваясь в профиль выплывающего навстречу «Корейца». Один удачный залп, и русским придется вычеркнуть этот корабль из списков своего флота. Но если артиллерийская дуэль затянется? Уриу бросил тревожный взгляд в сторону перегруженных транспортов. Шальной снаряд с «Корейца» мог отправить на дно любой из них. Нет, с русскими надо расправиться наверняка — минной атакой.

Головной миноносец выбросил длинное тело торпе-

---

* Форзейль — обычно эскортный корабль, идущий впереди эскадры.

ды. Адмирал, не отрываясь от окуляров бинокля, царапал в волнении ногтем кожу футляра.

— Вот сейчас, сейчас!

Но на канонерке вовремя увидели торпеду, отвалили в сторону.

— Слева по борту мина! — крикнул наблюдатель.

Беляев и сам увидел ее. Подумал спокойно, как о чем-то постороннем: «Значит, все-таки война!» Определенность всегда лучше: по крайней мере, ясно, что надо делать.

— Лево на борт! Боевая тревога!

Подошвы матросских ботинок дробно застучали по палубе. Команда заняла места по боевому расписанию.

Вторая торпеда, буравя воду, устремилась к «Корейцу». Отклонились и от нее, но с трудом — больно с близкого расстояния ее выбросили. К лейтенанту фон Крампту со всех сторон поступали донесения о готовности к бою. Тот и здесь остался верен себе: щелкнул крышкой часов:

— Опоздали на полторы минуты. Распустились!

И повернулся к Беляеву:

— Григорий Павлович, «Кореец» к бою готов!

— Наводить на миноносцы...

Но команду «огонь!» не отдал.

Нет, он не испугался угрозы быть расстрелянным в упор эскадрой противника. Подумал о другом: нельзя допустить столкновения, пока «Варяг» стоит неподвижной мишенью на рейде. Нужно выиграть время, предупредить Руднева. А там будь что будет!

Пенистый след третьей торпеды набегал прямо на «Корейца». Но в самый последний момент, попав в струю канонерской лодки, торпеда задрала хвост и затонула.

Беляев размахисто перекрестился:

— Ну, хватит! В четвертый раз они непременно попадут. Стрелять нельзя? Тогда... право на борт! Идем на таран!

У старика «Корейца», таскавшего на себе еще парусное вооружение, форштевень был от стародавних времен — скулой вперед. Конечно, тараном боя не выиграть, но чего не сделаешь от отчаяния?

Канонерская лодка, развернувшись, нацелилась в корму ближайшего миноносца. На миноносце не выдер-

жали, отвильнули в сторону, освобождая фарватер. Следом ушли под прикрытия крейсеров и остальные миноносцы.

Сорок минут спустя «Кореец» отдал якорь в одном кабельтове от «Варяга».

Не успел Беляев прибыть на крейсер для доклада о происшедшем, как все четыре японских миноносца вошли в порт и встали напротив русских кораблей.

Командир английского крейсера «Тэлбот» коммодор Бейли был озадачен и даже раздражен. Только что он проводил командира «Варяга» Руднева, прибывшего с протестом по поводу нападения японцев на русский военный корабль в нейтральных водах. Теперь Бейли, как старшему на рейде, предстояло ехать объясняться с японским адмиралом. Ситуация, черт возьми, складывалась щекотливая: в личном сейфе коммодора лежали секретные инструкции адмиралтейства, обязывающие его во всем содействовать японской политике на Дальнем Востоке. Разумеется, если речь зашла об ослаблении России... Но, право, японцы взялись за дело слишком ретиво, в нарушение всех международных правил. Теперь коммодор ломал голову, как выкрутиться из этой пикантной ситуации, не запятнав чести мундира и не выдав своих подлинных намерений?

Вестовой сбил пылинки с расшитого золотом рукава Бейли. Доложил:

— Катер у трапа.

Паровой катер отвалил от высокого борта «Тэлбота», заскользил мимо успевших втянуться на рейд японских крейсеров к «Наниве». Идти приходилось буквально под дулами орудий, которые японцы наставили на «Варяг». Бейли невольно втягивал голову в плечи: не хватало еще, чтоб они передрались прямо в порту!

Катер, совершив широкую циркуляцию, впритирку подошел к парадному трапу. Бейли довольно посмотрел на рулевого: отменный глазомер! Японский офицер отдал честь, сказал на английском:

— Адмирал Уриу ждет вас.

Коммодор величественно, как лорд-канцлер, поднялся на борт «Нанивы», скользнул чуть прищуренными глазами по длинному строю караула. Нет, положительно он никогда не будет способен отличить одного япон-

ца от другого. Они похожи друг на друга, точно оловянные солдатки из одной коробки. Разве вот шитье на мундирах. Вон у того, идущего навстречу, его так много, что это либо сам адмирал Уриу, либо... его камердинер.

— Я рад приветствовать вас, коммодор Бейли. Для нас видеть наших английских друзей большая радость.

Адмирал и его гость спустились в каюту. Она была обставлена скромно, не в пример роскошным покоем на «Тэлботе». И это еще раз убедило англичанина в серьезности намерений японского адмирала. Единственное, что себе позволил Уриу, это повесить в просветах между иллюминаторами картины на шелку. Бейли невольно залюбовался цветком лотоса — символом благополучия, — белизна которого была выразительно оттенена точными ударами черной туши.

— Настоящий Куниёси, — пояснил Уриу, перехватив взгляд англичанина.

— А вы не боитесь, адмирал, что все это когда-нибудь окажется на дне моря?

— Только вместе со мной... Однако что привело вас, коммодор, на борт «Нанивы»?

Бейли подтянулся. Начинаясь официальная часть визита.

— Господин адмирал, только что меня посетил командир русского крейсера. Он утверждает, будто сегодня ваши корабли атаковали в нейтральных водах русскую канонерскую лодку «Кореец». Мой долг старшего на рейде — выслушать ваши объяснения по поводу... э... — Бейли не сразу нашел нужное слово, — этого недоразумения.

Уриу не спешил с ответом. Сцепив на животе пальцы, он сосредоточенно смотрел на англичанина. Пауза затягивалась, и странно — Бейли чувствовал себя как нашкодивший школьник перед строгим учителем. Коммодор собрал все самообладание, но не удержался, сорвался на оправдание:

— Поймите меня правильно, господин адмирал. Военные действия в водах Чемульпо чреваты нарушением всех международных договоров. Мои симпатии, как и симпатии моего правительства, вам это известно, на стороне Японии. Если вы намереваетесь воевать с русскими — ваше дело. Но нападение в нейтральном порту? Это вызовет бурю протестов.

Уриу, опустив веки, слушал переводчика. Впрочем, в этом не было особой надобности: он прекрасно зная английский язык. Но время было его союзником: чем дольше тянулся разговор, тем покладистее становился этот надутый англичанин.

— Мне понятны ваши сомнения, господин коммодор, — наконец заговорил Уриу. — Но пусть они оставят вас. Никакого нападения не было. Да, не скрою, война с русскими уже началась, но торпедная атака! Пока жив Ямато-Дасаки — японский дух, — нам незачем прибегать к подобным коварным приемам. Все это чистейший вымысел, плод чрезмерного воображения русских.

Уриу врал бессовестно. И Бейли, поджав бескровные губы, старательно делал вид, что готов поверить в эту ложь. Действительно, что же ему еще оставалось делать, имея на руках секретные инструкции адмиралтейства?!

Адмирал вдруг рассмеялся:

— Потом, неужели вы всерьез думаете, что мои минеры так плохо стреляют? Я бы приказал списать их с флота, если б они промахнулись...

— Я удовлетворен. Но... отчего ваши миноносцы держат под прицелом русские корабли?

— Обыкновенная предосторожность. Разве русские не поставили прислугу к орудиям?

Бейли пожал плечами.

— Благодарю вас. О вашем ответе я сообщу остальным командирам стационаров. Думаю, нам удастся уладить это недоразумение.

Адмирал проводил гостя на палубу.

— Не придавайте этому большого значения. Мы только опорожним трюмы наших транспортов и снова уйдем в море, чтобы там встретить русских. Надеюсь, они не откажут нам в этом randevu.

Бейли хорошо знал, от каких тяжестей японцы хотели освободить трюмы своих транспортов: орудия, боевое снаряжение, пехота. Война начиналась не только на море. Но это уже дело японцев и русских.

Коммодор привычно бросил ладонь под козырек фуражки:

— Это ваше право. Мы не собираемся препятствовать...

На «Варяге» все было готово к бою. Люки и горловины задраены, помпы работали на холостом ходу, снаряды поданы к орудиям. Комендоры стояли у орудий, в прицелах которых четко вырисовывались низкие корпуса японских миноносцев. Из труб рваными клочьями тянулся дым: Руднев приказал держать под парами пятнадцать котлов.

Плутонговый командир мичман Губонин и командир дальномерной станции мичман Ничволодов, прозванный Графинюшкой, наблюдали за высадкой десанта с японских транспортов. На порт давно опустилась вязкая, как тина, ночь, но японцы, осветив место высадки прожекторами и кострами, не прекращали разгрузку.

— Как тебе это нравится, Мишель? Японцы захватывают Корею, а мы ровно ничего не делаем.

Михаил Ничволодов пощупал платиновое кольцо на указательном пальце — подарок невесты — и украдкой вздохнул. После возвращения в Артур он должен был отбыть в Петербург. А там — свадьба, новая жизнь. И вот...

— Неужели война?

— Нет, конечно, — с иронией ответил Губонин. — Просто японцы с некоторым опозданием завезли здешним жителям рождественские подарки. А чтобы мы не мешали их раздаче, подогнали несколько миноносцев к «Варягу».

— Ты все шутишь, Петр. А мне не до шуток. Судя по всему, я теперь не скоро окажусь в Петербурге.

— Да, я шучу! — обозлился плутонговый. — Он еще думает о своей несравненной Вареньке. Ты бы задумался о другом: как нам выбраться из этой передрыги?

— Ну это ты хватил! Японцы не посмеют атаковать нас в нейтральном порту.

— Уже посмели. «Кореец» еле ноги унес после атаки вон тех красавцев.

— А как же корабли нейтральных держав? Они не допустят этого. — Графинюшка нервно ткнул пальцем в темный силуэт французского крейсера «Паскаль».

— Меня удивляет твоя наивность. Должно быть, это от избытка графской крови. Россия для многих в этих местах как рыба кость в горле. Они совсем не против устроить нам кровопускание чужими руками.

— И все-таки ты меня не убедил. Существует международное право, честь моряков...

— Плевать хотел адмирал Уриу на право и честь.

Вот погоди, перекидает завтра «Асама» пару сотен восьмидюймовых снарядов в наш «Варяг», и ты убедишься, какому богу молится японский адмирал и какого права придерживается.

Ничволодов задумчиво помял пальцами подбородок. Похоже, Губонин был близок к истине.

— И все-таки как ты груб, Петр. Прямо как матрос.

— Конечно, куда мне до твоего аристократического поведения.

Мичманы пикировались ежедневно. Но на этот раз Ничволодов обиделся.

— Я, как и все вы, обучался в Морском корпусе. Мои дорогие предки, кроме долгов, мне ничего не оставили. Так что твой намек совершенно неуместен, даже оскорбителен!

Плутонговый смягчился.

— Не злись. Лучше проверь свои дальномёры. А то начнешь завтра рубить мне дистанцию...

— Когда это я рубил дистанцию? Ты лучше поспеши за своими наводчиками. Забыл, сколько вы на последних стрельбах перекидали снарядов в белый свет!

— Не волнуйся, не подведем! — Губонин вдруг неожиданно молодо рассмеялся. — А что, Мишель, бой так бой.

— Смотри-ка, вроде головной миноносец якорь выбирает. Не иначе японцы уходить надумали?

Оба мичмана с минуту молча вслушивались в звуки моря. Сначала они уловили стук якорной цепи, накручиваемой на штиль, потом звучный удар: якорь, как гвоздь в стену, вошел в клюз.

— Уходят! — согласился Ничволодов. — Пойду старшему офицеру доложу.

У третьего спонсона перед мичманом вынырнул комендор Алешка Козинцев. Вытянулся, цыганские глаза «по уставу» ели начальство.

— Дозвольте обратиться, ваше благородие!

— Что тебе? — С матросами Графинюшка был строгим, без вольностей.

— Мы, ваше благородие, меж собой сомневаемся. Как это понимать? Вроде и война с японцами началась, а мы отсиживаемся.

— Кто тебе сказал, что война началась?

— Своим умом дошли. Разве ж без войны минной атакой угощать станут?

— Вот я доложу вахтенному офицеру, он тебя пошлет гальюны чистить за большой ум. Тебе не рассуждать, а повиноваться по уставу положено. Понял?

— Так точно! — Алешка сумрачно посмотрел в спину мичмана, зло перекатил желваками.

— Ну, что мичман сказал? — набросились матросы на вернувшегося Козинцева.

— Он скажет! — огрызнулся комендор. — Одно слово — Графинюшка! Обещал вахтенному доложить, что много рассуждать стали... А, ладно, и без него ясно: война, братцы. Только какая-то подлая.

Козинцев и не подозревал, как он был близок к истине. Именно в это время весь внешний рейд Порт-Артура озарялся выстрелами, полосовался беспорядочно метавшимися лучами прожекторов, запоздало выскивавших неприятеля. Броненосец «Ретвизан» со скрежетом наползал на прибрежные камни. «Цесаревич» и «Паллада» оседали, заглатывая через рваные пробойны тонны воды. Русские моряки расплачивались первой кровью за беспечность царских адмиралов: эскадра прозевала ночную атаку японских миноносцев.

Опорожнив трюмы, японская эскадра в самом деле покинула Чемульпо. Но лишь для того, чтобы приготовиться к бою. Утром 27 января 1904 года командиры всех стационаров, бывших в порту, получили письмо от контр-адмирала Уриу: «Его Императорского Величества корабль «Нинава». Рейд Чемульпо. 26 января 1904 года.

Сэр! Имею честь уведомить Вас, что ввиду существующих в настоящее время враждебных действий между Японской и Российской империями, я должен атаковать военные суда русского правительства, стоящие теперь в порту Чемульпо... В случае отказа старшего из русских морских офицеров, находящихся в Чемульпо, на мою просьбу покинуть порт Чемульпо до полудня 27 января 1904 года я почтительно прошу вас удалиться с места сражения настолько, чтобы для корабля, состоящего под Вашей командой, не представлялось никакой опасности от сражения. Вышеупомянутая атака не будет иметь места до 4 часов пополудни 27 января...»

Виктор Сэнес, командир французского крейсера «Паскаль», поспешил на «Варяг»:

— Прочтите-ка, капитан, — горячо начал он, протягивая Рудневу японское требование. — Не я ли советовал вам скорее покинуть этот проклятый порт? Вот, дождались! Боюсь, что воздух Чемульпо может пагубно сказаться на здоровье вашего крейсера.

Руднев пробежал глазами послание Уриу:

— Этого и следовало ожидать.

— И что вы по этому поводу думаете?

— Думаю? — Руднев наклонил голову с широкими залысынами. — Только то, что Уриу готов на все, чтобы захватить «Варяг». Они согласны воевать даже в нейтральном порту.

— Вот именно. — Уроженец юга Франции, Сэнес был порывист и горяч. — Я удивляюсь вашему спокойствию! Все, что творит адмирал, просто возмутительно, нет — подло! Капитан, прошу вас на борт английского крейсера. Там мы обсудим сообща создавшееся положение.

На «Тэлбот» прибыли командиры всех стоявших в порту стационаров. Не было только командира «Виксбурга»: американцы открыто демонстрировали свою неприязнь к русским.

Едва Руднев вошел в кают-компанию «Тэлбота», как его догнал мичман Губонин.

— Простите, Всеволод Федорович. Пакет от японцев. Старший офицер приказал срочно переправить его вам.

Руднев извинился перед капитанами, отошел к иллюминатору. Косой луч света, пробиваясь через неплотно сдвинутые шторы, растекался по листу. Разговоры умолкли. Все неотрывно смотрели на Руднева.

— Господа! Адмирал Уриу извещает меня о начале военных действий между Японией и Россией. Он требует, чтобы «Варяг» покинул Чемульпо. В противном случае грозитесь напасть прямо в порт. Кстати, должно быть, по забывчивости адмирал не вручил нам ультиматум вчера.

До сих пор Руднев говорил спокойно. Но на слове «забывчивость» не удержался, сделал ударение.

— Почему вы так решили? — поинтересовался Бейли.

— Ультиматум датирован вчерашним числом. Кстати, как и послания вам. По-видимому, адмирал Уриу

предпочитает сначала напасть, а потом уже объявить войну.

— Надеюсь, мы не допустим этого нападения?! — вмешался Сэнес.

Бейли недовольно покосился на импульсивного командира «Паскаля». Кажется, он будет принуждать всех помочь русским. Нет, этого нельзя допустить.

— Господин Руднев, надеюсь, поймет нас. Объявление войны несколько меняет дело. Нам нужно по этому поводу поговорить конфиденциально.

— А разве то, что до сих пор делал адмирал Уриу, не война?

Бейли замялся: вопрос был поставлен слишком прямо. Прямо для человека, не привыкшего говорить правду.

Руднев не стал дожидаться ответа:

— Хорошо. Где я могу подождать вашего решения?

— Не утруждайте себя. Мы пройдем в мою каюту.

Прошу, господа.

Просторная каюта Бейли была обставлена мебелью из мореного дуба. Здесь нашлось бы чем поживиться огню, но коммодор не мог отказать себе в комфорте.

Командиры крейсеров расселись вокруг круглого стола. Бейли на правах хозяина и старшего в звании предложил:

— Прошу высказываться.

— Что тут говорить! — Сэнес порывисто поднялся со стула. — Будет в высшей степени непорядочно, если мы не напомним адмиралу Уриу о правилах хорошего тона.

Бейли вытянул губы в трубочку — упругая струя табачного дыма ударила в подволоку.

— Что вы этим хотите сказать? Уж не предлагаете ли участвовать в бою на стороне русских?

— Было бы совсем неплохо, — отрезал Сэнес. — По крайней мере я убедился бы, на что годятся мои парни. Но успокойтесь, я предлагаю совсем другое. Адмирал Уриу поджидает русских в узком фарватере. Там они обречены. Так давайте останемся с русскими в Чемульпо.

— А если все-таки японская эскадра будет атаковать «Варяг»? Не забывайте, что война уже официально объявлена! И мне бы не хотелось, чтобы в чужой драке гибли мои люди!

Но командир «Паскаля» не собирался отступать.

— Хорошо, есть иной выход. Давайте окружим «Варяг» своими кораблями, как эскорт, и выведем в открытое море.

— Но это такое же нарушение международного права. Если не ошибаюсь, у юристов оно называется пособничество. Нет, я, как командир английского корабля, не могу пойти на такое.

Сэнес обернулся к командиру итальянского крейсера «Сафира» Бореа, молча слушавшему перепалку.

— Мы ждем вашего слова.

Бореа был всем сердцем с темпераментным французом, но... что скажут в Риме?

— Господа, вы предлагаете мне разрешить вопрос, который не входит в мою сферу. Я — моряк, а не дипломат и благодарю бога, что судьба именно так распорядилась мною. Нейтралитет — вот что мне было сказано, когда я покидал гавань Неаполя.

— Это значит?..

— Это значит, что до четырех часов дня мы поднимем пар в наших котлах и покинем Чемульпо.

Бейли торжествовал: кто бы мог подумать, что этот невзрачный Бореа окажется таким крепким парнем.

— В таком случае я пойду на это один! — запальчиво заявил Сэнес.

— Не хотите ли вы сказать, что станете эскортировать «Варяг» в открытое море?

— Именно!

Бейли и этого не хотел допустить. Надо помогать слабейшим в борьбе с сильнейшим, то есть японцам против русских, и... пусть торжествует Британия. Подыскивая слова повесомей и похолодней, он сказал:

— Это ваше право, как и мое, старшего по рейду, сообщить о вашем необдуманном решении в Сеул французскому посланнику. И я совсем не уверен, что он одобрит ваше решение.

Удар был нанесен точно. Сэнес растерялся. Когда дело касалось чести, он шел напролом. Но дипломатия? Она всегда выворачивала все наизнанку. Ждать, что скажет французский посланник в Сеуле? Но на это уйдет бог знает сколько времени, а ультиматум адмирала Уриу истекает через несколько часов.

— Подумайте о последствиях, — изламывая в усмешке тонкие губы, давил Бейли. — Подобные действия чреватy международным скандалом.

И Сэнес отступил.

— Хорошо, я поступлю как все.

Коммодор облегченно откинулся на спинку стула:

— Тогда мы покидаем до начала боя Чемульпо. Остается лишь сообщить наше решение командиру «Варяга».

У Руднева ни один мускул не дрогнул на лице, когда Бейли объявил о решении совета командиров. Впрочем, ощущая враждебность англичан, хоть и старательно прикрытую маской ледяной вежливости, он ждал чего-либо подобного. Правда, была еще надежда на командира «Паскаля»...

Руднев бросил короткий взгляд на Сэнеса: тот опустил голову, пальцы нервно постукивали по поверхности стола.

— Благодарю вас, господа, — в голосе Руднева прозвучала открытая насмешка. — Вы очень любезны. Но в вашем решении нет никакой надобности. Спокойно оставайтесь в Чемульпо. «Варяг» выйдет из порта и примет бой... Не могли бы вы проводить нас до нейтральных вод?

— Это невозможно. Это нарушение нейтралитета!

У Руднева кровь прилила к щекам:

— Вы так находите? Вы же хорошо знаете, что японцы атакуют «Варяг» в узкой бухте, как свора ночных грабителей... Однако о чем я говорю? Вы не измените решения, как и мы. Прорыв!

Сэнес порывисто подошел к Рудневу. В глазах стояли слезы, рука была жаркой:

— Так могут поступить настоящие моряки. Удачи вам, и... простите Францию.

Бейли решил, что самое время ему вмешаться. Он сделал любезное лицо. Такое, какое бывает у врача, обещающего скорое выздоровление смертельно больному.

— Вы нас неправильно поняли. Мы вовсе не отказываем вам в помощи. Разумеется, адмирал Уриу получит наш решительный протест, который умерит его пыл. Смею надеяться, что «Варяг» спокойно покинет пределы Чемульпо.

— Да, конечно, — усмехнулся Руднев. — Ключок бумаги для японского адмирала будет убедительнее ваших бронированных крейсеров рядом с «Варягом». Прощайте, господа!

Коммодор Бейли сдержал слово. Протест был написан им собственноручно. О, он был полон решительных

фраз и укоров, призванных пробудить совесть японского командующего. Особенно замечательна была последняя строчка: «И будем рады слышать ваше мнение по этому предмету».

Бейли был так любезен, что сообщил японцам и о намерении «Варяга» идти на прорыв.

Вернувшись на корабль, Руднев приказал собрать всех офицеров в кают-компанию.

— Господа! — обратился он к ним. — Не буду скрывать от вас всю тяжесть нашего положения. Адмирал Уриу требует, чтобы мы покинули порт. Иначе он нас атакует на якорной стоянке. Я хотел бы услышать ваше мнение.

— Позвольте, Всеволод Федорович, а корабли дружественных нам держав?

Руднев ответил как отрезал:

— Они ничего не предпримут. Итак, я жду.

Высказывались по чину и выслуге, начиная с младшего. И все сошлись на одном — прорываться. Закончил старший офицер капитан второго ранга Степанов.

— Если останемся в порту, шансов на спасение никаких. Значит, надо атаковать неприятельскую эскадру первыми. В случае же неудачи вести бой до последнего.

— Спасибо, господа. Иного не ждал. — Руднев поднялся, дав понять, что совещание окончено. — Прошу в предстоящем бою каждого офицера быть примером исполнения долга для низших чинов. Уверен в каждом, как в самом себе. Прошу разойтись по боевому расписанию.

Но прежде чем команда стала готовиться к бою, просвистали на обед. И только после обеда выстроили всех на верхней палубе. Ветер трепал длинные ленты матросских бескозырок, топорщил воротники с белыми полосками по краям — за Гангут, Чесму и Синоп — славу русского флота. Можно ли ее посрамить?

— Никаких разговоров о сдаче не может быть! Свято помните устав Петра Великого: «Корабли российские ни перед кем не должны спускать своего флага!» Мы будем сражаться до последней возможности! Исполняйте свои обязанности точно, спокойно, не торопясь, особенно комендоры, помня, что каждый снаряд должен нанести вред неприятелю!

Говорить капитан первого ранга кончил под крики «ура!», каких не слышал «Варяг» даже во время императорского смотра в Кронштадте.

...Стрелки швейцарских часов замерли на 11 часах 20 минутах. Руднев оставался спокоен, как может быть спокоен человек, твердо решивший все для себя.

— С якоря сниматься!

Загремела цепь. Двупалый якорь с размаху вошел в клюз, вниз полетела налипшая на нем морская живность, бурые водоросли.

— Малый вперед!

Под броневой палубой две смены кочегаров принялись скармливать прожорливым топкам первые тонны угля. Разгоняя загустевшую смазку, дернулись поршни паровых машин. Шатуны, изломавшись в суставах-подшипниках, навалились на вал. Оборот. Еще оборот. Алчно зачавкали сальники. Двухметровые бронзовые лопасти винта врубались в застоявшуюся воду, стянутую масляной пленкой. Пошли! Позади, в полутора кабельтовых, в струе крейсера держался «Кореец».

На соседних кораблях грянуло «ура!». Французы на «Паскале» обвисли на леерах. На корме, сверкая звонкой медью, оркестр играл русский гимн.

— Каково, Всеволод Федорович! Так недолго и крейсер перевернуть. — В глазах Беренса чуть заметно дрожала легкая насмешка. Было в этом ликовании на «Паскале» что-то чрезмерное. Будто «Варяг» выходил не на бой с превосходящими силами противника, а выкатывался на увеселительную прогулку.

— Что поделаешь, Евгений Андреевич, французы — народ темпераментный. Будем снисходительны к ним. Это от искренности. Кстати, что они кричат, не пойму?

— Желают нам удачи.

— Удачи? Это хорошо. В нашем положении и удача пригодится. Вот и «Тэлбот».

Беренс подкрутил окуляры бинокля и увидел ровные шеренги выстроившихся на палубе английских матросов.

— Если не ошибаюсь, на переднем мостике сам коммодор Бейли...

Бейли был в своей каюте, когда ему доложили о движении русских. Коммодор вскинул брови, сказал не без удивления:

— Я полагал, что господин Руднев более благоразумен. Лезть на противника, который впятеро сильнее...

Да к тому же быть скованным в маневре... Здешний фарватер узкий, как клистирная трубка, камни и мели... Прикажите построить команду. Оркестр на бак. Придется проводить этих самоубийц.

Внутренними трапами Бейли поднялся на мостик. Старший офицер почтительно докладывал в спину:

— У итальянцев и французов — всеобщий восторг. Провожают русских как на распятие.

— Распятие? Надеюсь, в этом случае обойдется без воскрешения.

Офицеры на мостике сухо приветствовали командира. Бейли в кают-компании не жаловали: коммодор был неплохим моряком, но ему не хватало хороших манер. Лоск его был напускной, только-только прикрывавший невоспитанность. Лет сорок назад он не поднялся бы выше звания лейтенанта. Но сейчас иные времена: адмиралтейству нужны хваткие, грубые моряки, напоминающие «джентльменов удачи» времен королевы Елизаветы. Впрочем, догадываясь об отношении к себе большинства офицеров, Бейли платил им той же монетой.

— Господа, я не вижу необходимости в вашем пребывании на мостике. — Коммодор говорил отрывисто. — Прошу всех свободных от вахты разойтись.

Не поворачиваясь, Бейли откинул руку. Вестовой привычным жестом вложил в ладонь бинокль. «Варяг», оставляя за собой длинные усы бурунов, проходил мимо английского крейсера. У расчехленных орудий застыла прислуга. Жерла орудий, освобожденные от защитных пробок, пугали своими бездонными провалами. Бейли приподнял трубы бинокля, увидел стоящего на мостике Руднева. Парадный мундир, золото эполет, ордена. Коммодору вдруг захотелось увидеть выражение лица русского командира, но, как ни скрадывал двенадцатикратный бинокль расстояние, разглядеть ничего не удалось...

Бейли в досаде бросил бинокль на грудь.

— Безумцы, они действительно решились идти на прорыв!

Штурман «Тэлбота» сказал подчеркнуто сухо, ни к кому не обращаясь:

— Я посчитал бы за честь служить простым рулевым на корабле этих безумцев. Там по крайней мере не прощают подлости.

— Это ваше личное мнение?

— Надеюсь, не только. «Тэлбот» всегда славился настоящими моряками.

Это уже звучало как вызов. У Бейли от злости сплющились зрачки. Но чем сильнее он закипал внутри, тем спокойнее был внешне.

— Сомневаюсь, чтобы остальные разделяли это мнение. Впрочем, — коммодор смерил безжалостным взглядом штурмана, — впрочем, вас никто не удерживает на «Тэлботе». Пожалуйте рапорт. Что же касается настоящих моряков, то я ценю мужество, пусть даже оно и граничит с безумием. Прикажите играть русский гимн!

— Да, это определенно сам коммодор Бейли! — повторил лейтенант Беренс. — Желает счастливого плавания.

Руднев усмехнулся:

— Как это трогательно со стороны коммодора! Он ведь был так обеспокоен нашей задержкой в порту...

Он не договорил, осекся: совсем не время было злословить по поводу мнимых доброжелателей. Есть вещи и поважнее — бой! Взгляд уперся в счетчик лага:

— Прикажите прибавить еще десять оборотов.

— Есть прибавить десять оборотов!

Упругие струи дыма из труб, словно подрубленные, изломались, поползли вниз и в сторону.

— Всеволод Федорович, вижу японские корабли. Не пора ли перейти в боевую рубку? — предложил старший офицер.

— Да-да, — согласился Руднев. Но прежде чем уйти, он перегнулся через поручни мостика, посмотрел вниз, на палубу. В надраенной до зеркальности меди дробилось негреющее солнце, перекидывалась словами прислуга у орудий. Живая!

У Руднева запершило, защекотало в горле. Он вытащил платок, прокашлялся. Офицеры из вежливости отвернулись, будто ничего и не заметили.

— Идемте, господа. И пусть каждый свято выполнит свой долг.

По одному вошли в боевую рубку. В ней было тесно. Пространство со всех сторон сдавлено шестидюймовыми бронированными плитами, заставлено приборами, переговорными трубами. Ординарец Чибисов потянул на себя пластину стальной двери. Сминая резиновую про-

кладку, она плотно, как крышка табакерки, впечаталась в стену. Теперь командный пункт корабля был связан с командой хитросплетением переговорных труб, телефонами да двухметровым бронированным туннелем позади рубки — для посыльных и голосовой связи.

Через узкие смотровые щели с козырьками были видны силуэты японских крейсеров.

Наблюдатель торопливо доложил:

— Неприятель поднял сигнал: «Сдавайтесь на милость».

Мичман Ничволодов молодецкато взлетел на самую высоту — фор-марс, где находилась дальномерная станция номер два. Прежде чем припасть к окулярам дальномера, мичман скинул кожаные колпачки со стекол. Цейсовские линзы мерцали таинственным голубоватым светом. Ничволодов открыл ящик с принадлежностями, вытащил бархатку, меховые щетки — оптику обхаживали почище барышень. Выудил он и бутылку для спирта. Пустую.

У Графинюшки кровь ударила в голову. Чем протирать линзы? Одними меховыми помпошками начисто никогда не протрешь, все одно запотеют. Тогда станция станет рубить дистанцию — страх! Он лихорадочно обшарил взглядом трех матросов-дальномерщиков. Ну конечно, кто мог это сделать, как не Михеев. Ах, сволочь!

— Михеев, поди сюда!

Михеев подскочил, широко расставил ноги, лоя равновесие — на марсе покачивало.

— А ну дыхни!

— Да я...

Ничволодов не удержался, тряхнул матроса — у того только зубы лязгнули:

— Подлец!

— Да нешто я посмел бы. Выпить я горазд, правда... Но такое. Я же русский матрос.

— Ваше благородие, — перед мичманом вытянулся другой дальномерщик, — дозволейте обратиться. Пробка неплотно пригнана. Не иначе как спиртыга выдохся.

Ничволодов потрогал пробку. Качается. Бутылка, куврыкаясь, полетела с фок-мачты за борт.

— Ступай в перевязочный пункт и возьми спирту для дальномера. Скажи, я прошу. Быстро!

Михеев вернулся на станцию, осторожно, как младенца, прижимая к груди бутылку со спиртом.

— Протри линзы! — прикрикнул мичман. — Да легче, медведь косолапый. Это тебе не портовые девки — оптика!

Но Михеев на оптику уже не смотрел. Лицо его было повернуто в сторону. Голос вздрагивал от возмущения:

— Смотрите! Японцы сигнал выбросили, без боя сдаваться предлагают.

Контр-адмирал Урну ждал ответа, в волнении покусывая губы.

— Что там русские?

— Не отвечают.

Прошла еще минута. Пусто. Адмирал не поверил. Сам облазил взглядом все реи «Варяга». Да что они, в самом деле вздумали драться?

Японская эскадра по своей огневой мощи в пять раз превосходила «Варяг» и «Кореец». Но и этого мало. Японские снаряды были начинены шимозой — взрывчатым веществом, превосходящим в пять раз русский пироксилин, залитый в снаряды. Но и этого мало. На царском флоте отдавали предпочтение бронебойным снарядам с тугими запальными трубками. Такой снаряд должен был пробить броневой пояс неприятельского корабля и взорваться внутри. Японцы ставили на снаряды чувствительные запальные трубки, взрывающиеся даже от удара о поверхность моря. И они будут взрываться, осыпая прислугу и комендоров, открыто стоявших у орудий, осколочным градом. Это уже была не арифметическая — геометрическая прогрессия превосходства. И все же...

— Может быть, русские спустят флаг после первых выстрелов? И пока не делают этого из приличия?

Контр-адмирал покосился на командира «Нанивы».

— Передайте на «Асаму»: пусть дадут пристрелочный выстрел.

— Есть!

С «Асамы» ударило шестидюймовое орудие. Всплеск обозначился далеко за кормой «Варяга». Перелет.

— Что русские?

— Молчат.

Урну протяжно вздохнул. Было бы совсем неплохо

начать кампанию с захвата русского крейсера. Адмирал Того прав: такое известие не прошло бы мимо внимания божественного Тенно — императора, а имена первых победителей хорошо западают в память. Проклятое упорство русских. Ослиное. Они за него поплатятся!

— Еще один!

На этот раз японцы положили пристрелочный снаряд почти точно. Водяной гейзер вырос из-под самого борта «Варяга» и, подрезанный ветром, обрушился на комендоров третьего орудия. Алешка Козинцев вытер бескозыркой соленые капли с лица.

— Все целы? Ну, братцы, со вторым вас крещением. Жаль только, на том свете не зачтется. Поп-то японский!

На левом плутонге не удержались, грохнули. Они еще смеялись!

На мачте «Нанивы» затрепетали сигнальные флаги. Крейсер сообщал остальным судам расстояние до русских. Матросы оборвали смех. Козинцев припал к орудью, крикнул срывающимся голосом:

— Сейчас вдарят!

Залп главного калибра японской эскадры разорвал сдавленный небом и морем воздух. Часы показывали 11 часов 45 минут.

В боевой рубке спокойно. С первыми выстрелами всю суету как волной смыло: осталась трезвость мысли и холодная злость, без которой ни один бой не выиграть.

Руднев привычно одернул мундир. Тяжелые эполеты в желтом мерцании ламп отливали золотым шитьем, стойка воротника подпирала шею. Золотые ножны кортика колотились о бедро. На груди звенела колодка с орденами. Так повелось испокон. В лучшем — на парад и на смерть.

— Японцы начали, Всеволод Федорович.

— Вижу. Проследите, чтобы о всех попаданиях в «Варяг» сообщали в рубку незамедлительно. Это крайне важно.

Второй снаряд упал совсем рядом, подняв фонтан воды. В прорезь рубки — не ослышались ли? — залетел смех.

— Весело помирать собрались наши матросы.

Руднев не согласился.

— Почему помирать? Драться.

— Не пора ли и нам начинать пристрелку?

— Пора. — Руднев снял фуражку, оголив высокий, исчерченный морщинами лоб. Перекрестился. — Ну, с богом. Поднять боевые флаги!

Маленькие комочки быстро заскользили по фалам и вдруг развернулись, забились в мускулистом подхвате ветра. На «Корейце» продублировали, и вот уже корабли взывали: «К бою!»

— Эй, на дальномере! Давай дистанцию.

На раскачивающемся марсе — как в вороньем гнезде — дальномерщик Михеев вдавил глаз в присоску оптики. От волнения изображение двоилось, тело на пронизывающем ветру пробивал пот. Успевай только поворачиваться.

В паутине делений путались вентиляционные трубы «Асамы», жадно всасывающие широкими раструбами воздух. Влупить бы им под основание, чтоб задохнулись топки!

— До головного — сорок четыре кабельтовых! — крикнул мичман Ничволодов.

В боевой рубке помедлили — японские снаряды уже кучно ложились вокруг «Варяга». Потом последовала команда: «Огонь!»

Рука комендора Алешки Козинцева, подчинясь резкому выкрику плутонгового командира, послушно закрутила маховик вертикальной наводки. Хобот шестидюймовки пополз вниз, укорачивая тень на палубе. Рядом чавкнул затвор, заглатывая снаряд с красным — бронебойным — околышком. Теперь только бы не забыть, раззявить рот пошире и крепче ладонями сдавить уши.

— Огонь!

Отдача, хотя и смягченная откатником, встряхнула орудие.

— Недолет! — выругался мичман Губонин. — Ах, Графинюшка, попадись мне. Здесь же все 45 кабельтовых!

Алешка, морщась как от зубной боли, крутанул маховик на два оборота. Промах переживал почти физически, будто сам недобросил двухпудовый снаряд.

— Сейчас-сейчас, — шептал матрос, подгоняя вертикальную наводку под дистанцию. — Готово!

Заряжающий бросил новый снаряд в казенник. Стук запоров замка. Рот — шире. Лицо отвернуть от панели.

— Огонь!

На «Асаме» полетела вниз вентиляционная труба.

— Молодцы, ребята! В самую рожу адмиралу Урну заехали! — крикнул Козинцев.

— Ура-а-а!

Японский снаряд подловил всех в этом радостном крике. Разметал в щепки катер, щедро сыпанул осколками. Алешка вмялся затылком в станину, выворачивая руку — пальцы точно примерзли к механизму наводки, — стал оседать на палубу. Боль от вывернутой руки и привела в сознание. Рванул на ворота тельняшку. Шатаясь, поднялся. Из дыма вывалился мичман Губонин. Лицо известковое, прижатая к колену ладонь мяла складку брюк — меж пальцев бежала кровь. Выдавил:

— Есть кто живой? Отзовись! — И, не дождавшись ответа, повалился со стоном.

— Санитара! — Алексею казалось, что он надрылся в пронзительном крике, но из разъеденного угаром и ядовитыми газами горла вырывался бессвязный хрип.

Прибежали санитары. Мичману сунули под нос склянку с нашатырем. Он пришел в себя, сгоряча сплюнул:

— Да что ты меня как институтскую барышню! — Но сам носом, как в рюмку, — в склянку и вдыхал, вдыхал, до одурения.

— Ваше благородие, вам надо в лазарет, на перевязку, — сказал санитар, распарывая брючину на раненой ноге. — Сейчас носильщики подойдут.

— Перевязывай здесь! Козинцев, оружие цело?

Алешка потянул рукоять затвора.

— Заело.

— Давай вместе!

Губонин оттолкнул носильщиков, поднялся — откуда только силы взялись! Навалились. От нечеловеческого напряжения уплывало сознание.

— Давай!

Замок, клацнув вывернутыми запорами, открылся.

Обессиленный Губонин лег животом на палубу. Прямо в лужи крови. И, подняв голову, стал командовать:

— Козинцев, на место! Только бы не разорвало! Огонь!..

Тридцатимильный фарватер Чемульпо — узкий и извилистый. Справа — прибрежные мели, слева — гряда подводных камней. Адмирал Уриу, выбрав это место для встречи с русским крейсером, рассчитал точно. «Варягу» не сманеврировать, не увернуться от настильного залпа. Спасение в одном — в скорости. Только вперед, только в прорыв!

Стрелка машинного телеграфа мелко вздрагивала на секторе «Самый полный». В стальных внутренностях корабля надрывались черные, как тропическая ночь, кочегары. Боя они не видели. Они вообще ничего не видели, кроме облитого водой угля на совке лопаты и огнедышащих, прожорливых пастей топок.

— Как бы «Кореец» не отстал, Всеволод Федорович! — обеспокоился Беренс.

— Запросите, как у них там? — приказал Руднев.

Через несколько минут доложили:

— В «Корейца» попаданий нет. Но, кажется, они на пределе. Машины у них ни к черту.

— Беляев ни за что в этом не сознается. Он и так считает, что связывает нас по рукам и ногам. Как прорвемся, придется сбавить ход.

Японцы пристрелялись. Были попадания в борт, орудийную палубу. Шестидюймовый снаряд разорвался на марсе. Михеев чудом спасся: осколки до неузнаваемости искрошили его товарищей. Его же долю принял на себя дальномер. Когда Михеев очнулся, первое, что увидел, покоренную трубу с разбитыми чечевицами-линзами.

— Братцы, где вы, братцы? — не веря ни в свое спасение, ни в гибель товарищей, звал матрос. — Отзовитесь, братцы!

Молчание. Михеев, натываясь на исковерканное, вырванное из гнезда железо, на еще теплые осколки с режущими краями, пополз по накренившейся площадке. Вдруг ладонь ткнулась во что-то липкое, мягкое. Холодея, посмотрел вниз: то была оторванная почти по локоть рука. И на пальце этой оторванной руки поблескивало тяжелое платиновое кольцо. Больше ничего, ровным счетом ничего от Графинюшки не осталось.

С уничтожением дальномерной станции номер два «Варяг» словно на один глаз ослеп. Теперь вся надежда была на дальномерщиков первой станции. Им бы не

подкачать — бой вступал в решающую фазу, когда корабли противников сходились до минимума.

Один за другим умолкали орудия левого борта. Японские снаряды фугасного действия наносили страшные опустошения. Пожарные партии с трудом справлялись с бушевавшим огнем.

— Большие потери среди комендоров и прислуги. Есть даже раненые... щепками от разбитых вельботов! — доложил старший офицер Степанов. Он только что вернулся с палубы и теперь никак не мог унять учащенное дыхание. — Но какова крепость духа, Всеволод Федорович! Выше всяких похвал. Раненые отказываются покидать орудия.

— В мужестве матросов не сомневался, — ответил Руднев и болезненно поморщился. Сколько раз он говорил, что в современной войне прислугу надо прятать под бронзовые колпаки или хотя бы за щиты. Но в морском штабе многие мыслили еще категориями парусного флота.

— На подачу патронов встали люди из пожарных партий, — продолжал докладывать Степанов.

— Но кто будет тушить пожары?

— Матросы их сами отрядили. Сказали — справятся, а у прислуги и так много выбитых. Я разрешил.

Руднев впервые за время боя позволил себе отвлечься. Он оторвал взгляд от смотровой щели, промокнул платком вспотевший лоб и виски. Под кожей мелко пульсировала жилка. Не от усталости — ее еще не было, — от возмущения. Вспомнил вдруг, что этих матросов его предшественник, первый командир «Варяга» Бэр, смел называть быдлом! Гнусность, какая гнусность!

— Сергей Васильевич! — Руднев обернулся к старшему артиллеристу лейтенанту Зарубаеву. — Передайте комендорам. Я прошу, слышите, прошу усилить огонь...

Его оборвали — один за другим — два выкрика.

— Орудие номер три! Попадание!

— Сбит грот-марс, поврежден левый мостик! Дальномерная станция номер один разбита!

Теперь центральный артиллерийский пост ослеп на оба глаза. На орудиях оптических прицелов не было. Каждый наводчик целился по старинке — прищуриваясь. И попадали!

Санитар Мишка Ушаков скатился по переплетению трапов в самую преисподнюю — к топкам. Принюхался: если у них было попадание, то должно быть полно газов. Но нет, ничего. Видно, все уже всосало в сетки вытяжной вентиляции. Тогда можно и оглядеться.

Спины «духов» — кочегаров матово отсвечивали потом, на черных лицах блестели глаза.

— Эй, братцы, кто тут раненый?

Кочегары сновали, не обращая внимания на санитаря. От угольных ям — к топкам, от топок — к угольным ямам. И все в духоте, в спертom, прокаленном воздухе, в безвестности. Шум боя докатывался сюда так, будто кто-то огромной кувалдой молотил по листу железа. А бросать уголь надо было умеючи — подальше и поровней, чтобы бившийся в неукротимой ярости огонь на лету пожирал его, окатывал стенки котлов палящим жаром.

— Стойте же! — Ушаков, как рак клешней, вцепился в штанину пробежавшего кочегара. — Никак Семен? Есть раненые?

Семен Позднев, кочегар второй статьи, шлепнул Ушакова по плечу. На матроске отпечаталась широкая пятерня.

— Протри глаза! Пока бог миловал. В бортовую яму один снаряд залетел, да там и издох. Бинты есть? Дай-ка.

Позднев растормошил моток бинта и стал вытирать лицо.

— Очумел? — возмутился Ушаков. — Это для раненых.

— Не шуми. Сил никаких нет. Пот едучий — все глаза выело. — Кочегар оттянул красное веко, пожаловался: — Угольщики «чернослив» подсунули хуже некуда.

Ушаков широко раскрыл сумку:

— Разбирайте, братцы, если так. У вас тут как в аду!

Но Ушаков ошибался. Ад начался спустя минут десять, когда японский снаряд своротил вентиляцию в третьей кочегарке. Нагнетавший воздух мотор захлебнулся. Столбик термометра, как взнузданный, быстро пополз вверх. Пот уже не каплями — черными ручьями катился по телу. От напряжения люди падали в обморок.

— Совсем плохо! По одному — быстро наверх, —

разрешил Солдатов. — Отдышался две минуты — и вниз!

— Две минуты жирно, одной хватит!

Подъем и спуск — от минуты ничего не остается. Но — полжизни за глоток свежего воздуха.

...Семен Позднев высунулся по пояс из люка и чуть было не грохнулся вниз. От упругой свежести помутнело в голове. Матрос вцепился в комингс — порожек вокруг люка. Держись! С каждым вздохом одурь проходила. Сейчас еще глоток — и к топкам. Вдруг увидел: перевернута беседка с рассыпавшимися снарядами, а рядом пылает сброшенный с шлюп-балки вельбот. Еще немного — и взрыв.

Нет, шутишь! Мускулы пружинисто вытолкнули кочегара на палубу. Хлесткий ветер облапил разгоряченное тело, выбил озноб по коже. Ничего, сейчас станет жарко. Раскаленные головки снарядов до кости прожигали ладонь. Мелькнуло: как шуровать потом у топки с такими руками? Но отвечать даже самому себе было некогда. Еще один снаряд — и за борт. Теперь сбить пламя. Позднев обернулся, но никого из пожарной партии рядом не было. Разозлился, стащил с себя парусиновые штаны и стал хлестать ими по горящему дереву. Ноги выкаблучивали невиданный танец — ступни жгло через подошвы. По спине перекатывались мышцы, вздувая роскошную татуировку: «Помни Бискай!» Ах, не пристало русскому матросу стоять перед неприятелем в исподнем. Но если так вышло, пусть лицезреют зад!

Оттанцевав свой дикарский танец, отскочил, осмотрелся. Вроде все! Ноги в штаны, веревка — вместо пояса — затянулась морским узлом на животе. Парусина штанов тлела. Прежде чем нырнуть вниз, матрос бросил прощальный взгляд вокруг. Крейсер «Асама» корчился от попаданий. Ветер срывал пену с волн. «Кореец» шел весь в дыму.

«Кореец» в начале боя был обречен на... неучастие. Его два устаревших восьмидюймовых орудия — крупнее, чем на «Варяге», — молчали, бессильные добросить снаряды до противника. Собственно, несколько выстрелов на пределе было сделано, но снаряды легли с большим недолетом. Приходилось ждать, когда сокра-

тится дистанция. Японцы это знали и на «Кореец» не растрчивались.

На «Варяге» стреляли, умирали, тушили пожары, захлебывались в собственной крови, но дрались. На «Корейце» страдали от своей немощи. И неизвестно, кому было хуже — тем, кто жаждал боя или кто жил в нем.

Капитан второго ранга Беляев стоял на переднем мостике. Лицо его было сосредоточенно, хмуро. Оттого обильная седина казалась жестче, запавшие глаза — суровее. При каждом попадании в «Варяг» он морщился, словно ему было больно.

— Проклятая участь. Хоть бы часть огня взять на себя. Пусть безответно, но взять!

— Зачем японцам разбрасываться, Григорий Павлович? — отозвался лейтенант фон Крампт. — Они все делают разумно. Разумно и грамотно. Кто бы мог ожидать такое от японцев!

— Вас, кажется, это приятно удивило?

— Простите, Григорий Павлович, но я привык отдавать должное противнику. Готов даже уважать, восхищаться им.

— Уважать?! Восхищаться?! Адмиралом, который норовит ударить исподтишка? Нет, увольте. Эта эскадра достойна лишь одного: быть разбитой или рассеянной.

Фон Крампт не пытался даже скрыть своей усмешки:

— Похоже, получается пока наоборот. Нам еще везет, что адмирал Уриу не обращает на нас внимания.

Беляев внимательно, будто впервые, посмотрел на сказавшего это офицера. Лощен, гладко выбрит, глаза умные, замороженные. Он всегда был доволен им — порядок на судне держался безукоризненно, а вот сейчас словно что-то надломилось.

— Неужели вы не понимаете, что это гадко! — Беляев поднял голос и тотчас оборвал его: не хватало, чтобы их слышали нижние чины.

— Позвольте не согласиться с вами. Мы ведь не уклоняемся от боя.

Капитан «Корейца» ничего не ответил, отвернулся. Черт с ним! В конце концов, главное сейчас — помочь «Варягу».

«Корейцу» еще молчать минут пятнадцать. Потом ударят и его орудия.

— Снаряды, снаряды давай! — кричал комендор Прокопий Клименко.

Рядом оказался дальномерщик Мишка Михеев. Лицо — неузнаваемая маска, губы трясутся:

— Сейчас на баке всех подносчиков искрошило.

Клименко узловатыми пальцами вцепился в ворот тельняшки Михеева, тряхнул так, что у того зубы шелкнули:

— Не ныть, Мишка! Слышь? Не ныть!

Вдвоем побежали к выходу элеватора. Подъемник исправно выкинул наверх беседку. В каждой беседке, как стаканы в подстаканниках, стояли четыре снаряда — пуды металла и пироксилина. Взвалили беседку на тележку, покатали.

— Не пой! — скрежетал зубами Клименко. — Сейчас поквитаемся!

Японский снаряд рванул у самой тумбы орудия. В огненном шквале, казалось, ничего не могло уцелеть. Взрывная волна бросила старшего комендора на палубу. Сладковатый запах шимахи набился в легкие. Клименко с трудом поднялся, мотнул чугунной головой:

— Мишка, где ты?

Михеева нигде не было. Только перебитый леер змеялся на палубе. Клименко глянул за борт. Зеленые воды были изрезаны скорбными морщинами волн. По ним прыгала бескозырка Михеева. С гребешка на гребешок. Слово и не было матроса.

Клименко подавил вздох, покатаил тележку один. Но почему молчит его орудие? Не может быть, чтобы там никого не осталось в живых. Не может быть!

Может! Прислуга была поголовно выбита. На спонтоне — выступающей площадке под орудием — хлюпала кровь. Но 152-миллиметровое орудие — не чудо ли? — еще исправно. А он, старший комендор Прокопий Клименко, жив.

Прокопий вогнал снаряд в казенник. Хотел перейти к механизмам наводки, но к нему уже шел, пошатываясь, Козищев.

— У нас откатник полетел. Не повезло! Давай на наводку стану. Только учти, у меня рука перебита.

В 12.05 «Варяг» был на траверзе острова Иодольми.

— Право руля! — скомандовал Руднев и жестом подозвал лейтенанта Зарубаева. — Сергей Васильевич,

я решил ввести в дело орудия левого борта. От комендоров и прислуги жду меткой стрельбы и быстроты.

В этот момент крейсер содрогнулся от попадания крупного снаряда. Рулевой старшина Снегирев почувствовал, как ослабло сопротивление штурвала в руках:

— Перебит рулевой электропривод! Крейсер не слушается руля!

Руднев сделал невольный шаг к Снегиреву, воскликнул:

— Что?..

Этот шаг подарил ему еще одиннадцать лет жизни. Новый снаряд разорвался у основания фок-мачты, ударил осколками по боевой рубке. Пробить ее не хватило сил, но зато несколько мелких осколков влетели в проход, ведущий внутрь рубки. Они-то и наделали бед. Первым повалился матрос Иван Костин, приставленный для передачи команд. Он шагнул следом за Рудневым, на то самое место, где секундой раньше стоял командир, и был убит наповал. Другой осколок, чиркнув по лбу Руднева, впился в спину рулевого Снегирева. Командир «Варяга» обхватил руками голову, зашатался. К нему бросился Беренс:

— Вы ранены, Всеволод Федорович?

Руднев попытался отнять ладони — кровь заливала лицо. Это ослепление больше, чем сама рана, напугало его.

— Не вижу, почему ничего не вижу? — сгоряча повторил он.

— Вы в голову ранены. — Беренс платком пытался остановить кровь. — Эй, кто-нибудь, позовите врача из лазарета!

— Отставить! Там ранены! — Руднев уже пришел в себя. Единственное, что он себе позволил, это опуститься на принесенный откуда-то стул. — Дайте мне платок, Евгений Андреевич, я сам... Вы приказали перейти на ручное управление? Скорее, не медлите, возможно, придется управлять через румпельное отделение... Какие потери в рубке? Почему не докладываете?

У Беренса надломился голос:

— Трое убитых.

Руднев с трудом осмотрелся. Лампочки аварийного освещения тускло отражались в меди помятых переговорных труб. Тумба нактоуза расколота, пол, стены забрызганы кровью. Командир крейсера усилием воли заставил себя стряхнуть оцепенение, думать о глав-

ном — бое и израненном, терявшем управление «Варяге». Ведь впереди были камни Иодольми.

— Лево руля.

В рубке напряженно ждали, когда видневшийся в смотровые щели гюйсшток крейсера отвернет в сторону. Но «Варяг» продолжал накатываться на камни. Беренс бросил быстрый взгляд на стрелку аксиометра: она давно повернулась влево — значит, что-то случилось и с ручным приводом.

— Я в центральный пост!

Все напряженно ждали старшего штурмана. Беренс вернулся, доложил.

— Оказывается, в румпельном отделении из-за выстрелов не слышали команды. Но теперь все в порядке.

— В порядке? Еще немного, и мы выскочим на эти чертовы камни.

— Видимо, нас сносит течением.

— Прибавьте на левый винт еще обороты. — Руднев тяжело поднялся со стула, вышел на середину рубки. — Впрочем, уже не успеем, распорем днище. Стоп, машина. Задний ход!

Беренс с Зарубаевым тревожно переглянулись. Наступало самое страшное: «Варяг» превращался в почти неподвижную мишень для японских орудий. Но иного выхода не было.

— Всеволод Федорович, — обратился к Рудневу Зарубаев, — разрешите уйти на палубу, к орудиям левого борта? Сейчас там будет ад кромешный.

Руднев хотел было удержать старшего артиллериста «Варяга», но в последний момент передумал: близился тот момент боя, когда не команды из рубки, а личное мужество и отвага во многом решали дело. Зарубаев это понял.

— Ступайте и... берегите себя, — разрешил Руднев.

В это время в рубку прибежал санитар Мишка Ушаков. Вытянулся по-уставному — и с неожиданной смелостью:

— Надо перевязаться, ваше превосходительство.

— Ступай, братец, кровь уже не течет.

— Никак нет, дюже течет, — настойчиво повторил Ушаков.

Руднев пристально посмотрел на санитаря. В который раз он за сегодняшний день убеждался: матросы не просто выполняли свои обязанности, а делали все с

какой-то доселе незнакомой радостью и основательностью.

— Ладно, перевязывай, — сдался Руднев. — Только быстро.

— Я скоро, — засуетился Ушаков. — Мы привычные. Нас доктор по-научному научил перевязывать. Будете как новый. А то матросы сомневаются. Говорят — убитый!

— Что? И молчали!

Руднев как был — в распахнутом, забрызганном кровью мундире, с волочившимся сзади шлейфом бинта — кинулся к выходу на боковой мостик.

— Куда, убьют! — ахнул Беренс.

Но Руднев уже сворачивал задрайки, толкая бронированную дверь. Внизу, на развороченной снарядами палубе, вокруг орудий суетились матросы. Командир «Варяга» наклонился — голос задрожал от напряжения.

— Братцы, я жив! Целься вернее!

Командоры и прислуга увидели Руднева, закричали:

— Братцы! Всеволод Федорович жив! Целься вернее! Ура-а-а!

Орудия заговорили с новой силой.

Руднев вернулся в рубку. Сказал Ушакову устало:

— Заканчивай свою перевязку. Потом вон Чибисова перевяжи. Упрямится, в лазарет не хочет идти.

— Пока жив, вас, ваше благородие, не покину, — подтвердил ординарец, прижимая к груди раненую руку.

— Мигом перевяжу. — С ранеными Ушаков был щедр на слова, боль заговаривал. — Вот только в лазарет слетаю, бинты возьму. А то все вышли.

Руднев надел фуражку поверх бинта. Подумал мельком: «О бинтах говорит как о снарядах. Вышли. А впрочем, оно и правильно. Каждый на свой манер воюет».

«Варяг» был в критической точке. Отвалив от мелей Иодольми, он стал делать левую циркуляцию. Орудия правого борта, выведенные за предел угла обстрела, замолчали. Левые же еще не могли открыть огонь. Длилась эта ситуация совсем недолго, всего несколько минут, но это были те минуты, после которых в волосах пробивается седина.

— Если «Кореец» нас не выручит, достанется, — напряженно сказал Беренс.

«Кореец» как мог выручал крейсер. Два его восьми-

дюймовых орудия с невероятной быстротой выкидывали в сторону японцев тяжелые снаряды. На «Нийтаке» были отмечены два попадания. Однако адмирал Уриу был упорен. Вот по фалам японского флагмана поползли сигнальные флаги, и тотчас же из-за строя крейсеров выскочила свора миноносцев. Минная атака! Но на этот раз японцам не удалось опустошить трубы торпедных аппаратов. Первым же залпом «Варяг» и «Кореец» разворотили борт левого миноносца. Японец сразу вильнул в сторону, пытаясь выброситься на берег. Поздно! На мгновение показалась корма с бешено вращающимся винтом, потом все как провалилось. Лишь вода, вспузыренная поднимающимся из глубины воздухом, долго еще кипела на этом месте. Остальные миноносцы не рискнули атаковать русских в узкой протоке, повернули назад под прикрытие основных сил.

На правом борту «Варяга», вывернув до предела механизм горизонтальной наводки, старший комендор седьмого орудия Федор Елизаров ждал, пока японцы войдут в сектор обстрела. Вот прицел скользнул по корме удирающего миноносца, подкрался к следующему.

— Федор, пора! — торопили комендора товарищи. Но Елизаров медлил. У него была своя цель — «Асама». В панораму прицела наконец медленно вполз полубак, придавленный многотонной массой башни главного калибра.

— Вот теперь время! Огонь!

Это был тот самый выстрел, который сбил с роликовых подшипников башню японского крейсера. «Асама» как поперхнулся — замолчал, стал вываливаться из строя.

Японский снаряд, пробив борт «Варяга» ниже ватерлинии, разорвался в угольной яме. Россыпи угля задушили взрыв, но все же подводная пробоина получилась страшная: расгерзанный металл завился лепестками гигантского лотоса. Такую пробоину быстро не заделаешь.

Поток воды побежал по кочегарке. В соседних отсеках с хрустом стали задраивать люки и горловины: в силу вступал жестокий закон непотопляемости, когда ради спасения корабля все намертво отгораживались от поврежденной части корпуса. А в это время стар-

ший офицер Степанов, не обращая внимания на обстрел, бежал вдоль левого борта. Изредка он останавливался, перегибался через леерные стойки. Наконец увидел, что искал, — kloкочущий водоворот, проваливающийся под днище. Степанов разогнулся:

— Водяная тревога! Авральную команду наверх!

Обдирая в кровь ладони, матросы подавали под пробоину полотно пластыря. Давлением воды его тут же вспучило и продавило внутрь. Закупорились! Однако воды успели наглотаться немало. И еще глотали, то ли через несколько слоев прорезиненного брезента-пластыря, то ли через другие, необнаруженные пробоины. В трюмах, прокрутившись несколько раз вхолостую, заработали помпы. Воду кидали за борт, как кровь из сердца, — толчками.

Старший офицер белоснежным платком протер запотевший обод фуражки, поднял глаза на тяжело дышавших авральщиков. Оставшись без дела, они чувствовали себя неудобно, переминались с ноги на ногу.

— Спасибо вам, ребята, — с чувством сказал Степанов. — Славно сладили. А теперь вниз, быстро!

Тяжелораненый скончался прямо на операционном столе. Четвертый за время боя. Банщиков прикрыл простыней тело, сказал устало:

— Отнесите.

Умершего понесли в помещение бортового торпедного аппарата, где у священника Руднева, однофамильца командира «Варяга», была походная церковь. Санитар тем временем плеснул воду из ведра, стал смывать кровь со стола.

Банщиков, пользуясь минутой, сел, смежил веки. От напряжения мелко вздрагивали пальцы. «Плохо, — подумал он. — Надо взять себя в руки». Чтобы отвлечься, стал прислушиваться к шуму боя, который и воспринимал-то между перевязками; пока одного отнесут, другого положат. Японцы с завидной последовательностью колотили по крейсеру. Дополнительный перевязочный пункт, который развернули по настоянию младшего врача «Варяга» в носовом кубрике, оказался в самом пекле. Просто чудо, что сюда еще не залетел ни один снаряд.

— Готово, ваше благородие, — доложил фельдшер Кукушинский.

На этот раз ранение оказалось легкое. Матрос, скрившись от боли, виновато оправдывался:

— Я бы того, сам не потревожил... В голове помутилось — вот и притащили.

Над самой притолокой что-то грохнуло. Кукушинский вздрогнул, уронил пинцет. Банщиков досадливо поморщился, бросил раздраженно:

— Не отвлекайтесь!

— Вы меня побыстрее перевяжите. Мне к ребятам надо, — просил раненый.

— Держите ему руку. Крепче. Сейчас, братец, тебе больно будет, терпи.

— Гарью пахнет, — заметил фельдшер. — Не иначе пожар на верхней палубе.

И вправду, у Банщикова от дыма стали слезиться глаза. Он с трудом закончил перевязку, мельком взглянул на раненого:

— Ну как ты, братец?

— Как новый, ваше благородие.

— А чего плачешь?

— Это я от дыма, не от раны, — торопливо стал объяснять матрос, испугавшись, что его оставят в лазарете.

— Ладно, ступай на палубу, все равно убежишь. Кукушинский, дай ему спирту, чтоб очухался поскорее. И, черт возьми, кто-нибудь догадается включить вентиляцию?

— Включена, ваше благородие.

— Включена? А почему заслонки с вытяжных рожков не скинуты? То-то. Эй, несите следующего.

Руднев тревожно смотрел на кренометр. Стрелка в виде адмиральского якоря угрожающе сползала в сторону. «Варяг» продолжал крениться левым бортом, теряя остойчивость.

— Сколько, по-вашему, мы приняли воды, Евгений Андреевич?

— Трудно сказать. Думаю, не меньше 30 тонн. Хуже другое, она продолжает прибывать. Так недолго и перевернуться.

— Возвращаемся, — решил Руднев. — Подлатаем-ся в Чумульпо и снова в прорыв. Как электропривод, не исправили еще?

— Нет, Всеволод Федорович, идем на ручном.

— Починимся. Японцам тоже от нас досталось.

В рубку не вошел, ввалился старший офицер. Взглянул на кренометр и сразу все понял:

— Возвращаемся?

— Да!

— Японцы флаг сбили...

Перебитый осколком фал хлестал по воздуху. Андреевский флаг скользнул с гафеля грот-мачты и, подхваченный порывом ветра, полетел в воду. Боцман-мат Петр Оленин, часовой у флага, закричал:

— Братва! Флаг сбило! Японцы подумают — сдаемся!

— Как же, подумают! — Подскочивший сигнальщик Казарцев погрозил кулаком в сторону неприятельской эскадры. — Давай за новым флагом к боцману.

— Не могу я пост оставить.

Сигнальщик махнул рукой и, припадая на раненую ногу, сам побежал за флагом. Вернулся, бережно прижимая огромное полотнище к груди:

— Крепи скорее.

Боевой флаг развернулся, забился в дымных просветах. Петр Оленин, как и положено при подъеме флага, вскинул винтовку на караул. Только держал он не по уставному, не за приклад. Вины его в том не было: приклад давно был расщеплен осколком и отломан за ненадобностью.

Адмирал Уриу приказал прекратить огонь и поднять сигнал «Поворот все вдруг». Русские уже втягивались во внутренний рейд Чемульпо, и неточно выпущенный снаряд мог угодить в нейтральный корабль. Новых осложнений адмирал не желал. Достаточно было одного — с «Варягом».

Русские отвечали еще несколько минут, разворотив напоследок мостик на концевом крейсере, и тоже умолкли. Бой закончился. Над бухтой повисла тишина. Строго говоря, тишины не было: внутри кораблей стучали машины, вдоль бортов стонали расшатавшиеся плиты броневого пояса. И все же без выстрелов это казалось именно тишиной...

Адмирал Уриу спустился в каюту, расстегнул мундир. В дверь постучали. Вошел Танака, начальник шта-

ба четвертой эскадры. Почтительно склонил голову. Уриу вздохнул, пальцами пробежал по пуговицам мундира: доклад о потерях и повреждениях, нанесенных императорскому флоту, надлежало слушать одетым по форме:

— Итак?

Известия были неутешительными. Можно было представить, как зло станет усмехаться адмирал Того, читая сегодняшнее донесение. Вместо захваченных кораблей — разрушения на собственных! Но странно, эта мысль, которая в любое другое время надолго бы заняла Уриу, почти не огорчила его. «Какое счастье, — думал он, слушая донесение о потерях на «Асаме», — какое счастье, что я не перенес свой флаг на этот несчастный крейсер!»

Адмирал вспомнил, с каким трудом он отказался от этой мысли. Чего бы он добился, ублажив свое тщеславие? Был бы вместе с капитаном «Асамы» размазан разрывом русского снаряда по стенам рубки. Воистину своим спасением он обязан Куниси. Ведь именно потому, что он не пожелал расстаться с его картинами, он остался на «Наниве».

— Крейсер «Асама» должен стать в сухой док, — докладывал Танака. — Несколько подводных пробоин, сбита носовая башня с двумя восьмидюймовыми орудиями. Команда подвела под пробоины деревянные щиты, но при свежем ветре...

— Если я сейчас отправлю «Асаму» в док, с чем мы останемся, когда этот проклятый крейсер снова рванется на прорыв? — перебил своего начальника штаба Уриу. — Или вам напомнить еще о «Такачихо» и «Чиоде»? Разве они сидят на ровном киле и не коптят небо, как угольщики... Кстати, вы обратили внимание на скорость этого «Варяга»? Следует расстрелять нашего человека, который сообщил о неисправностях в котлах русских. С такими неисправностями так не бегают!

— Думаю, русские получили такие повреждения, что мы и без «Асамы» с ними справимся. Это будет почетнее. Мы сами, без помощи адмирала Того.

Танака усилил голосом последнюю часть фразы, деликатно напоминая, что тяжелый крейсер был придан эскадре по настоянию адмирала Того. Но, к его удивлению, Уриу, не любивший главнокомандующего флота,отреагировал совсем иначе, чем он рассчитывал.

— Нет, нет и нет! — решительно объявил он, три-

жды опуская ладонь на подлокотник кресла. — «Асама» будет при мне до конца операции. В конце концов, у крейсера остались два кормовых восьмидюймовых орудия. А это немало! И потом, вы серьезно думаете, что мы смертельно ранили зверя?

Начальник штаба неопределенно пожал плечами:

— Наблюдателями отмечено много попаданий в русский крейсер. Да и уходил он с заметным левым креном. Если господин адмирал изволит знать мое мнение, то надо нападать немедленно, не дожидаясь истечения времени ультиматума. Кто знает, что еще придумают русские?

Адмирал вместо ответа вытащил из кармана часы, щелкнул крышкой. Часы были немецкие, но сделанные для японского рынка — играли первые такты императорского гимна.

— Час пятнадцать! Не так уж и много осталось до четырех. Однако оставьте меня одного, я подумаю над вашими словами...

В 1 час 15 минут «Варяг» отдал левый якорь рядом с тем местом, откуда уходили в бой. На верхней палубе «Тэлбота» в полутора кабельтовых стояли английские матросы. На этот раз они ничего не кричали: молча, с почтительным страхом рассматривали изуродованное тело крейсера.

Руднев, как только ноги перестали ощущать привычное вздрагивание палубы, велел Зарубаеву:

— Сергей Владимирович, поторопитесь расставить оставшуюся прислугу к орудиям. Думаю, что адмирал Уриу не станет тревожить нас раньше четырех часов, но кто знает? Кстати, какие потери среди прислуги?

Зарубаев, только что вернувшийся с верхней палубы, покачал головой:

— Почти половина выбита, и многие, кто остался в строю, раненые. Впрочем, оставшихся нетрудно будет расставить к орудиям. Людей с избытком.

Руднев удивленно посмотрел на лейтенанта:

— Как это понять?

— Я только что обошел все батареи. Из двенадцати шестидюймовых орудий исправны только два, из двенадцати семидесятипятимиллиметровых — пять. Все сокрасемимиллиметровые орудия непригодны к стрельбе.

— Вы... не ошибаетесь? Часть орудий можно исправить?

— Минут через десять смогу доложить определенно. Но, откровенно говоря, на многое рассчитывать не приходится. Полетели накатники и компрессоры.

Руднев пошатнулся. Слабость подкралась неожиданно, мягко заволакивая сознание. Пришлось до боли стиснуть зубы, справляясь с проклятым бессилием, сдерживая дыхание.

— Ну что ж, будем сражаться с чем есть... Идите, лейтенант, и сделайте все, что можно...

Но сражаться так и не пришлось. Пришел Степанов с потухшими глазами:

— Еще несколько пробоин ниже ватерлинии обнаружили, Всеволод Федорович. В горячке не заметили. Помпы на полной мощности, но вода прибывает.

Вот в этих простых, сказанных бесцветным голосом словах старшего офицера и был смертельный приговор «Варягу». И Степанов, выговаривая их, и Руднев, слушая, ясно понимали, что это так: крейсер, заполняясь водой, проседал, исчерпывая с каждой минутой то, что в корабельной науке называлось запасом плавучести. Остановить этот поток воды мог серьезный ремонт, на который не оставалось времени. В четыре часа — как грозил в ультиматуме Уриу — в порт должна была войти вся японская эскадра, чтобы захватить «Варяг». Стационары ее уже ждали и разводили пары, чтобы вовремя убраться из Чемульпо.

— Будем взрываться! — решил Руднев. — Надо перевести команду и раненых на соседние корабли. Да, придется договариваться с коммодором. Велите спустить катер.

— Откуда?! У нас не осталось даже целой шлюпки. Все в решето.

— Есть катер! — неожиданно объявил Беренс. — Капитан Сэнес на подходе.

Катер французского командира левым бортом прыгнул не смогли: все стрелы были изогнуты, и трап не удалось спустить. Пришлось катеру обойти крейсер, приткнуться к правому трапу. Сэнес проводил почти-тительным взглядом тяжелое прорезиненное полотно пластыря, которое было впрессовано напором воды в пробоину. Даже поперечные рей, прикрепленные для прочности к внешней стороне пластыря, прогибались.

На катере Сэнеса Руднев отправился на «Тэлбот»,

чтобы уведомить коммодора Бейли о намерении взорвать крейсер.

— Очень печально видеть гибель такого крейсера, как «Варяг», — пряча глаза, сказал англичанин. — Впрочем, мы готовы принять на борт команду и раненых. Без оружия, разумеется.

Руднев сухо поблагодарил коммодора и откланялся. На «Варяге» в кают-компании его уже ждали офицеры. Последним пришел Банщиков, вытащил из портсигара папироску, попытался зажечь спичку — не получилось:

— Простите, Евгений Андреевич, не могли бы вы чиркнуть спичку? Пальцы дрожат. — Банщиков улыбнулся Беренсу: улыбка получилась кислой, совсем непохожей на прежнюю, бравую, к которой привыкли в кают-компании. Даже усы, лихо торчавшие стрелами, сейчас вяло свисали.

— Досталось? — сочувственно спросил Беренс.

— Четверо прямо на столе умерли. Да, такое никогда не забудешь... Что-то я Графинюшку нашего не вижу?

— Как, вы разве не знаете? Мичмана... прямым паданием...

— Вот как... — Банщиков втянул щеки, раскуривая папироску. — Мир праху его... Что, скоро пойдем на прорыв?

— Не терпится?

— Успеть хочу переодеться. Весь мундир в крови. Верите ли, через хирургический фартук пропиталась.

Беренс пожал плечами:

— Никак не удастся. В офицерских каютах пожар был — все сгорело. Вон машинный бог, — Беренс кивнул на трюмного механика Солдатова, — на что уж чистюля, а весь в масле ходит — подойти страшно. Не во что переодеться.

Вошел Руднев, кивком приглашая всех сесть.

— Господа, не стоит говорить об уроне, нам нанесенном. Вы его знаете. Продолжать бой нет никакой возможности. Правом, мне данным, я решил «Варяг» взорвать, чтобы он не достался врагу. Но прежде чем сделать это, я хотел бы выслушать ваше мнение.

Минута была такая, что не каждый имел силы вымолвить «да»; иные просто опускали голову в знак согласия, иные лишь шевелили губами. Последним «да» сказал Беляев — за «Кореец». Ему было труднее всех:

взрывать приходилось корабль, не получивший серьезных повреждений, с исправной артиллерией.

— Господа офицеры, нам не придется краснеть перед своими соотечественниками. Мы честно выполнили свой долг. Война же только начинается, и, думаю, у нас еще будет возможность расплатиться с неприятелем за ваш «Варяг». — Руднев помедлил, давая возможность офицерам окончательно стряхнуть с себя опеменение. — Прошу проследить за тем, чтобы на иностранные суда в первую очередь перевезли раненых. Григорий Павлович, вам придется начать первым: надо подготовить «Кореец» к взрыву к трем часам.

Беляев тяжело поднялся:

— Будет исполнено.

Беренс нашел Руднева на мостике.

— Всеволод Федорович, беда с матросами. Отказываются покидать крейсер без оружия.

Руднев не сразу вышел из глубокой задумчивости:

— Что вы сказали? Отказываются? А вы не находите, Евгений Андреевич, что это очень характерно? После такого боя люди прониклись уважением к себе.

— Возможно. Но сейчас это мешает посадке на шлюпки.

— Так объясните им это.

Беренс ответил не сразу.

— Ни я, ни старший офицер этого сделать не могут. Матросы вас... требуют.

Руднев только тогда понял, отчего штурман «Варяга» запнулся. В царском флоте слово «требуют» с нижними чинами не соединялось. Это воспринималось как бунт. Но здесь было нечто иное. Даже не потому, что крейсеру оставалось жить считанные часы. После боя что-то сломалось в привычном механизме взаимоотношений между кубриком и кают-компанией.

Это было открытие. И, как всякое открытие, оно, разумеется, было сделано не всеми. Но те, кто сделал его, уже никогда не могли вернуться к старому, привычному восприятию службы, когда команда рассматривалась лишь как одушевленный придаток к кораблю.

Матросы толпились у трапа, когда в сопровождении штурмана появился Руднев.

— Смирно! — запоздало крикнул боцман.

— Вольно! В чем дело? — спросил Руднев, строго

оглядывая строй. Однако эта строгость никого не пугала: матросы знали, что за ней стоит.

Шеренга изломалась. Матросы вытолкнули вперед Алешку Козинцева.

— Ваше высокоблагородие! — начал тот. — Нам приказали покидать «Варяг» без оружия. Как же можно! Мы в плен идти не хотим.

— Никто в плен идти не собирается. Все мы вернемся в Россию.

— Без «Варяга» и оружия?

Руднев обвел быстрым взглядом расстроенные лица, сказал жестоко:

— Без «Варяга» и оружия! Но зато у нас останется возможность вернуться на родину и получить в руки куда более грозное оружие, чем винтовка, с которой нас не возьмут на стационары. Все ясно?

— Все!

— А раз ясно, то исполнять! Евгений Андреевич, прошу вас, продолжайте посадку людей на шлюпки.

Около трех часов пополудни гигантский взрыв разорвал на части изношенный корпус старика «Корейца». Мачта и часть обшивки, подброшенные огромной силой, врезались в воду в нескольких десятках метров от «Виксбурга». Американские матросы, высыпавшие на палубу полюбоваться занятым зрелищем, шарахнулись от борта.

— Все, вот и нет нашего «Корейца», — печально сказал Банщикова.

Стоявший рядом Беляев отчужденно посмотрел на младшего врача, сказал, запинаясь, выталкивая из себя слова:

— Вам что, нечего делать?! Нашли зрелище! Ступайте к раненым!

Банщикова не обиделся, лишь покачал головой и ушел.

Не прошло и десяти минут, как с английского крейсера прибыл офицер с протестом: командиры стационаров требовали от Руднева, чтобы он не взрывал, а топил «Варяг».

— Господин капитан, — пояснил англичанин, испуганно поглядывая на исковерканный боковой мостик крейсера. — Если «Кореец» лишь по счастливой случайности не задел американский крейсер, то можно ли

ожидать подобной «любезности» от «Варяга», чьи артпогреба куда более вместительны, чем у несчастной канонерской лодки?

Руднева передернуло от тона англичанина. Он отвернулся. Они и здесь подставили ему ножку. Потопленный корабль — не взорванный, его можно поднять. Но приходилось подчиняться. Не оборачиваясь, Всеволод Федорович холодно ответил:

— Хорошо, мы не будем взрываться. Передайте коммодору Бейли, пусть он не трясется за себя и за свой крейсер.

В 3 часа 30 минут на «Варяге» были открыты кингстоны. Море с ревом устремилось в отсеки крейсера. Спустя двадцать минут, удостоверившись, что все люди покинули помещения, Руднев на французском катере отошел от борта корабля. Команда крейсера — здоровые и легкораненые, перевезенные на стационары, — вышла на их палубы проводить «Варяг» в последний путь. Все стояли молча, обнажив головы. Многие плакали. Порывистый ветер быстро сушил слезы, оставляя на испачканных угольной пылью и пороховой гарью лицах чистые дорожки. Но ни слез, ни этих извилистых дорожек на впалых щеках никто не стыдился...

«Варяг» медленно кренился на левый борт. На юте вновь стал заниматься пожар. Огонь лизал палубу, разбитые шлюпки. Изредка слышны были разрывы: это огонь находил нетронутые беседки с патронами.

В 6 часов 10 минут крейсер лег на борт и затонул.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОДВИГУ

Японцы первыми открыли огонь в 11 часов 45 минут. Русские последними завершили его в 12 часов 45 минут. Весь огненный бой, таким образом, длился один час.

Потрясенная Европа по справедливости станет величать варяжцев героями. Но в этом будет свой особый, «европейский» привкус, граничивший с непониманием того, что заставило русских моряков поступить именно так. С точки зрения здравогомыслящего человека, дерзкая попытка русского крейсера была заранее обречена на неудачу. «Варяг» не уклонился от боя, первый атаковал противника. Это было непонятно. И как часто бывает, когда в Европе что-то остается непонятым в России, это будет просто-напросто отнесено в разряд

«загадочной души» русских. Между тем герои «Варяга» тайн никаких не делали, открыто объясняя, в чем они черпали свое мужество, — в любви к Родине. Этим и можно объяснить тот поразительный факт, почему именно русский и советский флот знает множество примеров, подобных подвигу «Варяга», тогда как всякий другой флот — лишь единицы.

Официальная Россия устроила героям пышную встречу. Для участников боя были учреждены медали «За бой «Варяга» и «Корейца». В 1905 году матросы из расформированного экипажа «Варяга» принимали участие в восстаниях на броненосцах «Потемкин» и «Георгий Победоносец»; на крейсере «Очаков»; в 1906 году готовили восстание в Кронштадте; в 1917 году брали Зимний.

Всеволод Федорович Руднев за мужество, отвагу и умелые действия в бою был награжден орденом св. Георгия 4-й степени и произведен во флигель-адъютанты. В 1905 году уволен в отставку в звании контр-адмирала. Последние годы Руднев жил в своем имении в Тульской губернии. Тосковал по морю. В 1913 году он умер.

...В 1918 году в штаб обороны Петрограда вошел высокий, подтянутый человек. Беглого взгляда было достаточно, чтобы сказать, что он «из бывших» — кадровый офицер. Да он и не скрывал этого в своем наглухо застегнутом морском кителе со споротыми погонами и следом от орденов, на месте которых сиротливо висела всего лишь одна медаль. Человек представился:

— Капитан первого ранга Беренс, бывший военно-морской атташе в Италии.

У сидевшего за столом матроса при одном упоминании офицерского звания стали нервно дергаться веки. Пальцем ткнул в медаль:

- Почему не сняли?
- Дорожу.
- Царской наградой?
- Не царской — народной.
- Это как?
- Смотри сам.

Матрос не поленился, поднялся. На медали было выбито: «За бой «Варяга» и «Корейца» 27 января 1904 г.». Жесткое лицо матроса просветлело:

- Какое отношение к «Варягу» имеете?
- Имел честь быть на крейсере старшим штурманом.

«Варяг» был отличной рекомендацией, Беренсу поверили. Штурман легендарного крейсера стал первым начальником Морского генерального штаба, а в 1919 году — командующим морскими силами республики.

Из офицеров «Варяга» Беренс был не единственный, кто перешел на сторону Советской власти. В 1918—1919 годах командовал морскими силами Балтики С. В. Зарубаев. В годы гражданской войны был военным врачом М. Л. Банщиков...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Осенью сорок пятого к профессору Викентию Ивановичу Южинцеву зашел проститься бывший его аспирант Георгий Андреевич Белов, назначенный директором Терновского заповедника. В войну Белов был разведчиком. За два месяца до Победы был тяжело ранен, долго провалялся по госпиталям.

Викентий Иванович, высокий тощий старик с крупной лысой головой, усыпанной родимыми пятнами, встретил Белова в университетском вестибюле и повел к себе, на второй этаж, по коридору мимо застекленных шкафов, на полках которых белели кости и черепа разных животных.

Выглядел Белов изможденным (пять месяцев и четырнадцать дней на больничной койке!), но в болезненной слабости его вряд ли кто-нибудь мог бы заподозрить. Тщательно отутюженный, наглухо застегнутый китель, два ряда орденских планок, начищенные хромовые сапоги... Неглубокая морщинка между бровей, чистый лоб, строгие глаза и седина в темных волосах. Слишком ранняя. Вряд ли больше тридцати бывшему разведчику. Таким увидел его после долгой разлуки Южинцев.

— Да, коллекция!.. — сказал Викентий Иванович. — Как видите, не разрослась — война!.. Собственно, и это удалось сохранить чудом. Много погибло. В сорок первом вон там, — он кивнул в сторону

окна, — разорвалась фугасная бомба... Впрочем, есть и кое-что новенькое... — Открыв один из шкафов, профессор снял с полки еще не пожелтевший череп с зияющим отверстием в лобной части, как видно, очень тяжелый. — Экземпляр приобретен всего месяц назад.

— Отличное попадание, — хмуро заметил Белов.

— Постарались ради, так сказать, исключительности случая. Не догадываетесь, какого? Это тигр туранский, добыт в низовьях Амударьи. И есть такое предположение, а лично у меня, увы, печальная уверенность, что он... последняя особь подвида.

— Свершилось все-таки... — Взяв череп у профессора, Белов задумчиво уставился в провалы глазниц. — А как же то?.. Помните, ваша журнальная статья? «Пощаду туранскому тигру!» Тридцать девятый год, ведь вас тогда послушались...

— Поздно! В ареале оставалось пятнадцать или шестнадцать особей, когда последовал запрет на охоту. Да и какой там запрет? Пустой звук. Все эти годы в мире слишком много стреляли... А кстати! Я, в свою очередь, помню об одной вашей статейке. Ну, вы-то обратились прямо к широкой публике. «Вечерняя Москва», весна сорок первого. Не постеснялись и название «стибрить» у профессора: «Пощаду амурскому тигру!» И какие отклики, какое возмущение! «Вот до чего докатились оторванные от жизни кабинетные горе-ученые! Защищают вредителя!» И вывели вас на чистую воду.

— Тем дело и кончилось... Скажите, Викентий Иванович, а как теперь там?

— Примерно так же, как было в сорок втором в дельте Амударьи. На всю Уссурийскую тайгу, может быть, полтора десятка тигров. А какое равнодушие!

— Этого, кажется, и здесь хватает. Не далее как сегодня мне вместе с назначением пытались вручить некую могучую бумаженцию — предписание организовать изготовление чучел зверей для сельскохозяйственной выставки. Задумано, в частности, создать живописную группу: тигр с тигрицей и с ними два тигренка. Очень удивились, когда я заявил, что мне, как директору заповедника, не пристало участвовать в такой затее.

Вернув череп тигра на место, профессор пригласил Белова в свой кабинет — тесноватое, с одним высоким окном помещение; по стенам зоогеографические карты, в углах опять шкафы с костями.

— Как говорится, присядем на дорожку. Когда едете?

— Сегодня. К первому снегу успеть хочется.

— В добрый путь, в добрый путь...

Задумавшись, Белов засмотрелся в окно. Там, внизу, из подъезда высыпала молодежь. Многие парни — в военном. Две-три книжки засунуты за широкий ремень или за отвороты шинели — вот они, студенты первого послевоенного набора...

— А нужны вы все-таки не за десять тысяч километров, а здесь, — как бы издалека донесся голос профессора. — Должность на кафедре, перспективы... Господи, да ведь у вас почти законченная диссертация!

— Вы опять, Викентий Иванович, оставьте. Все я позабыл.

— Мой лучший ученик?! Вздор, не верю. Устали — это понятно. Но впасть в отчаянье, метаться... Не похоже на вас, не похоже! Вы, редкостный систематик, и вдруг — в глушь. Там у вас не будет даже книг порядочных. Один, без информации, без общения с коллегами, добровольное одичание!

Белов с едва приметной усмешкой взглянул на учителя.

— Я не совсем правильно выразился, — примирительно сказал он. — Забыл, да, многое, но не в этом суть. Просто то, чем я занимался раньше, отошло на второй план, перестало быть главным. Переменился, теперь на уме другое... Уж чего греха таить! Зоологи предпочитали и предпочитают заниматься изучением костей, а на практике, в общении с живой природой довольствуются буквально крохами. Конечно, экспедиции, командировки... Мало этого; взглянешь мельком — и домой... А между тем именно исчерпывающая информация, я уверен, могла бы предотвратить такое, например, несчастье, как гибель целого вида. Вот сегодня с лица земли исчез туранский тигр, завтра — очередь амурского. А следующий кто?

Профессор протестующе поднял руку.

— Голубчик, знаю я вашу позицию и, поверьте, всей душой с вами. Но как вы справитесь с этим: лаборант один, объездчиков, кажется, четыре, счетовод, завхоз?.. Хозяйство, и, надо думать, запущенное. А что касается научных кадров, которые могли бы вас выручить, то ждать их сейчас... наивно, извините!

— Я справлюсь...

Профессор кряхтя встал, погромыхал какими-то предметами за одним из шкафов и извлек оттуда широкие, подбитые мехом лыжи.

— Берите!

— Камусы! Вот спасибо!

Человек в изодранной одежде выбрался на залитую только что взошедшим солнцем прогалину и в изнеможении рухнул наземь. Разгоряченным бородатым лицом он уткнулся в мокрую после ночного дождя траву, спина его вздымалась от надсадного дыхания.

Он пролежал не больше минуты — столько выдержали его присутствие затаившиеся в нескольких шагах рябчики. Выводок взлетел, оглушительно треща крыльями, бородач вскочил, проследил, как птицы, пересвистываясь, рассаживались на ветвях ближних деревьев, и затем тяжело полпелся краем прогалины.

Это был он — тот, чье личное дело лежало сейчас на столе начальника Н-ского заключения. Шапов Захар Данилович... Вторая судимость... Поведения, в общем, нормального... Странно только одно: сидеть ему оставалось полгода, а он взял и бежал...

Кряжистый длиннорукий мужчина, по виду лет от сорока до пятидесяти.

Уже четвертый день Шапов был в бегах и за это время сумел одолеть такой путь, который говорил о его незаурядных физических возможностях. За трое суток ни одна живая душа его не видела, хотя он и пересек несколько густонаселенных районов и много дорог, иногда оживленных. Накануне же вечером достиг известного ему глухого разъезда и, без труда пристроясь на сборном товарняке местного значения, проехал за ночь около двухсот километров. Под утро спрыгнул с поезда на ходу и махнул напрямую в тайгу.

Он шел не останавливаясь, не поддаваясь скопившейся в теле усталости, справляясь с перехлестанной лианами чащей, с нагромождениями камней в глухих распадках, с небольшими, но пронзающе холодными речками и ручьями, которые одолевал, не разуваясь, не заботясь о намокавшей одежде. Плеснет только черной от грязи ладонью пригоршню воды в рот — и дальше, дальше...

И вот наконец давно маячивший впереди, ярко свеченный солнцем оголенный перевал. На подъеме

тайга стала редеть, мельчать, и беглец, озираясь, почувствовал себя незащищенным. Маленькая, торопливо карабкающаяся вверх фигурка... Из последних сил, задыхаясь, Шапов надал, выбрался на гольцовый хребет, скудно поросший кедровым стлаником, и уже бегом, пригнувшись и спотыкаясь, миновал его и ринулся, наконец вниз уже по другому, спасительно погруженному в тень склону.

За спиной перевала, опять в тайге, Шапов впервые почувствовал себя в безопасности и удовлетворенно прохрипел:

— Теперь, поди, не достанешь!..

Но лишь около полудня он позволил себе небольшой отдых. Пристроившись на берегу бурной речки под нависшим камнем, вытащил из-за пазухи весь свой запас пищи: несколько обкусанных, наполовину уже съеденных паёк хлеба. Вздыхая, пожевал кусочек и с надеждой посмотрел на свивавшуюся из стремительных струй речку.

Соорудить удочку — минутное дело. Из заношенной шапчонки с величайшей осторожностью, как невесть какую драгоценность, извлек рыболовный крючок. Подвернувшаяся под руку кривая палка, связанная из обрывков толстой нитки леска — и заскользил, запрыгал по воде крючок с «мошкой». И почти тотчас довольно крупный хариус, вынырнув из глубины, азартно бросился на приманку. Захар Шапов подсек и, сверкнув улыбкой, первой улыбкой за эти дни, выбросил рыбину на берег.

— Хар-ра-шо!

Тотчас же вычистив и посолив рыбу, Шапов впился в нее, еще трепещущую, зубами.

Но дорого ему обошлось понятное лишь немногим гурманство. Брошенный без присмотра, мотающийся на волнах крючок с «мошкой» схватила другая рыба, как видно, очень крупная. С треском сломилось ненадежное удилище, полуметровый его обломок заюлил против течения, раза два нырнул, исчез и затем, вытолкнутый уже посреди реки, свободно понесся прочь.

Шапов в сердцах отшвырнул оставшуюся в руках палку. Прости-прощай, крючочек милый! Стоил он три пайки хлеба и две пачки чая, а на сегодня ценой ему стала, может быть, и жизнь сама... Человек, если он без орудия, — самый слабый в тайге, слабей пичуги любой.

Есть еще финка-самоделка — сколько ночей, лежа на нарах, скреб потихоньку о камешек хитро пронесенную в зону железку... Щапов бережно вытер блестящее лезвие о рукав ватника, задумчиво подержал финку на ладони и спрятал за голенище сапога. Тронулся вдоль по берегу искать переправу.

Реку он перешел в узком месте, по поваленному дереву, и сразу повернул в гущу леса. Впереди, в просвете, путь ему пересекли голубые сороки — всосала их крона бархатного дерева, там у сорок осенний пир, клюют красные ягоды. Одна птица с ягодиной в клюве заметила человека, торопливо припрятала ее в шелку коры (до другого раза!) и тревожно застрекотала: тревога! Стрельнули птицы из кроны вон, Щапов же, подойдя, тоже сорвал ягоду, бросил ее в рот и болезненно поморщился: нет, далеко не уйдешь на таком пропитании!..

А в дубовом массиве, как нарочно, кабаны. Шагах всего в двадцати, не заметив беглеца, из-за деревьев выскочила матка-предводительница, а за ней — шесть свиней помоложе. «А вот я вас!» — жалко крикнул им вдогонку Щапов и долго еще, вспоминая, досадливо крутил головой.

Ближе к вечеру усталость и голод, наконец, одолели беглеца. Он, правда, не лег — позволил себе только присесть спиной к выворотню на склоне сопки и в таком положении задремал. Через несколько минут на его плечи тихо пали желтые и красные листья.

В полной неподвижности, казалось даже не дыша, он просидел около часа. В его сознании, полностью не покорившемся сну, роились отрывочные, не связанные смыслом образы, но потом на них надвинулось нечто плотное, почти осязаемое, он понял это как приближение опасности и, не шевельнувшись, безо всякого труда, будто и не было дремы, открыл глаза.

Прямо на него, рассеянно взглядывая по сторонам, медленно брел желтолицый мальчишка, по виду лет тринадцати.

За плечами у мальчишки висел на лямках берестяной кузов и торчало допотопное ружьецо с граненым патронником, одностволка. Щапова среди серых висячих корней выворотня мальчишка пока не видел.

— Стой, — сказал Щапов. — Кто таков? Куда?

Мальчишка замер. На плоском лице, впрочем, не отразилось никаких чувств, разве что какая-то усталая

обреченность. И смотрел он куда-то в сторону, не на Щапова. Минуту, наверное, промолчав, наконец заговорил, жалко запинаясь:

— Моя корень ходи и ищи, травы... Аптека принимай...

— Проверим, — важно сказал Щапов. — Почему один?

— Моя один... — словно одинокая капля упала на что-то звонкое.

— Так, так... Документ покажь, — продолжал важничать Щапов, а между тем его взгляд радостно раскалился, бегая по затертой ложе и стволу ружья.

— Моя молодой совсем... Начальник документ не давай...

— А-а, дык ты так бродишь!..

Игра была закончена. Щапов вскочил, ринулся к коренщику, вытряхнул забарахтавшегося мальчишку из лямок берестяного короба и ружейного ремня и легко, как вещь, отшвырнул ногой в сторону, под уклон.

Ружье! Прижимая его к груди, он как бы заново родился — уже не беглец, а грозный хозяин всего, что видели глаза.

Берестяная мальчишкина ноша содержала немного: сухая коврижка хлеба, обкусанная краюшка от другой, немного соли, коробочка с высохшим мхом (это для хранения золотого корешка, когда повезет — но не подфартило пока...) и двадцать восьмого калибра четыре пустые гильзы да семь снаряженных. Плюс патрон в патроннике. Сила!

Коврижку Щапов засунул за пазуху, хлебного огрызка как бы не заметил. И соль тоже не взял — была пока и своя.

Мальчишки же нигде не было видно. Надо полагать, скатился под гору и схоронился в густом кустарнике. А не ходи, где не след!

Крохотный полустанок — несколько припорошенных первым снегом домишек — был как бы сдавлен сползающей с сопок хмурой тайгой. Пустынный пейзаж оживлялся лишь привязанной к телеграфному столбу упряжной лошадейю да единственным, сошедшим с еще дымящего вдалеке поезда пассажиром — Георгием Андреевичем Беловым, одетым в белый полушубок, в шапку-ушанку военного образца, с солдатским вещмеш-

ком, ружьем в чехле и лыжами-камусами за плечами.

— Ну? Чья ты лошадь? Может, нам по пути? — спросил он, останавливаясь возле повозки. Надежды в его тоне было мало.

Лошадь лишь пошевелила ушами, зато из ближнего дома вышел рослый румянощекий милиционер, по-хозяйски внушительная фигура со значительными вольностями в форме одежды: на голове лисий малахай, и шинель, подбитая рыжим собачьим мехом, нараспашку (на синей гимнастерке виден разноцветный рядок орденских планок). Младший лейтенант. Испытующий взгляд представителя власти приезжий выдержал и вежливо представился:

— Моя фамилия Белов. Приехал работать директором Терновского заповедника. Из Москвы.

— Гляди-ка! — басисто подивился милиционер. — А ведь я чуть было и сам не догадался! Намедни в райкоме про тебя слышал. Москва, сказывали, ученого присылает. Так это ты! Ну, здорово. Мернов, участковый. Правда, что ли, ученый? Что-то в твоём виде есть этакое.

— Ну, если есть... — усмехнулся Белов, но тотчас серьезно кивнул: — Да, намерен заниматься наукой.

— Сюда, стало быть, ненадолго.

— Почему же? Зоология — моя наука, она как раз вся здесь, в тайге. Кстати, как насчет Тернова? Вам... тебе не в ту сторону?

— Очень даже знакомый адресок. На моем участке твой заповедник. И в общем, туда мне. Не совсем, но туда. Подвезу, как же. Располагайся на моей плацкарте, да и тронем. День теперь короткий, и то в тайге ночевать. Завтра, коли все по расписанию получится, почти к месту доставлю. Там тебе, ну, двадцать километров останется — дотопаешь.

— Двадцать-то уж как-нибудь! — повеселел Белов и скинул свою ношу на сенную подстилку розвальней.

Через минуту меринки милиционера уже вздымал копытами нетронутый снег на малоезженной дороге. По временам полозья саней скрежетали на мерзлых ухабах, но это почти не затрудняло ухоженную, крепкую лошадь.

— Что же ты все молчишь? — улыбаясь, обернулся возница к притихшему, взглядом скользящему по вершинам деревьев седоку. — Мы тебя возем, а ты нам за это про жизнь, про себя расскажи.

— А что рассказывать? Молодость давно была, забылась, а что помнится, то у нас с тобой одинаковое: фронт, госпиталь, фронт, госпиталь...

— Где воевал-то? Может, встречались?

— Под Москвой начал... А потом и Кавказ, и Дон, и Сталинград, и Курск... В последний раз под Кенигсбергом приложило — на мину напоролись, в разведке. Весь конец войны по госпиталям провалялся да еще и мирного времени прихватил.

— Ишь ты. И действительно, у нас с тобой много чего сходится. Москва, Сталинград... А я вот вернулся — в милицию сгодился. Участок дали: триста туда, триста сюда... — Мернов небрежно потыкал хворостиной в разные стороны. — Мотаюсь, по неделям дома не бываю, жену не вижу, сынишка без меня растет. Такой бутуз — год скоро, ходить пробует. А у тебя-то, в Москве, дети есть?

— У меня в сорок первом сын и жена погибли. Эвакуировались они — немцы эшелон разбомбили.

Мернов хотел что-то сказать, но осекся на полуслове. Он страдальчески посмотрел сверху вниз на бледное лицо полулежавшего в санях Белова и, пробормотав: «Вот ведь!..», сорвал чувства на лошади, ударил ее хворостиной. Заговорил с наигранной бодростью:

— А ты не тово, не горюй! Наше дело правое, мы победили, теперь нам только жить да жить. Слушай, ты женись, вот что, обязательно женись. Да хошь, я тебе сам невесту отыщу, эх, перетряхну участок! Ты не гляди, что тут тайга, бабы, они все равно есть!

— Нет уж, спасибо, — печально усмехнулся Белов. — Поздновато меня сватать. Ты лучше скажи, что заповедник? Неважно?

— На бумаге он, твой заповедник, вот как я понимаю. Всей и силы у тебя — дедок один, гриб старый...

То шагом брел, то пускался рысью гнедой мерин по кличке Василь Васильич, как явствовало из покриков возницы, порой оглашавших тайгу: «Эй, Василь Васильич, уснул?» Полозья санок с неотступностью осциллографа чертили и чертили четкий след, отмечая зигзаги повороты, подъемы и спуски неблизкого пути.

В сумраке старого бора милиционер вдруг натянул вожжи, приподнялся, стал, затаясь, всматриваться в густую крону дерева. Белов проследил за его взглядом и увидел уютно сидящую на ветке довольно крупную, в

пестро-сером оперении птицу, которая, будто домашняя, крутя головой, спокойно разглядывала путников.

— Дикушка... — лицо Белова зачарованно просветлело.

— Есть случай отличиться. Снимешь с одного выстрела? — подзадоривая, шепнул Мернов.

— Не тянет меня на такие подвиги. А ты, если хочешь, пальни. Она, я думаю, подождет, — и Белов неохотно, даже с какой-то брезгливостью пододвинул к Мернову свое зачехленное ружье.

— А! Директор заповедника — тебе самому вроде как не по чину, — догадался участковый. — Да ведь до твоего заповедника еще верст этак...

— Не в том дело. Не тянет. Жалко, — отрывисто сказал Белов.

— Так-то оно так, — отозвался милиционер и, не без сожаления посмотрев еще раз на птицу, тронул лошадь. — Я, признаться, и сам этих дикушек жалею — до чего неосторожная птаха! Вона мы разговариваем, а она сидит, как привязанная, хоть палкой в нее кидай. Думаю, рано или поздно переведут промышленники всех до одной. И то уж редко-редко стали попадаться.

— То-то и оно.

— Пошел, пошел, Василь Васильчич! — крикнул Мернов, но даже этот крик не поднял птицу.

Ивану Алексеичу Мернову — человеку общительному, в этот раз не очень повезло (был он с целым районом на «ты», а заполучил, как видно, неразговорчивого попутчика). Никак не завязывается занятная беседа — такая, чтобы текла непрерывно, растворяя скуку дальней дороги. Было бы не так досадно, если бы новый знакомый попросту дремал. Он через всю страну проехал на поезде, устал, конечно, — ну что ж, можно и понять человека. Но в том-то и дело, что час от часу делается он все бодрей и оживленней. Отнюдь не сонно вглядывается в каждый куст, в каждое дерево — пожалуй, узнает в них своих старых знакомых. Там мощный тополь увидел и улыбнулся, здесь соскочил с саней и, сняв перчатку, обласкал ладонью ствол еще какого-то дерева, названия которого Мернов, хотя и местный житель, не знает. С крутого берега незамерзающей речонки лежал, затаив дыхание, и так долго, что и лошади ждать надоело, наблюдал за возней юркой оляпки, суетливо бегавшей по мокрым камням и затем нырявшей в поисках поживы в воду.

А когда открылись впереди лысоватые вершины сопкок, зоолог достал из мешка большой трофейный бинокль, порядком обшарпанный, но с хорошо сохранными голубоватыми цейсовскими стеклами. В бинокль углядел легко карабкающуюся по каменистому склону кабаргу, а потом и рысь, таившуюся на противоположном склоне и, наверное, уже имевшую свои виды на тонконогую копытную...

— Слышь, Андреич? Такое у меня впечатление, не внове тебе наши места. Правильно я говорю?

— Приходилось бывать, с экспедицией.

— Это которые, что ли, бабочек ловят да на булавки накалывают?

— Вроде того... Но меня-то лично кое-кто покрупней интересуется. Тигр, знаешь ли. До войны чуть было не защитил диссертацию насчет этого зверя, да вот время в мою тему такую поправку внесло, что все надо начинать сначала.

— Это какую же поправку?

— Писал о распространении, а теперь надо о... спасении.

— Еще и тигра спасать? Ну, этот тебе не дикушка, он, я полагаю, и сам за себя постоит.

— Не очень-то у него это получается. На сегодняшний день на всю страну полтора-два десятка осталось.

От удивления миллионер приревновал и некоторое время молча всматривался в лицо Белова: не пошутил ли? Но лицо Георгия Андреевича оставалось серьезным.

— Ты не тово, не выдумал? Что же это получается? Теперь, значит, в цирке или там в зоопарке и показать ребятишкам некого! М-да... Живем, понимаешь, здесь и ничего такого не ведаем. И ведь добывают тигров, и сейчас добывают — слухи такие доходят. Добывают, и совесть их никакая не мучит!

К началу сумерек угадали к охотничьему «табору» — стрелевицу хотя и неказистому, состоявшему всего из одной колы нависавшей стеклы-кровли, но обещавшему неприхоливым пугишкам спокойный отдых и даже некоторый комфорт: сложенная из толстых сушени медленно прогорающая колы всю ночь будет нести свое тепло под навес; а в ответстве боковых стен обернется притоком свежего воздуха.

Басгряган и наемник из ручья лошадей; Мернов надел ей на морду холщовую торбу с овсом, она захрустела, передки шумно валихая. В закопченный котелок

набросали, не слишком заботясь о кулинарных пропорциях, все, что нашлось у обоих более или менее подходящего для похлебки. Мернов, глядя, как котелок охватывает пламя, посетовал:

— Ах, язвы его!.. Не мешало бы сюда еще и ту дикуюшку для полного комплекта присовокупить. А, директор?

Белов кивнул. Его взгляд неотрывно буравил плотный массив ельника. Там, в кронах, происходило какое-то движение, все более заметное и наконец обнаружившее свою причину: белка перескакивала с ветки на ветку, любопытствовала.

— Ты прав. Пожалуй, кой-чего в нашем вареве действительно не хватает, — согласился Белов и, неслышно ступая, определенно осторожничая, направился в ельник.

На этот раз участковый не сразу разгадал смысл его действий. Пожалуй, что-то вроде игры затеял зоолог. С одной ели, постучав по стволу палкой, перегнал белку на другое дерево, потом, ласково бормоча что-то, вроде как приманил ее поближе, потом с появившейся вдруг решительностью в движениях шагнул к ничем, кажется, не выделявшейся среди других ели и стал на нее карабкаться. Через минуту он спрыгнул наземь, и оба зрителя, Мернов с восхищением, а белка в великом гневе (зацокав и запрыгав по веткам, причем уже почти не таясь людей), догадались, что произошло ограбление: пригоршню великолепно высушенных белых грибов ссыпал зоолог в закипавшую похлебку.

Впрочем, он — и это, как видно, особенно понравилось Мернову — сразу же восстановил справедливость: на один из сучков, с которых снял белкины грибы, наколол корку черствого хлеба.

Похлебка удалась на славу. Потом, уже засыпая, Мернов признал:

— Ты, Андренч, самый что ни на есть тот... У тебя здесь получится...

Наутро, к восходу солнца, были уже далеко от «габора». Кругом расстилалась обширная гарь. Поросшая мелким ельником, еще не скрывшим волнистого рельефа местности, залитая солнцем, она своей безжизненностью наводила уныние. Мрачно нахохлился Белов; забытый, покачивался на его груди бинокль. Мернова, сер-

дито погонявшего по бездорожью лошадь, беспокоил цвет солнца, предвещавший, по мнению участкового, близкую оттепель.

— Ишь, золотит... — бормотал он. — Того и гляди, весь снег стает, и придется нам с тобой, Василь Васильич, сани в Ваулове, кержакам на забаву, оставить. На спине меня повезешь. Ах, язвы, и седло-то я не захватил...

Белов, внимательно посмотрев на солнце, успокоил:

— Потеплеть потеплеет, но не растает. Снег на мерзлую землю выпал, будет лежать — верная примета.

— Хорошо бы...

И вот тут Белов, немного ослепленный солнцем, отведя взгляд в сторону, заметил на снегу цепочку следов — почти занесенных и различимых только благодаря боковому утреннему свету.

— Иван, стой-ка, — с радостной встревоженностью вскрикнул он, мгновенно соскакивая с саней. — Понимаешь ли, такие следы!

— Ну и глазастый ты, Андреич. Что значит разведка! Я вот ничего не вижу. Ну что там? Уж не тигра ли пробежала?

— Увы, тигра-то на двух ногах, — разочарованно отозвался Белов. — И не бежала, а скорей всего еле-еле плелась. — Он присел возле следов и ребром ладони осторожно сгреб с одного из них тонкий слой снега. — Странно!

— Человек, значит, считаешь? — подойдя, сказал тоже заинтересовавшийся Мернов. — Ну, охотник, допустим. Вряд ли! Что тут, в этой пустыне, делать? А зря ноги мять наши мужички не станут.

— Не охотник, а охотница. Ты посмотри, какой след маленький. — Белов пальцем очертил след, призадумался. — Нет, пожалуй, и не женщина: шаг короткий и вес не тот... Ребенок лет одиннадцати-двенадцати, обут в улы, прошел вчера. Вот так.

— Убедительно расписал. Одно у меня в голове никак не помещается: зачем он в ту сторону направился? Если бы он, наоборот, оттуда шел, то и попал бы как раз в Ваулово, а туда... Туда эта гарь проклятушая верст на двадцать, отлично я ее знаю, в тридцать восьмом году горело, сам тушил...

— Заблудился он. Искать надо, Иван. Давай вон на ту горушку поднимемся, чтобы осмотреться. Устал он, далеко уйти не мог.

Милиционер, ворча: «Вот, язви его, и сократили дорожку», — развернул лошадь. Виляя среди елок, одолели подъем. Белов, стоя в санях, приставил к глазам бинокль. Сначала он видел почти неприметный пунктир следов, потом стекла приблизили ссутулившуюся у прогоревшего костерка уже припорошенную снегом фигурку.

— Ах ты!.. Видно, уже замерз. И морозу-то не больше двух градусов... Ты меня догоняй, — сказал Белов и, соскочив с саней, помчался, делая громадные прыжки, под уклон.

Так, бегом, ни разу не приостановившись, он достиг печального кострища, схватил на руки сжавшегося в комок мальчишку, расстегнул на нем утлую одежку и приложил ухо к смугловатой груди. Вначале стук собственного сердца и учащенное после бега дыхание помешали ему слышать; усилием воли, стиснув зубы, он замер, и тогда, как бы издалека, но надежное, слышимое, до него донеслось: «Та-да-дахх!..»

— Жив! — с шумом выдохнул он.

Когда подъехал Мернов, костер уже потрескивал, разгораясь. Белов, раздетый, в одном кителе, метался, выскывая под снегом горелые сушинуы. Найденыш, с головой завернутый в его полушубок, лежал неподвижно. Не тратя времени на расспросы, участковый тоже занялся костром. Вскоре громадное пламя с шумом взметнулось вверх.

Белов был несуетливо деловит, быстр и точен в движениях, говорил мало, его короткие фразы звучали отрывисто, как приказания. Мернов, невольно признавая превосходство нового знакомого, подчинялся со сноровистостью фронтовика и таежника.

— Сани разверни, поставь сюда... Тулуп расстели!.. Так! Теперь раздевай его... Попку давай... Ну и попка — два кулачка! Отощал парень; видно, давно блуждает...

В извлеченной из беловского вещмешка аптечной укладке нашлись шприц, склянка со спиртом, какие-то лекарства. Сделав мальчику инъекцию кофеина, Белов стал с яростью растирать маленькое блеклое тельце, и вскоре мальчик вздохнул и открыл глаза.

— Ну, парень, теперь умрешь не скоро, — сказал Мернов. — Вот кого благодари — разведку! Откуда ты? Чей? Как звать-то?

— Я Люрл... — еле слышно прошептал мальчик. — Моя... — в бессилии он снова сомкнул глаза.

— Люрл? Юрка, иначе говоря. Юрка — самое пра-

вильное! Слышь, Андреич, что-то не видал я такого в Ваулове. Не вауловский, ясно. Из тазов, пожалуй, а это ох издадека.

— Черт знает что, — сердито буркнул Белов. — Маленький, ему сейчас в школе сидеть надо, а он в одиночку бродит.

— Так ведь не везде школа близко. А потом... Ихний брат с самого детства так-то. Что тайга дает, тем и промышляют...

— Там, в мешке у меня, есть банка тушенки. Бульон надо сварить. Доставай котелок. Но спешить надо. Боюсь, паренек так не отделается, как бы воспаление легких не подхватил. Медицина какая-нибудь есть в Ваулове?

— Фельдшерница.

Несколько ложек бульона, насильно влитых укутанному в полушубок, остававшемуся в забытьи мальчику, кажется, не улучшили его состояния. Он почти не открывал глаз, бормотал что-то не по-русски — бредил.

Заторопились тронуться в путь. Мернов то и дело погонял лошадь. Однако, когда выбрались с гари и отыскали некое подобие ведущей в сторону Ваулова дороги, стало сбываться предсказание участкового: сильно потеплело, и снег сделался липким. Василь Васильич, награждаемый ударами вожжей, старавшийся изо всех сил (будто понимал важность момента), захрипел, заспотыкался, на его боках появилась пена.

— Стой, — сказал Белов. — Так мы далеко не уедем. Надо Василь Васильича хоть от моих-то килограммов избавить. Мальчика в свою шинель укутай. А я дойду теперь. Давай прощаться, Иван. Руку, браток.

— Ах, язви! — досадливо покрикивал Мернов. — Никак не хотел я тебя одного отпускать. Ну дело разве, директор все-таки, а пойдешь пешком!

— Ничего, невелика птица. А пройтись мне просто полезно. Так что, как говорится, исполняй свой долг, товарищ младший лейтенант. И трогай.

— Я, как только в Ваулове закончу — дознание у меня там, вопросец щекотливый насчет одного гуляки таежного, — сразу в Терново заверну. Жди дня через два-три.

Белов надел на спину вещмешок, ружье и лыжи повесил на плечо. Помахал тронувшему лошадь участковому, а когда повозка скрылась за деревьями, вынул из

кармана артиллерийскую буссоль и, прицелясь на ярко высвеченную солнцем возвышенность, двинулся прямоком через чашу.

Не зря птицы слетаются поближе к вырубке, на которой привольно, раскидав как попало свои вещи, расположился бородатый охотник. Будет воронам славная пожива. Захар Шапов свежует только что добытую пятнистую оленуху, свежует без скаредности — шкуру и окорока себе, остальное клевать таежным вещунам. Пар идет от подвешенной на сук, наполовину уже обнаженной, влажно сверкающей туши.

Несколько дней свободы сильно изменили Шапова. Если бы не стриженная под машинку голова (шапку и полушубок он сбросил наземь), трудно было бы догадаться, что это преступник. Вид сытый, повадка уверенная, не боязливая.

Да и настроение у Захара Шапова хорошее. Пенем веселит себя охотник.

Неожиданно, безо всякой, казалось бы, причины, оборвалось беспечное пение. Ссутулился охотник, посмотрел по-волчьи исподлобья и вдруг резко повернулся в сторону учуянной опасности.

Там — другой человек.

В общем, человек как человек. Лицо открытое, цветом бледноватое, городское; правда, из-под полушубка виднеется стоячий, с красным кантом ворот офицерского кителя, но это ничего, зато ружье у незнакомца в чехле за спиной. Ясное дело, приезжий какой-то, олух неотесанный, заблудился, будет дорогу спрашивать.

Но ничего такого не спросил приезжий, а сделал вдруг нечто несообразное: рыскнул к висевшему на кусте старинному, с граненым стволом ружью и, завладев им и мгновенно проверив, заряжено ли оно (оно оказалось заряженным), попросил заволаживающе любезным тоном:

— Ножик, пожалуйста, бросьте.

Измазанная кровью рука Шапова по-боевому сжала финку, но под ружейным прицелом он сразу же одумался. Небрежно поигрывая финкой, спросил:

— А коли не брошу, что будет?

— А это смотря по тому, чем у вас патрон начинен — пулей или дробью.

— Хватило бы и дроби, — вздохнул Шапов, насто-

роженно поглядывая на черное дульное отверстие. — Однако пуля там, круглая. Неужто так и пальнешь в меня, в живого? Это ж какую нечеловеческую злобу надо иметь!

— А я — в ногу.

— В ногу тоже больно, — качнул головой Щапов и нехотя выронил финку; сверкнув, она аккуратно воткнулась в снег. — И откуда ты на мою голову навязался? Чего я тебе такого сделал? Стоял себе... Никого, кажись, не трогал...

— Заповедник здесь, а вы оленуху убили, причем, кажется, стельную. Придется ответ держать, по закону.

— Еще и заповедник какой-то... Впервой слышу... — И вдруг закричал, мгновенно налившись гневом: — А ты кто такой?! Ты какое имеешь право нападать на мирного человека?!

— Я директор заповедника. Предъявите документы.

— Документы... Без надобности они нам... — смиряясь и оттягивая время, пробормотал Щапов. — Виноватый я, ну... Бес попутал. Нечаянно я ее — думал, волк. Бежит, я — пах! Оно возьми и попади. Буквально само стрельнуло! Отпусти, начальник, а? И ее себе возьмешь, и ружье, так и быть, забирай и пользуйся — неплохое ружьишко...

— Ладно. Хватит трепаться. В Терново пойдем, разобратся надо, что вы за личность.

В путь пустились в таком порядке: впереди впряженный в веревочную лямку Щапов тащил оленью тушу; сзади — угрюмо молчаливый Белов с ружьем наперевес. То и дело Щапов досадливо качал головой: «Ай-я-яй, ну и ну!..» Ничего хорошего ему не сулил неожиданный поворот событий. Он, наконец, остановился, обернулся к Белову:

— Отпусти, начальник! Христом-богом прошу! Хошь, на колени стану? Отпусти! Откроюсь я тебе... Из заключения иду. Все свое отсидел, домой пробираюсь, детишки у меня, ждут, поди... А тут вот чуть с голоду не помер, в тайге-то. Ну, шлепнул эту... Ты сам рассуди, каково мне теперь перед властями оказаться? И старое припомнят, и новое припаяют. А ведь не вор я и не бандит, за бабу страдал, за ревность. Эх! Это из-за двух-то пудов мяса!

Кажется, поверил Белов. Вроде бы сочувствием или сожалением покривилось его лицо. Но словами неслишком-то обнадежил Щапова:

— Не в тюрьму же я вас веду. В Тернове тюрьмы нет. Вот выясню личность, адрес, составлю протокол и отпущу. Поступите работать и заплатите штраф за оленуху.

— А какая тебе польза от штрафа? Чай, весь его в государство сдашь. Ты меня лучше отпусти, поверь моему слову — да вот ни в жизнь ни одного человека не обманул! — и я приду к тебе сам и по-тихому тебе вручу... Да я, хошь, самородок тебе преподнесу, сто двадцать три грамма, у меня в верном месте припрятан! Еще корень женьшень дам, на перваке, в бутылочке настоян. От него во как твое здоровье поднимется...

— Ну и тип, — криво усмехнулся Белов. — Ну, нечего, шагай.

Снова тронулись.

И вдруг глаза Захара Щапова засветились.

Казалось бы, что особенного: на кусте ветка надломлена. И все же с определенным смыслом, даже как бы настойчиво, ее ошкуренный конец указывал вперед и чуть левей. А там — еще одна точно так же направленная неизвестной рукой ветка...

Щапов осторожно оглянулся: заметил конвоир или нет? Тот идет задумавшись, ничего он не заметил. Однако внимания, хват этакий, не теряет.

— Идите прямо. Что это вас все влево заносит?

— Тут тропка оленья, тащить малость полегче. Замайся я...

Белов уступил, смолчал; заинтересовался укрытой снегом тропкой, действительно, есть здесь хоженный звериный путь, видимо, водопой близко...

Через минуту — новый знак, тонкая, неестественно прямая линия, как бы прочерченная по снегу поперек звериной тропы. А дальше — просвет, и угадывался близкий овражий склон...

В трех шагах от странной линии Щапов скинул с плеча веревочную петлю и, как-то нелепо подпрыгнув, чем немало удивил конвоира, дал стрекача.

— Эй, охотничек, ты у меня не балуй! — крикнул сзади Белов и, перемахнув через оставленную на тропе оленью тушу, бросился за Щаповым. Он, пожалуй, так ему, по крайней мере, показалось, был уже близок к тому, чтобы схватить беглеца за шиворот, как вдруг его нога за что-то зацепилась.

Упасть он не успел. Конечно, никакая не линия чернела там, на снегу. То была тонкая проволока, одним

концом привязанная к концу дерева, а другим тянувшаяся к огромному, словно для рук великана, настороженному луку. Именно за проволоку и зацепил Георгий Андреевич, и жуткая конструкция сработала: прыснул в сторону костяной колышек-сторожок, удерживавший тяжелую, с кованым наконечником стрелу, и она, стремительная, как молния, со страшной силой толкнула зоолога в плечо. Выпущенное из рук ружье полетело в одну сторону, шапка — в другую, самого же Белова, буквально сбитого влет, швырнуло к дереву и пригвоздило к корявому стволу. Ударившись головой, он потерял сознание.

К счастью для пострадавшего, Шапов так и не увидел всех последствий своей хитрости. Кубарем скатившись в сумрачный распадок, он ухнул в незамерзшую бочажину стекавшего по каменным террасам ручья. Выбравшись, заметался, весь с головы до ног мокрый, не зная, в какую сторону податься, и со страхом поглядывая вверх, где вот-вот мог появиться этот опасный директор. В конце концов кинулся вдоль по ручью.

В это же самое время запряженная в дровни мохнатая лошаденка свернула с малоезженной лесной дороги на целик. Правила лошаденкой молодая женщина: большеглазая, с длинными ресницами, пылко румяная и вся налитая — кровь с молоком. Рабочая одежда (шерстяной платок, ватник, перепоясанный ремнем) не портила этой зрелой красоты. Настораживало лишь выражение лица красавицы — озабоченное, с примесью раздражения, какое овладевает властными натурами, когда они вынуждены делать то, что им не нравится.

Не слишком утруждаясь выбором дороги, чтобы хоть немного облегчить лошади передвижение по трущобистой, с пнями и грудями сушняка местности, возница вскоре достигла того самого места, где Белов задержал браконьера. Небольшой штабелек метровок указывал, что тут было что-то вроде вдовьей делянки.

Сдернув рукавичку и сунув в рот пальцы, женщина посвистела — два раза протяжно и один раз коротко. Никаких ответных звуков не последовало.

Прождав некоторое время понапрасну, женщина что-то с возмущением пробормотала, извлекла из-под охапки сена увесистый полотняный мешочек и вроде как намерилась приступить к погрузке дров, с которой, раз уж никто на ее призыв не явился, ей предстояло спра-

виться в одиночку. И только тут ее внимание привлекли следы и капли крови.

Явно испугавшись, женщина дернула вожжи, чтобы поскорей развернуть сани, но тотчас одумалась: прикрыла холщовый мешочек сеном и, уже почти спокойно причмокнув, направила лошадь прямо по следам, напряженно всматриваясь вперед.

Вскоре стали попадаться сломанные ветки. Злосчастное дерево впереди. Человек, прищипленный к нему, ворочался, постанывал, пытался освободиться.

Женщина спрыгнула с саней и, подбежав к пленнику, воскликнула:

— Какой красивенький попался!

Она решительно налегла на стрелу, затем быстро и ловко освободила жертву от полущубка и кителя, на рану наложила отыскавшуюся в кармане тряпицу. Только после этого, немного отступив, сказала с изумлением:

— А ведь у нас в Тернове таких не было и нет!

— Теперь будут. Директором я к вам.

— Так это вы, который самый-самый? Из Москвы? Интересно как! А я, стало быть, будто сердцем учуяла: навстречу выехала. Прокачу нового директора!

— Прямо-таки везет с транспортом...

— Транспорт это что! Под самострел залезть да живехоньким выбраться — вот где везет так везет. Ведь он, окаянный, изюбря насквозь прошибает.

Познакомились. Оказалось, женщину зовут Татьяной Спиридоновной, в управлении заповедника она и счетовод, и кассир, и вообще всем канцелярским делам голова. Уложили на санки вещи Белова и тушу оленухи. Георгий Андреевич отыскал в снегу отлетевшую в сторону одностволку браконьера и тоже присоединил к поклаже.

Невелик поселок Терново: домов пятнадцать или двадцать, есть заколоченные, давно заброшенные. И самый внимательный глаз не найдет здесь признаков маломальской планировки, хотя бы традиционной, российской, когда застройки делают в линию. Здесь видна постоянная борьба человека и тайги, борьба, как говорится, с переменным успехом: то тайга уступит, то человек, смирив гордыню, сам к тайге принаравливается. Стоят избы: одна фасадом на юг смотрит, другая — на восток, одна к плотной хвойной стене, словно бы спиной к печке, прижалась, тепла ищет, другая, наоборот, отринула от себя тайгу, держит ее на почтительном рас-

стоянии, и на ровной демаркационной площади — огород.

На угорье, несколько на отшибе поселка, уместилось управление заповедника — длинное рубленое строение с большими не по-здешнему окнами — и кое-какие принадлежащие ему же хозяйственные постройки. Если судить по свежести строительного материала, управлению не больше пяти-шести лет, но и за этот срок тайга успела возратить себе расчищенное вокруг него место: уже довольно крупные деревья и кустарники вплотную подступили к бревенчатым стенам.

Распрявившись, напряженно озираясь по сторонам, въезжал в Терново Георгий Андреевич Белов. Что говорила, посмеиваясь и понукая лошадь, Татьяна — он не слышал. Со стесненным сердцем примеривал себя к медвежьему углу, в котором жить и работать.

Не слыша никаких указаний призадумавшегося седока, Татьяна не поехала к управлению, повернула к самой, пожалуй, добротной избе поселка, к своей.

— Милости прошу ко мне.

Между тем в избе напротив две старушонки прилипли к окну.

— Гляди, Трофимовна! Царица небесная! Танька мушину себе привезла! А ведь давесь лошадь брала, дров, говорит, привезть!

— Дров! Ты и поверила! За мущиной и ездила, встречать, стало быть. И давесь видать было: что-то да не так! Уж я Таньку наскрозь вижу — ловкая, хитрящая. Она с самого сызмальства все такая.

— Ишь, цельного зверя приперли. Попируют!.. Пойти, что ли? Должок за Танькой...

— погоди, Матвевна. Что-то да не так!

Татьяна с радушным видом повела было гостя к крыльцу, но он, остановившись, что-то сказал ей, ткнув пальцем сначала в сторону туши, потом в сторону управления заповедника. Татьяна, разочарованно пожав плечами, подозвала вертевшегося неподалеку мальчишку. Тот, подхватив вожжи, погнал лошадь прочь. Вновь просяив, на этот раз, пожалуй, с долей притворства, Татьяна повела приезжего в дом.

— Гляжу я, хворый он, не иначе, — разочарованно сказала та из старух, которая упоминала о должке. — И с лица бледноват, и одежда драная... Лядащий. Небось бродяга какой неуместный.

— Ну, не так чтобы уж очень, — согласилась подруга. — А и где его и возьмешь нынче, хорошего? Чай, воевали, хороших поубивало. Нынче молодая баба инвалиду рада.

— Наша Танька все одно не осекется. Она себе ена-рала подцепит.

— Подцепила бы, да ее воли теперь мало осталось: того и гляди, Захарка, муженек любезный, зайвится. У него небось и срок тюремный кончается — не век же ему на лесоповале дрогнуть. Он ей ужю покажет!

— Окстись, Трофимовна! Захарку, варнака неугомонного, к ночи поминаешь!

Между тем Татьяна Шапова получше, чем старухи, разглядела приезжего. Не «лядащий», не «бродяга» сидел в ее доме, а мужчина красивый да любезный и, что немаловажно, одинокий. (Этот факт она, конечно же, установила в первую очередь, еще в дороге.) Серьезные планы относительно Георгия Андреевича созрели у молодой женщины, и она уже приступила к их исполнению: светлое платье, сшитое по последней моде, с плечиками, достала из шкафа и надела, губы подкрасила и кинула на стол красивую скатерть.

— Хороший у вас дом, хорошо живете, уютно, — сказал Белов.

— Дом-то еще отец строил. Сам почти и не попользовался, мне в наследство оставил. Обьездчиком он работал в заповеднике, лихой был охотник, да вот с медведем на берлоге не ладили. Тут и произошло все, недалеко. В Тополинках, место такое есть.

Белов сочувственно покачал головой и вдруг нахмурился. Спросил нерешительно, немного даже заикаясь:

— В-выходит, в заповеднике охотился?

— Почто же ему было от своих угодий дальних краев искать? — беспечно подивилась Татьяна.

Смолчал Белов, только вздохнул. Хозяйка между тем, о планах своих не забывая, ловко хлопотала у стола.

— Нас теперь в Тернове двое таких-то — вы да я.

— Это каких же «таких»?

— Красивых да одиноких.

— Ну что вы. Есть, как я заметил, и другие, — немного смутился Белов.

— Другие — фу! Грубость одна, и посмотреть не

на что. Я-то, между прочим, городская: в Рудном на главной улице жила.

— Да, это чувствуется, — с натугой слюбезничал Белов.

Что-то скрипнуло. Георгий Андреевич машинально повернул голову. Оказалось, сама по себе приоткрылась дверца шкафа, второпях не запертая Татьяной. Приличия ради Белов поспешил отвести глаза в сторону, но уж было поздно: содержимое шкафа, как на фотографии, отпечаталось в его сознании. Связки пушнины висели в шкафу: отдельно большая связка беличьих шкур и на самом виду — две огневки, куница, чернью отливающий соболь, еще что-то...

Белов вскочил, стремительно отошел к окну; невидяще уставясь на улицу, зло проскрежетал: «Только тигра не хватает!» А когда обернулся, дверца шкафа оказалась плотно закрытой.

Между тем улица поселка, верней некое подобие улицы, словно бы, в свою очередь, тоже приготовила Георгию Андреевичу достойное внимания зрелище. Вначале пробежали, поигрывая между собой, три собаки. Потом четверо подростков, все с ружьями, появились на дороге.

— Да что же это такое, ч-черт! — ошалело сказал Белов.

— Где? Это? А это ребяташки на охоту наладились, — тоже подойдя к окну, пояснила Татьяна. — В школе они в Ваулове учатся, а на воскресенье их дед Огадаев на лошади домой привозит. Ишь, дело к вечеру, а им пострелять невтерпеж. В духоте-то, поди, в школьной намаялись. И ведь не убьют-то никого, один шум от них. Да хоть к тайге привыкают, и то дело.

— Ну, знаете!

С неподобающей для директорского достоинства поспешностью Белов выскочил из дома. Озадаченная Татьяна прильнула к окну.

— Эй, ребятки, а ну-ка стойте!

Немного запыхавшись, он нагнал охотничью компанию. Четыре пары глаз с холодным достоинством уставились на неизвестного.

— Вы куда собрались?

— На кудыкины горы, вот куда, — с досадой огрызнулся один из мальчишек. — У охотников разве так спрашивают? Всю удачу закудыкал, хоть домой вертайся!

— Вот это самое я вам и хотел предложить. Возвращайтесь, ребята. Вы же знаете, здесь заповедник, всякая охота запрещена.

— Чего-чего? Заповедник — это когда было! В старинные года!

— Вернитесь, ребята. Иначе я отберу у вас ружья, а родителей оштрафую.

После этих слов мальчишки быстро произвели кое-какие маневры — кто отодвинулся, кто боком повернулся — встали, в общем, так, чтобы Белову не дотянуться до оружия. «Тоже выискался!» — «Чего захотел!» — Эти и другие менее внятные возгласы сопровождали передвижения мальчишек.

— А ну, сдать оружие!

Юные браконьеры опешили. Уже не какой-то чужак, нездешний прохожий, по недомыслию лезущий не в свое дело, стоял перед ними. Увидели офицера, командира, и с какой сталью в голосе! Белов решительно шагнул, тронул берданку ближайшего паренька.

— Не троны! Не твое! Чего расхвтался! Экой! — загалдели мальчишки, придя в себя.

Три собаки, убежавшие далеко вперед, слышав шум, остановились, посмотрели назад и, как видно, сразу во всем разобрались. Зарывав, они разом ринулись к месту события — три стремительно вырастающих ошетененных кома. Пришлось Георгию Андреевичу позорно (к великому злорадству мальчишек) отступить к крыльцу Татьянинного дома. И если бы не добросердечная хозяйка, поспешившая ему на помощь и шугнувшая нападающих, неизвестно, чем бы все кончилось. Скорей всего небогатый директорский гардероб потерпел бы значительный ущерб.

Увы, маленький инцидент подействовал на Белова гораздо хуже, чем могла предположить Татьяна. С недоумением и досадой она заметила, что, вернувшись в дом, Георгий Андреевич вовсе перестал смотреть в ее сторону, не присел, несмотря на ее усиленные приглашения!

— Я и так отнял у вас слишком много времени, извините, — пробормотал, разыскивая глазами свой полубушук. И тут увидел холщовый мешочек, из которого Татьяна успела выложить ковригу хлеба, бутылку с молоком и еще какие-то свертки. — Я и от работы вас, кажется, отвлек. Вы, видно, надолго собирались уехать — вон сколько харчей набрали...

— А мне теперь самая главная работа — человека хорошего угостить! Откушайте на здоровье! Вам с дальней дороги да после той страсти сам бог велел!

— Спасибо за гостеприимство и все такое... Но нужно срочно принимать дела.

Низенький старик бормотал, подслеповато ковыряясь ключом в большом амбарном замке:

— Самый твоя управление есть, на работу никуда не ходи... Опять начальник новый, хо-хо... Директор. Огадаев встречай, потом провожай... Тураев-директор был: ругайся, кричи, управление строй — хорошо. Однако война... Человек на войне убивай, заповедник не ходи никогда. Галагозов-директор был... Сильно скучал! Тоже на войну уходи. Назад — нет. Еще охламон приезжай... Татьяну Шапову полюбил, девять дней вино лакай, опять уезжай — больной. Все дед Огадаев-директор. Старый! Глаза плохой, ноги плохой, руки плохой...

— Все понял, — усмехнулся Георгий Андреевич. — Три директора уже было. Я четвертый. Белов-директор. Дайте-ка ключ, Николай Батунович, я сам открою, а то мы и до завтра не войдем.

Замок мгновенно подчинился Георгию Андреевичу. Вошли. И сразу же новый директор, приготовившийся увидеть картину запустения, слегка попятился: как бы не наследить! Чисто вымыт, выскоблен пол; в шкафах сияет лабораторная посуда; два микроскопа, выгнув блестящие шеи, нацелились на невидимое. На стенах плакаты, призывающие беречь лес. На письменном столе чернильный прибор, искусно сработанный из какого-то серого, с темными прожилками камня. Стол настоящий, директорский. Повеселел Белов.

— Канцелярия. Здесь сиди и управляй. Пиши, — пояснил Огадаев и, шмыгая подошвами, беспредельно равнодушный, повел Георгия Андреевича смотреть другие помещения. — Лаборатория... А здесь твоя живи, печку топн...

Белов ладонью притронулся к голландке: горячая!

— Николай Батунович, какое же вам огромное спасибо! Я, признаться, не ожидал найти такой порядок! Ах, здорово как! Хоть сейчас начинай работать!

— Огадаев спасибо не говори. Почто? Агнюха спасибо говори, вот.

— Какой Агнюха?

— Такой девка. Техникум присылай, Хабаровск. Лабора́нтка. Месяц июль приезжай, мой дом живи. Там порядок наводи. У-у!.. Трудно. Туда не ходи, сюда не ходи, грязь нехорошо, — при последних словах на неподвижном, как маска, лице старика дрогнули, задвигались морщинки. Пожалуй, то была улыбка!

— Где же она, эта... Агну́ха? Почему не пришла?

— Молодой еще. Стыдно. Совершенно дикий.

— Дикая? Я бы этого не сказал, — с удовольствием усаживаясь за директорский стол и оглядываясь по сторонам, сказал Белов. — Садитесь, Николай Батунович. Ответьте для начала: почему порубки прямо на территории? Почему охрана не организована? А впрочем, риторические вопросы. Раз мы здесь, значит, порубок больше не будет, а охрана будет. Вы согласны со мной?

— Шибко-шибко согласны.

Старик Огадаев действительно преувеличил стеснительность Агнии. Ничуть не тушуясь, идет девушка через поселок, направляется к управлению заповедника. Двум старухам, еще не оставившим свою удобную позицию у окна, помахала рукой, крикнув: «Эй, Матвевна и Трофимовна, хватит зазря языки трудить! Слыхали, директор-то из Москвы пожаловал!» Старухи, поджав губы, кивнули. Они, конечно, уже узнали, кто тот приезжий. Не знают только, что теперь будет, и поэтому осторожны в проявлении своих чувств.

Много еще в Агнии девчоночьего: и походка летящая, и речь без здравой обдуманности, и резковатые жесты. Пожалуй, и в одежде девушка еще не знает толка: расшитые красными нитками самоделки-кожанцы да полушубочек — в таком наряде разве что в тайге красоваться. Но много в девушке и неотразимой прелести. Фигурка точеная, упругая. Лицо милое, чистое, с глазами не очень крупными, чуточку по-монгольски раскосыми, но такими живыми, искристыми — каждому встречному привет!

На крыльцо управления Агния взлетела, не коснувшись ступеней. Дверь, впрочем, открыла осторожно, без скрипа и, войдя, приостановилась в коридоре, замерла. Из канцелярии — голоса Белова и Огадаева.

—...Насчет лошадей уважили, Николай Батунович. Четыре — хорошо!

— Еще два жеребенка гуляй, расти, летом запрягай.

— Два! Славно! А сена, сена заготовили?

— Сена — два года корми, не кончай. Огадаев любит запас.

— Мне послышалось, кто-то вошел. Эй, кто там?

Несколько неслышных, легких шагов, и Агния перед директором.

— Здравствуйте, товарищ Белов! — звонко этак сказала и затем, помедлив, добавила нечто непонятное: — Геа.

— Здравствуйте. Геа? Что такое Геа? Я, извините, в местных языках пока не силен.

— Ге и А — это же ваши инициалы. Имени-отчества я еще не знаю, а инициалы давно знаю.

— Георгий Андреевич меня зовут. Но интересно, откуда же вы инициалы-то мои узнали? Да еще и давно!

— А очень просто. Я статьи ваши читала в «Зоологическом вестнике» за сорок первый год. Про кабана, про тигра и про волка. Очень замечательно написано! Но только я никак не ожидала, что вы не старый. Я думала, у вас борода белая.

— Борода, ха-ха. Но все же... Вот так, незаметно, и подкрадывается к человеку слава! — откинувшись на спинку стула, улыбнулся Белов. — Да, статьи... Я и сам-то успел про них позабыть.

— Разве так бывает?

— Бывает, товарищ Сотникова. И что же вы из моих опусов сумели извлечь полезного?

— А цитаты. Много! Я диплом писала, мне как раз по теме вышло: «Влияние на ландшафт диких и домашних животных».

— Занятно. И какую же оценку, если не секрет, вы получили за свою работу?

— «Отлично». У меня весь диплом с отличием.

— Что ж, очень рад слышать. Поздравляю.

— Спасибо.

— Но как же вы решились поехать в эту глушь? Вам здесь не страшно?

— Так ведь я, Георгий Андреевич, здешняя. В Ваулове родилась и выросла. У меня родные там. Только их теперь мало осталось. Маманя давно померла, я еще маленькая была. Папаня и брат на войне погибли. Снайперы были.

— Федя Сотников погибай, да... — печально сказал Огадаев. — Зачем на войну ходи? Немолодой. Разве молодой не хватает? Промышленник пропадай, хороший

человек... Зверюшку зря не стреляй, заповедник береги, уважай...

— Дружили они с папаней, — пояснила Агния. — Наверное, чуть ли не с детства. Жалко деду, скучает.

Все трое помолчали. Неожиданно в тишине, отчетливо слышные, из тайги донеслись три торопливых выстрела. Белов pokrивился, как от зубной боли.

— Мальчишки эти, черт, шпана!..

— Мальчишки тайга не ходи, дома сиди, — сказал старик. — Им Огадаев говори: шибко сердитый директор, нельзя заповедник стреляй.

— Правда это. Дед давеча завернул ребятишек, — подтвердила Агния.

— Вот как? Значит, все-таки слушаются Николая Батуновича, когда надо? Но кто же это тогда палит под самым у нас носом?

— Разный люди. Настоящий промышленник нет. Рудный-городок живи, работай, воскресенье старый заимка на машине катайся, вино лакай, бутылка стреляй. Попадай редко!

— Ну и не только по бутылкам, — возмущенно сказала Агния. — Да они никого не жалеют! Я в прошлый раз пошла — дятел на дороге лежит мертвый. Он-то кому помешал?!

— Даже сам звук выстрела в заповеднике должен быть неизвестен, — сказал Белов, и как бы наперекор его словам вдаль раскатились подхваченные эхом новые выстрелы. — О господи! Да неужели у нас здесь не осталось здоровых, сильных людей! Как нужны объездчики!

— Два люди есть. Своекоров и Митюхин. С войны приходи целый. Однако объездчик работать не хоти, жалованье не получай. Сами тайга ходи, пушнина, мясо добывай, продавай — так живи.

— Ага, двое, — кивнула Агния. — Не хотят.

— На свободу потянуло, посмотрим... — проскрежетал Белов, накинул полушубок и быстро вышел.

В окно Агния и Огадаев увидели, как новый директор зашагал напрямик в тайгу, в ту сторону, где стреляли.

В торжественно чистом кедровнике, где, кажется, и птица бы не посмела петь громко, невероятный шум. Четверо ошалевших от азарта охотников бежали, рассыпавшись цепью, что-то оралы зычными, уже осипши-

ми от усталости голосами. Двое выстрелили, не замедляя бега. Куда, в кого? Эхо, словно взбесившееся, скомкало, разорвало на части и расшвыряло по окрестностям несуразуцу звуков.

Это была погоня, облава на соболя. Рыже-буроватый зверек величиной с небольшую кошку скачками уходил от людей, изредка делая бессмысленную попытку нырнуть в снег, увы, слишком еще мелкий. Соболю уже сильно устал и, как видно, был доведен до отчаяния. Он уже не вилял между деревьями и не пытался спастись на каком-нибудь из них, понимал, наверное, что это ничего не даст: одно дерево, на котором он только что отсиживался, уже лежало срубленное. Впереди же соболя ожидала коварная ловушка — натянутая от ствола к стволу сеть.

И вот в шуме и гаме погони соболю ринулся в роковой просвет, наткнулся на сеть, мгновенно закрутился в ней и, издав хрипловатый крик, замер. «Готов! Есть! Попался!» — торжествующе завопили охотники.

Оставалась самая малость — прикончить зверька ударом палки или приклада. Но тут-то с противоположной стороны сети и возник как из-под земли человек в распахнутом полушубке, без шапки, задыхающийся и побелевший от напряжения. В руках у него сверкнул нож; одним быстрым движением он полоснул по сети. Освобожденный соболю скакнул в сторону и исчез.

Лавиной набежали охотники, встали, отдуваясь, от изумления потеряли дар речи. Один наконец крикнул плачущим голосом:

— Да что же это такое, братцы?! Ведь убежал!

Другой, самый молодой из охотников, в изнеможении сел прямо в снег и сказал:

— В кои-то веки подфартило! Первый раз в жизни размечтался подержать в руках соболюшку.

— Вы, в общем, верно вопрос ставите, — убирая нож в чехол за пояс, отозвался Белов. — Соболя действительно осталось очень мало. Для того здесь и заповедник — для восстановления. А вы... И кедр не пожалели, срубили, ах, варвары!

— Судить его, — сказал высокий, хмурого вида дедина. — Узнать, кто такой, и самолично судить.

— Да че там судить! — устало просипел сидевший в снегу парень. — Соболюшку все одно не воротишь. Всадить заряд мелкой дроби в одно место, и пусть идет.

— Вот именно. Как хорошо придумал! — сказал Белов. — А то у меня дырок-то на теле от пуля да от осколков вроде маловато. Пали, солдатуха, я повернусь.

— Патрона на тебя жалко, — пробормотал детина, сделал шаг, медленно замахнулся, и здоровенный кулак, казалось, со свистом проделал в воздухе полуокружность. Но удара не последовало: Георгий Андреевич сделал молниеносный нырок и остался стоять, как стоял. Детина, едва удержавшийся на ногах, удивленно осмотрел кулак.

Этот маленький эпизод произвел некоторое впечатление на браконьеров. Помолчали, разглядывая незнакомца. Чувствовалось, нет у них единого мнения, чтоб дружно распалиться для расправы.

— Ладно. Говори, кто ты такой есть и откуда на нашу голову свалился, — мрачно изрек пожилой плотный человек.

Ответить Белов не успел. Позади него металлически лязгнуло — как лязгает только затвор, досылая патрон в патронник.

— Директор заповедника, вот кто! — грянул звонкий девичий голос, и Агния, распаленная, растрепанная, появилась из-за деревьев. Карабин в ее руках отплясывал безо всякого порядка — черненький кружочек дульного отверстия нацеливался то на одного, то на другого браконьера.

— Никак Агнюха вауловская, Сотникова Феда дочка! — обрадовался плотный. — Слышь, Агнюха, смотри не пальни из этой штуковины, она шутить не любит — боевая.

— Зря не пальну.

— Так! — подвел итог Белов. — Зверя вы, товарищи, не добыли, и я вас на первый раз отпускаю. Немедленно покиньте заповедник, и больше сюда ни ногой. И прошу вас сообщить всем вашим знакомым охотникам, что заповедник — под государственной охраной! Пойдемте, Агния.

И, не дожидаясь ответа, зашагал назад, по своим следам. Агния, бросив напоследок: «Попомни, дядя Евсей!», поспешила следом.

Когда группа растерянных браконьеров осталась позади, Георгий Андреевич, нечаянно перейдя на «ты», сказал с нежностью:

— Спасибо, Агнюша. Ты у меня, видно, единомышленница. Напугалась?

- Было маленько.
- А карабин откуда?
- Да у нас их целых три. И патронов жестяной ящик. Дед такой запасливый!
- Хорошо бы никогда из них не стрелять...
- А это какие нарушители попадутся. В иных и шмальнуть не грех.
- Надо так дело поставить, чтобы люди сами, добром, берегли приряду.

Трудный получился разговор у директора с Виктором Митюхиным и Степаном Своекоровым. С кем-нибудь другим не стал бы Георгий Андреевич разводить долгие тары-бары, по уж очень ему нравятся эти двое. Именно их хочет он иметь объездчиками в заповеднике.

Оба — солдаты. Таких солдат капитан Белов повидал немало: без приказа вперед не лезли, наград на груди не густо, а посмотришь, если есть во взводе такой вот Митюхин или Своекоров, то взвод и из самых опасных передряг выходит, и после боя живет по-людски, домовито. Всегда успевают они шепнуть высунувшемуся из окопа товарищу: «Поберегись!» — и человек жив, и вражья пуля полетела мимо. Покажут молодому шустрому командиру ложбинку, по которой лучше всего продвинуться вперед, чтобы всем взводом не угодить под прицельный пулеметный огонь противника...

Многие достоинства собеседников угадывал Георгий Андреевич. Следопыты? Конечно! Снайперы? А как же! Лошадь подкуют, а если надо, подлечат ее...

В избе повсюду были видны признаки обстоятельных сборов: коробка снаряженных латунных патронов на лавке, ружье, разобранное для смазки и регулировки, крупа, мука и соль в грубовато, но крепко сшитых мешочках, одежда и обувь, выложенные на видное место, чтобы еще и еще раз посмотреть на них, заметить, может быть, неполадку и сделать нужный ремонт. Красно-речивей же всего о подготовке говорило поведение некрупной черной, с белым галстучком, лайки по кличке Курок. Собака и пары минут не могла пролежать на подстилке у двери — то и дело вставала и смущенно потягивалась. И в том, как Курок, стараясь не смотреть на гостя, все же внимательно следил за ним, чув-

ствовалось скрытое нетерпение и опаска: как бы надоедливый чужак не испортил охоту.

Георгий Андреевич в конце концов отбросил дипломатию:

— Ну так вот, товарищи. Все я про вас знаю. Народ вы честный, до войны в заповеднике работали не за страх, а за совесть. Именно такие люди мне сейчас и нужны. Должности свои вы займете по закону, как фронтовики. С завтрашнего дня, нет, с сегодняшнего, оформляю приказом.

На столь прямое заявление услышал Белов и ответ такой же. Своекоров, сухощавый, подобранный, в старой солдатской гимнастерке, ладно облежавшей его крепкую фигуру, сказал, спокойно глядя на нового директора:

— Больно ты быстрый, Андреич. Какие мы люди, это ты разузнал, верно. Ну и невелик секрет-то — здешний человек весь как на ладони. Вот ты — другое дело. Мы тебя не знаем и знать пока нам недоступно. Как ты все тут поставишь, так то нам, может, и не согдится. У нас с Витюхой свое понятие о заповеднике.

— Интересно, какое?

— Да как тебе сказать... Вот работали мы у Тураева. Хороший был мужик, заботный. А слабину все ж таки имел. К нему, бывало, то начальники, то друзья-приятели наезжали и брали зверя почем зря. И что же тогда получалось? Я, скажем, задерживаю нашего браконьера старикашку Хлопотина, ружье у него конфискую, протокол пишем, большой штраф присуждаем — все честь по чести. А он, Хлопотин-то, вдруг видит, что другие какие-то люди повезли из заповедника изюбра, и никого не боятся, да еще похваляются. Куда мне глаза на такой случай от Хлопотина деть? И как ему не обижаться? Вот тебе один пример. А другой пример, так это то, что не единожды и в меня, и вон в Витюху стреляли. Ты помнишь, Витюх, фуражку мне новую прямо на голове насквозь пробили? Подтверди.

— Разворотило дробью во как. Новую, ага, аккурат токо купил в Рудном, — добродушно улыбаясь, закивал Митюхин, небольшого роста мужичок, молодой, круглолицый, а голова сплошь седая.

— Ничьи друзья-приятели охотиться здесь не будут, — сказал Белов и, сделав паузу, добавил: — Прошу поверить.

— Ну вот, кажись, обидели человека, — виновато усмехнулся Своекоров. — Ты уж прости, Георгий Анд-

реевич. Да не журишь, придем мы к тебе работать, вот отбелкуем и придем... К весне. Никого на наши места не ставь, придем! Куда нам деваться?

— К весне — не годится. Один месяц, так и быть, подожду... Да ведь у вас, наверное, и договор с заготовщиной?

— Ну! Взяли кой-какой авансец.

— Ладно. Как говорится, ни пуха вам ни пера. За месяц как раз рассчитаетесь. А лишних шкурок — таких, чтобы во-он в тот домик таскать, — вам не надо.

И Белов показал в окно, откуда были хорошо видны хоромы Татьяны Щаповой.

— А ты уж и про то прослышал? — смутился Своекоров.

Белов встал и, ничего не ответив, пошел к выходу.

На улице, увидев подъезжавшую повозку, запряженную знакомым конягой Василь Васильичем, он улыбнулся, но, присмотревшись, нахмурился: уж очень озабоченным был возница — участковый Иван Мернов, за спиной которого виднелась маленькая, сгорбленная фигурка найденыша Юрки.

— Что-нибудь случилось? — пожимая руку участковому, спросил Белов.

— Случилось-приключилось... Тьфу, вспоминать неохота, а поганые, брат, у меня дела! В Ваулове не так давно один старый хрыч помер. Тот еще был дядек, исторический. В царское время и каторга его не скрутила, а при Советской власти мирно обосновался хозяйством и промышлял чем только мог. По-нашему называется хищник отпетый. Вот и стал он помирать, а совесть сильно нечиста — вспомнил про бога и велел чадам и домочадцам вокруг собраться, чтобы, значит, исповедаться. Собрались, конечно, все, кого звали и кого не звали, — всем интересно. Он исповедался, как хотел, и помер. И тут-то история и начинается. Оказалось, немалый должок за старым!

— Ну так... — пожал плечами Георгий Андреевич.

— Правильно, какой спрос с покойника! — подхватил Мернов. — Но ты слушай дальше. Промышлял старикашка за компанию с другим, тоже из здешних, но помоложе. Старательством втихую занимались, ну, не без фарта — такие на метр сквозь землю чувят. Вот бродят они по самой глухомани, богатеют, значит, и однажды такой случай: таборок ветхий, кострище, и два мертвяка лежат. Нерусские вроде, но тоже такие же

старатели, и золотишко при них. Не убитые, я уверен, сами померли. Скажем, отраву ненароком съели, а не то клещ энцефалитный свое сотворил: залез под кожу, а там — паралик, и лежи себе, в тайге никто не поможет. Что делают наши прохвосты, ты и сам понимаешь: чего надо забрали, и тягу. Властям — ни-ни, золотишко схоронили; потом, дескать, поделим.

— А, понимаю. Второй до сих пор жив.

— Еще как жив! Захар Данилович Щапов, вполне известная личность. В начале войны его упекли за незаконный сбыт — ну, не с тем, не со схороненным золотишком, как я понимаю, на том у них с хрычом Постниковым до времени крест стоял, а со своим, своими руками добытым. Все эти годы Захар вместо фронта — в заключении. И что же ты думаешь? Ему сроку с гулькин нос остается, а он — в бега. И обозначает это только одно: что слух про исповедь хрыча Постникова до него быстрее, чем до милиции, докатился. Ему просто-напросто письмо послали, чтобы новой тряски опасался. И он... к золотишку!

— Да, похоже, к нему...

— Вот-вот. Эх, да если бы не эти вауловские!.. Мне, понимаешь, подробности нужны, я тридцать два допроса снял, всю бумагу перевел, а они, старье это, ни в какую. «Нам не можно, мы не слышали...»

— А по-моему, все очень просто. Здесь он. Они об этом знают или догадываются и, естественно, побаиваются. Постой, постой... Ты сказал: Щапов. Он, случайно, не родственник нашему счетоводу Татьяне Спиридоновне?

— Законный муж он ей, впрочем, бывший. Развелась она с ним, как только его засудили. Да и не пара они. Он много старше — мужик к пятидесяти. Спиридон покойный тоже фрукт был, по дружбе небось дочку отдал. Хотя... Этот Захар Данилович Щапов и в приличных человеках походил: учился, бухгалтером на руднике работал. При галстукe ходил, как интеллигент. Может, могла она и сама им соблазниться. Да, но только немного Татьяна культурной жизни повидала. Не мог такой в канцелярии на стуле усидеть — за богатством погнался. Ну и добыл тюрьму да конфискацию имущества. Татьяна, бедная, от одного стыда и в Терново-то сбежала.

— А мне показалось, не такая уж она и бедная.

— Ну, сама-то по себе она баба не промах.

Между тем из управления выбежала Агния, увидела закутанного Юрку.

— Что за мальчонка такой — будто каменный! Ну и запеленал, Иван Алексеич, ты парня: узлы такие, что развязать невозможно.

— А это, вишь, чтобы он не простыл. Давай помогу. Иди сюда, Юрка. Да хоть с Андреичем-то поздоровайся. Как-никак твой спаситель. Если бы не он, тебя бы сейчас хищники обгладывали. Ну, все молчишь! Он, Агнюха, понимаешь, в пораженном состоянии находится. Полагаю, вроде контузии, только от холода.

— Диагноз твой, мягко говоря, ошибочный, — сказал Белов, входя в дом. — Что-то тут не то. Ну, Юра, чем ты так расстроен? — Он привлек к себе мальчика, тихонько вошедшего за ними следом. — Расскажи. Здесь тебя никто не обидит. Ты как в тайге оказался? Почему один?

Но мальчик молчал. Его взгляд, устремленный мимо Белова, на стену, вдруг наполнился страхом. Все в недоумении посмотрели туда же. Там устроенная Агнией в целях наглядной агитации небольшая выставка браконьерских орудий и оружия: под самодельным плакатом «Браконьерам — бой!» висят на стене несколько капканов на крупного зверя, лук и стрела, едва не стойвшие Белову жизни, приметное, с граненым стволом старинное ружье, оставшееся его трофеем после памятной встречи со Шаповым.

— Ружье!.. — вскрикнул мальчик и, вытянув руки, побрел, как слепой. Он опасливо коснулся пальцами ложи и отдернул их, будто от удара электричеством. Повернувшись, он с мучительным недоумением поочередно посмотрел на Белова, Агнию и Мернова и прошептал: — Злой человек ружье взял... Зачем в заповедник приноси?

— Вот и заговорил Юрка, — сказал Мернов. — Но только не нравится мне такой разговор! Откуда у вас эта фузезя?

На дне глухого распадка, куда нечасто заглядывает солнце, к крутому лесистому склону притулилась избушка-невеличка, сработанная просто и грубо. С плоской крыши свесился сугроб, прикрыл избушку козырьком чуть ли не до единственного крохотного оконца. Низкая дверь тоже наполовину завалена снегом, приби-

тым метелью, мчавшейся этой ночью по распадку, как по трубе.

Откуда-то сверху, словно вытолкнутый колючей чашей, вывалился порывивающий мохнатый ком. Охнул, ругнулся и, встряхнувшись, оказался Захаром Шаповым: в бороде и в бровях снег застрял; на груди болтается обрез. По-хозяйски быстро Шапов окинул взглядом избушку: все, кажется, как и должно быть, — не тронута, запущено... И не заметил, что в оконце на мгновение мелькнуло светлое пятно.

Из щели в стене достал Захар подобие деревянной лопаты и взялся было отгрести снег от двери. Но, поработав минуту, подумал, видно, что ни к чему оставлять лишние следы. Плюнул, наспех восстановил сугроб в его первоначальном виде и потащился, сглаживая за собою примятый снег, вокруг избушки.

И вдруг — нате! Из-под кучи хвороста, наваленной кем-то про запас позади избушки, борозда, пробитая в снегу человеческими ногами — только что, сегодня пробитая! Шапов отпрянул, мгновенно срывая с плеча обрез и в ужасе тыча стволом в пространство, будто неведомые враги могли возникнуть прямо из воздуха.

Но никто не возник перед ним, и звуков никаких не было. Немного успокоясь, Захар высмотрел в глухой стене небольшую отдушину, плотно заткнутую заинделевым мохом, и тихо, не дыша, приблизившись к ней, ткнул в нее обрезом; затычка провалилась вовнутрь.

— Кто тут есть?! — взревел он. — Вылезай! До трех считаю! Ра-аз!..

Сумрачная избушка, и верно, была не пустой. Маленький старикашка с лисьей физиономией и здоровенный парень лет восемнадцати, губастый, с пухом вместо щетины на лице, замороженно крутили головами, повторяя движения слепо ворочающегося в отдушине ствола.

— Два-а! — крикнул Шапов. — Щас пальну! Лезь через дыру, я приказываю!

Двое, даже не переглянувшись, покорно полезли в нору под стеной: сначала парень, за ним мелко дрожащий старик. Выползли на четвереньках наружу, поднялись: чумазые, в саже и земле лица, в волосах и на одежде мусор. Шапов посмотрел-посмотрел и вдруг громово расхохотался.

— Охо-хо-хо! Тараканы запечные! Вы бы морды-то хоть об снег потерли!

— Так вить это Захар Данилович Шапов пожало-

вал! — просиял старик. — С благополучным, значит, вас, Захар Данилыч, возвращеньцем, стало быть, из тех краев в эти края. Скоко радости-то всему нашему народонаселению!

— Заткнись, Хлопотин. Ни нашему, ни вашему народонаселению от меня никакой радости не предвидится. И вообще меня тут пока не было и нет, и вы никакого Захара Даниловича Шапова пока не видели и не увидите. Понятно объясняю?

— То есть как это? Вот ведь ты, Захар Данилыч, стоишь себе, — глаза старика Хлопотина хитро сощурились: догадался, что не все у Шапова чисто, и сразу же вступил в игру: — А! Так то нам помстилось! Не было и нет никого! Это правда, Никита? Помстилось, а как же!

— Во-во. А в случае чего, вот этой штукой, — потрясав обрез, сказал Шапов, — и покажу, как оно иной раз и не мститя.

— Да мы! Да ни в жисть! Мы рази ж не имеем понятия! — весь так и сморщился от веселья и руками замахал Хлопотин.

— Ну, ты-то ладно. А это что за фигура?

— Не узнаешь? Никитушка, племяш мой, сирота. Ты насчет него, Захар Данилыч, не сомневайся, он так, маленько...

— Знамо, маленько того, коли на тебя работает. Видел ведь: тут кругом ям да самоловов, каких черт не придумает. Сам-то небось и не управляешься. Сдал ты, Хлопотин, по виду догадываюсь.

— Времечко-то, оно идет, Захар Данилыч... Чу! Ишь, опять он гуляет...

Шапов живо обернулся. На противоположном склоне распадка солнечно сверкающий зверь плавно пересекал небольшую речину.

— Какой! И не боится!

— Ни в грош нас не ставит, Захар Данилыч! Знает, какие у нас ружья. А ты шмальни, шмальни, Захар Данилыч, из своего! Ведь ходит и ходит! Собаку сожрал — бесценный Азартка был! И капкан я ему, окаянному, и лук настраивал — хоть бы ему хны!

— Можно... — быстро прицеливаясь, пробормотал Шапов и выстрелил.

Звук выстрела, неимоверно громкий, как бы разрывающийся от натуги, доверху наполнил распадок. Поло-

сатый зверь дрогнул, сделался длинней и, ярко сверкнув, исчез во мгновение ока.

— А ведь попали, Захар Данилыч, ей-ей попали! — торжествующе закричал хозяин. — Теперь баловать не будет!

— Попасть-то, может, и попал, — досадливо сказал Шапов. — Токо ему от того и боли мало. Далёко! Эта штука для близкого боя — людишек убивать из засады. Стволу, вишь, усекновение сделано, потому пуля излишнее кружение и шатание получает и главную силу теряет. Зазря и стрелял, патрон истратил. Ну да ладно. Чай пить пошли. Через лаз. Это ты, старая лиса, правильно придумал. Ежели по-городскому, черный ход называется.

В маленькой избушке, казавшейся еще тесней из-за развешенной для просушки пушнины, Шапов в ожидании, когда закипит чайник, все подверг тщательному и бесцеремонному осмотру. Заглянул в укромные углы, каждую шкурку подержал в руках, пересчитал запасы харчей и даже перетряхнул личные вещи браконьеров. И все это с одобрительным ворчанием:

— Нич-чего... Хор-рошо... Уд-дачно... Нет, еще молодцом ты, Хлопотин, ишь, добыча какая... Куница-каменюшка... Не зазря посередке заповедника присосался и сидишь...

— Помаленьку мы, — извивался Хлопотин, со страхом следя за хватающими лапищами Шапова. — Садись к столу, Захар Данилыч, чаек поспеваает. Гость ты у нас дорогой.

— Гость, чего еще! Эту заимку еще мой батя строил. Название какое тут? Шапово, Шапов ключ. Стало быть, вот что я решил... Стану вами управлять. Покуда зима, пушнину промышляем. А весной покажу заветные места — золотишка намоем. Богачами вас сделаю. Но вы меня за это любите и слушайте. Понятно объясняю?

— Золотишко-то, оно конечно...

Над распадком трое путников устало передвигали короткими охотничьими лыжами: раскрасневшийся, в распахнутом полушубке Мернов, Агния с биноклем на груди и карабином за спиной и сосредоточенно всматривающийся во все вокруг Георгий Андреевич.

Шапов ключ и сверху местечком веселым не казался. Крутые, лесистые, кое-где с выходами горных пород

склоны, внизу петлял ручей, чью упорную, не сломленную холодом жизненность подтверждали выступившие тут и там из-под снега зеленоватые пятна сырых наледей. Избушку, притулившуюся за ручьем, под елями, не сразу можно было и заметить: корявое сооружение совершенно естественно вписывалось в окружающую его чашу.

— Тот самый Шапов ключ, про который я тебе рассказывал, — отдуваясь, сказал Мернов. — Тишина, никого. Ну-к, Агнюх, дай бинокль... — Посмотрев в окуляры и не заметив ничего подозрительного, заключил: — Пусто. Третья заимка, и все пусто. Видать, прослышал народец про нового директора, теперь опасается. Да тут, впрочем, и взять небось нечего. Тут кто хозяйничал? Шаповы. Одно слово. И сам еще папаша, он и заимку эту лет двадцать тому назад поставил, и сынок небезызвестный. Полагаю, вокруг ни норы, ни птичьего гнезда не отыщешь. Зверье кругом обходит.

Белов, тем временем немного отдалившийся от товарищей, вдруг вскрикнул:

— Ошибаешься, дорогой начальник! След тигра! И свежий! — в восторге Георгий Андреевич весь засветился и опустился перед следами на колени. — И не тигр, как я понимаю, а тигрица, — след-то довольно продолговатый... Да не подходите вы! Все вы мне тут затопчете!

Агния и участковый, посмеиваясь, отступили.

— А по мне, лучше бы пару рябчиков. Жареных, ага, Агнюха?

— У Георгия Андреевича большой интерес к тигру, это понимать надо, Иван Алексеевич, а ты все шуточки.

— Да уж понимаю, понимаю.

— Здесь она лежала и била хвостом... — бормотал Белов. — Долго лежала, снег подтаял... Ага, палку грызла... Палочку-то эту мы — в мешок; дома получше рассмотрим... Так что же тебе так не понравилось, милая?

— Видала, Агнюха? Ученый следопыт. Нас теперь и не слышит, — с наигранной обидой, в которой все-таки сквозило уважение, сказал Мернов и, присев на валежину, достал кيسет с махоркой. — Кажись, надолго. Слава богу, спешить теперь не надо: до ночевки добрались — вон со всеми удобствами спать будем, — кивнул он в сторону избушки. — А что, Агнюха, пока Анд-

рею своей наукой увлекается, не сообразишь ли ты нам насчет ужина?

— Мог бы и не подсказывать, — по-мальчишески огрызнулась Агния и полетела вниз, ловко лавируя между деревьями. На дне распадка она перешла невидимый ручей, через рыхлый снежный нанос пробилась к избушке, ногами отгребла снег от топорно сколоченной двери, нашла ручку, тоже деревянную, прибитую гвоздями коряжину, дернула. Дверь сначала поддавалась с трудом, но затем резко, как бы сама собой, растворилась, и огромная ручища втащила не успевшую и ахнуть девушку внутрь избушки.

— Ай да удача! Девка попалась! Батюшки, вооруженная! — Захар Шапов, еще не поняв, видно, всю серьезность неожиданной ситуации, развеселился и, без особого труда преодолев сопротивление Агнии, облапил ее и привлек к себе. Но тут он был укушен пленницей за палец и с глухим воплем отбросил ее в дальний угол. В руках у него, однако, остался карабин; разглядев его при свете полуотворенной двери, он сразу позабыл про боль. — Ай да машинка! всю жизнь мечтал иметь!

Остальные обитатели избушки по-разному восприняли происходящее. Толстогубый Никита замер в изумлении, весьма, по-видимому, еще далекий от каких-либо выводов, старший же Хлопотин сразу учуял опасность и вскочил с неожиданной для старика резвостью.

— Не чуди, Захар Данилыч! Девка из заповедника! Агнуха это, Сотникова! Не одна она! Того и гляди другие люди заявятся! Никита, пушнину собирай!

— Трус ты, Хлопотин, трус. Вот с этой штуковинной, — сказал Шапов, проверяя, полна ли обойма, — я никуда спешить не намерен. Здесь буду, моя заимка! А с девки допрос снимем и все узнаем.

Агния немного опомнилась и зло сверкала глазами. На первое же сделанное в ее сторону движение Шапова она ответила пронзительнейшим криком. Захар Данилович поспешил закрыть дверь, Хлопотин кинулся к девушке и накрыл ее полусубком.

Ни Белов, ни Мернов не услышали этого крика. Участковый, с некоторым даже комфортом устроившись на поваленном дереве, покуривал самокрутку; Георгий Андреевич, в нескольких шагах поодаль, был весь поглощен изучением следов.

— Ну, братцы, странная история! — вдруг сказал он громко.

— Давай-давай, Андреич, — одобрительно отозвался Мернов. — Видать, такое уж твое дело — странные загадки разгадывать.

— Да ты только посмотри — кровь!

Лениво поднявшись и подойдя к Георгию Андреевичу, Мернов и правда увидел несколько в стороне от сделавшейся в том месте редкой цепочки следов пятна крови.

— На то и тигрюшка, чтобы кровь проливать. Небось кого-нибудь сцапала.

— Больше никаких следов нет, — с сомнением покачал головой Белов. — Видишь, вон оттуда она пошла скачками. А кровь, сам знаешь, не из всякой раны потечет сразу. Вот и получается: там в нее попали, а здесь кровь брызнула.

Нахмуясь, Мернов быстро пошел назад. Заимка с предполагаемой Беловым точки ранения зверя — как на ладони.

— Стало быть, если стреляли, то оттуда... Однако далеко!

— А если из нарезного оружия?

— Это я уж и сам подумал. Ах, язвы, еще и Агньюхи не видать. И почто только я ее одну послал! Агню-у-ха-а! — зычно кричал Мернов.

Тем же путем и тем же способом, что и Агния, оба ринулись вниз. И как только достигли безлесного распадка, в приоткрывшейся двери избушки блеснула маленькая, солнечного цвета молния. Обоих кинуло в снег. Гром выстрела прокатился над спинами.

— Мернов, это ты, что ли, своею персоной? — крикнул Щапов.

— А еще чьей же! — выплевывая набившийся в рот снег, рыкнул участковый.

— Учти, это я так стрелял, понарошку!

— Понял я твою шутку! Тебе человека убить религия не позволит!

— Ну! Во! Я такой! — обрадованно гаркнул Щапов и, помолчав, спросил: — Мернов, а пистолетик-то твой при тебе?

— А то как же. Вот он, в руке.

— И патронов много?

— Целый карман.

— А у меня вот теперь — карабин, — с этакой печалью посетовал Щапов. — И еще кое-что имеется...

И нас тут, промежду прочим, трое. Мои людишки аккуратно вашу девку привязывают...

Тут Георгий Андреевич, не выдержав, взвился во весь рост. Но он и шагу не успел сделать: Мернов, ринувшись, подсек его, повалил. И тем не менее золотистая молния снова вспыхнула в дверном проеме, опять выстрелил Шапов.

— Этак нечестно, Мернов! Я вам позволения вставать не давал. Ты держи этого директора крепче, а то...

Между тем с тылами у Захара Шапова не все в порядке. Связанная, с тряпичей во рту, сидит, прислонясь к стене, Агния; Хлопотин торопливо заканчивает сборы, но Никита, поначалу вроде бы вялый, безвольный, на глазах твердеет, и кулаки его сжимаются. Пошевелив немного губами вхолостую, он по-медвежьи утробно, но достаточно громко пробубнил:

— Это че — в своих-то людей палить?! Это как можно?! Злодейство! Во-о!

— Что ты, что ты, Аникитушка, помолчи! — всплеснул руками старик. — Пимы надевай, бежать надо, тюрьма иначе!

— Не побегу. Да я его шас! Это!

Никита шагнул было в сторону Шапова, но тот, немолимо направив на него карабин, зашипел:

— Уйми своего дурака, Хлопотин. Не хочет уходить, и пушай. А мне на пути становиться нельзя, так и скажи ему. Шлепну ведь, мне это что комара раздавить.

— Аникитушка, верь, верь Захару Данилычу! — умоляюще зашептал старик, повисая на племяннике.

— Слышь, Мернов, — снова закричал Шапов. — Давай договоримся! Видишь, вон камень у сухого кедра? Полагаю, твой наганчик ни в жисть оттел не дострельнет. Вы, значит, оба — ты и твой директор — ступайте туда. Хотите, бегите, хотите, ползите. Я пока стрелять не буду, обещаю, а мое слово, сам знаешь, верное. Ну так вот, как только вы там очутитесь, мы тихо-мирно смотаемся, и ваша девка опять достанется вам. Принимаешь?

Скосив глаза, участковый увидел, что плечи Георгия Андреевича трясутся от беззвучного смеха.

— Ты что?

— Повидал наглецов, но такого... А и удачлив же, черт! Ведь придется отпустить!

— Бандит, он и должен быть удачливым. А иначе надолго ли его хватит? Эй, веселый человек, Агнюху

нам предъяви — чтобы целую и невредимую! Тогда и порешим.

Чьи-то руки вытолкнули из избушки опутанную веревкой Агнию. Она, вся в злых слезах, прислонилась к стене. Затем в темном дверном проеме произошло какое-то движение, возня, и наружу выскочил парень в разорванной рубахе. Отдуваясь, он встал рядом с Агнией.

— А это еще зачем? — обеспокоенно спросил участковый.

— К девке к вашей добавка! Вишь, я не жадный! Теперь отходите, как я сказал. Уговор дороже денег.

— Сначала я, потом ты, — шепнул Белов и поднялся.

Но, поднявшись, Георгий Андреевич вдруг словно позабыл, что ему надо делать. Он стоял и смотрел на Агнию и ничего, кроме Агни, не видел и не в силах был повернуться к ней спиной. И та, кажется, поняла его странное состояние: ее глаза разом высохли и со страху сделались большими — бросилась бы, не будь связаны ноги, и собой прикрыла беззащитного под бандитским прицелом человека! Но тут и Никита о чем-то догадался и, шагнув назад, широченный, прикрыл проем двери.

— В людей стрелять не дозволено...

— Ну, беги же, Андреич, не стой, зигзагом беги! В случае чего, прикрою! — отчаянно зашептал Мернов. — Ах, язви! А может, все-таки возьмем его? Ведь вон, оказывается, нас сколько!

— В следующий раз, — опомнясь, твердо сказал Белов и широко зашагал к торчащему метрах в пятидесяти кедру. А когда остановился там, не прячась, Мернов тоже поднялся.

— Не! А ты лучше ползи! — оттолкнув Никиту, крикнул Шапов и не целясь пальнул вслед участковому. — Ползи, чтобы знал, где место милицейское! Не в тайге, нет!

— Все я тебе зачту, — проскрежетал Мернов, невольно убыстряя шаги.

С дальнего расстояния Георгий Андреевич и участковый толком даже не увидели беглецов: те, выбравшись через лаз, подались вверх по лесистому склону распадка.

— Про такие успехи начальству хоть и не докладывай. Засмеют! — проворчал Мернов.

— Но все равно изловим. Сколько веревочка ни вейся...

Они направились к избушке, где Никита развязывал Агнию.

— Отпусти меня, Захар Данилыч, за-ради бога. Ну какая я тебе компания? Этакого страху натерпелся, инда вся внутренность дрожит.

Оба беглеца лежали, уткнувшись разгоряченными лицами в снег. Покряхтывая и постанывая, Хлопотин сел. Мокрое, осунувшееся лицо, голова бессильно никнет.

— Кабы не я, не здесь был бы.

— Здесь или там... — вздохнул старик. — Отпусти! Дуралея своего женить мечтаю. Один я у него — отец с войны не вернулся. А коли с тобой пойду... Токо и гляди, как бы на долгий срок не угодить, ты вон какой отчаянный. Оно, значит, и выйдет мне в тюрьме помирать... Отпусти!

Щапов тоже сел; брезгливо, но и с оттенком жалости долго смотрел на старика, потом сказал:

— Отгулял ты, видать, свое, Хлопотин. А ведь какой был ухарь! Отпустить, говоришь? Иди. Мне ты не нужен. Немного от тебя веселья. А куда пойдешь-то?

— Назад пойду. Пушнину скороню и сдамся участковому.

— Почто тебе ее хоронить? Почто мучиться? Так иди, налегке, — и Щапов положил руку на упругую котомку старика.

— Так вить...

— Иди, иди, старче.

За ночь потеплело, но утро выдалось пасмурное. Туманная мгла лежала прямо на плечах распадка, и не было видно ни одной дальней сопки. К десяти часам вязкий сумрак все еще подступал к заимке, а дальше, в ту и другую сторону долины, лежал сплошной синефиолетовой массой, в которой с трудом, сами на себя не похожие, различались деревья и бугрящиеся под снегом камни.

Ночевавшая в избушке компания позавтракала при свете коптилки почти молча. У всех было плохое на-

строение, да и аппетит тоже, за исключением, впрочем, Никиты, — тот уминал хлеб, строганину и кашу, выпил затем целых четыре кружки чаю. Старик Хлопотин, пригорюнясь, смотрел на племянника и в конце концов не выдержал, высказался плаксиво:

— Дуралеюшка Аникитушка, и как же тебе с твоим прозорством в тюрьме-то тяжело достанется!..

— Это ты к чему там расхныкался? — сердито сказал, очнувшись от глубокой задумчивости, участковый. — И почто ты все дураковатишь парня? Парень он как парень. А ест — растет, значит. И в тюрьме ему делать нечего. Георгий Андреевич вчера сказал — к себе его возьмет.

— Не повезешь, стало быть, нас в Рудный на общее посрамление? — обрадованно залебезил старик.

— Не до вас. Но в понедельник чтобы сами явились в милицию, в третий кабинет. Перевоспитывать вас будем. Ох и что же это директор-то наш? И куда запропастился?

В избушке не хватало одного Георгия Андреевича. Еще затемно, когда все спали, он, оставив записку: «Буду часа через два», встал на лыжи и куда-то отправился. Куда? Мернов ударом ноги отворил дверь и, проследив направление лыжни Белова, ушедшей через ручей и затем, кажется, вверх, к тому месту, откуда они накануне спустились, предположил не без раздражения:

— Неужто на тигрюшкины следы опять пошел любоваться? Нашел тоже время!

— А ты, Иван Алексеич, не майся, — сказала Агния. — Написано тебе на бумаге: через два часа.

— Не через два часа, а часа через два — это большая разница. Дались же ему эти следы!

— Георгий Андреевич знает, что делает. Задание у него от самих академиков.

— Академиков! Шибко понятливая стала! Карабин-то проворонила, раззява! И горя тебе мало! А знаешь, что за потерю боевого оружия бывает? Директора снимут, вот что.

— Дык... — От ужасной угрозы Агния потеряла дар речи и, видя, что Мернов собирается добавить еще что-то язвительное, в испуге захлопнула дверь.

— Втюрилась, видать, в Андрейча, а ему и замечать некогда, — усмехнулся участковый и принялся нетерпеливо вышагивать перед избушкой.

За этим занятием он провел, по-видимому, немало времени. Проторенная им тропинка сделалась твердой, утоптанной, и день успел посветлеть и разгуляться, когда вдаль наконец показался Георгий Андреевич с длинной палком-посохом (по-местному — кабаргонзой) в руках. Подойдя, сказал устало:

— Извини, задержался...

— Не в том беда. Без оружия ходишь, а тут... Зато небось разгадал про тигрицу все, что хотел? Чем она там занимается?

— Ранена в мякоть левой задней ноги. Зализывает сейчас рану, лечится, как умеет, а если не вылечится, станет голодать и... Мать она, где-то у нее тигренок, уже довольно большой, но бестолковый. Так что ситуацию и сам можешь понять.

— Неужто ты все это по одному следу узнал? — изумился Мернов.

— Да, след, первые пять километров... Еще этак бы тысячу километров, и у меня будет объективная картина биологии тигра.

— Размахнулся! Тыщу верст натропить! А не боишься: ты за тигрюшкой, а она тебя — ам! Тыщу верст!

— Натропить, описать, систематизировать, сделать соответствующие выводы... Например, как регулировать охоту в нашем крае. Что нужно: полный запрет или ограничения? Или вот проблема: сколько тигров тайга без ущерба для себя прокормит? Тыща верст... Это только для первого случая.

Мернов призадумался, пытаясь прикинуть объем предстоящей Белову работы, с сомнением покачал головой.

— Да-а... Как говорят старухи, помогай тебе бог. Мне и самому не мешало бы получить маленько божьей помощи! Голова от мыслей трескается: как Щапова взять?

— А ты попробуй учесть одно обстоятельство. Пушнину он у Хлопотина отобрал? Он ее кому-нибудь продаст или... так отдаст...

— На Таньку намекаешь, на супругу? Такой случай я уже обдумал.

Дверь избушки отворилась, выглянула Агния.

— Георгий Андреич, чаю не пили! Второй раз подогреваю.

Смиренно замерло Терново, подчинясь снегам, стуже и темноте. Если бы не яркий прямоугольник окна канцелярии, то могло бы показаться, что тут, посреди тайги, вовсе и нет никакого человеческого жилья. Но окно сияет щедрым светом пятилинейной лампы, да и в других домах кое-где, если приглядеться, вздрагивают огоньки — где лампадка, где коптилка, где допотопный жирник: время еще не ночное — вечернее. Нельзя сказать, что и на улице крохотного поселка полное безлюдье: быстрая, словно бесплотная, фигурка (ни одна собака не залаяла) проскользила от дома к дому и прилипла к освещенному окну. С минуту — никакого звука. Потом как бы со стоном прорвалось частое, трепетное дыхание.

Сквозь стекло, лишь понизу забеленное снежными узорами, Татьяна увидела, что, сидя за столом, Георгий Андреевич писал: и мысли его, и чувства сливались воедино, и все в его лице было до отчаянья непонятно Татьяне. Но что? Белов вдруг поморщился, нахмурился и, бросив в сердцах ручку, с досадой посмотрел в окно. Татьяна едва успела юркнуть в сторону.

Совсем другая картина открылась ей, когда она, слышав за стеной голоса и несколько удивленная этим, решилась снова заглянуть в окно. Теперь вся большая комната была перед ней, и оказалось, что Георгий Андреевич вовсе не в одиночестве. За дальним столом, приобняв найденыша Юрку, сидела Агния; там, как видно, занимались учебой: раскрытые тетрадка и книжка лежали на столе. Возле печки примостился старик Огадаев, который, нацепив очки, чинил пим. Перед висевшим на стене зеркалом стоял взятый на днях на должность объездчика Никита Хлопотин и примерял новую форменную фуражку, а сам Георгий Андреевич стоял рядом с ним и, посмеиваясь, вроде бы подтрунивал над парнем: дескать, до времени, когда фуражку можно будет носить, еще дожить надо. Собственно, они все там в эту минуту с веселым интересом следили за Никитиной примеркой. Впрочем, не все... Девчонка эта, недоросток, смотрела вовсе не на парня, а на директора, и такая влага сверкала и переливалась в ее глазах, что Татьяну наконец-то озарило: соперница!

Больше не смогла смотреть Татьяна. С яростью оттолкнулась от стены, и, уже не таясь, пошла прочь. Ее походка странно потяжелела — заскрипел от быстрых шагов снег. Где-то гавкнула собака.

Злая бессонница напала на Татьяну. Не ложится ей ни на левом боку, ни на правом, а ночь одинокая еще вся впереди...

И вдруг — показалось или на самом деле? — звякнула щеколда калитки. Затаив дыхание, Татьяна прислушалась и дождалась нового звука, уже совсем определенного: стукнула в сенях дверь. И голос, от которого, если бы и спала, подскочила как ужаленная: «Отвори...»

Вошел грузный, застонали половицы.

— Лампу разожги да поставь на пол.

— Захар! С ума ты сошел! Тебе кто велел приходить! — бурно зашептала Татьяна. — Поймают! Мернов три ночи на чердаке сидел у Савелкиных, тебя караулил!

— Караулил, а теперь не караулит, небось простыл. Вот я и пришел, — спокойно отозвался Шапов и, сев на лавку, со стоном вытянул ноги. — Пимы с меня сыми. Или нет. Прежде дай молока топленого, душу погреть.

— С солдатами он теперь зайвится, так и знай! — почти на крик сорвалась Татьяна.

— Ну так что ж. В тайге токо таежному человеку ход, а все иные-прочие завязнут.

— Хорохоришься! Найдутся и похитрей тебя! Что удумал! В милиционера стрелять! Карабин упер, это надо! А слухи-то, а слухи какие про тебя! Вполовину поверить, и то уж душегуб получаешься! Ты бы хоть карабин-то им подбросил, и вины бы твоей стало меньше...

— Карабин — где надо. Я теперь вот с этим хожу, — медленно расстегнув полушубок, похлопал ладонью по невидимому во тьме обреза. — А слухам про меня ты тоже верь, и другие пушай верят и боятся. Мне так надежней.

— Дык что ж это, господи!

Как ни мало радости испытала Татьяна от ночного визита, но жена есть жена, и все приказы мужа быстро исполнены: лампу засветила, достала из печи плоскую теплую топленого молока и стянула с Захара пимы.

— Баньку бы... Вша заела, — с наслаждением шевеля пальцами ног, сказал он.

— Поумней ничего не скажешь? Да ежели в такой час я баню затоплю, назавтра до самого Ваулова каждая собака будет знать, кто ко мне приходил. Нет уж, корми насекомых. Чугун воды есть в печке — достану.

— Ладно. Обойдусь пока и без лишней сырости. Сухость, она зато для здоровья полезней.

— Во-во, зверюгой тебе жить, а не как люди.

— Нужда. Временно, — ничуть не осердясь, философски сказал Захар. — Ничего. Дай срок, в шелковой рубаше и при галстукe опять ходить начну. Ужо махнем с тобой в один такой город, какой я на примете имею, купим дом каменный и всего такого прочего. Заживем припеваючи.

— С тобой напоешься. Каких токо песен?

— Али ехать отдумала?

— Опять ты за свое. Я и думать не надумывала! Все ты за меня решаешь. Такие ли времена, чтобы мне куда-то ехать? Тут у меня корова, жалованье какое-никакое, свой доход есть, а в городе что будет? На фабрике работать да на паек существовать? Или про золото, что ли, про свое опять талдычить будешь? Где оно? Ни разу я его не видала и верить тебе не обязана. У тебя, может, одна горсточка, а ты хвост распускаешь, будто миллионщик.

— Хо-хо, глупая баба, у меня золота стоко — держать в руках тяжело. Может, и миллионщик — это как его продать.

— Во-во, ты уж напродавался. На четыре года — за колючую проволоку. Теперь меня прельщаешь. Оно, конечно, я баба видная, оборотистая, справилась бы, не как ты. Но токо вот тебе мой последний сказ: рассыпь ты передо мной хоть цельный пуд золота, и я не нагнусь. Не желаю! И на том покончим. Харчей тебе соберу и сей же час уходи, за-ради бога, куда-нибудь подальше. Я твердо решила: эта встреча у нас последняя.

— Та-ак... — протяжно сказал Захар и, помолчав, укоризненно покачал головой. — Этаких речей я от тебя еще не слыхал. Али чего напужалась?

— Ничего я не напужалась, а не хочу, и все тут.

— Давай тогда разберем, откуда ветер дует. Часом не оттуда, где ты нынче под окнами стояла? — И, медленно подняв заскорузлый палец, Захар прицелился им, как пистолетом, в сторону управления заповедника.

Татьяна поежилась, открыла рот, чтобы сказать что-то, но не нашлась, смолчала. По лицу Захара скользнула и исчезла в бороде усмешка.

— Я все вижу и все знаю. А как же? Мое дело такое — во все вникнуть.

— Мало ли, зачем я там стояла! — опомнилась

Татьяна. — Я как-никак на работе числюсь в заповеднике!

— Не крути. На директора облизывалась, вот и вся твоя причина. Мне ли тебя не понимать? Однако, видать, невелики твои успехи, а? Иначе я бы над тем интеллигентом потешился. Убить бы не убил, а шкуру содрал. Как бы он без шкуры-то пошел? — И Щапов вполне натурально и безо всякой боязни быть услышанным с улицы расхохотался.

— Больно востер. Он, может, с тебя с самого побыстрей шкуру сдерет.

— Не. Этот для меня не опасен. Я с ним, как с котенком. Бродит вот только по тайге каждый день, во всякую щель суется — мешает! Ну, за это я его не трогаю, пушай себе. Работа у человека такая. А вот уж ежели ты с ним скрутишься... Шлепну.

Татьяна обессиленно присела на постель. В одну минуту сломленная, потухшая, прошептала почти беззвучно: «Все про тебя правда...»

Захар, совершенно спокойный, положил на лавку обрез, скинул прямо на пол полушубок и с удовольствием прошелся по скобленому полу.

— Да! Кабы не забыть. Я там, в сенях, мешок бросил — пушнина кое-какая. Продай по-аккуратному. Деньги сбереги, пригодятся нам на самый первый случай.

— Не учи...

Пока Татьяна хлопотала, припрятывая пушнину, да пока приготовила кое-что из харчей, чтобы положить в котомку мужа, сам он прикорнул на лавке.

— Захар, дрыхнешь! А я тут сиди и карауль тебя! Того и гляди светать начнет! — Татьяна толкнула мужа в плечо.

Схватившись за пимы, Захар Данилович одумался:

— Ишь, батя привиделся... Сон такой...

— То-то, я гляжу, спишь ты, а в глазах у тебя помокрело. Видать, как ни броди по тайге, а все человеком останешься.

Коротки сборы: обрез под полушубок (чтобы затвор не замерз), в котомку побросал харчей и, не тратя времени на прощанье с женой, — к двери.

— Шел бы напрямки задами.

— Нельзя, след положу. Спервоначалу по дороге надо, камусы у меня недалече припрятаны...

А Терново словно навеки заснуло в загустевшей под

облачным небом темноте. Ни звука кругом: не стукнет копытом присмирившая в тепле хлева скотина, не залает собака, которую, пожалев, пустили с мороза в дом, не хлопнет дверь, не заскрипит снег под ногами несущей охапку дров хозяйки. Еще очень рано.

Захар Шапов, соблюдая скорей формально, чем из страха, некоторые меры предосторожности, миновал глыбящиеся во тьме избы и, довольный, был уже готов нырнуть, как рыба в воду, в надежную чашу, как вдруг непонятный трескучий звук, возникший за углом крайнего строения, заставил его застыть на месте. Несколько мгновений, сжавшийся, готовый ко всему, он смотрел туда, где затрещало, и силился понять причину незнакомого звука, резкостью, впрочем, напоминавшего выстрел. Затем ему, не склонному по характеру к растерянности, пришлось-таки испытать это чувство. Он заметил, что снег вокруг начал излучать красный свет, который прямо на глазах нестерпимо ярчал, растекался вширь, обнажая причудливые и нелепые очертания окружающего. И сам себя, свою одежду, свои ноги и невероятно красные руки (он еще не успел надеть рукавицы) увидел Захар Шапов и испытал в придачу к растерянности суеверный ужас. Он поднял голову: горевшая в небе красная ракета объяснила ему всю эту чертовщину и то, что он одурачен: из-за амбара, пряча в карман ракетницу, вышел Белов.

— Красиво провожаешь, — пробормотал Шапов; в его голосе появилась вызванная испугом сиплость.

— Почему провожаю? Встречаю. Так будет точней.

— Э-э! Близо не подходи! — обретая твердость, сказал Шапов. — Убить не убью, а как бы «пером» не пощекотать твою нежную кожу. — В руке у него блеснуло красным бликом лезвие ножа.

Белов, вроде бы подчинясь, остановился в двух-трех шагах. Стало опять темно.

— Так что, разойдемся, будто и не видались. Делить нам нечего. Худого я тебе не делал, а мог бы: в тайге ты не один раз у меня на мушке сидел.

— Вот как? — подивился Белов. — Жалеете меня. Спасибо.

— Сказано, делить нечего.

— А вот это явная неправда. Самострел забыли? Оленуху забыли?

— Ну, то ненароком.

— А карабин? Где он, кстати? Он на мне числится.

— За оленуху готов уплатить хоть сейчас. И карабин отдам. Пустяшные счета.

— Может, и пустяшные. Но есть, кажется, за вами и кое-что посерьезней.

— На что намекаешь? Что из заключения утек? То тебя не касается, и не лезь. И вообще весь этот разговор лишний. Пойду, пожалуй. Но токо ты не вздумай ракетой мне в спину палить. Одежу попортишь.

Щапов сделал вид, что собирается тронуться в путь. Он уже начал подозревать, что тут все-таки ловушка нешуточная, и это подозрение оправдалось: со стороны Тернова послышались гулкие шаги бегущего человека. То молодой объездчик Никита Хлопотин спешил на помощь своему директору.

— Постойте, Щапов,—с досадой сказал Белов.—Ну что вы на самом-то деле! Я ведь еще не все вам сказал.

— Говори быстрее.

— У меня предложение. Пойдемте сейчас ко мне в канцелярию и составим протокол о вашей добровольной сдаче. Это, конечно, не освободит вас от ответственности, но участь ваша будет облегчена. Вы это сами знаете.

Георгий Андреевич говорил просто, ласково и одновременно попытался взять Щапова под руку. Тот, мгновенно налившись злобой, кинул руку с ножом вперед.

— Получай, чего выпрашивал... — с хрипом выдохнул он, но, странно, его рука, вместо того, чтобы поразить живот Белова, изменила прямое движение на круговое и оказалась позади его же собственной спины. В следующий миг он и сам, повернувшись волчком, клюнул лицом в снег. — Больно! — крикнул он.

— Да, будет немножко больно, потерпите, — наваливаясь на него сверху, тоном доктора сказал Белов. — Никита! — крикнул он подбегавшему парню. — Веревка у меня в кармане, достань. Так! Теперь нож подними. Обрез у него под полушубком.

Через минуту руки Щапова были скручены за спиной. Он яростно мотал головой — отплевывал снег. Никита и Георгий Андреевич, отдуваясь, отошли немного в сторону.

— Как это вы его! Один! А я-то бегу, ну, думаю, не поспею! Вон какой боров! А вы! Как его! Прием самбо называется, я знаю! Меня научите, Георгий Андреевич!

— С твоей силушкой, да еще приемы. Народу перекалечишь! Ивана Алексеича еще не слышно?

— Кажись, едет.

Мернов действительно, стоя в санях, с гиканьем нахлестывал Василь Васильича, который, ошеломленный таким непривычным обращением, готов был, казалось, порвать постромки и лететь по воздуху. Через несколько минут подвода, лишь чудом не опрокинувшись на каком-то ухабе, подъехала к окраине Тернова. Бросив вожжи, Мернов спрыгнул с саней.

— Ну что, Щапов, на хитрую гайку нашелся-таки болт с резьбой?

— Стало быть, так. Перехитрили, — спокойно, ничуть не обескураженный, отозвался тот, с трудом поворачиваясь и садясь на снег. — Развязали бы, не убегу теперь, слово даю.

— Нет уж, из веры вышел, — жестко сказал участковый и повернулся к Белову: — Андрейч, да эх, да как же я тебя люблю-то, милый ты мой человек!

Пока Мернов корпел над протоколом о задержании, наступило утро. Жители Тернова — женщины и дети, старики, старухи, одноногий инвалид на костылях — все потянулись к управлению заповедника. Канцелярия набилась битком, лишь вокруг Захара Даниловича, сидевшего со связанными руками на стуле посреди комнаты, оставалось пустое пространство, ступить в которое не решались. Никто не разговаривал, просто стояли и смотрели — на всех лицах боязливое любопытство. Появилась и Татьяна. Она села за свой стол у двери и, не поднимая головы, зашелестела бумагами. Мернов не стерпел:

— Как же так получается, Татьяна Спиридоновна? Имеются сведения, что вот этот фрукт, то есть муж ваш, побывал нынче у вас. И вы — молчком?

— А я вам доклады сочинять не нанималась, — огрызнулась Татьяна.

И опять тишина, молчание. Похоже, все чего-то ждали, в том числе и участковый, отложивший ручку-самописку в сторону и отодвинувший листок протокола. Наконец Георгий Андреевич, то и дело посматривавший в окно, многозначительно кивнул Мернову. Тот сразу подобрался и уставился на дверь. Вошла Агния и с ней мальчик-найденыш Люрл.

— А, Юрка, привет! Как жизнь молодая? — с наигранной веселостью сказал участковый. — Ну-к, подойди поближе, погляжу на тебя. Да и ты погляди-ка вот на этого дяденьку.

Все расступились. Агния подтолкнула застеснявшегося мальчика. Он, опустив голову, сделал несколько нерешительных шагов, подошел к столу, за которым сидел Мернов, и вдруг, стремительно обернувшись, увидел безмятежно развалившегося на стуле (руки за спиной) Щапова.

На несколько мгновений мальчик оцепенел. Затем с невнятным, сдавленным криком: «Очень плохой человек! Его никуда не пускай, его милиция вези, Иван Алексеевич!» — он отпрянул к стене, его словно припечатало к бревнам.

Щапов не шелохнулся. И в комнате никто не тронулся с места. Лишь минуту спустя Белов неспешно подошел к мальчику, обнял его, посеревшего, явно близкого к истерике, и вышел с ним в коридор.

— Что и требовалось доказать, — сказал участковый, снова пододвигая к себе протокол.

— Стало быть, живой мальчонка, — словно в забытьи, проговорил Захар. — Это надо же... Я полагал, сгинет. И эх же, нечаянно я!..

— И сгинул бы, кабы не хорошие люди.

В то утро никто в Тернове не затопил печь вовремя. Так все и стояли возле управления до тех пор, пока сани участкового с лежавшим на них Щаповым не тронулись в дальний путь.

Мальчика Юрку Иван Алексеевич оставлял на попечении Агнии. Собственно, по ее же просьбе. «Ты его небось в детский приемник повезешь, — заявила девушка. — Там кормят впроголодь, а Юрка и так заморенный. Пусть лучше с нами побудет — мне вместо братишки». Мернову такой выход из положения пришелся по душе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Долгим взглядом Георгий Андреевич проводил отъезжавшую повозку, и, пожалуй, озабоченности и беспокойства в этом взгляде было гораздо больше, чем естественного, казалось бы, чувства удовлетворения. Раза три или четыре, пока повозка не скрылась из виду, Белов оглянулся на Никиту Хлопотина, чем, несомненно, обнаружил невысказанное желание послать парня (на всякий случай!) за компанию с участковым. Но кто бы взялся убедить в необходимости такой меры несколько, к сожалению, самонадеянного Ивана Алексеевича?

— Ну вот и все, — без особой уверенности, вздохнув, сказал Георгий Андреевич. — Теперь, как говорится, вернемся к нашим баранам или, если быть точней, к оленям. Вы не забыли, Николай Батунович, какое у вас на сегодня дело?

— Огадаев никогда дело не забывай, — ворчливо отозвался старик. — Почто забывать? Лошадь сено бери, в тайгу вези, олень корми. Директор придумал, Огадаев исполнил. Наверно, правильно.

— Правильно, правильно, не сомневайтесь. Агнюша, а ты, кажется, собиралась сделать анализы моим вчерашним находкам?

— Ну, Георгий же Андреевич, ну с дедом же и с вами хочется поехать. Вон и Юрку тоже взять, засиделся он, ему свежим воздухом подышать надо, чтобы аппетит был. А анализы я и завтра сделаю.

— Что ж, если так... Пожалуйста... Да, да, возьмите мальчика, пусть погуляет. В понедельник я лично отвезу его в школу.

Покладистый директор... Но все, что надо, делается в маленьком хозяйстве. Никита встал на лыжи и, малость заважничав от сознания возложенной на него ответственности, отправился в пятнадцатикилометровый обход по заповеднику; Татьяна, как-то разом почерневшая, стучит, не поднимая глаз, костяшками счетов в канцелярии; Огадаев запряг пегаша и у сеного сарая накладывал воз душистого сена из своих немалых запасов; Георгий Андреевич, забежав посмотреть, укорил старика: «Не жадничайте. Целый воз нужен, а не половина».

И вот пегаш, кланяясь на каждом шагу, вытянул мохнатый воз за пределы Тернова — сначала по мало-езженной дороге, потом следуя направлению, указанному бредущим впереди на лыжах Беловым. Агния с Юркой устроилась на верху воза. Девушка, стараясь растормошить мальчика, начала что-то ему рассказывать. Огадаев с вожжами в руках идет рядом с возом, ворчит:

— Лошадь кушай, корова кушай — хорошо. Олень кушай — все равно никому не говори. Его тайга корми. Олень помогать — никогда не слыхал... Армия помогать — Огадаев сам помогал: совсем новый тулуп давал, эскадрилья «Красное Приморье» строил. Советский самолет высоко — хорошо! Почто олень помогать?

— Ох и нудный же ты стал, дед! — крикнула с во- за Агния. — Тебе Георгий Андреевич русским языком объяснил: к концу зимы крепкий наст будет, олени ото- щают, и, если их не подкормить, падеж начнется.

— Весна далеко... Олень помогать... — гнет свое старик.

И в зимнее время урочище, которое Белов в своих каждодневных скитаниях облюбывал, чтобы узнать, ка- кие результаты может дать подкормка оленей, поражало своей причудливой красотой. С гряды мелкосопочника открывалась широкая, изогнутая подковой долина, ог- ромное пространство, где природа постаралась показать, насколько чуждо ей, в ее бесконечном творчестве, какое бы то ни было однообразие. Не сходя с места, можно было видеть и гладкую ленту скрытой подо льдом реки, и неожиданную остроконечную горку на плоской пло- щади, и сопки малые, много сопок, и величественные, с заиндевелыми скальными обнажениями горы. И все это было в наряде тайги, которая каждый бугор или низинку одела сообразно их назначению и потребно- стям. Там, на высоте, — волнисто бугрящимся кедровым стлаником, там, на отлогом склоне, — мохнато зеле- неющей массой кедровника, а ниже — оголенными сей- час лиственными деревьями и кустарниками.

...Георгий Андреевич не отрываясь смотрел в би- нокль на казавшийся издалека ровным рядок копешек сена на небольшом пойменном лужке. То был скромный результат поездки и, как видно, нелегкого труда, что подтверждали раскрасневшиеся лица путников и в осо- бенности пена на боках пегаша, которая, лопаясь, сохла на морозе.

— Обязательно надо соорудить кормушки, а иначе они половину сена будут затаптывать копытами, — озабоченно сказал Белов. — Вы бы, Николай Батунович, организовали, что ли, наших стариков, а я чертежик нарисую. Тут недалеко, и дела на один день... — Он не- ожиданно притих и через минуту проговорил другим, восторженно пресекающимся голосом: — А ведь уже пришли! До чего же любопытны...

— Мне, мне дайте! — нетерпеливо потянулась за биноклем Агния и тоже увидела: из кустарниковой ча- щи выскользнули и снова скрылись две трепетно сереб- рившиеся на солнце фигурки животных. Они затем, осмелев, появились снова. Один олень, словно бы игра- ючи, притронулся мордой к копешке.

— Георгий Андреич, а ведь они у нас и людей скоро перестанут бояться!

Бинокль стал переходить из рук в руки, и события, медленно развивавшиеся на дальнем лужке, никого не оставили равнодушным. Заметно оживился Юрка; даже старик Огадаев, когда Белов и Агния общими усилиями помогли ему осилить неведомую досель технику, разразился, глядя в окуляры, с несвойственной ему пылкостью:

— Кушай! Кушай! Моя не жалеет! Лето придет, Огадаев новый сено запасет — много! Однако странно. Почему опять народ? — сказал старик, когда пегаш, приободрясь от предвкушения близкой кормежки и отдыха, без понуканий затрусил по улице Тернова.

И было чему удивляться: собак в поселке явно прибавилось, а возле управления толпилось все местное население — второй раз за день!

Люди расступились, давая дорогу подъезжавшей повозке, но лошадь не пошла в образовавшийся коридор. Испуганно захрапев, пегаш шархнул в сторону и едва не опрокинул сани. Георгий Андреевич спрыгнул на землю и стремительно прошел сквозь толпу. Возле ограды на сделанной из веток волокуше лежал мертвый тигр. В скудноватом свете предвечерья он, казалось, мерцал, подобно тлеющему под черными головнями костру. Поблескивала на его боку струя замерзшей крови, глаза желто светились, не выражая ни злобы, ни страдания, ни страха — ничего... Нагнувшись, Георгий Андреевич провел ладонью по жестковатой шерсти, под которой глухо угадывалась холодная плотность тела.

По плечу Белова довольно чувствительно хлопнули. Он рассеянно обернулся. Перед ним стоял незнакомый полупьяный мужичок в перепоясанной патронташем телогрейке с берданкой за плечами.

— Здорово, директор! Шли мы к тебе, шли, насили дошли. Интерес имеем, чтобы, значит, снял ты нас на фотографию и с нашей трофеей. А мы, ты не сомневайся, не обидим — уплотим и вина выставим.

— Кто вы такой?

— Я-то? А бригадир бригады охотников, и вся бригада моя тут. Костин, фамилию слышал? «Тигриная погибель» прозываюсь. Не мог ты не слышать.

— Со вкусом прозвище. Сами придумали?

— А то кто же?

— Зачем ребенка убили?

— К-какого ребенка? — ошарашенно отодвинулся Костин.

— Да ведь ему и трех лет нет. С матерью, наверное, ходил. Хромая была тигрица?

— Это... — подивился осведомленности Белова Костин. — Ну, как есть, точно. Своими глазами не видел, а по следу заметно: на левую заднюю ногу припадала малость. Их, вишь ли, трое сошлось аккуратно за Чухунтинским перевалом. Поначалу вот этот был и с тигрицей, а опосля и сам старик в компанию к ним присуседился. Но как токо мы этого взяли, тигрица — в одну сторону, старик — в другую, и теперича, значит, он в Маральей пади держится. Небось надеется, в заповеднике не тронут. А мы-то тут как тут! Порешили, тигрица пушай пока поживет, а его брать нам необходимо, потому как у нас трудовой договор ровно на три шкуры, для чучел. В музей — в Москву повезут. Ну как, сымать-то будешь на фотокарточку? Мысля у меня: тигрюшку нашего надо приподнять и подпереть палками, чтобы он, будто живой, стоял. А я со товарищи вот туточки сядем, рядком. Эй, мужики, подавайсь сюда ближе!.. А назавтра или на послезавтра, ежели фарт нам не изменит, мы опять придем и опять тебя попросим...

— С-сымать не буду, пленка кончилась, — не своим голосом сказал Белов; губы у него вздрагивали. — Да я любого! За тигра! Как бешеного пса!

Произошло нечто несообразное: директор, схватив бригадира, что называется, «за грудки», потрянул его с такой силой, что голова Костина беспомощно замоталась и с нее слетел небрежно надетый треух, обнажив изрядную лысину, неожиданную у этого, в сущности, еще молодого человека.

Так же внезапно Георгий Андреевич отпустил Костина. Минуту он стоял, глядя сверху вниз на тигра, и, когда вновь повернулся к толпе, его лицо было бледным и отрешенно спокойным.

— Без специального разрешения вход в заповедник запрещен, — тускло сказал он. — Тем более с оружием. Объявляю вас и вашу бригаду задержанными. Следуйте за мной для составления протокола. — И он направился к крыльцу управления. Сделав несколько шагов, обернулся к Костину. — А лично у вас я прошу прощения. Я, кажется, был не очень вежлив... Но за вами остается право потребовать от меня удовлетворения в законном порядке, через милицию.

— Чего?

— А зверя сфотографирую. Вы, кажется, хотели подпереть его палками? Хорошо, подоприте, пожалуйста.

— Чего?

Оказалось, еще не кончилась пленка в трофейной «лейке» Георгия Андреевича. Наверное, целую катушку измотал он, с разных точек снимая тигра, при этом с помощью рулетки сделал тщательные замеры и исписал несколько страниц в блокноте. Исполнил он и свою угрозу насчет протокола, а затем самолично, очень спокойный и непреклонный, выпроводил смущенную бригаду за пределы Тернова. Под конец все-таки не сдержался — на прощанье погрозил охотникам кулаком.

Между тем не на него одного вся эта история подействовала удручающе. Житель поселка, обыкновенный, в сущности, житель глухого таежного угла, привыкший чтить охотничью удачу или, в крайнем случае, завидовать ей, если она ни с какого боку его самого не греет, тоже ощутил что-то вроде нависшей беды, причем, пожалуй, и какую-то свою собственную виноватость. Впрочем, внешне ничем особенным это не выразилось, разве что сварливостью матерей, непроходящим испугом самых маленьких ребятишек, сосредоточенностью дедов, в молчании полезших на свои печи, да еще поступком одноногого Силантьева, который, встав на пути Георгия Андреевича, сказал шутливо: «Слышь, теперь впору меня взять в охранники. А что? Я себе из багра костыль сооружу и тогда любого браконьера не так, так этак достану».

Вернувшись в управление, директор повел себя довольно загадочно: сделал несколько беспорядочных распоряжений, которые и назавтра, а иные так даже и через неделю мог бы сделать, был стремителен, сосредоточен и непоседлив: то в столе ящиками подвигает, то в кладовку метнется, то к сейфу, то попишет, то вдруг замрет, склонившись над трехверсткой. Агния наконец догадалась: это сборы.

— Георгий Андреевич, никак за Чухунту намечаете, матерого тропить?

— Намечаю, Агнюша, намечаю. Раз следы там есть — полагаю, Костин их не выдумал, — значит, надо идти.

— Завтра?

— Завтра как бы поздно не было. Сегодня.

— Это на ночь-то глядя?

Прикрыв ладонью рот, Агния осеклась: ну дело ли оговаривать человека, который в тайгу уходит. Только он сам, уходящий, может знать точно свой час и свою минуту.

Георгий Андреевич положил в мешок кое-какой лабораторный инструмент, бинокль, новую толстую тетрадь в синем коленкоровом переплете, «лейку»... Из харчей же — кое-что: чай, да соль, да хлеба немного... «Не так чтобы уж очень надолго уходит», — решила все примечавшая Агния, но тут Георгий Андреевич взялся за свое ружье, которое еще ни разу не расчехлял со дня своего приезда. Вздохнув, он попестовал его, проверяя, сколько в нем тяжести, вынул затем из карманов пять патронов и, подумав, два из них положил обратно. Агния забеспокоилась:

— Стало быть, не на один день, Георгий Андреевич?

— Не на один, не на один, Агнюша... — рассеянно отозвался он и вдруг, как бы что-то вспомнив, испытующе, чуть нахмурясь, посмотрел на девушку. — Вообще-то я могу здорово задержаться, ты это прими, пожалуйста, к сведению и позаботься, я тебя очень прошу, чтобы, в случае чего, не было никакого беспокойства и паники. Понимаешь ли, вся работа должна идти так, будто я и не отсутствую, я очень на тебя надеюсь.

— Сколько же вас ждать, Георгий Андреич? Неделю?

— Кто знает, кто знает... Да, насчет мальчика. Хотел я его сам отвезти в Ваулово... Надо договориться с учительницей и насчет квартиры, и все такое... Может, это ты сделаешь? Где он, кстати?

— Да здесь же. В канцелярии сидит. Пишущей машинкой заинтересовался. Привести?

Приведенного тотчас Юрку Георгий Андреевич поставил перед собой между колен, погладил его остриженную наголо голову, немного замялся, не зная, что сказать. Все известное о мальчишке можно было собрать в одну щепоть: сиротство, детский дом, бегство из детского дома, небольшая компания коренщиков, от которой он ненароком отбился и решил на свой страх и риск в одиночку искать дорогой корень...

— Ну вот, Юра, в понедельник поедешь в школу...

Но дальше этой фразы напутственное слово Георгия Андреевича не пошло. Мальчишка, зажмурив глаза, решительно замотал головой.

— Ты что?

— Зачем посылаешь в школу, Андреич? Я грамотный. Писать умею, читать умею, считать умею. Мне хватит.

— Смотрите-ка, разговорился, — подивилась Агния.

— Ага, с образованием, значит, все в порядке, — сдерживая улыбку, сказал Георгий Андреевич. — Чем же ты тогда намерен заняться?

— Работать буду, в заповеднике. Как Никита. Сами говорите: мужчин мало. Я мужчина.

— Постой, постой... Что-то в этом роде я сегодня уже слышал. Это надо же!

— Мерно-ов! Развяжи, христом-богом прошу! Пальцы окончательно ничего не чувю!

— Потерпишь. До Ваулова часа два езды, там развяжу.

— До Ваулова! — простонал Щапов. — Отмерзнут напрочь! Тебе же опосля ответ держать, почто не уберег мою целость и сохранность. И-и... Куда я без рук?!

— Руки тебе совсем ни к чему. Даже сказать, лишние. А показания будешь языком давать.

— Мернов, души в тебе нету!

— У, язви тебя! — Мернов остановил лошадь, обернулся к Щапову. Тот, вытащив из-под сенной подстилки руки, на совесть связанные увесистым мотком веревки, с болезненной гримасой протянул их Ивану Алексеичу. Мернов сдернул одну из рукавиц и сразу увидел, что жалобы не притворны: пальцы, похоже, начинали белеть. Быстро развязав веревку, приказал: — Три снегом. И не вздумай баловать.

Пока Щапов, постанывая, оттирал заскорузлые, потерявшие подвижность пальцы, участковый, мрачно наблюдавший за ним, принял решение:

— Ладно, поедешь пока так. Но смотри у меня. Я предупредил.

Надежно обозначенная дорога, миновав небольшую долинку, нырнула в извилистый коридор, пробитый в мешанине деревьев и кустарников, которые, хотя и обнаженные, обступили повозку плотной, казалось, непроходимой не только для человека, но и для всякого зверя стеной. По временам большие дубы и буки по бокам дороги, сплетаясь вершинами, закрывали скудное зимнее небо, и тогда становилось сумрачно, словно поздним вечером, и в глазах участкового словно растворялись

дуга и хомут и мерно кивающая голова Василь Васильича.

По-видимому, именно это обстоятельство — сумрак — помешало участковому вовремя заметить своеобразные сигналы, которые чуткий коняга вдруг стал подавать своими ушами. Минутой позже, когда вновь оказались на светлом участке дороги в начале начинавшегося подъема, Иван Алексеевич разглядел-таки тревожные прядания лошадиных ушей и свел брови, пытаясь разгадать их причину, но к этому моменту и времени-то для выводов и догадок не оставалось: впереди раздался шквальный грохот и треск, ошалевший Василь Васильич захрапел, поднимаясь на дыбы и вырываясь из упряжи. Пришлось участковому сделать то, что на его месте сделал бы и любой опытный лошадижник, — соскочить с саней, схватить лошадь под уздцы, огладить ее, в общем, попытаться успокоить.

Но страхи еще только начинались. Из-за поворота, сверху, вывернулась, заполнив дорогу, ломая кусты, вздымая снег, живая, подобная лавине, масса — гурт диких свиней голов в тридцать: высоко подпрыгивающие подсвинки, крупные веприцы и ошетиленные секачи.

(Винючник этого появления — удачливый охотник, только что смертельно напугавший мирно отдыхавших на дневке кабанов, — в эту минуту преспокойно уходил в сторону дороги. Без видимого напряжения он уносил в зубах двухпудового подсвинка с прокушенным позвоночником.)

Но и без тигра события на дороге спрессовывались с ужасающей быстротой. Стиснутый кустарником гурт, подобный многотонному монолиту, несомый не поддающейся подсчету мышечной энергией, к тому же, в сущности, слепой (как со страху, так и по природному свойству свиней), надвигался на подводу с огромной скоростью. Когда до жуткого столкновения оставались какие-то метры, свою посильную лепту в события внес и Захар Щапов. Вскочив в сани на ноги, он заорал во всю силу своих незаурядных голосовых связок. Это был вопль торжествующего охотничьего азарта, скорей звериный, чем человеческий, и он намного перекрыл треск сучьев, топот и уханье кабанов. Где-то вдалеке, уже не меньше чем за сто или двести метров, спокойно и даже с важностью уходивший тигр счел за благо припустить рысью, на дороге же произошла полная мешанина: передние животные попытались повернуть, задние

полезли на них, и почти тотчас громада достигла ног Мернова. Вздрыбленная лошадь извернулась в упряжке каким-то совершенно не лошадиным образом, и конец оглобли угодил Ивану Алексеевичу в голову. Он повалился.

В тот же миг Шапов, замолчав, рыбкой нырнул с саней и, бешено извиваясь, стал продираться сквозь упругую, ошетиленную миллионами колючек чашу.

Гурт прошел. Истоптанный Мернов остался неподвижным. Лошадь, не признав хозяина в полузасыпанном снегом бугре и, однако, аккуратно обойдя его, сделала, будто ею управлял умелый возница, все необходимые, чтобы стать на дорогу, маневры и галопом понеслась в сторону Ваулова.

Там, ближе к вечеру, ее, взмыленную, и увидели местные жители. Догадавшись, что случилась беда, они быстро запрягли другую лошадь и снарядили на помощь Мернову экспедицию из двух вооруженных берданками стариков, которые и подобрали его, еле живо, спустя полтора часа.

На следующий день в той же самой местности — а это была упомянутая бригадиром Костиным падь — побывал Георгий Андреевич Белов. Он нашел следы тигра, испытав при этом радость, которую ненатуралисту никогда не понять, и сделал в своей тетради первую запись, не такую уж, правда, научную, скорее романтично-восторженную:

«Наконец-то Он! Это те самые следы, на кои наткнувшись, следуй, как велит старый обычай, взадпятки. И не переставай кланяться! А то накажет лютый!»

Впрочем, уже следующая запись выглядела вполне деловито:

«След вчерашний. Длина шага 70 см. Торопливо. Почему? Следы крови на снегу. Определенно нес добычу. Направление НО».

Пойди Белов против движения тигра, и за какой-нибудь час он обогатил бы науку новыми сведениями о поведении животных, а кроме того, и о людском поведении тоже, причем в сложных условиях. Но Георгий Андреевич знал, что неподалеку дорога, а дорог в тайге он не любил, в особенности на территории заповедника. Он даже мечтал когда-нибудь засадить все эти торные людские пути лимонником и кедром, бархат-

ным деревом, аралией маньчжурской, актинидией коломиктой, диким виноградом, багульником, на худой конец, конечно же, колючим элеутерококком — да всем, чем угодно.

Собственно, Георгию Андреевичу и в голову не приходило сделать крюк в сторону дороги. Только вперед и как можно ближе к тигру — такое горячее побуждение владело всем его существом.

Кто знает, а вдруг повезет и удастся хоть в бинокль, хоть краем глаза увидеть вольного властелина тайги?

Довольно скоро Белов наткнулся на тигриную поедь. Ключки шерсти, копытца да немного обгрызенных костей — вот все, что оставалось тут от двухпудового подвизка.

«Ничего себе, нагулял аппетит... В бегах-то, а? От бригадира-то, от Костина, а?.. Страшный мужчина! «Тигриная погибель» прозывается, так и знай... — бормотал Георгий Андреевич, тщательно изучая находки. — Теперь дрыхнешь где-нибудь, сны золотые видишь... Пойти да разбудить да призвать к ответу: вставай, р-разбойник!..»

И пролегла рядом с проделанной зверем глубокой бороздой в снегу ровная лыжня зоолога. Два следа, такие разные, но если посмотреть на них, то получалось, что двое вроде бы прошли бок о бок и вели доверительный разговор...

Через час это мирное согласие было нарушено: след тигра пересекли следы неизвестного человека — отчаянного, видно, парня, путешествовавшего без лыж, но с таким напором, какого хватило бы, наверное, чтобы преодолеть все сопки и доли.

Долг призывал Георгия Андреевича догнать и задержать явного нарушителя заповедного режима, но не разорваться же! Махнув рукой, он продолжил свои наблюдения и уже в этот вечер отыскал лежку тигра под старым, искореженным молнией кедром. Зверь, по всей видимости, лежал недолго: углубление в снегу, четко обрисовавшее его внушительные контуры, обледенело не так уж сильно...

Белов оказался первым, кому неизвестный путешественник сумел заморочить голову. Щапов действительно держал путь строго на юг, но в этом была всего лишь одна его хитрость. Понимая, что местонахождение

его раскрыто, что теперь не миновать ему опасного внимания со стороны поисковой спецгруппы, Захар в ближайшие двое суток предпринял все, чтобы показать, что удирает он именно на юг, и для этого, смело отказавшись от своего инкогнито, помаячил в виду села Казачкино, двух хуторов и зверового зимовья с большой компанией охотников. Его загадочно промелькнувшую фигуру видели тут и там; а в одном хуторе, в гостях у старинного приятеля, он даже пил чай и в разговоре намекнул о своих якобы мечтах пошастать в иных краях. Создав таким образом легенду о своих намерениях, беглец снова сделался невидимым и глухими звериными тропами вернулся на территорию заповедника, куда призывали его весьма немаловажные интересы.

Захар Щапов, этот бродяга, своей неприхотливостью не уступавший иному животному, на самом деле был исключительно запасливым, предусмотрительным, по-настоящему хозяйственным мужиком. За последующие сутки он, передвигаясь все с тою же, правильно подмеченной Беловым поспешностью, сделал многокилометровый зигзаг по заповеднику, навестив две свои захоронки — одну в дупле старого дерева, а другую в скальной расселине. В результате он снабдился солью и спичками, подкрепил силы, вскрыв банку каких-то консервов взятым в одном из тайников ножом, и встал на запасные лыжи.

Используя для перехода часть ночи, которая выдалась звездной и с почти полной луной, Щапов ранним утром добрался до своей третьей захоронки, устроенной, как и первая, в дупле дерева и в столь потаенном месте, что о его существовании, казалось, могли знать лишь птицы. То был разлом в основании горы, никуда не ведущий тупик, заросший деревьями, кустарниками и лианами до такой степени, что даже входа в него как бы и не существовало. Само же дупло было в древнем, не меньше, чем в три обхвата, тополе, с отверстием на небольшой высоте, снизу совершенно незаметным: в свое время Щапов не пожалел трудов, чтобы замаскировать его большим куском коры, снятым с комля другого, стоявшего неподалеку тополя.

Отнюдь не блестяще выглядевший, Захар (из полущубка вырваны клочья, на лице полученные в первые минуты бегства и еще не зажившие царапины) пребывал, однако, в прекрасном настроении. Взгромоздившись на толстый сук, он затянул свою любимую: «Ты

уж стар, ты уж сед, ей с тобой не житье...» — и так, под веселое пение, вскрыл захоронку. И его голос наполнился грозным мажором, когда из черного овального чела показался длинный предмет, тщательно обернутый черной тряпичей. «Голова старика покатила на луг!» — торжествующе разнеслось окрест.

Заранее припасенным пучком сухого мха Захар снял с карабина слой медвежьего жира, протер затвор и тщательно прочистил ствол шомполом. Он полюбовался новехоньким оружием, поиграл им, лаская ладонями лакированную ложу, приложился, прицелился, несколько раз проверил, хорош ли карабин навскидку. Все было хорошо! Он вытянул из дула матерчатую противогазную сумку, до половины наполненную винтовочными патронами, тоже заботливо смазанными жиром, весело блестящими, набил обойму и вставил ее в карабин.

И только после всех этих действий поинтересовался прочим содержимым тайника. Тут он притих, сделался серьезным и, прикинув к черному челу, окунул в него руку по самое плечо. Что-то нащупал там, в глубине, но вытаскивать ничего не стал, произнеся: «И ладно, пока лежи себе...»

Вскоре он уже брел еловым редколесьем, то и дело поглядывая на небо. День, начинавшийся солнечно и ясно, поворачивал, кажется, на непогоду. Дул сильный ветер, нес непонятно откуда бравшуюся при безоблачном небе колючую крупку, больно секущую лицо. Снегопад, обещавший скрыть следы, был, конечно же, на руку Щапову, и он, убедившись, наконец, что ненастье наступит обязательно, направил лыжи в сторону Тернова. «Напужаю Таньку!» — ухмыльнувшись, пробормотал он.

Поздно вечером, когда Татьяна, перебежав улицу от соседки Матвеевны, толкнула свою калитку, возле крыльца виднелись быстро скрадываемые поземкой следы лыж.

Ненастье рассердило Белова. Конечно, нелепо негодовать на силы природы, но уж очень досадно было прекращать наблюдения, когда только что вошел во вкус, когда дело ладилось, и с ощутимой пользой, когда и собственное самочувствие было отличным — шел бы

и шел, не зная усталости... Пока устраивался на ночлег — сооружал нодью, прилаживал тент и готовил лапник для подстилки — сердитое выражение не сходило с красивого тонкого лица, заросшего порядочной щетиной, а потом, устроясь под тентом перед небольшим, но надежно устойчивым пламенем нодьи, проворчал: «Ох-хо-хо, не получится, видно, перед Агнухой новенькой бороденкой пощеголять».

Состояние духа Георгия Андреевича несколько поправилось, когда он, в ожидании, пока сварится булькающая в котелке кашлица, перечитал последнюю, сделанную в конце дня запись в дневнике:

«Наблюдаемый шел, явно придерживаясь наиболее мягкого рельефа. Ход в основном прямолинейный. Выйдя на хребет, разделяющий реки Нану и Чилец, повернул вправо и стал спускаться по косогору. Здесь делал мелкие шаги, шел крадучись по направлению многолетнего кедра в распадке. В основании кедра оказалась берлога бурого медведя. Сравнительно неглубокая, выкопанная среди корней, с одним челом, обращенным на юг. Снег вокруг кедра сильно истоптан наблюдаемым. В направлении на юг с истоптанной площадки имеются выходные следы медведя. Длина медведя более двух метров; высота в холке предположительно около метра (солидный дяденька!); окраска, если судить по найденным клочкам волос, темно-бурая, близко к черной; след передних лап около 17 см, задних — 14; зверь проследовал прыжками, по всей видимости, на большой скорости. Отброшенные в сторону ветви, служившие затычкой чела, разрытый снег и грунт с противоположной стороны чела, а также глубокие царапины, нанесенные когтями тигра на ствол дерева, дают возможность восстановить примерную картину происшедшего. Очевидно, тигр, подкопав берлогу сзади и удалив затычку чела, угрожающе рычал то в одно, то в другое отверстие и в конце концов поднял медведя. Но так как медведь оказался весьма крупным, схватки между хищниками не произошло...»

— Хулиганство это, настоящее таежное хулиганство, — сказал Белов. — А все-таки...

Он не закончил фразы. Но, видимо, мысль, еще не сформированная словами, не оставила его этой ночью, ни во сне, ни когда вставал поправлять нодью. И она, эта мысль, созрела в час наступления тихого рассвета. «Не уйдешь», — проснувшись и оглядывая помягчав-

ший и отяжелевший ельник, давший ему приют, сказал Георгий Андреевич. «Не уйдешь!» — повторил он через минуту уже с большей выразительностью и, не дожидаясь, когда полностью рассветет, развернул карту, хотя, конечно, еще трудно было рассмотреть изображение. Можно снова найти след, можно! Несомненно, прихотливая, прочерченная красным карандашом линия, обозначающая уже прослеженный путь тигра, сама по себе давала какую-то разгадку поведения зверя. Да вот же оно, вот!.. Явно избегает глубокого снега... Переходы предпочитает делать по пологим местам... И сколько еще можно извлечь отсюда полезных сведений! Как кстати, что карта — трехверстка.

Угасла нодья. Последнее тепло, хранившееся в углях под толстыми обгоревшими сушниками, медленно утекало из нее, и его путь обозначался тонкой змейкой дыма: сначала змейка вползала под тент и скручивалась кольцом над склоненной головой Белова, потом выползала наружу и таяла в темной кроне большой ели. Георгий Андреевич долго не чувствовал, что мороз (правда, не сильный, около пяти градусов, как было помечено в дневнике) подступает все ближе, и отвлекся от работы лишь тогда, когда озябшие пальцы перестали удерживать карандаш. Тут он вскочил и, лязгая зубами, пустился в пляс — и для того, чтобы согреться, и от радости: он достиг, кажется, кое-каких успехов: на карте тугою дугой пролегла линия нового маршрута, которая, по его расчету, если не в одной, то в другой точке обязательно должна пересечь следы тигра.

Ох, и маршрут наметил Георгий Андреевич! Через сколько незамерзающих речек предстояло перебраться, сколько перевалов преодолеть, трущоб непролазных!

В нем боролись двое: трезвый практик и юноша, азартно мечтающий проверить себя на пределе людских сил. К счастью, лечь костями на двухсоткилометровом маршруте не понадобилось. Верными оказались кое-какие основанные на нерушимых фактах предположения, и уже назавтра, после всего лишь восемнадцати часов пути, Георгий Андреевич наткнулся на следы тигра...

Растянувшийся цепочкой небольшой, в пять голов табунок изюбрей стремительно мчался поперек безлесного склона. Животные были явно напуганы, их бег был

скорей полетом: чудесным образом их копыта находили скрытую глубоким снегом опору на каменистой местности, отталкивались от нее, едва коснувшись; и, кажется, не применяя при этом никаких усилий и взлетая тем не менее в многометровом парящем прыжке. Пожилой вожак с причудливыми, но странно подчиненными какой-то строгой геометрии рогами напряженно косил глазами в сторону кустившихся ниже по склону зарослей, видимо, оттуда ожидая неизвестной опасности. Остальные животные, а все они были молодые самки, и вовсе, кажется, не знали причины владевшего ими страха — они попросту повторяли все движения вожака и таким образом им передавалось и его состояние.

Лишь одна из них — она бежала последней — определенно отличалась своим поведением от остальных. Ее копыта по временам не находили твердой опоры, она вдруг проваливалась в невидимые под снегом углубления, ее прыжки делались все короче, тяжелей, она постепенно отставала от своих.

Вожак между тем забирал все выше — подальше от угрожающе темневших зарослей. Однако он, многоопытный, уже был обманут коварным противником, таившимся не где-нибудь, а впереди, за небольшим, выступавшим из горы утесом, который через минуту предстояло обогнуть стаду. И тигр вовсе не случайно оказался в этом выгодном для засады месте, а в результате мудренейших маневров. Георгию Андреевичу, кстати, на следующий день понадобилось несколько часов на распутывание непостижимых на первый взгляд зигзагов и петель хищника.

И вот старый изюбрь миновал заиндевельный утес. Собравшийся для прыжка тигр как бы дрогнул при этом, и он дрогнул еще три раза, как бы пересчитывая пронесившихся мимо зверей, и лишь когда показалась последняя прихрамывающая изюбриха, хищник прыгнул. Растянувшийся в воздухе, он из-за поперечных полос шкуры стал подобен разжавшейся пружине, и пружина эта ударилась в холку жертвы. Жертва даже не трепыхнулась. Охотник, еще возбужденный, не зная, может быть, куда девать оставшийся мощный заряд энергии, прихватив тушу зубами, без особых усилий поволок ее (чуть ли не двухсоткилограммовую!) на ровную площадку, приглянувшуюся ему, по-видимому, еще во время засады. Там он и принялся, разлегшись, за свою трапезу. Ел не спеша, тщательно отдирая и отплевывая шкуру с лом-

ким колючим волосом, куски выбирал повкусней, со знанием дела.

Наевшись, спустился, старательно обходя кровавые пятна на снегу, к чаще кустарников, продрался через нее к замерзшей речке и лапой осторожно взломал еще не толстый лед у берега. Пил, чистился, потом, ленивый и сонный, вразвалку отправился на поиски уютного местечка для лежки, которое вскоре и нашел в непроходимой чаще под грудой валежин — сухое, с подстилкой из шелестящих листьев местечко, причем абсолютно недоступное ветру.

А у поеди появилась ворона. Грандиозность находки настолько поразила птицу, что она позабыла даже оглядеться по сторонам — сразу же принялась, словно молотобоец молотом, долбить тушу клювом. Лишь утолив первый, самый острый голод, ворона выразила свой восторг, и вовсе не карканьем, а каким-то глухим бормотанием, оказавшимся, впрочем, равносильным тому, как если бы она проболталась о своей удаче: уже через полчаса изрядная компания пернатых была спугнута с поеди сободем, а к вечеру несколько ребер излюбрихи забелели, дочиста обглоданные и обклеванные.

Сам хозяин пиршества, к этому времени хорошо отошпавшийся, ушел, по-прежнему придерживаясь северо-западного направления. Судя по всему, он даже не поинтересовался остатками мяса — видимо, был все еще сыт.

Но мало ли что. Приближаясь к поеди, Георгий Андреевич принял кое-какие меры предосторожности, а точнее, он подкрадывался, используя все уловки опытного разведчика и следопыта. Когда же он, раздвинув кусты, выглянул наконец на арену кровавого действия, то даже беззвучно рассмеялся от удовольствия: на поеди деловито возился кудлатый, с туповатой мордочкой зверь — росомаха. Понаблюдав несколько минут, зоолог вышел из укрытия.

— Это, знаете ли, нечестно, — проговорил он. — Так ведь и для благородных целей науки ничего не останется. А наследили-то, наследили!.. Ничего не разберешь!..

Прежде чем пуститься в бегство, росомаха кругло, явно с досадой посмотрела на Белова.

К наступлению темноты многие страницы дневника были исписаны мелким стремительным почерком, и, между прочим, была там и такая, касавшаяся погибшей

оленухи, запись: «Яловая, по всем признакам не способная к производству. Поврежденное копыто делало ее обузой для стада».

Добыча тигра оказалась столь велика, что и на долю Георгия Андреевича достался отличный кус замороженной свежатины.

Проделанная тигром глубокая борозда в снегу привела Белова к той самой бурно заросшей расселине, где в дупле старого тополя Захар Данилович Шапов устроил свой самый заветный тайник. Входные и выходные следы со всею очевидностью объяснили исследователю, что зверь не оставил это трущобистое место своим вниманием. Да, но зачем ему понадобилось, не считаясь с достоинством властелина тайги, протискиваться в дикую непроходь, причем оставлять на колючках драгоценные желтые волоски своей шкуры?

Проникнув метров на тридцать в расселину, где, к счастью, растительность оказалась пореже, Георгий Андреевич увидел замечательный по толщине тополь и сказал: «Ага!»

На коре дерева на высоте примерно двух с половиной метров явственно виднелись глубокие, до древесины, царапины — частью уже потемневшие, старые и частью свежие, ярко белевшие. Георгий Андреевич за эти дни уже не раз находил такие же точно отметины, обычно тоже на больших, заметных деревьях, и уже не раз задумывался об их неслучайности. Он быстро перелистал дневник, тут и там подчеркивая упоминания о царапинах. Потом записал:

«Опять эти знаки. Что они такое есть? Вехи владений? Охотничий участок? Некие письма, с которыми он обращается к другой особи? Во всяком случае, в будущем они могут играть огромную роль для учета численности и других биологических целей. Необходимо досконально фиксировать их на карте для дальнейшей систематизации».

Георгий Андреевич закрыл тетрадь, еще раз посмотрел вверх, на дерево и вдруг заметил висевший на ветвях комок мятого мха, который показался Георгию Андреевичу странным и вопиюще неуместным, а внимательное его исследование и вовсе повергло зоолога в изумление.

— Воняет, да как! — пробормотал он. — Даю руку

на отсечение, — медвежьим жиром, и весьма прогорклым!

Заинтригованный, зоолог полез на дерево, и тайник Щапова ему открылся...

Сидя на толстой ветви, он засунул глубоко в дупло руку и вытащил увесистую, с тихо брякнувшими в ней винтовочными патронами холщовую прогнивагазную сумку.

— Изрядный боезапасец... Ак-курат в заповеднике палить! — сказал Георгий Андреевич с печальной язвительностью и, размахнувшись, кинул патрон в лесную гущу. За первым патроном последовал второй, третий... Опустилась сумка. Георгий Андреевич опять сунул руку в дупло. На этот раз вытащил небольшой, но удивительно тяжелый, в тряпице и перевязанный веревочкой, сверток.

В свертке были две старинные, с полустершимися рисунками жестянки из-под монпансье с крышками, залитыми воском. Что-то в них брякало. Георгий Андреевич отколупнул воск с одной из банок. Какие-то камешки, непривлекательные ни формой, ни цветом, блеклые. Так ведь это же... Золото!

В тот же день, к вечеру, Белов, следуя за тигром на северо-запад, пересек границу заповедника, проходившую берегом ручья в неглубоком распадке. Здесь он, устраивая привал, размышлял:

— Тесно тебе у нас? Просторы тебе подавай, да? А про бригадира-то, про Костина, позабыл? На просторах-то уж никто за тебя не заступится...

...С шорохом осели головни прогоревшей нодьи, и этот звук разбудил Георгия Андреевича. С минутку он полежал неподвижно, потом достал тетрадь и записал:

«Важнейший вывод. Отношение хода зверя к ходу наблюдателя 2:5. Таким образом, можно с точностью установить, что за два дня после поеди в районе вышешенности Н. наблюдаемый отодвинут вперед па три дня наблюдения...»

Быстро бежавший по бумаге карандаш вдруг замер. Это была какая-то странная, вроде бы не по собственной воле Георгия Андреевича задержка. В недоумении он повертел карандаш между пальцами и, поняв, что мысль досадно пресеклась, поднял голову. Перед ним, в каких-нибудь пятнадцати метрах, стоял тигр.

Стоит, не шелохнется! Лишь от сдержанного раздражения самую малость вздрагивает кончик хвоста.

— Вы?! — шепотом выдохнул Георгий Андреевич.

В этот момент густой подлесок позади зверя заалел. Вставало солнце. От тигра к ноде протянулась длинная тень.

— Не поленились вернуться и посмотреть, кто тут за вами так настойчиво ходит...

Карандаш Георгия Андреевича нацелился на тигра; и тотчас усы его шевельнулись, пасть приоткрылась, показав два влажно блеснувших клыка, послышалось глухое ворчание, похожее на неукоснительное «нельзя!».

— Что «нельзя»? — притворно снаивничал зоолог. — Ах, шевелиться... Понимаю, не буду. Это же просто карандаш. Не стреляет. И ружье, как видите, в чехле. Патроны только с дробью — не для вас...

Солнце позади тигра засияло нестерпимо, вмиг сделав его почти черным силуэтом и произведя странное перемещение; казалось, и стволы, и ступки подлеска беззвучно шевельнулись, поменялись местами, и там, где стоял тигр, никого не оказалось, только полыхало, дрожало, протискиваясь сквозь ветки, восходящее солнце.

— Ух! — сказал зоолог и только теперь заметил, что спиной он будто припечатан к стволу склоненного дерева, под которым на этот раз устроил ночлег. Он с усилием пошевелился, тронул лоб ладонью — на лбу были капли пота. — Оказывается, я с ним на «вы»... Ваше величество Тигр Тигрович!.. Нет, записать, записать!..

Пробиваясь к своей заветной захоронке, Шапов был крайне задумчив и, видно, поэтому не сразу заметил красноречивые знаки, оставленные зверем и человеком у заросшей расселины. Наткнувшись же на тигриную борозду, вздрогнул и встал. «Не иначе тигрюшка шастала...» — пробормотал, машинально касаясь рукой висевшего за спиной карабина.

Продравшись сквозь чащу к исполинскому тополю и найдя у его подножия совершенно очевидные признаки недавнего присутствия человека, даже застонал: ограблен, как пить дать, ограблен!

Он все-таки полез на дерево и, окунув руку в дупло, долго и безуспешно там шарил.

Силы оставили Шапова, когда он спустился вниз. Он сел, привалившись спиной к стволу, прямо в снег, и голосом тихим и тонким, как бы нутряным, завел: «А-а-а-а...»

Между тем корявая рука, вяло, не чуя холода, лезавшая на снег, сжалась в кулак, прихватив вместе со снегом какой-то твердый предмет. Захар поднес руку к глазам, раскрыл ладонь и увидел находку: блестящий винтовочный патрон, один из разбросанных Беловым. Ударившись о какой-то из соседних стволов, он отскочил к подножию тополя.

Некоторое время Шапов тупо рассматривал весело поблескивавшую вещицу, потом его глаза грозно прищурились. Сказал хрипло:

— Экий заботный... Сам для себя пульку оставил.... — И сжал кулак так, что побелели костяшки.

Через несколько минут Захар Шапов, вновь без признаков уныния и усталости, изучал лыжню Белова на выходе из чащи. По всей видимости, он сделал благоприятные для себя выводы, которые и выразил одним словом:

— Настигну...

В безмолвном и прозрачном березовом редколесье внимание Белова еще издали привлекли вырванные с корнем и как бы грядкой, определенно с каким-то тайным смыслом уложенные небольшие деревца. Он невольно прибавил шаг: предчувствие подсказало ему, что перед ним место какого-то не совсем обычного лесного происшествия — праздник для наблюдателя!

Он не ошибся. Здесь встретились медведь-шатун и тигр...

— Батюшки, да ведь старые же знакомцы! У меня уже есть ваши, Михал Михалыч, так сказать, особые приметы... Ага, длина, рост... Все совпадает. Порядочный он, однако, успел отмахать круг, бедолага... А тут еще и эта встреча... Надо же такому случиться — сошлись прямо-таки с геометрической точностью. Как разойтись-то, а? Кто уступит? Нет, не слишком любезный разговорец здесь произошел, где уж... Медведь, как водится, на дыбки поднялся и головой мотал — вишь, весь снежок с веток стяхнул, дылда. «Ты, — рычит, — почто меня разбудил, хулиган? Тебе места в тайге мало? Ник-какого покою порядочному зверю! Уйди с дороги, кому говорят!» Убедительная речь, да ведь не на таковского напал... Тигр этак прочно на всех четырех стоял (хм, снег успел подтаять), хвостиком своим, как меглой, работал, скалился и тоже ревел, раз-

умеется. «Видали мы! Да я одного такого позапрошлым летом задавил и съел!» Что ж, честный поединок? Но ведь две горы мускулов, а зубов — тыщи! Какое бы вышло кровопролитие! Видно, договорились-таки: пугать друг друга можно, а остальное — ни-ни... Но время-то шло. От их самодеятельного концерта небось и птицы-то все разлетелись. А! Вот оно! Михал-то Михалыч, оказывается, хитрец — придумал выход из положения. Повалил, будто от избытка сил, сухое деревце. Потом впустую махал лапой, показывал, что ему, дескать, совершенно необходимо сделать шаг в сторону, чтобы до другого дерева дотянуться. И сделал этот шаг и выдернул бедное дерево с корнем. И потянулся еще за одним, шагнул опять и опять — очень эффектно! — расправился с березкой. Ну, это уже была настоящая работа! Тигр ничего такого делать не умел, но, конечно, был заинтригован... Как это говорят: работать интересно, а смотреть, как работают другие, еще интересней... Да, большую кучу дров наломал... И ревел при этом так оглушительно, что тигра, наверное, и не слышал. Может, ненароком и забыл о нем? Так увлекся! А между тем путь-то оказался свободным. Двинулся тигр и прошел, так и не уронил царственного достоинства...

Понапрасну Татьяна заморозила пегую лошаденку (и сама озябла), понапрасну, обращаясь к плотному массиву молодого ельника, трижды нарушала тишину условным повелительным свистом — никто ей не отозвался.

Не пришел Щапов, не принес, как обещал, тяжелую жестянку с золотом — ровно половину своего богатства. Откладывалась, значит, а может, и вовсе отменялась наметившаяся перемена в жизни супругов.

В ту пуржистую ночь Захар Щапов недолго пробыл в доме жены: выпил стакан настойки, молча поел, сбрил бороду и приказал жене зачинить хотя бы на живую нитку пострадавший в результате последних приключений черный нагольный полушубок. Но и за какую-то пару часов этого свидания Щапов с помощью немногих негромко сказанных слов сломил своеволие Татьяны — так ему, во всяком случае, казалось.

Жена была согласна со всеми его планами: уволиться из заповедника, переехать в Новосибирск, осесть там,

купив на южной окраине небольшой домик. Жить тихомирно, потихоньку превращая переданное ей золото в деньги, и ждать верного муженька, который, переодевшись в городскую одежду и прихватив вторую жестянку, не замедлит появиться там же, но поближе к весне.

А Захар Шапов твердо решил заделаться горожанином. Он, с одной стороны, стал уже несколько уставать от бродяжничества, а с другой — понимал ведь, что рано или поздно его опять поймают. В этом смысле город стал казаться ему куда как надежней.

На прощанье Шапов предупредил жену тихим, спокойным голосом, не тратя лишних чувств: «А коли удумаешь вертеть не по-моему, убью». И на это тоже Татьяна деловито, без признаков страха в лице, согласнo кивнула.

Он мог сколько угодно тешиться своим полновластием, но на самом деле женой — хотя она и намеревалась в точности исполнить все его приказы — правила вовсе не покорность. Так уж сошлось, что все действия по мужниному плану отвечали ее собственным желаниям. Ей опостылело Терново, бессмысленно отнявшее у нее пять лет жизни — лучших, молодых лет...

К тому же в эти последние месяцы, как раз начиная с появления нового директора, она чувствовала свое все усилившееся одиночество: новым порядкам в заповеднике Татьяна мало сочувствовала.

А как пережить лишение небольших, но все же чувствительных и привычных побочных доходов, которые Татьяна получала перепродажей пушнины? Бывало, иной охотник не ленился сделать тридцатикилометровый крюк, чтобы без хлопот получить за шкурку куницы деньгами или сразу вином, а теперь словно и дорога забыта в Терново. Нового директора бояться фартовые охотнички!

Но главное, Татьяна, зная, что у Захара припрятано золотишко, лишь на этот раз, исподтишка наблюдая за уверенной, властной повадкой мужа, твердо поверила, что золота у него действительно много и что оно может попасть в ее руки. А иначе куда же ему деться? Она, конечно, потребовала, чтобы муж точной цифрой определил обещанную ей для начала половину сокровища, и когда тот не словами, а на пальцах, опасливо оглянувшись на занавешенное окно, ответил на ее вопрос, несколько даже побледнела. Оставшись одна, Татьяна, несмотря на поздний час, не легла спать, а,

сняв с этажерки канцелярские счеты, принялась шелкать костяшками. И чем больше костяшек перелетало под ударами ее пальцев, тем бледнее она становилась, причем лицо ее при этом заострялось и твердело, теряя привлекательность. Наконец она замерла, замороженно глядя на рядки костяшек, и прошептала пересохшими от волнения губами: «Не сносить тебе головы...»

Щапов не мог прийти на свидание: уже два дня он гнался за неизвестным грабителем.

Странная это была погоня. Следы показывали: впереди спокойно идет тигр, за ним примерно сутки назад увязалась россомаха, а за ними тащится на лыжах человек с украденным золотом в котомке. Что касается россомахи, то тут Щапову все было ясно. Как охотник, он не раз примечал, что хищник поменьше иногда норовит держаться поблизости от крупного. Хитрость невелика: надеется, значит, поживиться чужой добычей. Но вот зачем знатец таежный — а Щапов по многим признакам уже убедился, что его обидчик человек бывалый, — зачем он день за днем ноги мнет? Зачем заимки стороной обходит? Зачем не спешит отнести богатство домой и припрятать? Или мало ему? Еще и тигра, что ли, рискуя жизнью, хочет добыть?

Впрочем, похититель сам себя выдал — не без усердных, впрочем, трудов Щапова, который уже затемно, несмотря на усталость, не поленился вскарабкаться на высокую сосну, откуда и увидел маленькую звездочку костерка на склоне уже пропадавшей в темном небе сопки.

Нетерпение охватило Щапова. Он ринулся в вечерний сумрак и прошел еще километр или два, пока наконец не одумался, не рассудил, что в ночи он как пить дать потеряет след, а если не потеряет, то к утру, это уж точно, обязательно обессилеет. А силенка-то как раз и понадобится...

Ему и в голову не приходило, что он, нагнав похитителя, мог бы, например, попросту потребовать, чтобы тот отдал похищенное. Нет, только план убийства укладывался у него в голове: выстрел в спину. Завтра все это произойдет. И пора: харчей оставалась лишь краюшка хлеба, а стрелять, чтобы разжиться дичиной, он, разумеется, не рисковал, боялся обнаружить свое присутствие.

Ночевал Шапов по-звериному, без огня. Спал впол-глаза, то и дело вскакивая, чтобы согреться. Задолго до рассвета был в пути, а часам к одиннадцати заметил покинутое кострище. Потом шел, взмокший, хрипящий, еще часа два и вдруг — вопреки даже самым своим обнадёживающим расчетам — настиг похитителя.

Шапов замер. Так жаждать этой встречи, столько готовиться к ней, мысленно выверяя каждый ее миг, и так оплошать! Неизвестному стоило лишь повернуть голову, и он увидел бы своего преследователя, а между тем карабин пока что висел за плечами, его еще надо было снять, затем щелкнуть затвором, а это звук довольно громкий...

Шли секунды. Шапов в растерянности шарил рукой по ложе карабина. Его глаза, впиваясь в жертву, раскрывались все шире и шире. С изумлением он узнавал того, с кем изрядно был уже знаком и кого никак не ожидал встретить так далеко от заповедника. И, разумеется, отнюдь не желание пощадить Белова ради доброго знакомства охватывало Шапова. Сумбурно перепутанные, нелепые обстоятельства наконец в понятном порядке укладывались в его голове: ну конечно, именно он, этот директор, который сует нос туда, куда нормальным людям и в голову не придет соваться, способен отыскать самую крепкую захоронку!

Шапов скинул рукавицы, сдернул из-за плеча карабин и осторожно двинул затвор. Белов ничего не услышал.

Затаив дыхание, Шапов приложился, но фигурка с зачехленным ружьем и с отчетливо видной котомкой (в которой заветные жестянки!) и на миг не удерживалась в скачущем прицеле: после предельного напряжения погони тряслись руки.

Он поспешно присел, намереваясь бить с колена, однако неровность рельефа тотчас скрыла Белова — видимой осталась только его шапка-ушанка. Тогда Шапов зыркнул глазами по сторонам в поисках твердой опоры для карабина. Вокруг был редковатый, с кустарниковым подлеском и с сухим хламом пихтовник. У ближайшего, шагах в пяти, толстого дерева — подходящий, на полутораметровой высоте сучок... Согнувшись, Шапов рискнул к этой пихте, но тут снег под ним с треском разверзся, и он, чудом сдержав ругательство, провалился вниз.

Ничего невероятного в этом падении не было. Па-

дая, Шапов сообразил, что только волнение скрыло от него несомненные признаки ловчей ямы, прикрытой ветвями и занесенной снегом. О ней говорили завалы сушняка, даже остатки плетня, сооруженного таким образом, чтобы понуждать зверье направляться в ее сторону, — ловушка старая, заброшенная охотником и давно разгаданная копытными, проложившими свою тропу где-то неподалеку.

И еще сообразил, ворочаясь на груде тронутых тлеющим оленьих костей: не надо ему пока вылезать из ямы. Привлеченный шумом Белов сейчас залюбопытствует и подойдет посмотреть, что за зверь попался в ловушку. Он нагнется и будет убит выстрелом в упор. Настороженно прислушиваясь, Шапов выставил перед собой карабин и стал ждать.

Но понапрасну он терял драгоценное время. Следопыт, конечно же, сразу повернулся в сторону шума, увидел взвившееся за бугром облако и решил, что это выводок тетеревов, сидевший, зарывшись в снег, и не стерпевший наконец присутствия человека. Он некоторое время смотрел в ту сторону, ожидая увидеть взлетающих птиц, но, не дождавшись, в рассеянности решил, что так и надо: птицы прошли низом. С тем он снова углубился в записи:

«...Маршрут тигра определенно склоняется к круговому. Не удивлюсь, если он рано или поздно замкнется, ограничив пространство, которое зверь считает своей личной территорией...»

Да, но почему вот уже два дня зверь ничего не ест? Почему ни косулями, ни кабаргой, ни кабанами не занимается? Аппетит пропал? Такое впечатление, что какая-то идея владеет им, он весь сосредоточен на ней... Вперед, вперед, только марш-бросок может дать ответ.

Падение в яму недешево обошлось Шапову. На одной лыже оборвался ремешок, другая треснула и, наверное, развалилась бы надвое, если бы не упрочивший ее намертво наклеенный рыбьим клеем камус. Починка, даже и на скорую руку, потребовала времени, а хорошего результата не дала: идти на изуродованных лыжах было пока можно, но с постоянной опаской — не разгонишься. «Ужо твои заберу», — злобно сказал Шапов.

А между тем шансы Шапова на овладение теми лыжами неуклонно уменьшались. Георгий Андреевич, по-

ложив считать пустяками тревожное опухание ног и общую усталость, одолевал километр за километром.

Во второй половине дня след тигра повел зоолога по правому берегу реки Чунь, в обхват бугрившейся на мелких сопках тайги. На открытых и ровных участках речка спокойно текла подо льдом, но в узких местах, на стремнинах, она еще всюю показывала свой норов — звенела, пенилась, билась о камни, выплескивала на мороз воду, быстро превращавшуюся в волнистые, зеленоватого цвета наледи.

Неожиданно тигр резко повернул налево, к реке, и перешел на другой берег по стволу вывернутого с корнем огромного дерева. Мост этот показался весьма сомнительным Георгию Андреевичу, но, делать нечего, пришлось последовать примеру зверя — тоже пройти, балансируя над бурлящей, стиснутой скальными обнажениями речкой.

— Ведь шли же там — и мне хорошо, и вам нормально... И зачем, скажите на милость, вас понесло переправляться? — подсадовал зоолог.

Вскоре с редколесного склона, с высоты, он увидел на оставленном берегу черную от старости избушку — охотничью заимку. Она-то, без сомнения, и была причиной обходного маневра тигра.

Избушка оказалась обитаемой: перед входом расчищено, и грудится по-хозяйски внушительный запас топлива. Георгий Андреевич отцепил лыжи, приставил их к стене и взялся было за подпиравший дверь кол, но тут собачий негромкий и короткий лай — не злобный, а с повизгиваньем, — заставил его обернуться.

Черная, с белым галстучком, с упруго завернутым хвостом поджарая лайка, искоса посматривая на пришельца, суетливо перебегала от кустика к кусту — делала вид, что занята чем-то очень важным, своим. Ее лай предназначался не Белову — предупреждала притставшего хозяина: у нас гость. Приглядевшись, Георгий Андреевич подивился: собака была знакомая, из Тернова, принадлежавшая Виктору Митюхину.

— Курок, ах ты, собачий сын! Ты откуда взялся?

Пес встрепенулся, в улыбке показав зубы: я, мол, тебя тоже знаю. Повел носом в ту сторону, откуда появился, — там, среди деревьев, уже мелькали, приближаясь, две фигуры: Митюхин в оленьей малице и Своекоров в таком же, как и у Георгия Андреевича, полушубке военного образца. Подошли. Чуть запыхавшись, с изумлени-

ем усталились на изможденного, обросшего (бородка с сильной проседью) человека. Оба румяные, свежие, выгодно от него, бледного, отличающиеся. Переглянулись, что-то по-своему поняли; лица сделались виноватыми.

— Господи, Георгий Андреич! Ты, стало быть, по нашу душу? Вот ведь где сыскал, — проямлил Митюхин.

— А вы от меня скрыться решили? Не вышло! — хотнул Белов, но сразу же серьезно признался: — Я и сам своим глазам не верю.

Распахнув наконец дверь избушки, Белов замер на пороге, остановленный ринувшимся наружу потоком ощутимо густого, терпкого тепла.

— У вас тут хоть топор вешай.

— Это ты, видать, к воле привык.

После ужина — а ужин был хоть и без кулинарных затей, но с размахом (хозяева со скрытной заботливостью подкладывали и подкладывали гостю громадные куски распаренной ароматной кабанятины), когда Георгий Андреевич, распростившись со своим аскетизмом, засоловевший, рухнул на нары, Своекоров сказал, мечтательно усмехнувшись:

— Тигрюшка тебя к нам привел, вон оно что. А ведь известный он мне зверек, ей-богу, известный. Я в него и целился однажды, и только бы пальцем нажать... Дай бог памяти, чтобы не соврать, в тридцать седьмом еще году, еще прежде того, как мы с Витюхой в заповеднике стали работать, я этого тигрюшку вот здесь, на Чуньском ключе, заметил и не раз следил. И проходил он ну вот в точности, как и теперь. Брать его я почти не мечтал, побаивался: ружьишко плохонькое, одноствольное — подранишь, он тебе такого задаст! Однако пристал ко мне маньчжурец один, Ваном его звали. Поддался я, соблазнился. И аккурат в это время, в декабре, тигрюшка мой и появляется. А мы с братом, на войне погибшим Василием, так-то же вот на займке куковали. Появляется он и, известно, мимо. Но след ночью положил, а утром я след тот увидел и сразу рассчитал все как есть, потому как мне все уже было известно, весь его, значит, дальнейший путь...

— То есть?! — Белов быстро сел, свесив босые, натруженные ноги.

— А очень просто. Он отсюда напрямик машет до самого того места, где Чуньский ключ сливается с Пусутинским, а дальше по Пусутинскому и бежит, уже вверх, значит, по течению...

— Стоп, — сказал Белов. — Давай-ка, Степан Иванович, по карте посмотрим. — И вытащил из мешка свою затрепанную трехверстку. Своекоров без размышлений прочертил по ней пальцем дугу.

— Вот как, — догадался Белов. — Ты вот в этом месте водораздел пересек и вышел ему наперерез. Здесь пятнадцать километров, не больше.

— Ну! А ему-то все пятьдесят чесать! Я и говорю Василию: побежали! Он — ни в какую. Не за свое, говорит, дело не берись. Твое, говорит, дело белку стрелять. Ну а я молодой ведь был, полетел. И надо же, как только выбрался на Пусуту, залег за камушком, часу не пролежал — идет!

— Во-во, теперь расскажи, как ты сдрейфил, — снова вмешался Митюхин.

— Помолчи ты! Не сдрейфил я, не сдрейфил! Поверишь ли, Георгий Андреевич, сам до сих пор не пойму, что на меня нашло. Оцепенение какое-то. Ведь он в двадцати метрах от меня прошел, и я только шевельни пальцем — и пуля у него в сердце. А не пошевелилось, ну что ты будешь делать!

— Будем считать, что ты его пожалел. Большое тебе за это спасибо. Иначе здесь бы сейчас не разговаривали. — И Белов вдруг осуждающе, как на живое враждебное существо, посмотрел на свои разбитые валенки, которые Митюхин пристроил подсушить к горячей каменке. — А зачем же все-таки тигру было эти лишние пятьдесят километров лапы мять, раз он мог и покорооче пройти?

— Ну уж этого не знаю, не спросил у него. Вот ты увидишь его в другой раз, сам и спроси. Он тебе скажет.

— А еще интересно вот что, — вразяжку пробормотал Белов и с ненавистью покосился на свою обувь. — Я, как по-вашему, найду ночью эту самую прямую дорогу к Пусуте?

— Но-очью? Али и впрямь что спросить у него надумал? Да ведь ни звезд на небе, и места не знаешь. Ночью, скажешь тоже. Аккурат заблудишься либо ноги переломаешь.

Охотники с изумлением уставились на Георгия Андреевича. Он тяжело вздохнул.

— Надо идти, а то снегопад мне все наблюдения испортит... Пойду потихоньку. По компасу. К утру как-нибудь дотяну до Пусуты... — И стал медленно сползать с нар.

— Пстой-ка, Георгий Андреевич, — сказал Своеков. — Экая у тебя неволя! Не шибко мы оба грамотные и задачу твою полностью не сознаем, а все ж таки в ночь живого человека из дома выпускать нам неудобно. Конечно, раз надо, иди. Однако с толком планируй. Сейчас ложись и спи, а часа в два с половиной мы тебя разбудим, и кто-нибудь из нас тебя проводит. Либо я, либо Витюха. Мы-то в этих краях и с завязанными глазами пройдем. И будешь ты точно к рассвету на Пусуте.

— Ох! — сказал Белов и, закрывая глаза, с блаженной улыбочкой повалился на нары. — Предложение принимаю!

Около трех Белов в сопровождении Митюхина и увязавшегося за ними Курка покинул займку. Ночь была темная. Но Виктор вел Белова смело, уверенно и довольно быстро — безошибочно выбирал дорогу по седловинам и мелколесью. Георгий Андреевич поневоле представил себе, как шел бы он один, напрямую, по компасу, преодолевая без надобности подъемы и спуски, упираясь в завалы... Еще неизвестно, каким расстоянием обернулись бы для него эти пятнадцать километров водораздела!..

К утру, как и рассчитывали, вышли к Пусутинскому ключу — такой же небольшой речке, как и Чунь. Следы тигра были тут как тут! Первым их, разумеется, заметил Курок. В утреннем фиолетовом свете собака рыснула было по берегу, на что-то наткнулась и отскочила, жалобно взвизгнув. Присев на корточки перед следами, Белов сказал торжествующе, однако смилив голос до полупшепота:

— Недавно прошел, родименький! Теперь нам и снегопад не страшен!

А в это самое время Щапов, удобно уложив карабин на сук дерева, всматривался в замшелую избушку. Он больше угадывал неспешное движение за толстыми стенами и все-таки был уверен: человек там один, он недавно проснулся, уже поел и собирается в путь. Сейчас он выйдет.

Здесьняя займка была небезызвестной Щапову: в прошлой своей разгульности он не раз жила в ней — и ради охоты, и ради запретного старательского промысла: речка Чунь, такая с виду скромная, нет-нет да и одаривала неленивого искателя крупными золотых россы-

пей. Поняв, что Белов неминуемо окажется вблизи заманчивого жилья, он легко уверил себя, что окаянный торопыга не упустит случая заночевать в тепле, и тоже позволил себе немного расслабиться: на ночь запалил нодью, устроился с удобствами — впрочем, со всеми предосторожностями.

И вот вышло, как он и предугадал. Грабитель-директор действительно отвернул от следов тигра к жилью и с минуты на минуту появится. И сейчас-то рука Щапова его не подведет. Он, видно, долго стоял в ожидании. И когда наконец дверь, оглушительно скрипнув, растворилась и из нее, принагнувшись, вынырнула фигура в белом полушубке, Щапов, даже не шевельнув оружием для уточнения прицела, нажал на спуск. И человек, не разогнувшись, начал оседать. Однако, падая, он повернулся лицом к стрелявшему. При этом он выронил из рук металлически звякнувшую связку небольших капканов.

Щапов рванул затвор, чтобы выстрелить еще раз, но в этот момент понял, что обознался.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

За день, при почти неизменном восточном ветре, погода менялась трижды. В первый раз — вдруг повеяло влажным запахом первоначальной весны и снег стал прилипать к лыжам. После очередной записи в дневнике Белов, разгоряченный, даже не надел рукавицы.

Рукавицы остались торчать из карманов полушубка и, когда Георгий Андреевич, желая немного сократить путь, полез напролом через колючий кустарник, были подцеплены длинными, острыми шипами. Некоторое время они покачивались на ветвях, словно две ладошки, прощально и не без ехидства помахивающие вслед уходящему путнику.

Примерно через час погода вновь переменилась. Резко похолодало, ветер задул с остервенением, тучи снежной крупы сразу сильно ухудшили видимость, и зашуршала, зазмеялась такая поземка, что в ней, казалось, запутывались ноги. Начиналась настоящая метель, и, конечно, Георгий Андреевич тотчас хватился рукавиц. Он вспомнил о зловредном кустарнике и прикинул, сколько времени понадобится, чтобы к нему вернуться.

Поземка же прямо на глазах уничтожала следы тигра. Это скорей всего означало окончание экспедиции;

во всяком случае, хочешь не хочешь, следовало остановиться, соорудить «табор», запалить огонь и, набравшись терпения, переждать непогоду. Георгий Андреевич решил, однако, идти, пока следы заметны, а уж затем заняться биваком.

По пути попался каменистый каньончик (на дне — упрятанная подо льдом речушка, выдававшая себя негромким журчанием). Тигр применил здесь отличный способ переправы: прыгнул через трехметровую щель; линия его следов перечеркнула затем открытый противоположный склон и исчезла в густом хвойном массиве. Георгий Андреевич взял немного вправо и, сняв лыжи, спустился, перебираясь с камня на камень, на крохотную ледяную равнину, показавшуюся ему сверху абсолютно надежной. Вдруг лед под ним сухо затрещал и разверзся. Рухнув сквозь полуметровую пустоту, образовавшуюся из-за резкого в начале зимы обмеления реки, Белов ударился о другой, нижний лед, прикрывавший бочажок, полный воды, и, не успев охнуть, был до пояса охвачен пронизывающим холодом. Освобожденная вода забурилась, запенилась, выбросила облачко пара.

На берег он выбрался изнемогая и все же одолел, держа лыжи в охапке, еще не меньше сотни шагов. Собственно, бежал, пока не застучала леденеющая одежда.

В третий раз погода переменилась вечером. Метель иссякла, и в какие-нибудь полчаса небо очистилось. Но уже полыхала нодья, уже был сооружен из лапника и занесен снегом уютный «таборок», и уже высохли валенки и одежда...

Забравшись в «табор», свернувшись, он попытался унять неприятный озноб. Озноб не проходил. Георгий Андреевич потрогал лоб, коснулся покрывшихся коркой губ. Температура была, но ничего страшного — небольшая... Надо заснуть, отоспаться, и все пройдет, решил он, а то ведь это безобразие — болеть в тайге... Когда-нибудь он составит инструкцию по технике безопасности для будущих наблюдателей, и в ней — пункт первый: запрещается работать в одиночку...

Он забылся и сколько-то долгих тягостных часов изредка просыпался на минуту или на две. Его тело, руки и ноги как бы утолщались, теряли подвижность и силу, частью же сознания он постоянно помнил, что жар у него усиливается. Засветло он начал коротко покаш-

ливать, проснулся и почувствовал, что всею тяжестью тела прирос к хвойной подстилке.

Сколько он еще пролежал в полудреме? Скрипучий, ритмично повторяющийся, словно выталкиваемый из тишины звук вернул ему ясность сознания. Он приподнялся. Над деревьями, приближаясь, летела большая черная птица — ворон. Это скрип друг о дружку его напряженных в полете перьев тревожил равную, может быть, космической тишину. Оказавшись над краем прогалины, ворон булькнул грудным голосом, осекся, и звук его полета сразу утратил ритмичность. Он жалко и бестолково замахал крыльями и вдруг, резко спланировав, стукнулся о бархатно заиндевелый снежный наст. Он еще скакнул раз-другой, трепыхнул полураскинутыми крыльями и стал неподвижным.

С неимоверными усилиями Георгий Андреевич поднялся и выбрался из «табора». Все плыло перед ним, цвета утратили определенность, во все добавилось серой краски, даже в снега, лежавшие на земле и на деревьях. Он смутно удивился, что сокрушительный мороз, кажется, отступился от него. Но это происходило, без сомнения, из-за его очень высокой температуры.

Кое-как поправив костер остатками дров, Георгий Андреевич побрел, ломая наст и увязая по колено, к черневшей на ровном снегу птице. Ворон, лежавший, спрятав под себя лапы и слегка растопырив крылья, не попытался, когда Георгий Андреевич над ним нагнулся, ни взлететь, ни отпрыгнуть, лишь долбанул клювом в протянутую руку. Но немного.

— Еще и дерешься... — проворчал Белов. — В самом и жизни на полчаса, а туда же... Мудрый, говорят, а дома не сиделось... Хотя какой там у тебя дом...

Под навесом ворон выказал полную примиренность с обстоятельствами: как сел в теплом уголке, куда его посадил спаситель, так и не тронулся с места. Лежавший в изнеможении Георгий Андреевич, изредка приоткрывая глаза, видел почти у самого своего лица большую иссиня-черную птицу, ее глаз, смотревший на него безо всякого любопытства, приоткрытый, с небольшой горбинкой клюв. «Правильно, дыши через рот, отогревай внутренности, — расслабленно думал зоолог. — А что, взять его с собой, выучить говорить... «Воронуша хочет каши»... Вряд ли выживет: легкие, видно, обморозил. Хрипит...»

Собственные легкие тоже беспокоили Георгия Анд-

реевича. Чтобы лишний раз не тревожить птицу, он старался сдерживать кашель, но это все меньше удавалось ему, и каждый приступ поневоле возвращал его мысли к тому последнему рейду, к той ослепительной вспышке, когда его изрешетило осколками противопехотной мины, и один небольшой осколочек тронул правое легкое... Потом было бесконечное ожидание в госпиталях и была сказанная одним хирургом фраза: «Бегай, капитан, но про легкие не забудь!»

Забудешь тут!.. Сколько шрамов, а то и застрявших в теле кусочков металла унесли с войны счастливые победители... Радуются теперь, песни поют, и мало кто знает, что придет время, и каждая зажившая рана напомнит о себе. Образ отца, бесцветный, спроектированный воображением скорей со старой фотографии, а не с него самого, живого, возник перед Георгием Андреевичем. Веселое (но неподвижное) лицо, сабельный шрам над бровью — памятка о скрежещущей клинками конной атаке. И как же рано мучительнейшая смерть унесла деятельного, молодого, так много обещавшего человека!..

Мысль пресекалась. Несколько минут он пробыл в забытьи и не узнал бы об этом, если бы, очнувшись, не заметил, что ворон успел повернуться другим боком.

— Грешься, вещун, грейся... Скоро, видно, клевать меня станешь... Сначала, конечно, глаза... — пробормотал Георгий Андреевич и подумал, что в этой шуточке, увы, слишком уж много правды. Обезволенное тело уже сейчас отказывается подняться, чтобы идти, запастись дровами. А стоит только забыться, и, когда погаснет нодья, тихо-мирно перейдешь в мир иной. И еще вариант есть: умереть с голоду. От той кабанятины, которую положил ему в мешок добрейший Митюхин, остался небольшой кусочек, граммов двести... Надеяться на подачку с барского стола тигра теперь не приходится, а добыть что-нибудь самому, косача, скажем, задача в таком состоянии фантастическая: сидят тетерева, зарывшись глубоко в снег, ждут потепления. Вот разве съест ворона... А много ли в нем навару! А, ворон? И жалко почему-то тебя, бродягу...

А местность какая — глухая, нехоженная... Год, два, а то и больше, на эту полянку не заглянет ни одна живая душа. И будут кости вот здесь белеть и зарастать травой.

И ладно! Привыкать, что ли, прощаться с жизнью,

ведь сколько раз прощался! Еще одно «прости», и все. Оплакивать, слава богу, некому... Э, нет! Заплачет чудесная девушка Агния, любит она, любит, а ты, негодяй бесчувственный, изловчился не заметить!

Жалко вот чего — потеряется дневник наблюдений. Вся тетрадь исписана, чистых страниц почти не осталось. Много в ней лишнего, болтовни да мечтаний, но и нужного, необходимого тоже много. Сотни километров пути, тысячи фактов и фактиков — бесценный научный материал. Обидно: если и найдет тетрадку какой-нибудь охотник, то не поймет ничего и, не мудрствуя, использует бумагу на растопку.

Тут Георгию Андреевичу пришла мысль, которая в какой-то степени вернула ему силу воли. Он сел, достал из мешка тетрадь и на внутренней стороне обложки написал крупными буквами: «Товарищ, который нашел эту тетрадь! Прошу переслать ее в Московский университет на кафедру биологии профессору В. И. Южинцеву».

Довольный, Георгий Андреевич даже улыбнулся спекшимися губами и сказал:

— Вот и последняя запись...

Он потерял сознание.

Когда очнулся, вспомнил о свертке с тяжелыми жестянками. Золото! Только болезненной помутненностью сознания можно было объяснить, что он совсем позабыл о нем.

Стало яснее ясного: не лежать надо, ожидая легкой смерти, а идти. По расчетам Георгия Андреевича, километрах в пятнадцати должна была проходить еще не помеченная на карте лесовозная дорога на Рудный. Пятнадцать он пройдет. А там видно будет. На дороге всякое случается. Он встретит людей — помогут.

Он поднялся. Безоблачный день показался ему промозгло пасмурным. В голове свербила нелепая мысль: зачем в такую муть солнце?

Но зато наст, образовавшийся в результате перепадов погоды, держал лыжи. Это уже была удача — он пройдет пятнадцать... Вот только рукавицы оставались в подарок лесным жителям...

— Три двойки, это же надо! Юрка, скажи, ты, когда вырастешь, кем стать собираешься? Наверное, каким-нибудь свинопасом?

— Обьездчиком...

В просторной избе завхоза Огадаева, в уюте и в тепле, нет спокойствия и согласия. Сам Николай Батунович прихворнул и лежит, изредка охая, на печи — грызет его застарелый радикулит. Агния тоже не в себе: похудела, побледнела, взвинченная, на месте и минуты не посидит — то у печки гремит посудой, то в горницу перепорхнет, поправит и без того, кажется, нормально постеленную скатерть, тронет занавеску, выглядывая в окно, где все то же Терново: десяток домов, две с интересом обнюхивающие друг дружку собаки и ни одного прохожего. Пожалуй, только Юрке время, миновавшее с тех пор, как ушел в свой поход Георгий Андреевич, пошло на пользу, во всяком случае, внешне: оседлая жизнь несколько округлила паренька, зарозовила ему щеки.

— Обьездчиком он хочет! Да тебя, такого безграмотного, ни к какому делу подпустить нельзя. Посмотрим вот, что на твои двойки Георгий Андреевич скажет, когда вернется.

— О-хо-хо-хо, — это уже скрипучий голос Огадаева сверху, с печки. — Новый год один день, два, совсем мало осталось. Наш директор сюда никогда не приходи, в тайге пропадай. Весна один месяц, два, три — далеко! Тогда все в тайгу ходи, тело ищи, кости, шапка, ружье... Биноколь. Хорошие вещи в тайге не пропадай.

— К-какое тело?! К-какие кости?! — взвившимся голосом вскрикнула Агния. — Ты чего там бормочешь, дед? От боли спятил?

— О-хо-хо-хо... Хороший директор, замечательный, а глупый: зачем куда-никуда ходи? Скоро другой директор присылай, плохой: зверюшки не люби, стреляй, не жалей...

— Дед! Ты мне эти речи брось! Ты еще и по-русски толком не можешь, а такое несешь!

— Почему? Огадаев хорошо по-русски говори. Все понимай.

Зажав уши руками, Агния выбежала в горницу, прильнула разгоряченным лбом к наполовину забеленному морозом окну, а за окном все та же пустыня... Где ты, Андрейч? Где вы, Георгий Андреевич?

Терново немного оживилось. К дому Савелкиных, где квартировал Никита Хлопотин, прошмыгнули мальчишеские фигурки; туда же, поближе к крыльцу, перебе-

жали и обе собаки. Значение этих передвижений не секрет для Агнии. Липнут мальчишки к добродушному богатырю. Он же, между прочим, славно воспользовался этим: придумал, видите ли, на время зимних каникул образовать целую пионерскую команду для охраны заповедника. Мало ему одного Юрки, надо и других с панталыку сбивать!

— А ты сегодня никуда не пойдешь, — не оборачиваясь, тоном учительницы сказала Агния. — Русским языком и арифметикой буду с тобой заниматься.

В ответ — ни слова, только сопение. Обернулась, а Юрка уже одет; ружье чудное за плечами — сам чуть больше ружья.

— Неслух!

— Однако идти необходимо, — только и пробурчал, не глядя на девушку.

— Иди, иди, Юрка! — проскрипел с печки Огадаев. — Агнюха все теперь не так говорит. Бесится, замуж пора.

— Кто?! Я?! Замуж?! Ты бы уж врал, да не завирался!

Важная компания — четверо мальчишек во главе с Никитой — удалилась наконец туда, где тайга легко сглатывала дорогу на Ваулово.

На сей раз экспедиция почему-то не задалась. И часу не прошло, как вдали опять замаячили фигурки мальчишек, Никиты и... еще кого-то. Затрепетав, Агния припнула к окну; побелели ее вцепившиеся в подоконник пальцы; кровь с небывалой силой прихлынула к вискам, все потемнело, поплыло перед глазами.

И, борясь с надвигающейся тьмой, она увидела: ковыляет, свесив голову, охотник Митюхин. А что за поклажа, которую везет Никита на спаренных, наподобие санок, лыжах? Неужто?!

Только мертвый мог стерпеть эту припорошенную снегом тряпицу на лице.

В суматошном, полубессознательном порыве, как была, не одетая, Агния выбежала из дому, бросилась наперерез медленно бредущей процессии. Ноги ей отказали, она упала на колени и, вытянув вперед руки, вскрикнула по-бабьи вопленным голосом:

— Андреич!

Они остановились: Никита, взглянувший с жалостливым недоумением, испуганно приотставшие, с осунувши-

мися лицами мальчишки. Митюхин, сразу, видно, понявший ошибку девушки, сказал:

— Степан это Иваныч. Не признаешь? Вишь как — два дня я его тянул, чтобы, значит, по-людски предать земле.

Вряд ли Агния расслышала невнятное объяснение. Сламываясь в пояс, словно кланяясь, она на коленях продвинулась еще немного вперед и вдруг отпрянула — с ужасом и с взблеснувшей в лице надеждой.

Митюхин побрел к ближайшему дому и в изнеможении присел на ступеньку крыльца; дом оказался старухи Матвеевны, та в наспех накинутом платке была тут как тут и опасно трогала его за плечо — что-то спрашивала. В других домах тоже зашевелились: звук беды мигом распространился по крохотному поселку. Две женщины в ватниках встревоженно и вопросительно кивнули друг другу, одновременно появившись на улице; кое-как ковыляла тоненькая девчонка в огромных валенках; подслеповатый старик охотник Савелкин семенил, прикладывая ладонь козырьком к глазам, будто защищаясь от солнца (хотя погода выдалась отнюдь не солнечная); инвалид Силантьев спешил от своего дома, вскидывая костыль, как пику, по хрустящей тропке.

— Вот бывает, так бывает!.. — бормотал Митюхин, безуспешно пытаясь свернуть сигарку; подоспевший Силантьев выручил его, сунув ему папироску. — А, это ты, Лексаныч? Здорово, друг, здорово. Такие-то вот дела. Видал?

— Кто это его? — рыкнул инвалид.

— Кто, кто... Дед Никто. Слышал про такого? Бах! И нету нашего Степы Своекорова. Всю войну прошел человек, тыщи немцев в него целились и не попали, а тут... Эх, Степа... — Лицо Митюхина сморщилось, он ковырнул пальцем у глаза, вытер слезинку.

— Ну что ты все лопочешь, ты толком разъясни, кто его? — Высокий Силантьев, скрипя костылем, навис над Митюхиным, толкал его в плечо; тот в полузабытьи не чувствовал толчков, его голова расслабленно моталась.

Тряска, по-видимому, наконец подействовала. Взгляд бессмысленно косящих глаз охотника наполнился болью, он шмыгнул носом и стал с яростью облизывать потрескавшиеся губы; потом с силой, как не по-живому, провел по ним рукавом малицы, выпрямился. Оглядев обступивших его, сказал почти твердо:

— Злое убийство, люди. А кто — только тайга наша

разлюбезная знает и знать будет. Уж она сохранит-те тайну. А я не знаю, ничего не видел. Убит Степан Иванович Своекоров на Чуньской заимке, там он кровью истек, вот такая лужа натекла под ним, — и развел, показывая величину лужи, руки. — Я на ту пору в отсутствии находился: Георгий Андреича от Чуни до Пусуты провожал, он не даст соврать. Когда возвратился, Степану уже и охолодел весь. А следов злодейских никаких: в тот день с ночи до полудня снег порошил и все загладил...

Вдруг он осекся, замолчал, мысль неожиданная, да и ничем, в сущности, не оправданная, жгуче сверкнула в его мозгу, когда, случайно вскинув глаза, в окне дома Шаповых увидел он побелевшее, с одичало, по-кошачьи округлившимся глазами Татьянино лицо.

— Не одна тайга, — забормотал он, прицеливаясь непослушным пальцем в белое лицо за стеклом. — Вон еще кто знает, я уверен.

Все, разом повернувшись, тоже посмотрели на Татьяну. Ее лицо исказила гримаса страха. Митюхин же вдруг весь напрягся, и его указующий палец уже с иступлением вонзился в воздух.

— Знает! — с торжествующей уверенностью крикнул охотник. — Чего ждем-то?! Поручить окаянное гнездо и запалить!

В Тернове почти нет оград — от кого в этой глуши загораживаться? Но возле дома Татьяны был все-таки заплот, охватывающий довольно обширное картофельное поле и огород. Татьяна, хозяйка рачительная, своими руками нарубила жердей и кое-как (руки-то женские) соорудила его — где веревочкой, где лыком вязанный, где укрепленный непокорно изогнутым гвоздем.

Ослепнув от ярости, выкрикивая дурные слова, Митюхин вырвал одну из жердей и с нею, как с пикой, ринулся к дому. Первый гулкий удар пришелся в стену. Татьяна наконец нашла в себе силы отступить в глубь горницы и сделала это вовремя: второй удар пришелся в окно — жердь насквозь проткнула обе рамы, зазвенело битое стекло.

Все это ошеломляюще подействовало на терновцев.

Лишь через минуту люди бросились к Митюхину, окружили, повисли на нем. Отбросив жердь, он опустился на колени перед Своекоровым и разрыдался.

Заканчивалось тридцать первое декабря, а Белов этого не знал: его швейцарские обшарпанные, с треснувшим стеклышком часы остановились, и лишь по покрасневшему на заходе солнцу он догадывался, что времени примерно около четырех. Перед ним лежала лесовозная дорога, горбатая, разбитая, даже последний сильный снегопад не замаскировал ее бедственных ухабов.

Оставалось сообразить, направо или налево двинуться: в сторону леспромхоза, а это километров восемнадцать-двадцать, или преодолеть не меньше тридцати в сторону Рудного. Белов избрал второй вариант.

Вскоре ему послышался некий звук, весьма похожий на комариный звон. Не сразу он поверил, что его нагоняет машина: уж очень это была бы большая удача! Но звук все продолжался, усиливался и наконец превратился в урчание мотора. Белов обернулся. На него, колыхаясь, наползал расхлябанный, малосильный грузовичок. Шофер затормозил, но дверцу открывать не стал, боясь напустить в кабину холоду. Увидев сквозь мутное стекло человеческую фигуру над бортом, он сразу тронулся. Машина завиляла, заскрипела, набирая скорость.

Увы, встречный не грелся в это время о чугунный цилиндр газогенераторной печки, а лежал, раскинувшись на спине, сбоку от того места, где останавливался грузовик. Георгию Андреевичу не удалось осилить тяжесть своего тела и перевалиться в кузов. В последнее мгновение непослушные руки сорвались с бортовой доски, и он, соскользнув с колеса, на котором уже стоял, полетел вниз. Он лежал и тупо смотрел в небо, в уже густеющую по-вечернему голубизну. Кричать было бесполезно. Да и не мог он кричать: из груди у него вырывался только хрип.

А шофер и его спутница (он недавний фронтовик, она — солдатская вдова с недельным супружеским стажем) вспомнили о пассажире, когда впереди призывно замелькали огоньки райцентра. Не превратился ли он в открытом кузове в сосульку? Остановились. В кузове, кроме ларя с чурками для топки газогенератора и лыж Георгия Андреевича, ничего не было. Шофер высказал предположение, что, видать, вытряхнуло «грача» на ухабе возле старого песчаного карьера — оттуда до Рудного рукой подать, дойдет он и своим ходом. Но у молодой женщины вдруг так заколотилось серд-

це, что не могла она не понять: беда! Надо было поворачивать, искать бедолагу. «А как же танцы, Люба?! Ведь не поспеем!» — воскликнул шофер. «Ну что ж, танцы, — вздохнув, сказала молодая женщина. — Человек ведь... А может, он и вправду недалеко?»

При черепашьей скорости, которую удавалось выжать из убогой машины, ехать пришлось около двух часов. Наконец увидели неподвижно стоявшего (руки в карманах) человека. Он как раз набирался сил, чтобы сделать очередные пять-шесть шагов. Белов знал, что, если он упадет, ему уже не встать.

— Чертовски трудно без лыж... — виновато пробормотал он, когда Люба, выскочив из машины, суматошно накинулась на него.

Занять место Любы в кабине он отказался. Но был настойчив, почти груб, несколько раз повторив просьбу везти его прямо в милицию и никуда больше.

— Да будет тебе милиция, навязался на мою голову! — сказал шофер.

Лишь в одиннадцатом часу газогенераторная колымага подрулила к старинному, дореволюционной постройки и не без архитектурных претензий особнячку, где помещался районный отдел милиции.

Однажды ночью (это было уже в первых числах января) Захар Шапов опять заявился в Терново. Кажется, он даже не удивил Татьяну. Она будто ожидала его с минуты на минуту, тотчас, несмотря на глухой час, отворила дверь.

Еле теплился привертнутый фитилек трехлинейки, но и такого света хватило, чтобы увидеть, до какой степени сдал таежный бродяга. Полуседая щетина, глаза провалились и смотрят с сиротской тоской. Ссутулясь, Захар и ростом сделался ниже, а в походке и движениях появилась опасливость. Сел на лавку, коснулся спиной теплой печки и, вздрогнув, отпрянул, будто поостерегся побелкой запачкать одежду.

Татьяна молча налила молока, отрезала краюху хлеба. Шапов тоже молча поел. Без аппетита. Покхекав немного, прочищая горло, спросил:

— Ваш-то пришел? Ну, который директор?

— А тебе что опять до него за дело? Сказывают, в больницу попал, в Рудном лежит. Небось с Мерновым там встретился. Того и гляди оба заявятся.

Щапов призадумался. Татьяна стояла, ждала, не спуская с него глаз. В ней копилось желание хлестнуть вопросом, как плетью, по склоненной патлатой голове — застать мужа врасплох и по тому, как дрогнет он от неожиданности, сразу узнать всю страшную правду. Шевельнула губами, но решительное слово не слетело с них — не выговорилось. Захар же, словно почуяв опасность, вскинулся, глянул подозрительно и с угрозой. Всем своим видом выразил: не смей ничего спрашивать!

Уступчивость Татьяны относительна: передернула плечом и сделала обходной маневр:

— Новость у нас какая: Степу Своекорова убили.

Он слегка кивнул, и этот кивок, в сущности машинальный (но от внимания Татьяны не ускользнувший), показал его согласие вести разговор именно с такой, невинной для него позиции.

— Вот как? За что же его? Кто? — удивился он вполне естественно, но глаза из черноты глазниц блеснули как отлакированные.

— Ничего не известно. Иные полагают, с Митюхиным, с напарником, чего-нито не поделили, а иные на Голубевых-братьев грешат: они со Степаном незадолго до того драку имели. Встал он им, вишь, поперек пути, грозился в милицию на них заявить. Может, и они.

— Они! — с готовностью подхватил Щапов. — А Митюхин что, Митюхин никак не мог. Где ему.

Татьяна усмехнулась. Голубевы! Ишь, обрадовался. Да Голубевы, это точно известно, в день убийства из Веселинской заимки не вылезали. А оттуда до Чуни сто верст киселя хлебать!

Разговор о Своекорове Захар продолжать не стал. Неожиданно юнтересовался:

— Что ж ты про золотишко не спрашиваешь?

— А чего спрашивать? Наврешь опять с три короба, а я слушаю.

— Не врал я, — вздохнул он, полез в карман пиджака и, повозившись, бросил на стол тугой, глухо стукнувший кожаный мешочек величиной с мышонок. — Возьми. Все, что осталось. На деньги пока не меняй, они бумага.

Татьяна взяла мешочек, взвесила его на руке, положила.

— А хвалился, будто богач.

— Было. Моим богатством теперь другой владеет. Экий ведь хват! Захоронку, какой крепче, я полагал, и

быть не бывает, сыскал и порушил. Все унес, ну... — Он сокрушенно pokrутил головой.

— Что же за чудодей такой?

— Да директор же, говорю!

— Ой!

— Вот тебе и ой. Сам ума не приложу. Хошь, верь, а хошь, не верь, а получается, тигрюшка его навела — показания такие были, следы. Потому я и пришел. Останусь, ждать его буду, следить. Свое отыму, дай токо срок.

— Как это останешься? Где? — напряглась Татьяна.

— В подполье у тебя поживу, втихую. А ты на случай, ежели кто взойдет, петли на дверях водой полей, чтобы скрипели. Услышу и затаюсь.

— Удумал! Да тебя по всем краям разыскивают — вины на тебе!.. А теперь еще пуще искать будут! — Татьяна осеклась, поняв, что проговорила о своей догадке. Муж тяжело посмотрел на нее, выдержал паузу.

— Теперь, говоришь? А ты... А ты и подозревать меня ни в чем не моги, предупреждаю. Тебе же лучше. И главное, помалкивай.

Полная луна висела над дугой бодро шагавшего мерина Василь Васильича. Участковый правил; Белов, накрытый тулупом, пытался подремать, чтобы скоротать время, но у него ничего не получалось: сон перебивали мысли, вызванные невеселыми сведениями, которые сообщил Иван Алексеевич.

— Никак в голове не укладывается! — в сердцах сказал он. — Своекорова нет! Человека-то какого! Сдержанный, приятный, ну он просто нравился мне! И ведь соглашался кордон своими силами строить. А объездчик был бы — лучший!

— А это ты не скажи, что сдержанный, — отозвался Мернов. — Наоборот. Задиристый был Степан, это известно. Ну, правда, задирался по справедливости, так что я ничего плохого про него никогда не слышал, а все ж таки... Врага в самый раз мог нажить подлого, какой, если без свидетелей, на любое дело способен.

Участковый говорил убежденно, но вовсе не о том, о чем ему хотелось бы. В его-то версии отчетливо и упрямо маячила фигура Щапова!

Прокуратурой уже велось следствие, но пока не пришло еще время, чтобы соединилось присутствие на

заимке, незадолго до убийства, директора заповедника Белова и передача в милицию найденного в тайге клада неким гражданином, подписавшимся в передаточном акте — по странному, что ли, совпадению? — той же фамилией: Белов. Мернов же и вообще — из-за того, что провалялся в больнице, — ничего не знал о золоте, и тем не менее именно его версия вела прямо к истине: убийца потому оказался на заимке, что шел за Беловым!

На следующий день, в ясный полдень, увидели бредущего навстречу охотника.

— Кажись, из этих, из твоих «любезных», — сощурился Мернов. — Я так полагаю, и в заповеднике побывал — с той стороны идет, сейчас мы у него спросим.

Но Ивану Алексеевичу пришлось сбавить тон, когда поравнялись с охотником: охотник был однорукий, вооружен малокалиберкой, и поклажи при нем — тощий сидор. К тому же оказался и знакомым Мернову.

— Бойко Константин, — сказал он, натягивая вожжи. — Из «Светлого пути», колхозец тут есть такой. Садись, солдат, на санки, покури.

— Привет, милиция, — устало, без тени заискивания перед начальством ответил охотник.

— От твоей охоты, вижу, толку немного, — сказал Мернов. — С одной-то пятерней как управляешься?

— К малопульке приоровился: белке в глаз попадаю, как и положено. А чтобы с дробовиком — нет, не берусь: отдача шибко шибает. Целься не целься — все мимо.

— Что ж дома не сидится?

— Не привык, тоска заедает.

— А здесь, как я погляжу, весь так и сияешь.

— И не говори, Мернов. Горе. Собачка пропала.

И собачка-то не своя, у соседа одолжил — свою-то не успел вырастить. Теперь не знаю, как и в деревне покажусь.

— Вон что. Чужая собака. Чужую ты бы шибче привязывал.

— Как ее привяжешь? Собака ведь, — вздохнул охотник. — А главное, случай дурной. Сидел это я в Моховой пади, все мирно было, белку промышлял. А тут — в самый аккурат после Нового года — тигрица вблизи появилась и давай орать. Шум такой сотворила, святых выноси. Ну, понятное дело: в чувство пришла, звала, значит, суженого...

— Где-где-где-где?! Где, вы сказали? В Моховой пади? — прочастил Георгий Андреевич.

— Ты из тулупа-то не вылазь, я скоко раз говорил — застудишься, — неодобрительно покосился на него Мернов.

— Ага, в Моховой, — кивнул охотник. — Там и собачка сгинула. Хичникам в зубы попалась, не подавились, лютые. Она и не пикнула.

— Стало быть, отметили тигрюшки Новый год.

— Постойте, постойте, — заспешил Белов. — Мне кажется, вы напрасно переживаете. Насколько мне известно, тигры во время гона не едят. Так что, возможно, собака просто напугалась и убежала домой, к хозяину.

— Уж на что бы лучше.

— А вы не можете рассказать поподробней о том, что вы там видели и слышали. Это, понимаете, очень ценно. — В руках Георгия Андреевича появилась толстая тетрадка в коленкоровой обложке.

— Валяй, Константин, — важно сказал Мернов. — Чтобы все как есть. А Георгий Андреевич, товарищ Белов наш, все запишет для научной пользы. Он, знаешь кто? Большой ученый. В настоящее время — директор заповедника.

— Я уж догадался. Здравствуйте, — охотник сделал легкий поклон в сторону Белова, потом с сожалением пожал плечами. — Рассказывать-то нечего. Тигрюшек я своими глазами не видал, ни к чему было. Кабы знать...

— А следы?

— Один след только и перешел. Но следок матерейший...

— Такой? — Георгий Андреевич раскрыл тетрадь и протянул охотнику; на развороте — тщательно нарисованный след, похожий на пушистый, с четырьмя лепестками цветок. — По размеру случайно не такой?

— В точности, скажи на милость, — приложив ладонь к рисунку, подивился охотник.

— Он! Ты слышишь, Иван, он это, он! А еще что вы заметили? Кстати, вы вот про рев сказали. Не могли бы вы описать его, а еще лучше — изобразить своим голосом? Некоторые охотники в этом смысле прямо чудеса творят.

— Вообще-то мудрено... Под волка могу подладиться, и под сохатого, и за кабарушку «на пик» брать приходилось, а чтоб тигрюшку... Ну, поначалу как бы чихала тигрица: урчха, урчха... И фыркала, будто ей против-

но: фррхх, фррхх... А как полный голос подавать стала — тут уж никаким человеческим горлом не повторишь, куда там! Ведь все сотрясается! Я километра за два сидел, в избушке, и то мороз по коже. Ну а потом, на другой день, вдвоем завели. Кто громче! Правду сказать, и слова такого русского нет, чтобы назвать. Симфония! И не подумаешь, и не поверишь, пока сам не услышишь.

— Ох! — Георгий Андреевич захлопнул тетрадь, так и не сделав ни одной записи. — Я сам мог это слышать! Я просто обязан был! Пройти сотни километров, а точки, вот этой победной точки не поставить! Я казни египетской заслуживаю!

— Хо-хо! — хохотнул Мернов. — Разбушевался! Человек разве в своей болезни виноват? Постой-ка, а че это ты встаешь? Куда собрался, если не секрет?

— Следы-то остались. Не понимаешь? — Георгий Андреевич был уже на ногах и, действуя порывисто и раздраженно, вытаскивал из-под сенной подстилки свои лыжи.

— Вразуми, пожалуйста, ничего не понимаю!

— Тебе налево, мне направо, вот и все. Иду в Моховую падь. Только бы не снегопад, только бы не снегопад... Одолжи мне, если можешь, полбуханки хлеба. И соли, моя почти кончилась. Так... Что еще? Ружье, мешок, дневник — все здесь... Вы с утра сегодня вышли с заимки? — обратился он к охотнику; тот кивнул. — Вот и хорошо. Я, значит, по вашей лыжне дойду туда к вечеру... Там сейчас такое натоптано, чего еще ни один биолог в мире не описал. А я сейчас в такой форме... Даже сам от себя не ожидал. Следы читаю, как книгу. Смотрю, понимаешь, на след и вижу живого зверя. А это, я подозреваю, как вдохновенье: сегодня есть, а завтра — ау, лови его...

Это действительно была победная точка, финиш выигранной дистанции.

Георгию Андреевичу никогда в жизни не приходилось испытывать истинного восторга. В детстве он был слишком серьезным мальчиком; в молодости пришлось учиться и работать на пределе сил (какие уж там восторги при хроническом недосыпании!); на фронте он много раз уходил от верной гибели, но и к этому относился скорей спокойно: опять пронесло... В день Победы, когда многие миллионы людей узнали, что такое восторг,

он лежал на госпитальной койке, страдая от пролежней и очередной операции, которую про себя с печальной иронией называл «совершенствованием организма».

Но вот — поляна. Сосны, не теснясь, а с какою-то даже вежливой предупредительностью друг к другу обступили ее и любопытствуют: зачем оно здесь, это ничем не занятое пространство? почему до сих пор не заросло кустарником? У этой земли иное предназначение. На ней встретились два зверя.

Снег на поляне был изрыт, истоптан. Прямо возле ног Георгия Андреевича широкая вмятина со всею очевидностью показывала, как один из зверей, тигрица, если судить по размерам вмятины, в бурном гневе каталась на спине. Также можно было различить, что тигрица, поднявшись затем на ноги, без разбега сделала гигантский прыжок прочь; приземлясь же, с бешеной силой нырнула в сугроб. Пробившись передними лапами до земли, она вывернула наружу клочья мха и жухлую траву с корнями и крошками грунта. Потом — это все еще было видно Георгию Андреевичу — раздраженная хищница сделала вприпрыжку небольшую круглину по поляне и, встав на задние ноги, подобная обыкновенной кошке, «точила когти» о ствол сосны. Да, да, те самые так знакомые царапины белели на жухлой коре дерева!

Дальше, метров за десять, бугры, рытвины, бесчисленное множество отпечатков лап — все начинало сливаться и путаться в глазах натуралиста. По меньшей мере четыре дня длилась встреча зверей, и, значит, их следы были нанесены на поляну в четыре или бог весть во сколько слоев! Прикидывая объем предстоящей работы, Белов поневоле понемногу опускался на землю с той высоты, куда вознесло его свойственное восторгу парение. Хватит ли сил, чтобы распутать эту чудовищную путаницу? Да и времени тоже?

Георгий Андреевич достал из-за пазухи тетрадь (мешок и ружье он оставил на заимке, где ночевал) и сделал первую запись: число, время, беглое описание местности.

Итак, тигрица пришла первой... Голосом она призвала партнера, но не мог же он ее услышать, находясь за много километров. Быть может, улетающие в панике птицы, их поведение, направление их полета подсказали тигру, что там-то и там-то его ждет подруга? Впрочем, все это домыслы, долой их, долой... Нужно ответить, не зарываясь, хотя бы на самые простые вопросы:

сколько дней длился гон? Действительно ли звери в это время ничего не едят? Отдыхают как и где? Куда направились после гона? Да вот хоть узнать про судьбу пропавшей собаки охотника Константина...

На поляну соваться пока не следует, чтобы раньше времени не испортить своим суетливым топтанием оставленных на снегу бесценных свидетельств. Для начала — сделать вокруг поляны круг пошире и зафиксировать все входные и выходные следы. Затем круг сузить...

Он приступил к выполнению своего плана и буквально через несколько минут наткнулся на след собаки, чья кличка и порода остались для него неизвестными, но чье поведение — абсолютно ясным. Разумеется, пес, уже немолодой, опытный (ушлый, говорят про такого), прежде своего временного хозяина узнал о появлении тигрицы. Движимый любопытством и охотничьей страстью, он тотчас помчался к поляне, но пред очи грозной властительницы, понятно, не предстал: умудренность жизнью и разумная осторожность попридержали его метрах в пятидесяти от нее; скрытый деревьями и кустарниками, он недолго на слух изучал пришелицу. Ее внезапный оглушительный рык заставил его совершить произвольный рывок в сторону, в направлении, случайно оказавшемся направлением в сторону колхоза «Светлый путь»... Дня через три зайвится ушлец лукавый к порогу настоящего своего хозяина, будет вилять хвостом и виновато отводить глаза...

Сделав еще с полкруга, Георгий Андреевич уперся в следы тигрицы — входные, пожалуй, пятидневной давности; рядом — другие, свежие, должно быть, вчерашние — выходные. Тигрица была, как он и надеялся, его старая знакомая, та самая, державшаяся по большей части в границах заповедника, своя. По всей видимости, она ушла туда же, откуда и явилась, — в заповедник. Это все-таки утешало. Он перебрал в памяти кое-какие участки, примеряя их для обитания тигрицы на тот священный срок, пока зреет в ней новая жизнь, и, конечно, не удержался от попытки угадать, где, в какой укромности раздастся в апреле первый хрипловатый писк новорожденных (или одного новорожденного — что ж, и то хорошо). Он увидел залитый светом почти отвесный красноватый утес, шлепки зелени на причудливых каменных изгибах, журчащую речку, за речкой дубраву, где держатся кабаны... Как жаль, не посоветуешь будущей матери: беги на Краснухин ключ, там

покой и приволье обеспечит тебе карабин объездчика Никиты Хлопотина...

И опять вопрос неразрешимый: да в конце-то концов, каким же манером было назначено свидание?! Увы, наверное, не через год и не через два удастся подобраться к тайнам такого рода. Путь к ним — через лаборатории, через углубленное изучение внутренней биологии животных...

Второй круг Георгий Андреевич прошел уже по краю поляны и, замкнув его, исписал, посмеиваясь, целую страницу дневника. И было чему радоваться: не охотничьи побаски или свидетельства так называемых очевидцев записывал, а факты.

Итак, тиграм во время гона действительно было не до еды; снег они, впрочем, то и дело хватали — несколько характерных ямок, знакомых по прежним наблюдениям, заметил Георгий Андреевич и про каждую сделал отдельную пометку. За все пять суток ни тигр, ни тигрица ни разу никуда не отлучались; отдыхали тут же, об этом говорили глубоко продавленные лежки. И вот еще какое интересное явление: нежные-то супруги расстались, оказывается, отнюдь не мирно, а поссорясь, или, если уж смотреть правде в глаза, — подравшись!

Георгий Андреевич как бы читал книгу, но с конца. Вот ушла она, вот ушел он — это самые последние фразы книги. А за минуту до этого он бежал за ней, и она, раздраженная преследованием, вдруг круто обернулась и — бац! — лапой ему по морде. Он остановился, подавшись немного в сторону, и некоторое время стоял обиженный...

А дальше предстояла просто кропотливая работа, собирание рассыпанных крох, из которых когда-нибудь — может быть! — и удастся слепить целое. Медленно, то и дело наклоняясь или присаживаясь на корточки, с опаской, иногда с долгими раздумьями выбирая, куда поставить ногу, он начал невероятно замысловатый путь по поляне. Последние листки тетрадки заполнялись условными, принятыми у биологов значками, латинскими, по большей части сокращенными словами, маленькими схемками, рисунками, цифрами. Словом, сухой, безо всякой романтики прозой.

Около четырех Георгий Андреевич вернулся на заимку. Присев на скамеечку из жердочек, пристроенную каким-то хозяйственным охотником возле входа в избушку, он устало прикрыл глаза, чувствуя себя опусто-

шенным, но там, во внутренней пустоте, непрерывно пела маленькая, невесомая птичка вроде жаворонка. Ну какой сторонний наблюдатель мог бы подумать, что вот сидит человек, только что сделавший нечто, подобное открытию! Да, собственно, перед кем здесь скромничать? Настоящее открытие!

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глухое, с застоявшимся земляным запахом подполье завладело Захаром Шаповым.

Не думал, не гадал он, что жизнь в каком-то темном подполье, где ни развернуться, ни оглядеться, где даже распрямиться во весь рост нельзя — набьешь шишку, покажется не только сносной, но и приятной.

Но главное, подвал оказался надежнейшим убежищем. Люди почти не ходили к Татьяне, а если и заглядывала соседка одолжить стакан соли, то о ее приходе Шапов бывал предупрежден заранее: сначала скрипом калитки, потом скрипом дверных петель в сенях. Эти звуки он учитывал и затаивался. Татьяна же не забывала поливать петли водой, чтоб скрипели погромче.

Дважды в доме побывал участковый Мернов. Насмешливый, он оба раза, войдя, громко требовал чаю, и молчаливая Татьяна его требования исполняла. Он сидел, пил, нудно пошучивал насчет неопределенного полудовьего положения хозяйки, а сам высматривал, не окажется ли крошечного признака присутствия в доме беглого человека. Чего захотел! Куда ему против бабы! Уж у Татьяны чисто так чисто.

На простое дело — на обыск — Мернов не решился. Ему бы, пожалуй, несмотря на отсутствие у него соответствующего разрешения от руководства, никто бы этого не запретил, и Татьяна была бы тут бессильна, но он нет, искать не стал, не поверил, что Шапов решится скрываться в доме собственной жены. То есть не поверил, как и рассчитывал Захар, и правильно сделал, счастливый человек... Не зря ведь лежит у стенки карабин со спущенным предохранителем, с пятью патронами в обойме. Мернов только бы еще на две ступеньки спустился по лесенке из люка, а уж пуля пронзила бы ему позвоночник.

Уходя, участковый отбросил шуточки и сказал Татьяне официальным тоном:

— Предупреждаю вас, Татьяна Спиридоновна: если

муж ваш Захар Данилович Шапов появится па вашем горизонте, вы обязаны немедленно сообщить об этом властям. В противном случае будете нести уголовную ответственность за недонесение по статье за номером сто девяносто. Усекли?

Нашел кого напугать — Татьяну!

Теми же днями явился наконец и директор. Одно только слово сказала Татьяна, приоткрыв люк подполья: «Пришел!» И одним только властным словом ответил ей заволновавшийся Захар: «Гляди!»

Многих слов уже и не требовалось. Лежа под тулупом, Шапов до самых мелких деталей обдумал весь поиск, сочинил целый план, выполнив который Татьяна должна обязательно найти и принести законному владельцу обе драгоценные жестянки. Конечно, если они в Тернове, а не остались захороненными в тайге. Для второго случая Захар строил иной план, где главную роль отводил самому себе.

Татьяна принялась глядеть в оба. Уже в тот момент, когда директор тяжело поднимался на крыльцо управления, она попыталась просверлить взглядом тощую котомку у него за спиной, хотя, конечно, это были заведомо тщетные усилия. Бугрилась котомка от каких-то твердых предметов — вот и все, что она узнала.

Затем она, разумеется, попыталась подсмотреть, как та котомка будет опоражняться, но и тут ее ждала осечка: Белов, пройдя в свою по-канцелярски неуютную комнату (стол, стул, шкаф и узкая железная койка), прихлопнул за собой дверь, что в обычное время часто забывал делать, оставляя на виду весь свой бесхитростный быт. Когда через некоторое время он отправился в баню, протопленную для него стариком Огадаевым, Татьяна сумела бросить быстрый взгляд в комнату и увидела мешок уже пустым, смиренно висящим на гвоздике. Одни из содержавшихся в нем предметов заняли свои места тоже на гвоздиках, остальные, значит, были распределены в ящиках стола, в шкафу или под матрасом.

Но в круг поисков теперь попадала еще и банька на отшибе у незамерзающего ручья. И туда тоже Белов мог отнестись, скрыв в свертке белья, тяжеленькие жестянки и схоронить их в какой-нибудь щели или под досками пола. Это было бы даже удачно: в баньку можно пробраться ночью и пошарить там без помех.

Все, в общем, поначалу складывалось довольно про-

сто, и при той решимости, которая владела Татьяной, ей не понадобилось бы много времени для достижения цели. Она, может быть, и в минуту управилась бы — если бы жестянки оказались под матрацем. Но Агния, вся взвинченная, исчезающая и появляющаяся с непостижимой неожиданностью, помешала Татьяне незаметно проскользнуть в комнату Белова, потом туда явился Огадаев и, важно рассевшись на единственном стуле, замер в ожидании. «Моя будет много говори — Андрейч много слушай» — так объяснил он свои намерения и в ожидании замер, словно китайский божок.

Сильно, сильно переменился директор. Шутит. Хохочет. Бледный, отошавший до такой, кажется, степени, что, того и гляди, выпорхнет из неизменного кителька, а шустер-то, а боек!..

Дремотное Терново закопошилось, потянулось к управлению, держа наготове наскоро придуманные или уже застарелые просьбы и претензии, а пуще того, обыкновенно любопытствуя — в точности так, как бывает, когда с дальнего промысла явится охотник с богатой добычей. «Дураки! — думала, шелкая костяшками счетов, непроницаемо спокойная Татьяна.— Дураки и есть! Знали бы, по какой причине он такой счастливый, небось позеленели бы от зависти».

Терновский народец, забредя к Белову, так по большей части там и оседал — в разговорах, в хрусте скорлупы кедровых орешков, в табачном дыме, в скрипе пружин директорской койки под уместившимися на ней в ряд Никитой, инвалидом Силантьевым, дедом Савелкиным и Виктором Митюхиным. Изредка мирная беседа взрывалась звонко-сварливым криком Агнии, которая, забегая на минутку, безуспешно пыталась устыдить мужиков — чтобы не загрохотали да не прокуривали научное учреждение и дали бы директору отдохнуть с дороги.

Дверь в директорскую комнату все время оставалась открытой. Татьяна, в одиночестве сидевшая в канцелярии, отчетливо слышала каждое сказанное там слово. Что говорили другие, ей было неинтересно, но каждую фразу Белова она ловила с жадным вниманием и в конце концов не могла не вывести, что если и есть у этого счастливица заботы, планы и замыслы, то все они вьются вокруг одного и того же: как сохранить заповедник в полной неприкосновенности. В эту самую неприкосновенность Татьяна никогда не верила, и поэтому,

слушая, кривила губы усмешкой. Но зато директорские речи убедили ее, что он, по крайней мере в ближайшее время, не намерен отлучаться — ни в новое долгое путешествие, ни в командировку в Москву, ни в район. Это было немаловажное обстоятельство.

В первый день Татьяне так и не удалось пошарить в комнате Белова. И возможность для Захара пробраться в баньку у незамерзающего ручья тоже представилась не скоро: до половины второго у директора горел свет, а тропинка в сторону баньки пролегалла как раз под его окном; идти же кружным путем, целиной, чтобы след оставить, было и вообще рискованно.

В два часа ночи Татьяна стукнула об пол ухватом, и по этому сигналу Захар вылез наружу. Это был его первый за две недели жизни в доме жены выход, и впервые он почувствовал невероятную власть подполья. Ноги не шли, стали как ватные; во всех движениях тела появилась неловкость: он наткался на предметы, задевал плечами стены — совершенно незнакомое, неприятное состояние! Ощущения Щапова за тот час, который понадобился для ночного путешествия, были просто невыносимы. Как вздрагивал он, как старался не дышать, как, сделавшись вдруг верующим, молил бога, чтобы тот не позволил какой-нибудь окаянной собаке проснуться и залаять! В баньке же, откуда еще не выветрилось тепло, он сразу взмок, но снять полушубок не решился и, обуреваемый желанием поскорей вернуться в подполье, скомкал поиски. Он почувствовал истинное облегчение, когда, не вступая с Татьяной в разговор, только рукой махнув в знак незадачи, нырнул наконец в раскрытый люк, в пахнущую землей тьму. Тут он заторопился даже чрезмерно: устремясь в свой темный уголок, позабыл пригнуться и со всего маху ударился головой о поперечное перекрытие.

Дня через два Белов с утра, еще затемно, уехал на пегаше в тайгу. Татьяна это подсмотрела и, явившись на работу пораньше, около часу находилась в управлении одна-одинешенька. Она самым тщательным образом обследовала все углы и всю мебель в комнате директора, каждую вещь подержала в руках и аккуратно положила на место. Под матрацем она нашла бумажник, в нем — фотокарточку красивой женщины (погибшей жены Георгия Андреевича), несколько картонных удостоверений о военных наградах, скудную пачечку денег и еще какие-то совсем уж неинтересные письма и бу-

мажонки. И помыслить не могла Татьяна, до какой степени в эту минуту она была близка к окончанию всяких поисков! Одна из тех бумаженок, меньше других истрепанная, исписанная корявым почерком, вроде бы даже трясущейся рукой, тем не менее весьма толково удостоверяла, что у гр. Белова Г. А. в присутствии понятых, сержанта Скарыхина О. О. и гр. Удаевой Г. А., приняты для дальнейшей передачи в Государственный банк СССР золотой песок и золотые самородки общим весом в 3452 грамма. Не прочитала, даже не развернула Татьяна ту бумажку! Прикинув на глазок невеликую сумму директорской наличности и презрительно скривившись при этом, она подумала, что золотишко-то, видать, до сих пор в оборот не пущено. Иначе было бы тут не столько деньжат, а побольше.

Вот так супруги Щаповы вовлеклись в насквозь фальшивые хлопоты, которые заполнили всю их жизнь, все помыслы, и надолго!

Ежедневные инструкции Захара не отличались разнообразием. «Ты гляди!» — хрипел он. И Татьяна «глядела». Она пользовалась всяким поводом, чтобы оказаться поблизости от директора, внимала всем его словам и, конечно, не спускала с него глаз.

Давал ли Белов повод заподозрить себя как обладателя несметного богатства? Напротив! Мало-мальски объективный наблюдатель сразу распознал бы в нем бесхитростного бессребреника, увлеченного только работой. Он был весь на виду. С утра — небольшой маршрут по заповеднику, с расшифровкой звериных и птичьих следов, ведением дневника и, конечно, с охранными целями по тем направлениям, где мог пресечь все еще пошаливавшего браконьера. Середина дня тратилась на хозяйственные и административные хлопоты. Потом допоздна палил керосин: спешно писал о поведении тигра. Между прочим, работа эта, по-видимому, очень ему удавалась. Так, во всяком случае, считала Агния, которой он по вечерам читал отдельные части.

Ну где тут признаки богатства? А Щаповы непрерывно примечали их, и вскоре уже в четыре глаза: Захар к тому времени, когда холода отпустили, прорезал в подборе подполья дырку и целыми днями наблюдал за управленческим домом, который был весь ему виден.

Всего дважды — и это показалось Захару ох как много — он выбирался из подполья и, соблюдая величайшие предосторожности, устраивал за Беловым слеж-

ку. Это были обычные утренние маршруты Георгия Андреевича, и оба они оказались совершенно одинаковыми — до горы Краснухи и обратно. Прямой путь безо всяких петель и поворотов к потаенным углам. Но сама местность — и гора, и глухой каньон с крутыми, красноватого цвета скальными обнажениями — показалась Захару вполне подходящей для захоронки. Там, как он знал, хватало и хитрых щелей, и даже пещерки, помнится, были... Если бы не страшный риск себя обнаружить да не изнурительность самой слежки, Шапов, как он полагал, приметил бы рано или поздно, куда вглядывается директор, останавливаясь в конце всего пути. А так приходилось ждать, когда тайга станет укывчивой...

Георгий Андреевич действительно со всею пристальностью всматривался в причудливые каменные изломы на Краснухинском ключе. И цель этого занятия была тайной, ибо не мог же он признаться в своей ненаучной, наивной надежде, что вот именно сюда (нет лучше места!) придет по весне тигрица Хромоножка и построит в небольшой горной щели логовище для тигрят.

Хромоножка... Так он привычно называл ее про себя. И вдруг кличка оказалась неправильной. Однажды их пути пересеклись. Мог ли он не узнать ее следы? Это была она, несомненно, она, но она уже не хромала! Вылизнула, значит, шершавым языком пулю из гноящейся раны, и рана затянулась.

А Захар-то, прильнувший к своей узкой, как прицел, дырке, решил, разглядывая вернувшегося из маршрута сияющего директора, что тот сегодня не иначе как позволил себе взять в руки заветные жестянки, погладил пальцами, повертел, попестовал смутно светящиеся самородки. Оттого и радуется... «Эх, надо бы нынче за ним пойти, — вздохнув, подумал Шапов. — Оказия — снег».

Так оно и шло, время.

В одну из предвесенних оттепелей, когда шумно закапало с крыш, когда снег сделался тяжелым и липким и стоял довольно густой, медленно оседавший в безветрии туман, посреди словно бы потерявшего свои границы дня Шапов, прильнув к щели, поджидал директора. Это занятие уже сделалось для него привычным. В мгновения, когда Белов оказывался в пределах видимости, он многое успевал подметить — и настроение своего супостата, и какую-нибудь странность в его одеж-

де, и степень его усталости, и какой-то предмет в его руке, и в общем все-все. Схваченные таким образом мелкие факты он затем не спеша домысливал и... не скучал. Иной раз напряженный взгляд из подполья действовал физически ощутительно, и Белов, почувствовав его на себе, недовольно оборачивался. В таких случаях Шапов поспешно прикрывал глаза.

В тот сумрачный, тягучий день директор что-то уж очень долго не появлялся — уже и на вечер, пожалуй, поворотило... Шапов мучился нетерпением. Но вот справа, с той стороны, где обзор ограничивался домишком Матвеевны, послышался шум движения. Он приближался. Возникла склоненная вперед фигура директора, одновременно с крыльца управления с тонким жалостливым криком сбежала Агния. Директор встал, распрямился. Шапов увидел все и тоже едва не вскрикнул, на мгновение позабыв о своем секретном положении.

Глаза директора заплыли фиолетовыми натеками, нос разбух, через щеку — красно-бурая, с рваными краями царапина, губы уродливо вздулись и под нижней краснела перевернутой подковкой как бы вывернутая наружу ранка, какая бывает, когда от сильного кулачного удара губа прорезается насквозь о зубы. Одежда Георгия Андреевича была вся испятнана кровью, рукав полушубка полуоторван.

Директор пошевелил распухшими губами — улыбнулся Агнии, о чем, конечно, ни она, ни тайный наблюдатель не могли догадаться. За спиной Беловабрякнули друг о друга два ружья, надетые крест-накрест, и ослабла, провиснув, веревка, с помощью которой он тянул спаренные лыжи; на лыжах горбилась туша небольшого кабана.

— Георгий Андреевич, что же это?! Когда же это кончится?!—Агния прижала к груди руки.—Какие! Кто?!

— Встретились тут неподалеку два бугая, — невнятно пояснил он.

— Но вы-то, вы почему?! Пусть другие побольше ходят! Вы... вы для науки нужней!

— Да чего уж, — прошамкал он и, явно делая над собой усилие, медленно поднял руку и успокаивающе коснулся плеча девушки. Но от этого прикосновения Агния вся так и взвилась.

— Вы и права такого не имеете — собой рисковать! Сегодня побили, а завтра убьют! Что это, на самом-то деле, — на войне?! Ну, на войне, там ясно, там люди

Родину защищали и гибли, им за это ордена посмертно давали. А здесь-то, здесь — из-за кабаненка паршивого!

Директор, кажется, смутился от такого напора. Сказал, морщась и придерживая губу пальцами и этим достигнув некоторой отчетливости речи:

— Звери, Агнюша, тоже Родина. И птицы... Вся природа. Не все это пока понимают, объяснять приходится.

— Объяснили, называется!

«Действительно, объяснил... — размышлял Шапов, укладываясь на свою овчину. — Важно отделали... Кто бы это? Ну и он их, видно... Экий ведь! Двоих. И оружие отнял, и дичину...»

Неожиданно мысль Захара Шапова, обретшая вследствие долгого неспешного существования ленивую замедленность, ринулась: «Так что же это я радуюсь? — холодея и машинально вскидываясь, подумал он. — Шлепнут его, не ровен час, и прости-прощай, мое золотишко. Кто мне тогда укажет, где оно? И ведь ходит, не стережется и ружье с собой редкий раз берет! Шлепнут какие-нибудь охламоны! Куда я тогда?»

На следующий день, когда Татьяна подала в подполье миску с томленной в вольном жару ароматной кабанятиной, кусок застревал в горле Захара Даниловича. С тех пор он, изнывая и волнуясь, ожидал каждого возвращения директора из тайги.

В сущности, и до этого случая Шапов не желал директору зла. Тихо и мирно вернуть жестянки — вот все, что ему было нужно. Но не жалость и не уважение к достойному человеку оказывали тут свое влияние, а некое нелепое на первый взгляд искривление шаповского мироощущения. Белов был для него — как это ни странно звучит — уже... мертвым. Правда, вместо него убит другой, но это ошибка, и вот ее-то Захар Шапов с сокрушительной силой инстинктивного чувства самосохранения скидывал со счетов. Запретив Татьяне подозревать себя в убийстве Своегорова, он и самому себе запретил то же самое и гнал всякую мысль о том, как в отчаянье, не сумев выговорить толкового вопроса, тряс умирающего за отвороты полушубка. Скорей даже и не спрашивал, а пытался вытрясти вон неумолимо вступающую в мягчающее тело смерть. Но то, что произошло за минуту до этого, он вспомнил спокойно — там все было как надо — фигура грабителя-директора в прорези карабина, меткий выстрел...

Конечно, человек не всегда волен в мыслях и воспоминаниях. То, непоправимое, иногда тихой сапой подкрадывалось к Шапову и вдруг возникало — в ярком свете, отчетливое до мелочей. Его тогда словно подбрасывало на овчине, он ударял кулаком в земляной пол и хрипел: «Никто не видал — стало быть, ничего и не было!» Ему удавалось отогнать видение, и он упрямо оставался при своем: «Тот убит, которого падо...»

Получалось, Белов лежит на крохотном терновском кладбище и он же, Белов, отдает какие-то распоряжения старику Огадаеву, любезничает с девчонкой Агньюхой, дерется с браконьерами и до двух ночи, стуча на машинке, истребляет керосин. Ничего ему не угрожает, ибо дважды одного и того же не убивают.

Ствол тополя, давно отживший, потерявший под напором стихий свою огромную крону, похожий издали на грозящий кому-то корявый, с обкусанным черным ногтем перст, вдруг начал проявлять признаки жизни. В полном безветрии, под припекающим утренним солнцем из его прогнившей сердцевины посыпались какие-то палочки, веточки, гнилушки, пучки сухого мха и обрывки прошлогодних листьев. Потом перст-пень как бы округлился, на конце его появилась странная физиономия — носатая, причем ноздрястый нос вырастал прямо из казавшегося плешивым усыпанного мусором плосковатого темени, на котором, как чужие, торчали в разные стороны обтрепанные уши; сонно слипающиеся, мрачно подозрительные маленькие глазки дополняли этот портрет. Минуту или две этот представитель рода урусов — черный гималайский медведь — осматривал бугрившуюся под ним, уже нежно тронутую весенними красками трущобу и, ничего не заметив стоящего, снова исчез в дупле.

Будет теперь мишка еще несколько часов сидеть внутри давшего ему зимний приют дерева и, наверное, туго, со сна, соображать: пора или не пора? Горячий солнечный луч, проникнув сквозь открытое отверстие дупла, скажет ему: пора! Он вылезет наверх, со страхом будет поглядывать вниз: угораздило же забраться!..

Но не век же сидеть огромной тушей на виду у всего мира. Станет медведь спускаться: со вздохами, со

стонами, неловко срывая с дерева кору, то и дело оглядываясь через плечо: много ли еще осталось?

Пора, всем пора!

В листовничном отлоге угорье два косача, недовыяснив с утра отношений, выскочили, как по команде, из укрытий, помчались, растопырив крылья, навстречу друг другу — ух, страшно! Будет драка до первой крови.

А тут еще дятел: рассыпал на всю окрестность воинственную дробь, воодушевил бойцов не щадить ради весны живота своего. А пугливый бурундук (он давно на воле, уже несколько дней) взметнулся по стволу — крошечное дымное облачко...

И Захару Шапову пришло время покинуть свое убежище. Тайга стала теплой и укрывчивой. Там, только там было теперь место приспособленному к бродяжничеству человеку. К тому же пребывание в подполье вовсе или почти вовсе потеряло смысл: в Тернове проклятый директор не хранил украденных сокровищ.

Пора, пора!.. Это тревожное словечко по сотне раз на дню гвоздило Шапова, а по ночам нагоняло бессоницу. Но куда — пора? Он ждал верного случая, а случай не представлялся.

Только раз, еще в конце марта, когда директор ездил в Рудный по хозяйственным делам и на почту отослать в Москву свои научные труды и когда, конечно же, свободно мог завернуть к захоронке, Шапов едва не пустился по его следу. Помешало неожиданное предчувствие неудачи — и до чего же верным оно оказалось! Директор, потратившись на покупку книжек, возвратился еще бедней, чем был; рупь двадцать у него осталось, донесла Татьяна, сумев опять заглянуть в известный бумажник.

Разумеется, и таким тоже фактом Захар поспешил укрепить свою успокоительную уверенность в сохранности золотишка. Но, сам по природе своей неизменно терпеливый, он в конце концов поразился терпению директора, которое, видно, превосходило его собственное, и в его упрямую душу стали закрадываться сомнения и беспокойство. Как это так — жить, отказывая себе во всем, выжидать чего-то? Не кроется ли тут какая-нибудь интеллигентная хитрость, недоступная пониманию умеренно образованного человека?

Приход весны затворник видел через щелку, верхней через две щелки, так как и с другой стороны дома

устроил — чтобы увеличить обзор — такой же наблюдательный пост. В подполье прибавилось свету, и оказалось, что он вовсе не в одиночестве прозимовал зиму. Покойный Спиридон, как ни старался сделать постройку непроницаемой (охраняя ее главным образом от докучливых грызунов), не смог все же предотвратить нашествия более мелких квартирантов — разных жучков и паучков. С наступлением тепла и началом роста трав вся эта живность, мирно спавшая по запаутиненным углам и закоулкам, устремилась наружу и находила какие-то выходы — верно, специально прорытые, невидимые человеческому глазу норки.

В долгие часы, когда малонаселенное Терново не давало никакой пищи для наблюдений, когда даже собаки не пробегали мимо, какой-нибудь черный паук, вразвалочку пересекающий подполье, чтобы выбраться на юго-восточную сторону, сразу под солнце, оказывался для Захара Даниловича сушим подарком. С пристальным интересом, забывая о тягучем времени, вникал он в подробности существования насекомых.

Так шли дни.

Щапов окончательно укрепился во мнении, что золотишко где-то в районе Краснухи: будь он на месте Белова, захоронку устроил бы именно там.

Но директор почему-то — как нарочно! — все не шел и не шел на Краснухинский ключ, причем, если бы Щапову удалось вникнуть в маршруты, по которым Белов ежедневно рассылал объездчиков, то не замедлил бы заметить, что и объездчики постоянно минуют тот интересный участок, берут его как в обхват, и в этом, несомненно, есть какая-то преднамеренность.

Рассвет еще не начинался. Большая ночная птица стремительно и неслышно проскользила по самому краю опушки, едва не касаясь крон деревьев. В одном месте ее удивительно свободный полет был слегка нарушен: словно испугавшись чего-то, она вильнула, но тотчас исправилась — видимо, посчитала причину своей тревоги несущественной или ложной.

Между тем повод для страха был: против того места, где полет птицы искривился, в переплетении крупных ветвей затаился главный птичий и всех животных враг — человек.

Впрочем, разве враг Георгий Андреевич Белов, директор заповедника? Он друг.

Про это исключительно удобное для наблюдений местечко Георгий Андреевич несколько дней тому назад выведал у старика Огадаева. Небольшая, с горбатинкой пустошь, низина с болотиной, изрытая копытами темная проплешина, будто присыпанная сахарной пудрой.

Но, конечно, то не сахар — соль. Здесь солонец, и добротню сооруженный среди ветвей скрадок немало, видно, послужил браконьерам. Уж как маялся, как чуть ли не совсем позабыл русский язык Николай Батунович!.. Ну ладно. Кто старое помянет... Зато теперь скрадок надежно служит науке.

Третье утро подряд Георгий Андреевич, подобный гостеприимному и до чрезвычайности скромному хозяину (который всегда в тени), встречает здесь и провожает чопорных гостей. Видел изюбря, пятнистых оленей, кабаргу, старого патриарха лося с куцей, без рогов, головой и ожидал кабанов. Но вот кабаны-то как раз и пренебрегали, кажется, его гостеприимством. Нигде поблизости он ни разу не нашел ни одного кабаньего следа, и это было все-таки странно: ведь тоже копытные, ведь тоже небось здешнее угощение любят... В чем тут дело? А что, если они, всеядные, получают нужное организму количество соли из мяса и крови грызунов, которых походя ловят и съедают? Почему никто из ученых никогда не заинтересовался этим вопросом? Ах, мать-зоология, как еще чисты твои страницы...

С рассветом на солонце началось движение. Вначале появилась косуля с косуленком, спешно потюкала по соленой глине острым копытцем и, схватив кусочек губами, ринулась прочь, будто он краденый; косуленок, как привязанный, держался возле нее. Потом пришла лосиха с глупым длинноногим лосенком — учила его есть преполезную глину, но он, предпочитая все-таки молоко, лез к соскам; мамаша в конце концов рассердилась и наподдала ему губастой мордой по шее. Эти вели себя как дома, никого не опасались...

Около восьми Георгий Андреевич убрал в полевую сумку бинокль и дневник наблюдений, спустился вниз и достал из нагрудного кармана кителя сложенный вчетверо, порядком уже истрепанный, исписанный несовременным, на диво отчетливым почерком листок — письмо самого профессора Южинцева.

Письмо пришло с неделю тому назад, и с тех пор Георгий Андреевич с ним не расставался — чуть что, доставал и перечитывал. Его строгое лицо делалось при этом почти простецким из-за самодовольной улыбки и волной набегавшего румянца. Но кто осудит молодого автора, получившего блистательный отзыв о своей работе!

Письмо прямо так и начиналось — с поздравления. Затем Южинцев выражал восхищение примененным методом наблюдений — по существу своему традиционным, имеющим глубокие народные корни, но в то же время и как бы наново открытым, безусловно, обеспечивающим за автором научный приоритет. Ниже следовал целый абзац, в котором профессор опять же восхищался, но уже необыкновенной продуктивностью молодого ученого: за полгода — основа для диссертации! Он также отмечал его способность ясно и точно излагать материал, не впадая в неуместную беллетризацию и не поддаваясь наукообразию. Наконец профессор сообщал о впечатлении, которое произвела рукопись на иных лиц — на ученый совет и на членов редколлегии университетского издательства: восхищение и полное единогласие. И уже спокойным, деловым тоном Викентий Иванович заключил: «Брошюра принята к печати вне плана. О сроках выхода вам сообщат, это будет скоро. Сожалею, что тираж не может быть большим, — вы знаете наши возможности. Однако выражаю уверенность, что с этой исключительно своевременной работой будут ознакомлены все заинтересованные руководители и организации вплоть до министерств. Желая дальнейших успехов».

Вот такое письмо. Было бы верхом нескромности кому-нибудь его показывать. Еще только один человек читал его — Агния.

Георгий Андреевич спрятал листок в карман, потянулся и вдруг насторожился: в звонкий галдеж весенней тайги врезался чуждый ей звук — рокот мотоциклетного двигателя. «Этого еще не хватало!» — пробормотал он, мгновенно вскакивая. Браконьер с мотором — эта зловещая фигура все чаще мерещилась ему. По дорогам страны движутся многие тысячи трофейных мотоциклов и автомобилей, и своя промышленность быстро налаживается... Рано или поздно браконьер воспользуется скоростной машиной, проникнет туда, где мирно живут зверье и птицы, убьет, расхитит, распугает и ум-

чится безнаказанный. И вот, видно, он появился — первый. С трудом Георгий Андреевич одолевал подъем. Вауловская дорога, где сейчас ехал мотоциклист, проходила соседним распадком — надежды перехватить его было мало, но хотя бы увидеть, запомнить... «А если поймаю... — яростно пронеслось в голове Георгия Андреевича, — машину... вдрызг изуродую... Пусть вандал... но чтобы потом... неповадно было!..»

Внезапно мотоциклетный мотор, натужно взревев, смолк. Послышался характерный лязг кикстартера. «Ага, заглох! — зло обрадовался Белов и, сберегая силы, перешел на шаг. — Накрою!.. Поговорим!..»

Сверху он увидел заляпанный грязью BMW с коляской и склонившегося над ним крупного, так знакомого человека в синей милицмейской форме. «Иван!» Он вздохнул с облегчением.

— Ваську! Несравненного Василь Васильича променять — и на кого! Тебя совесть не мучит? — крикнул Георгий Андреевич, выдираясь из кустарника неподалеку от терпевшего бедствие мотоциклиста.

— И не говори, — Мернов распрямылся; ему, видно, было не до шуток: вымученная улыбка не сошла с лица выражения досады. — С Василь-то Васильичем я и горя не знаю, а этот... Не заводится, язвы его!..

— Я думаю, жиклер надо почистить. Дыму какого напустил, я еще наверху почувствовал. Что-то у тебя со сгоранием.

— Ты и в мотоциклах соображаешь? А для меня — лес темный. Ездить езжу, а чинить...

— Сейчас мы его... Инструмент доставай.

В считанные минуты Георгий Андреевич, проявив, пожалуй, заметные способности механика, стосковавшегося по железному строю машины, нашел неисправность. BMW забухтел отчетливо и спокойно. Мернов расцвел.

— Ну как у тебя тут? Пошаливают?

— Да нет, грех жаловаться. За последний месяц — ни одного нарушителя. Даже не верится.

— Ничего, все образуется, дай срок. Народ у нас понятливый. А что я тебе везу! Ни в жизнь не отгадаешь! — Он достал из коляски сумку, набитую газетами и журналами. Белов обрадованно потянулся к ним: периодические печатные издания весьма нерегулярно достигали Тернова — всегда это был праздник. — Не туда

ты смотришь, ты вот эту, нашу, местную, возьми. Я их тебе целых пять штук купил — для памяти.

Небольшая заметка в областной газете рассказывала о благородном поступке некоего Г. А. Белова, бывшего фронтовика, который нашел старательский клад самородного золота и весь его передал в фонд восстановления народного хозяйства, причем добровольно отказался от полагающегося по закону вознаграждения.

К удивлению Ивана Алексеевича, человек, внезапно обласканный славой, ничуть этому не обрадовался. Он не улыбочиво покривился и пробормотал что-то такое, настолько похожее на ругательство, что оно, верно, и было бы ругательством, если бы тут стоял кто-нибудь другой, а не Георгий Андреевич.

— Да ты что, не видишь?! Г. А. Белов — это же ты! Георгий Андреевич, ну. И заглавие: «Так поступают советские люди». Или сам себя не узнаешь?

— Узнавать-то узнаю... Ну да, я это. Но ведь просил, чтобы не звонили!

— А никто и не звонил. Это уж в области так распорядились — чтобы в газету. А у нас — нет. Слух, конечно, был, но — глухо. Я и значения не придавал, не понял ничего поначалу. Эх! — Мернов выключил двигатель, сделав это, пожалуй, несколько порывисто; в наступившей тишине укоризненно сказал: — Сколько были вместе, и ты мне ничего не сказал! Пока прощаю, а в другой раз обижусь, ты так и знай.

— Еще и обиды из-за пустяков. Да ты разве обидчивый? Не знал, а то бы непременно сказал.

— Степан Своекоров на кладбище лежит — тебе это пустяк?

— То есть? При чем тут Своекоров? — Георгий Андреевич оторвался от газеты, которую быстро просматривал, и воззрился на участкового. — Вот если бы знать причину...

— Причина у тебя в мешке лежала, когда ты на Пусутинском зимовье ночевал. И вот здесь она же, причина, — Мернов сердито ткнул рукой в зашелестевшую газету.

— Ты золото имеешь в виду?

— Его. За три-то кило с лишком, знаешь... За тем к тебе и еду: место покажешь, где ты его нашел. Карта с собой?

Георгий Андреевич сделался тихим и как бы покладистым. Расстелили карту на тупорылой мотоциклетной

коляске. Мернов, внимательно проследив тонкую карандашную линию долгого маршрута Георгия Андреевича, задал несколько кратких вопросов — о стоянках, о погоде, какая была в то время, о пройденных в тот или иной день отрезках. Проворчал:

— Теперь тебе небось и самому все ясно.

— Пожалуй. Для следствия, правда, жидковато.

— Следствие — это если в городе. Здесь догадываться надо. Видишь, ты шел-спешил, а он за тобой гнался. Своекорова он издаля увидал, сослепу за тебя принял: одежда на вас была одинаковая. Ну и шамальнул из карабина. Тебе, значит, та пуля готовилась. Счастливый ты. Как говорится, теперь долго жить будешь.

Картина смерти ни в чем не повинного человека увиделась Белову со всею отчетливостью. И навалилось чувство собственной вины.

— Там была и борьба, — продолжал Мернов, — Степан Иванович не сразу, видать, помер. Так этот гад и навалился на него, допытывался, куда ты подевался — следы-то занесло. Узнаю повадку щаповскую.

— Он?

— Щапов. Теперь знаю твердо, а был в заблуждении. И он, видно, и посейчас тут, вокруг тебя ходит.

Средь бела дня Татьяна никогда не рисковала открывать люк подполья, а тут — было около двенадцати — без предупреждающего даже стука наотмашь шваркнула крышкой. Поток света из кухонного окна пал во тьму и уперся в твердый земляной пол.

— Где ты там?! — чуть ли не в полный голос прошипела Татьяна, склоняясь над люком.

Щапов уже около часу, с момента появления в Тернове милицейского мотоцикла, не отлипал от наблюдательной щели и, конечно, не мог не видеть, как жена перебегала, пряча что-то под плюшевой жакеткой, от управления к дому, и все же был застигнут врасплох: схватил карабин, лягнул затвором.

— Положь железяку дурную! — совсем осатанела Татьяна. — На вот, читай! — и сунула вниз то, что несла под жакеткой, — одну из пяти газет, которые Мернов «для памяти» привез Георгию Андреевичу.

Голова Щапова опасно всплыла над люком.

— А эти? — шепотом спросил он. — Чего они?

— За самоваром сидят, беседу ведут, — насмешливо, ничуть не смиряя голоса, сказала Татьяна.

Слепившая глаза туго свернутая газета тревожно

привлекала внимание Захара. Он уставился на нее, не видя ни одной буквы, потом начал кое-что разбирать в обведенном красным карандашом прямоугольнике: «Так поступают...»

Он прочитал заметку. Почти ничего не понял.казалось, на каком-то древнем, давно забытом языке талдычила газета. Даже слово «золото» было чужим. Он с надеждой покосился на Татьяну. Та присела на лавку и, прислонясь затылком к стене, загадочно улыбалась.

— Читай еще раз, — приказала она.

При втором чтении слова, подвигавшись, потопорщась, заняли свои нормальные места. Каждое стало живым. «Г. А. Белов» — это уже был он, директор. «Золотой песок и самородки» — это было оно, золотишко... И все-таки событие, происшедшее не иначе как там, за чертой, было лишеным здравого смысла и не укладывалось в голове Шапова. «Вот уж обманули так обманули», — подумал он, чуть ли не восхищаясь не поддающейся объяснению хитрости.

— Хорошо-то как, — сказала Татьяна. — Сразу гора с плеч. Теперь уеду, работу найду, мне везде путь. А ты выметайся. Надоел, устала. До ночи подожду, ладно, не столько ждала, а чтобы потом и духу твоего здесь не было. И смотри: не уйдешь — донесу.

Захар молчал, потупясь. Он, кажется, и не расслышал слов Татьяны.

— А? Захар? — печально-весело продолжала она. — И надо же, не врал ты, а я иной раз сомневалась. Не врал!.. Ишь, сколько золотишка нахватаю, сколько кровушки пролито... А зря!

Захар что-то прошептал, пробормотал, его голова стала плавно тонуть в темном квадрате люка и вдруг исчезла. Слышно было, как он прошел, прошуршал в противоположный конец дома, в свой угол, и там тяжело лег на свою подстилку.

— Корову подоить, — сказала Татьяна, бухнула крышкой люка и притопнула по ней ногой. — До ночи я тебя потерплю...

Она действительно чувствовала облегчение, но не совсем еще верила в него и ждала, что нахлынут разочарование и досада. Но нет, мир был ясен и обещал только хорошие перемены.

Подоив корову, Татьяна вернулась в управление, к составлению финансовой ведомости.

Сидя в одиночестве в канцелярской комнате, Татья-

на была в курсе многих происходивших или еще только замышляемых обыденных событий маленького населенного пункта. Она, например, знала, что Георгий Андреевич собирается на Краснухинский ключ; в ту сторону часть пути его подвезет на своем страшном драндулете участковый Мернов, который через денек опять заедет в Терново, чтобы повидать Юрку: будет как раз воскресенье, ребятишек-школьников привезут из Ваулова.

Краснухинский ключ... С ним связывал Захар все свои надежды. Но ведь и у директора непонятная, особая тяга к той местности! Много раз по разным мелким приметам Татьяна убеждалась в этом. Но если золотишка там не было и нет, то какой же интерес его туда привлекает?..

Татьяна посмотрела на свой дом и в страхе прикусила губу: в крайнем окне маячила отчетливо видная взъерошенная фигура мужа.

Ничуть не хоронясь, Захар в задумчивости смотрел куда-то в сторону и вверх, наверное, на дальние горы. «Спятил с горя, окаянный!» — хлестнуло Татьяну. И действительно, только умопомрачением можно было объяснить такую невероятную потерю осторожности: в соседней комнате гудел басистый голос Мернова, а ведь и оттуда дом Татьяны был виден как на ладони, отчетливо.

Щапов постоял-постоял и медленно отошел в глубину передней. Он проплыл мимо второго окна, затем третьего — задумал, стало быть, попрохаживаться на виду всего Тернова и участкового милиционера! Оцепенев, Татьяна не заметила, что с пера капнуло. Ведомость была безнадежно испорчена. Бежать, затолкать чумового в подполье! Но она и шевельнуться не смела.

Двое в соседней комнате были пока заняты разговором.

— Андреич, ты мне вот что объясни: ты зачем от вознаграждения отказался? Ведь по закону! Ну, насчет чего такого, я знаю, тебе немного надо — не пьешь и не куришь. Но книжки ты любишь! Понакупил бы тыщи три, вот таких толстых! Глядишь, и я какую взял бы почитать.

— Тыщи три! — рассмеялся Белов. — Как-то не подумал. Три тысячи — ого! Да, упустил, и не говори. Но вознаграждение я все-таки получил.

— Как это? — голос Мернова резко осел. — Неужто отложил малость?

— Ну что ты, что за ерунда. Иного рода вознаграждение, и ценное! Я, может быть, целой жизнью вознагражден. Лежал это я у ноги прогоревшей — температура, мысли мешаются. И такая вдруг слабость; дай, думаю, засну и умру. Так все показалось просто. И уснул бы, если бы не вспомнил про золотишко в мешке. Пропадет оно, думаю, вместе со мной безо всякой пользы. А еще хуже — прохвосту достанется. И встал. И по морозцу дотопал до дороги, там меня машина подобрала. Помнишь, морозец был славный?

— Был мороз. Редкий год такой-то бывает... Ах, язви...

Захар опять торчал у окна. На улице появилась вдова Савелкина с ведром в руке. Какая нелегкая несла ее на другой край поселка. Татьяна в своем оцепенении никак не могла сообразить, но то, что эта въедливая женщина идет, цепко поглядывая по сторонам, не оставляя своим вниманием ни одного дома, ни одного окна, ей было очень даже хорошо видно. И мелькнувшую тень Захара она заметит и заподозрит неладное!

Словно стрелок, соблюдающий упреждение перед летящей птицей, Татьяна промедлила еще несколько секунд и сорвалась с места. Она сбежала с крыльца, этак легко, танцующе перешла улицу, взбежала на свое крыльцо и, уже вкладывая в движение всю свою силу, помчалась по сеням, по кухне, по горнице и успела-таки отпихнуть Захара от окна еще до того, как Савелкина поравнялась с домом.

— Лезь! — задыхаясь от гнева и нешуточных усилий, потребовала она, ткнув пальцем в сторону зияющего люка подполья.

Захар, без единого звука и безо всяких попыток сопротивления вытерпевший толчки и удары, посмотрел пусто и невыразительно.

— Чего уж. Счас пойду.

— Уж не белым ли днем?! Совсем из ума выжил!

Только тут Татьяна заметила, что почти закончены сборы на дорогу: на лавке раскрытый, наполовину заполненный мешок; в углу прислонен карабин.

— Где-то ватник был... Его надену, не спарюсь... — подумал он вслух. — Еще чего не позабыть? Патронцев кот наплакал... Скоко раз убеждал тебя: добудь. А ты...

— Где же я их могла добыть! Винтовочных!

— Ладно, обойдусь...

Внезапно Татьяна ощутила к нему жалость — чувство, которое и в довоенные два неполных года супружеского, весьма относительного согласия ни разу к нему не испытывала. Подумалось: куда пойдет, неприкаянный! И какой же старый-то стал! Сказала уже безгневно:

— Ты горячку-то не пори. Полезай, пока не приметили, в подпол. С работы приду, соберу тебе кой-чего в дорогу. А к тому часу и Мернов уедет. Он и директора с собой прихватит. Сама слыхала, как договаривались: Мернов — в Коловякино на покражу, протокол писать, а Георгий Андреевич — опять в тайгу, на Краснухинский ключ, с ночевкой, наблюдения будет вести.

— Георгий Андреевич, ишь! Наблюдения! — язвительно сказал Шапов. — Какой! И живет себе! Ну, ничего, пушай наблюдает пока, недолго ему наблюдать осталось.

— Ты это о чем? — насторожилась Татьяна; она не могла не заметить короткого взгляда, брошенного мужем на карабин, но угрозе, столь красноречиво подкрепленной, все-таки не поверила. — Али отплатить задумал? Да твое дело теперь — из этих краев в самые дальние подаваться! Как будто тебя здесь и не было. А и за что отплатить? Человек благородный поступок совершил, ничего себе не взял, все отдал государству. По-твоему, его казнить?

— Ага, он благородный, — тусклым голосом возразил Шапов. — Чужое взял, и благородный. Так-то кто хошь благородным станет. Но несправедливо это — чужое брать!

— А тебе еще в сороковом году в суде объясняли — я все хорошо помню, вся жизнь с тех пор поломатая, — что чужое, а что не чужое. Раз из земли добыто, стало быть, народу принадлежит. Забыл?

— Ты-то чего так заговорила? Дура.

— Во-во, дури меня, а сам дурной и есть. И вообще хватит. Полезай в свою берлогу и носа не кажи. Некогда мне. Ведомость из-за тебя чернилами залила, а надо, чтобы сегодня подписал директор.

Около ста дней Захар Шапов прожил в полной зависимости от жены и успел привыкнуть безоговорочно подчиняться ей. Так же, впрочем, как и для нее власть над ним сделалась привычной и естественной. Безо вся-

кой боязни она взяла карабин, который при этом стукнул стволом о стену, подцепила и мешок.

— Это все пока в шкаф запиру, чтобы с толку тебя не сбивало, — сказала она и понесла вещи в горницу.

Столь легко обезоруженный, Захар проворчал что-то про мушку — разве можно ею колошматить о стену! — а сам безвольно зашмыгал к распахнутому люку.

Карабин и мешок были заперты в шкафу. Ключик — в карман жакетки. Мужика — в подполье. Для верности Татьяна придвинула на крышку люка тяжеленную лавку.

Она вернулась к финансовой ведомости, чтобы полностью переделать все. Взясась за дело с охотой, работала в приятном спокойствии. И заслужила похвалу директора, который, заглянув на минутку в канцелярию, сказал: «Как вы аккуратны, Татьяна Спиридоновна! И почерк у вас замечательный».

Так прошло часа два. В доме Татьяны ничто за это время не шелохнулось, и она стала все реже посматривать в ту сторону.

Мернов и Белов собрались наконец ехать, вышли к мотоциклу и под самым окном завели разговор о свойствах карбюратора, о некачественном горючем и о смазочных веществах. Участковый с его избыточным здоровьем был, как всегда, громогласен и шутлив, в директоре же явственно проступало что-то невеселое. Татьяна еще с утра заметила, что настроение Белова чем-то испорчено; она даже в тот момент, когда он заглядывал похвалить ее, уловила в его голосе фальшь и натяжку. Теперь же, вблизи увидев его лицо, она поразилась: как у покойника оно, бледное и острое! Сказав что-нибудь Мернову, соблюдая при этом выражение приветливой любезности, Георгий Андреевич затем, полагая, конечно, что никто за ним не наблюдает, как бы отступал в тень — это при ясном-то солнце! Его лицо темнело, словно не ощущало прикосновения теплого света.

Татьяна во многое не верила: в гадания, в бога, в благие намеренья... Но в предчувствия она очень даже верила, и не только в свои, которые ее, натуру втайне впечатлительную и тонкую, обманывали редко, но и в предчувствия других; даже зверье, скотина и птицы наперед знают, что с ними случится, считала она. И поэтому, когда скользнула в ее голове нечаянная мысль: «Будто смерть свою чувствует», — она дрогнула от ужаса.

Слишком велики были у Татьяны основания поверить в смертную угрозу: на все способный Захар ждал в подполье своего часа, и ведь она сама — сама! — по глупости своей бабьей, болтнула ему про Краснухинский ключ, где будет легко из-за камня подстрелить директора.

— Ты что, и дрянного ружьишка опять не берешь? — удивился Мернов, заметив, что сборы Георгия Андреевича закончены. — У тебя что, правило такое?

— Да ну его, — отмахнулся Белов. — Зря таскать надоедает. Тяжесть все-таки.

— Тяжесть-то, это конечно. По себе знаю: сходишь на охоту, плечо потом не один день болит. Тебе бы хоть наганом обзавестись. Вон рыбнадзору ТТ выданы, а вам, вишь, почему-то не положено.

— А ты похлопочи за нас. Я от ТТ не откажусь.

Весь этот разговор Татьяна выслушала в онемелом изумлении. Как все сходилась! Желание выйти на крыльцо, крикнуть Георгию Андреевичу, чтобы никуда не ехал, охватило ее, но чем бы она объяснила такое вмешательство в действия начальства? Бабьими сомнениями? Она осталась сидеть, забыв про ведомость, и злоба на Захара, на все его дикое, опасное существование исказила ее лицо. И вдруг пришло простое решение: карабин забрать и запрятать подальше, пусть Захар без него по тайге пошастает!

Мернов с директором наконец укатили. И — еще не смолкло вдали мотоциклетное ворчание — Татьяна скорым шагом пересекла улицу. Мстительное нетерпение владело ею.

Она опоздала. Замок шкафа был неаккуратно отперт ножом. Ни мешка, ни карабина.

— Захар, поди сюда! — Татьяна с грохотом откинула крышку люка. Еще не зная, что сейчас выговорит мужу, вся кипит от гнева, она наклонилась над черным отверстием. Оттуда на нее повеяло пустотой.

Вначале она не поверила, что Захар решил уйти среди бела дня. Еще несколько раз позвала его, спустилась, чиркая спичками, в подполье. Потом по-хозяйски припертые колом снаружи дворовые ворота, следы сапог на мягкой земле невоскопанного огорода показали ей путь мужа. Ушел, никем не замеченный, — уж он-то умел сделаться невидимкой.

Одна! Свободна! От радости глаза Татьяны заволочло слезами, на минуту она даже позабыла о своих опа-

сениях. Ей вдруг поверилось, что злой гений ее жизни исчез навсегда. Ни словом, ни действием, ни воспоминанием он больше не коснется ее.

Беспорядок на скобленном кухонном столе рассказал о последних минутах пребывания Захара в доме. Он, оказывается, поел на дорожку, достав из печи чугуны со щами и горшок с топленным молоком. Несколько раз своим ножом отрезал хлеб, втыкая затем, по охотничьей привычке, нож возле себя в край стола. И ножом же начертил на доске три какие-то буквы. «УБЮ», — разобрала Татьяна. Она коснулась ладонью оставшихся на столе хлебных крошек — успевшие зачерстветь, они укололи ладонь. Это обстоятельство неприятно поразило женщину. Захар, значит, ушел давно. Он, видно, сразу, как только она убежала в управление, вылез из подполья. Вся его покорность была притворством, он уже знал, что не будет дожидаться ночи.... Но что за «УБЮ» такое? И вдруг она поняла: не «УБЮ», а «УБЬЮ». Бродяга старый, совсем одичав, позабыл грамоту.

Татьяна вообразила, как сидел Захар за столом с ножом в руке, как, не имея кому высказать мысль-угрозу, резанул ею по столу. Не скоро эти буквы отскоблишь...

Эти двое обогнали Шапова: все-таки машина есть машина. Предупрежденный об их приближении рокотом двигателя, он сошел с дороги и сквозь нечастый кустарник, с расстояния в десяток метров, видел, как они проехали мимо. Равнодушно Захар подумал, что вот они оба побывали в его власти, и он преспокойно успел бы их шлепнуть двумя выстрелами. Но не шлепнул, потому что ни к чему это — чтобы сразу двоих. Против Мернова он ничего не имеет. И к Белову Шапов уже не испытывал ненависти. Не жгучая жажда мести вела его на Краснухинский ключ, а дело, выполнить которое, однако, совершенно необходимо, а иначе никакие дальнейшие действия невозможны, только после выполнения его он решит, куда теперь идти и способен ли он начать все сызнова.

Между тем Белов и Мернов расстались километрах в трех от Краснухинского ключа, в соседнем с ним каменистом распадке на едва намеченной дороге. Произошло это примерно за час или полтора до того, как туда же прибыл и Шапов, шедший довольно споро.

В своем безумии — охота на человека и не может

быть не безумием, — Захар с неестественным хладнокровием отнесся к препятствиям и трудностям, которые могли ему помешать. Как будет, так и будет.

Он шел если и таясь, то таясь скорей машинально, не спешил и не слишком внимательно посматривал на примятую, едва только выстрельнувшую из земли траву, дугу каблука на мягком грунте, потревоженные и не нашедшие своего прежнего места ветки. Маленькая птичка, звонко затренькав, на минутку отвлекла его; бездумно, на ходу, оглянувшись на нее, он затем не нашел ни одного оставленного директором следа, но ничуть не обеспокоился этим: знал, идет туда, куда надо. Ему запомнилась точка, где еще зимой заставал Белова.

Но не знал Шапов, что Белов, сообразуясь со своими научными целями, постарается вдруг сделать свой путь бесследным. Не знал он и того, что Георгий Андреевич перед самой весной построил скрадок в кроне старого дуба. Не подозревал преследователь, что смотреть ему надо по верхам. Впрочем, если бы он и догадался поднять голову, заметить затаившегося в гуще ветвей человека было бы все равно очень трудно.

На поросшей кедровым стлаником хребтине невысокого отрога Шапов немного задержался. Перед ним открылся вид, не похожий на скучноватую, по большей части хвойную тайгу, оставшуюся позади. Природа, словно бы с единственной целью — поразить человека, мгновенно скинула скромную маску и показала лик необычайной красоты и причудливости. Лиственные леса, еще не зазеленевшие в полную силу, бугрились по склонам неподвижными волнами. Речка внизу казалась, наоборот, плоской, в ней чудилась острота лезвия, блистающая твердость не подвластного ржавчине металла. Она как бы подсекала Краснухинский мыс — громадное скальное обнажение, несомненный центр всей этой местности.

Татьяна убрала в доме, умылась холодной водой. Пока была занята, казалось, что утекающее время уносит ее все дальше и дальше от Захара, от страшного подозрения, от тех двоих, уехавших на мотоцикле. Но как только остановилась, с ужасом поняла, что беда вот она, рядом, что ей — даже если ее не тронет правосудие — никогда не уйти от гнетущей непрощенности. Она заметалась, не представляя себе, что же все-таки можно сделать.

Напрашивалось самое простое решение: сказать, со-

общить, поднять людей на помощь Георгию Андреевичу. Но в том-то и дело, что в Тернове, как нарочно, не оказалось ни одного способного на решительные действия мужчины. Митюхин второй день возил лес, выделенный лесхозом для постройки кордона на северной окраине заповедника. Огадаев по случаю субботы укатил в Ваулово за школьниками. Никита Хлопотин был на охранном маршруте. Одноногий Силантьев, которого Георгий Андреевич, махнув рукой на правила, взял-таки на службу, и тот ездил где-то на старом мерине, старался оправдать доверие. Оставались почти не слезавшие с печей деды, старухи и пожилые женщины. Ну, еще Агния, девчонка.

Татьяна опомнилась на середине улицы: «Куда это я?!» Она и не заметила, как сбегала с крыльца, как сделала несколько торопливых, целенаправленных шагов. Не было ее, цели-то, не было! Постояла, не решаясь повернуть назад, и уж просто для того, чтобы хоть куда-то себя деть, скрыться, направилась к избенке старой Матвеевны.

— И что ты все нынче шустришь, шустришь, ни к какому углу не пристанешь? — обрадованно засуетилась старуха. — А мы чаю, Тань, чаю! Самовар-то о-он уж шумит, голубчик.

Баранки и пряники на столе, конфеты в бумажных обертках, самовар в неурочный час — все говорило о том, что Матвеевна была при деньгах: недавно ей вышла пенсия за сына, причем ей выплатили сумму за весь срок, с самого сорок третьего. Между прочим, постарался Георгий Андреевич: съездил в райсобес, отыскал какие-то затерявшиеся документы, кому-то что-то доказал, и вот, пожалуйста, Матвеевну хоть в богатые невесты зачислй.

— Ты сама не шустри. Отстань, не до чаю мне, — сказала Татьяна. Она хмуро посматривала на старуху (которая тоже с вопросительной хитрецей постреливала на нее глазами) и думала, что сейчас, наверное, не удержится, все выложит Матвеевне: и про золотишко, и про Захара, которого втайне три месяца кормила и поила и который ушел теперь убивать Георгия Андреевича. Но много ли проку в глупой старухе!..

— Пойду...

— Вот те и на! Зашла, называется!

На улице Татьяна столкнулась с вдовой Савелкиной, которая опять спешила на другой край Тернова.

«Разве что этой сказать? Небось хоть что-то будет — боевая...» Но Савелкина, не задерживаясь, пожаловалась тоном, таким, пожалуй, впору огрызнуться:

— Печь замучила, дымит! Лажу окаянную! За глиной другой раз бегу, все жилы вытянула!

(Глину в Тернове для ремонта печей брали в одном и том же месте — за конюшней.)

Глядя вслед Савелкиной, Татьяна с отчаяньем поняла, что такой женщине и нельзя открыться: шуму не оберешься.

«И ладно! Что я, на самом деле? Не знала ничего и не знаю! И никто у меня не спросит! А спросят — отопрусь!»

Вернувшись домой, Татьяна гремела посудой и швыряла вещи. И вдруг, глянув в окно, увидела телегу, которую, понурясь, тянул пегаш. В телеге — Огадаев и мальчишка Юрка.

«Школьников, видно, уже привез! — догадалась Татьяна. — Он сможет! Дедушка! Гора с плеч!» — ликовала она, на ходу надевая жакетку.

Пегаш уже стоял возле огадаевской пятитенки. Сам старик, свесив ноги, сидел на телеге. Юрка подвязывал вожжи. С крыльца, встревоженно всплеснув ладонями, сбежала Агния и, подступившись к деду, попыталась неумело помочь ему сойти на землю. Юрка, подойдя, подставил для опоры свое плечо.

— Горе-то какое! — слезливо крикнула Агния приближавшейся Татьяне.

Уже втроем они кое-как стащили с телеги неподатливо твердого, не издавшего ни единого стопа, только шумно сопящего старика.

Оказалось, Николай Батунович еще утром, на пути в Ваулово, вздумал помочь застрявшему в болотине пегашу, поднажал с нестариковским усилием на телегу, и какая-то жила в его спине неестественно перекрутилась. В школе, куда он все-таки добрался, сразу заметили его состояние, и учительница решила, что ему надо домой, на печь, и отпустила терновских ребятишек, к их величайшему ликованию, задолго до конца занятий.

Огадаев был водворен на печь. Привезенные им ребятишки Тернова — небольшая, легко помещавшаяся в телеге рать — уже лакомились тем, что припасли к их приезду ворчливые, втайне соскучившиеся по ним мамы. Юрка, ростом из всех мальчишек почти самый

маленький, но с неожиданными басистыми нотками в голосе, появившимися этой весной, высказал предположение, что теперь, поди, раз дед болеет, в школу ехать не придется долго, и, по-мужицки озабоченный, пошел распрягать лошадь. Расстроенная, Агния, не ответив ему чем-нибудь язвительным, полетела к Матвеевне, чтобы спросить, чем можно помочь страдающему деду хотя бы на время, пока не вернется Георгий Андреевич с его всеильными научными знаниями.

Татьяна осталась со своей тайной. Помогая Агнии, она произнесла не больше десятка слов и двигалась как в тумане — настолько поразил ее насмешливо-ехидный выверт судьбы. И лишь возвращаясь к себе, она подумала: а с какой стати сама-то не поспешила на помощь Георгию Андреевичу? Женщина она крепкая, вот только бы поспеть... Да уж не забоялась ли она Захара, черта окаянного? Да ни в жизнь!

Так пришло это решение. Намотав портянки и надев кирзовые сапоги, которые были ей немного велики, Татьяна вышла из дому, поглядывая на солнце. Пути, как она рассчитывала, ей было часа на два, если не задержат талые воды. Только бы поспеть!

Она миновала крайние постройки Тернова и, оказавшись против конюшни, заметила там Юрку, все еще возившегося возле пегаша. «Да как же я не догадалась!» Поездка на резвом коньке сильно меняла дело: выигрывалось время, да и найти Георгия Андреевича, сидя высоко на лошади, будет легче.

— Юрка! Юрочка!.. — Она вдруг задохнулась, сообразив, что именно этот упрямый мальчишка больше, чем кто-либо другой, и может помешать ей завладеть лошастью.

Юрка всегда дичился Татьяны, но он и с другими взрослыми был диковат. Она же, наоборот, испытывала к нему какие-то теплые чувства, объяснить которые можно было скорей всего ее несостоявшимся до сих пор материнством. Во всяком случае, она не забывала испечь несколько лишних пирожков и шанежек и затем незаметно сунуть их Юрке. Тот брал — не такие это были годы, чтобы сирота мальчишка устоял против угощения, — но в разговоры с Татьяной никогда не вступал, даже как бы и не смотрел на нее.

— Юрочка! — наконец справилась она. — Дай-ка мне пегашку, мне тут недалече съездить надо.

— Однако никак нельзя, — помолчав, глядя в сто-

рону, сказал мальчишка. — Лошадь целый день на ногах, устала. Пойть надо и кормить.

— Юрочка, очень же необходимо, пойми, голубчик. Я под седлом возьму, это же не телегу тащить. А пегашка, он сильный, что ему прокатиться разок. А я для тебя уже пирожок испеку.

— Огадаев заругает, Георгий Андреевич заругает, он велит беречь лошадей. Нельзя, — совсем уже свернул шею на сторону Юрка.

— Юрка! — в отчаянье вскричала Татьяна. — Ведь для Георгия же Андреевича! Я его спасти еду! Его Щапов на Краснухинский ключ убивать пошел! Карабином!

Так вдруг тайна перестала быть тайной. Татьяна осеклась, рот закрыла ладонями и с ужасом смотрела на мальчишку. Кому доверилась — ветру! Но, странно, ей вроде бы и полегче сделалось. Пропала тупая скованность, все ее существо просило движения, действия.

— Тащи седло, — приказала она мальчишке. — Хомут и шлею я пока сама сниму. Беги.

Она двинулась к лошади, переминавшейся между опущенными оглоблями, но тут сбоку звякнуло. Татьяна обернулась. Вдова Савелкина, выйдя из-за угла конюшни, поставила наземь ведро и, с огромными, почти белыми глазами, с запенившимися уголками губ, шла, выставив испачканные глиной кисти рук, прямо на нее. С нечеловеческой силой она вцепилась в Татьянину жаquette.

— Ты! Ты чо здесь сказала?! А ну повтори, чтобы я слышала! Ты это куда ехать наладилась?! А! К Щапову, к Захарке! В помощь ему! У тебя, стало быть, связь сохраняется! Да ты ведь и прячешь, прячешь его! Были такие подозрения! Что же это, люди! Ехать она хочет! В баню ее запреты! Милиция! Люди! Караул!

Женский крик, как кинжалом, пронзил Терново. И, казалось, рассыпанные без порядка домишки только его и ждали. Всюду зашевелилось, хлопнуло, стукнуло.

Татьяна, вся истормошенная Савелкиной, непрерывно подталкиваемая ею, вяло шла навстречу людям. Вскоре ее окружили.

— Пушай сказывает перед всеми! — надрывалась Савелкина.

Татьяна, затвердевшая, словно черная статуя, молчала. Она с тоской смотрела куда-то вверх, на вершины дальних гор, и ничего-то ей уж больше не хоте-

лось — все желанья уничтожила не отступавшая ни на шаг чудовищная незадача.

— Господи, да не галдите! Сейчас все скажу, ничего не скрою.

Никто не видел, как Юрка влез на пегаша. По крупу некормленного и непоеного мерина застучал, кроме хворостины, приклад допотопного, с гранеными стволами ружья. Того самого, дедовского.

Только один Огадаев и видел, как Юрка снимал ружье со стены, но уж очень старику было худо — никакой возможности помешать мальчишке.

Внизу, где-то совсем рядом, настырно куковала кукушка: «ку-ку» да «ку-ку», и без конца. Георгий Андреевич шевельнулся в «вороньем гнезде», как окрестил он свой скрадок в кроне старого дуба, и взмолился:

— Не надо, не надо мне такого сказочного долголетия, извините, пожалуйста!

Не обратив никакого внимания на это заявление, крикунья продолжала свое и вскоре подманила подружку. Голоса уже двух птиц, настолько близкие, что в них отчетливо различалась страстная хрипотца, которую издали никогда не услышишь, задолдонили наперебой. Казалось, они, эти голоса, заключены в какой-то гулкий сосуд, и один — как бы эхо другого, пружинисто отскакивающее от стенок сосуда.

Насулив всему живому целую вечность, кукушки разом смолкли — видно, подались куда-то, перепархивая по кустарникам и нижним ветвям деревьев.

Но тишины не наступило. В этот яркий час, когда приближение вечера ощущалось еще только как предчувствие, пело неисчислимое множество других птиц. Единый звук, составленный из тысяч отдельных звуков — самых разных, от хриплого ворчания до тончайших звонов, — просторный и как бы колеблющийся в неспешном ритме, заполнял все: деревья, землю, воды, камень и воздух. Уж на что Георгий Андреевич, еще в студенческие времена своим знанием птичьих голосов вызывавший зависть у товарищей по курсу, а и он вряд ли смог бы сейчас выделить из общего гула и определить голос какой-нибудь одной птахи.

Но сегодня птицы и не интересовали Белова. Он загадал: если есть тигрята (или хотя бы один тигренок),

значит, все, что делалось до сих пор, делалось правильно. Вот именно — все!

Он печально усмехнулся, подумав, что, видно, не на шутку расклеился, если самой судьбе начал ставить столь непосильные условия. Ишь, чего захотел — тигрят! Ведь даже если Хромоножка и стала опять матерью, то уж не ради ли какого-то возомнившего о себе натуралиста она должна устроить логово именно на Краснухе, причем в пределах досягаемости его бинокля? Дескать, гляди на нас и пиши... мельче! Нет, велика тайга, и никто не закажет путь ее зверю...

Мощный кривоватый дуб стоял почти на самой кромке левого берега реки, которая на этом участке растекалась и мелела: камни выступали над ее тихо струившейся поверхностью. Мелководье, однако, не мешало крупным пятнистым хариусам вести здесь деятельную и радостную жизнь. Сверху Георгию Андреевичу и без бинокля было видно, как некоторые рыбины, затаившись в засаде где-нибудь в тени, нетерпеливо подрагивали хвостами — ожидали наплывавшую добычу, а другие с азартом футбольных вратарей выбрасывались в воздух и хватали летающих насекомых.

Скала была по правую руку от Георгия Андреевича, и ею в ту сторону ограничивалось его поле зрения. Влево же начиналось самое интересное. На обширном пространстве высились не помещавшиеся в глазах бесконечно затейливые строения природы. Расцветченные праздничными красками весны террасы, ниши, балконы, переходы, уступы чередовались в немислимом беспорядке и тем не менее сохраняли несомненное гармоничное единство. Видимо, гармония придавала этому нагромождению камня манящую привлекательность — хотелось не просто любоваться красотой, а приблизиться, пощупать ее руками, убедиться в ее достоверности.

Георгий Андреевич разделил все открытое перед ним пространство на участки и с неуклонной методичностью стал осматривать их в бинокль, стараясь вникнуть в каждую деталь. Все могло иметь значение: камешек, травинка, шевельнувшийся кустик.

На первый осмотр ушло около часу, и ничего существенного замечено не было, ничего, кроме порхнувшей пичуги да юркнувших тут и там ящерок. Георгий Андреевич опустил бинокль, потер уставшие от напряжения глаза и вытащил привязанный веревочкой к клапану кармана гимнастерки карандаш. Но писать-то пока бы-

ло нечего. Впрочем, первый вывод уже напрашивался: определенная, можно сказать, настороженная пустота на всех участках. И это в то самое время, когда позади лесная чаща, казалось, шевелилась от переполнявшей ее жизни... Но отсутствие мелкого зверья не говорит ли о присутствии крупного хищника?

Дав отдохнуть глазам, Георгий Андреевич приступил к новому, еще более тщательному осмотру участков. Теперь надо было постараться зафиксировать изменения обстановки, происшедшие за миновавший час. Какая-нибудь мелочь — сдвинутый камень или помятый мох вполне могли стать путеводной нитью...

Он поднял бинокль. И сразу же, еще не тронув окуляров, с совершенной отчетливостью увидел... человека. Это было как наваждение. Человек в ватнике и в сапогах, вооруженный, ничем не предупредивший о своем появлении, — свалившийся с неба, или мираж, отпечатанный в воздухе! Георгий Андреевич потряс головой, чтобы отогнать видение, но оно никуда не делось, продолжало стоять к нему спиной, опустив голову, что-то рассматривая у себя под ногами. И стояло оно так близко, что, казалось, должно было слышать не только дыхание Георгия Андреевича, но и биение его сердца!

На самом деле Захар Шапов находился метрах в сотню или пятидесяти от «вороньего гнезда». Георгий Андреевич не сразу узнал его. Перед ним был явный и злостный браконьер, осмелившийся в весеннее святое время нарушить границу заповедника. Нарушитель разогнулся и повернулся лицом к «вороньему гнезду». Георгий Андреевич быстро опустил бинокль, боясь, что его может выдать блеск линз.

Значит, Шапов наконец-то. Необходимость задержать и разоружить оставалась в силе, но, конечно, все теперь значительно усложнялось. Не душеспасительная беседа о бережном отношении к природе предстояла, а нечто более сложное и тонкое. В частности, Шапова ожидал великолепный оглушающий удар ребром ладони по шее.

Карабин (вон он) — пора уж — займет свое законное место в кладовке, в железном шкафу под замком.

А что ждет самого Шапова? И вдруг заглодало в груди: то дала о себе знать ответственность за чужую судьбу. Ведь, в сущности, он, Белов, не судья и не исполнитель, просто гражданин... Да, гражданин, вот то-то и оно...

Щапов получит свое.

Захар Щапов между тем двинулся, лениво осматриваясь по сторонам, вдоль по узкой и ровной обомщенной площадке, неторопливо поднялся на другую, похожую, и оттуда, встав на самом ее краю, стал, вытягивая шею, вглядываться в даль сужавшегося распада.

Теперь он опять стоял спиной к «вороньему гнезду», и Георгий Андреевич решил снова приставить бинокль к глазам. Слезать с дерева было пока нельзя: Щапов мог услышать произведенный при этом шум.

Ну что ж, можно и потерпеть. Сжав зубы, Георгий Андреевич — чтобы не терять времени даром — изучал противника: тощую котомку за его спиной, оранжево-поблескивающую над правым плечом ложу карабина, облынованный брючный ремень, которым Щапов был перепоясан поверх ватника и который, несомненно, пригодится потом для связывания рук...

Вдруг Щапов резким, суетливым, пожалуй, испуганным движением сорвал карабин с плеча. Что-то значительное увидел он там, впереди, на склоне, и его волнение передалось Георгию Андреевичу, который поспешил мазнуть окулярами бинокля туда и сюда и, не заметив ничего, вновь уперся ими в перепоясанную, с котомкой спину. И вот тут-то он скорей почувствовал, чем увидел, что к фигуре бандита что-то прибавилось: справа его голова зажелтела — как бы золотым ореолом. В следующее мгновение Щапов переступил, отодвинулся немного влево, и тогда глазам Георгия Андреевича открылось невероятное: круглая, ярко полосатая оскаленная морда тигра рядом с головой Щапова!

Это опять был оптический эффект: под действием линз предметы иллюзорно сблизились. Голова Щапова и голова Хромоножки, казалось, соприкасались, но и в действительности тигрица, вынырнув навстречу человеку из своего логова, оказалась очень близко от него, метрах в восьми, то есть на расстоянии, которое взрослый тигр может преодолеть одним прыжком.

Это были мгновения, когда мысль обретает необычайную стремительность. Георгий Андреевич принял единственно правильное в его положении решение: с громким криком он ринулся, обламывая ветви, вниз.

— Не стреляй, сво-олочь!

Только внезапный шум и появление еще одного человека могли изменить ход событий — напугать тигри-

цу, вынудить ее к отступлению или помешать Щапову метко выстрелить.

Но Георгий Андреевич, в треске сучьев, с криком провалившийся вниз, не миновал еще и половины высоты дерева, когда раздался первый, им не услышанный выстрел. Второй выстрел раскатился по распадку, когда он шлепнулся, повредив руку, на землю. Третий выстрел прогремел, когда он, делая гигантские скачки, вспенивая воду, бежал по мелководью и, не заметив ямы, ухнул в нее по пояс. Потом были четвертый и пятый выстрелы. Георгий Андреевич в это время карабкался по каменным нагромождениям склона...

Это может показаться невероятным, но ни криков и вообще никакого шума Щапов не слышал. Такое им овладело состояние, когда он неожиданно увидел вынырнувшую из щели, готовую к прыжку тигрицу. Он машинально сдернул с плеча карабин, так же машинально щелкнул затвором. Пожалуй, даже и не страх охватил его, а оцепенение, которое распространяют в минуту смертельной угрозы или хищного нападения многие животные. Он видел тигрицу, медленно (как ему казалось) ползущую на него, видел оскаленную пасть, но звериного рыка не слышал. «Уши, что ли, заложило?» — отстраненная мысль прошла как бы неподалеку от сознания. Почти не целясь, он спустил курок в первый раз.

Выстрел он все-таки услышал; звук показался негромким, откуда-то прилетевшим. Дернувшийся в руках карабин, однако, уничтожал всякие сомнения насчет того, откуда стреляло. Да, но тигрица продолжала ползти на него! Он снова выстрелил.

Она ползла! В своем оцепенении, похожем на спокойствие, Щапов кратко подумал: «Видать, стрелять разучился». И, уже как следует прицелясь, опять выстрелил.

Тигрица ползла, словно плыла, на него!

«Танька давеча мушкой стукнула», — вспомнил он, но тотчас же вспомнил и то, что мушку нарочно проверял и ощупывал, — в ней никакого повреждения не было. Он выстрелил еще — тигрица ползла.

И только тогда Щапов понял причину промахов: прицел установлен на четыреста метров, на расстояние, с которого он намеревался убить директора, пули, значит, могли лететь вверх. Он дернул прицел и выстрелил в последний раз.

«Теперь кидайся, коли что опять не так», — подумал он, пристально приглядываясь к распростертому зверю и замечая, что и теперь тот, кажется, продолжал ползти на него.

Зрение ли испортилось у Захара Шапова (от возраста или от долгого сидения в темноте) или подшутило над его глазами поднявшееся кровяное давление? Оскаленная, словно готовая к прыжку, тигрица лежала мертвой. Все пять пуль были в ней.

Охотник всегда спешит дотронуться до подстреленного зверя, как бы убедиться в своей победе. Это даже не обычай, а нечто врожденное, полученное по наследству от предков. Но, видно, что-то надломилось в Шапове: он не подошел к тигрице, не пнул ее ногой. Опустошенный, присел на камень.

С тупым равнодушием он воспринял раздавшиеся позади стук шагов и запаленное дыхание. Он настолько промедлил обернуться, что и оборачиваться не пришлось: Белов пробежал мимо, споткнулся на подъеме, чуть не упал и кинулся на колени перед мертвым зверем.

Лишь через минуту он поднялся и повернулся, весь на виду, к Шапову. Тот подивился: лицо директора было мокрым, будто в слезах.

— Что ж ты, гад, наделал! — сдавленно сказал директор.

Шапов наставил на него карабин и вдруг суетливо захлопал затвором. Что-то непонятное с ним творилось — он то одно забывал, то другое, и вот теперь, в очередной раз, забыл, что карабин разряжен, всю обойму он истратил на зверя, а другая — в котомке! Зажав карабин под мышкой, он хлопотал, стаскивая с плеч котомку, но ведь развязать ее, достать патроны было не секундным делом: Белов успел подойти и положить руку на оружие.

— Хорошо, хоть не сопротивляешься, — сказал он безбоязненно и потянул карабин к себе.

Шапов очнулся, его вялость пропала, мышцы окрепли.

— Ты себя не обнадеживай... — Оставив в покое лямки мешка, он стремительно пригнулся и выхватил из-за голенища нож с широким и длинным лезвием, дивно отточенным, яростно засверкавшим.

В следующее мгновение отлетевший в сторону карабин брякнул о камень. Шапов взметнулся, нанося удар

в грудь Белова. Георгий же Андреевич быстрым движением попытался выбить нож, но сделать это ему не удалось: его собственную руку, поврежденную при падении с дерева и успевшую сильно распухнуть в кистевом суставе, пронзила невыносимая боль. Он не сдержал стога.

Удар все же не получился. Нож остался у Шапова. Он почувствовал неуверенность, отступил шага на два, пытаясь выиграть немного времени, чтобы сообразить, каким верным способом можно одолеть ловкого противника. Георгий Андреевич тоже сделал два-три шага назад, отшвырнул при этом подвернувшийся под ноги карабин. Обоих трясло от волнения...

Шапов оказался на самом краю площадки. Склон в этом месте был крут, внизу блестела река.

— Смотри не упади, ты правосудию нужен, — крикнул Белов.

— За меня не бойсь, — покосившись через плечо, ответил Шапов. — Бойсь за себя, одни мы тут.

Но они были не одни. Многие слышали пять выстрелов над Краснухинским ключом. Участковый Мернов, у которого опять забарахлил мотоцикл, успел, оказываясь, отъехать всего на несколько сот метров и теперь бежал, уже одолев небольшой перевал, вниз по склону. Уже где-то близко скакал на пегаше Юрка, уже по дороге со стороны Тернова спешили все, кто был в силах отправиться в путь; впереди — изнемогавшая Агния...

Двое стояли друг перед другом. Георгий Андреевич баюкал раздувшуюся, нестерпимо болевшую руку. Со стороны реки взвился хриплый, надсадный крик:

— Шапов!.. Опять!..

Кричал Мернов. Шапов посмотрел через плечо, покачал головой, поднял руку с ножом поближе к глазам и, посмотрев на нож тупо, без сожаления, тихонько бросил его в реку.

— Ишь, одолели!..

А внимание Георгия Андреевича вдруг привлекли какие-то странные звуки, похожие, пожалуй, на жалобный писк новорожденного. Они усиливались, делались нетерпеливыми, и Георгий Андреевич, словно вовсе забыв о Шапове, повернулся и пошел мимо неподвижно оскалившейся тигрицы к темневшей в углу площадки каменной щели. Там, на небольшой глубине, в сумраке копошились два рыжеватых комочка...

The title 'ПРОЩАНИЕ С ЕВРОПОЙ' is centered within a decorative frame. The frame consists of a square border with inward-pointing arrowheads at the corners. Inside the square is a large oval, and the text is written in a bold, serif font across two lines within the oval.

ПРОЩАНИЕ
С ЕВРОПОЙ

*Диалоги, начатые на вилле «Гражина» и продолженные
на Уолл-стрите*

ИНТРОДУКЦИЯ

Предотъездная — едва ли не самая хлопотная из всех видов суеты. Все равно что-нибудь забудешь. И, как позднее выяснится, это будет именно то, без чего путешествие теряет всяческий смысл.

Однако суета все же захлестнула — поиски батареек для приемника и мелкозернистой фотопленки, сувениров и справочников. А до отплытия дизель-электрохода было четыре дня. Предстояло плыть, как в давние времена — переваливаясь с волны на волну, лоя взглядом линию горизонта, которая то утопает, то взмывает к небу, как и подобает ей вести себя, если судно борется со штормом.

Но самое главное, что я сам с трудом понимал, — куда это меня несет? Почему вдруг ввязался в откровенную авантюру? Неужели финансист Бобби Леман, миллионер, а может быть, даже и мультимиллионер, завидев меня, смахнет набежавшую слезу и скажет, что глубоко сожалеет о несправедливо прожитой жизни. А то, чего доброго, признается в ошибке — зачем, мол, покупал на сомнительном аукционе бесценные рисунки Альбрехта Дюрера, украденные из львовского музея...

Когда оформляли поездку, милая девушка, перели-

стывая мои документы, удивлялась: «Для чего вам, инженеру, туда? Я так и не поняла, что вы рассказывали об исчезнувших картинах. Да разве может быть в наше время частный розыск? Нереально и романтично. Романтика — это хорошо, но в умеренных пределах...» Я понял, что понравился девушке и она меня пытается научить уму-разуму. А раз учит, значит — жалеет. Но жалел меня и секретарь парткома. Вот что он говорил: «Ты едешь не в командировку, а по приглашению. Этого инженера, который тебя пригласил, отлично помню. Вроде бы хороший парень. И хорошо, что он пытается тебе помочь... Но сам подумай: твои статьи об исчезнувших коллекциях — инженерское ли дело? Поезжай, раз решил, но толку из всего этого не будет. Отпуск псу под хвост — жаль».

Все учили меня, все давали советы. И это был грозный и тревожащий признак. Встрепенитесь, оглянитесь на себя самого, если вдруг почувствовали, что получаете избыточное количество советов. Даже мой ленинградский приятель, истово поддерживавший идею пересечь океан и там кое с кем поговорить по душам, и тот слишком уж часто вздыхал и украдкой поглядывал на меня, не то сочувствуя, не то прощаясь.

— А отчего бы тебе не слетать на денек во Львов? — спросил как-то раз приятель. — Развеешься, а заодно освежишь в памяти какие-то детали. Иногда надо.

Это «иногда надо» меня неожиданно убедило. И даже не могу объяснить, почему. Если бы он сказал «надо», без «иногда», наверняка возникло бы желание не следовать такому категоричному совету. А может, я просто устал от суеты и был рад хоть несколько дней пожить в другом ритме. В общем, я отправился во Львов. И даже не полетел, а поехал, выпросив в кассе билет в комфортабельный спальный вагон, с зеркалами над диванами, круглосуточным крепким чаем, заваренным не наспех, не кое-как, а с чувством, с толком, с любовью к самому процессу. Это умение заваривать чай старые проводники дальних поездов берегут, как некогда жрецы хранили огонь, и, кажется, молодым это умение уже не передают.

Остался позади Псков. Поезд шел по осененным покоем и мудростью веков, хорошо ухоженным, радующим душу и глаз элегическим равнинам. Сосед по купе — седой, худенький, в синем мешковатом костюме в полосочку — долго глядел в окно, а потом сказал:

— Уже отросли.

Это было вовсе не приглашение к разговору, а скорее реплика, адресованная своему внутреннему голосу. Но, смутившись, он сказал, адресуясь уже ко мне:

— Я воевал здесь. Помню именно этот лесок. Всегда, когда еду этой дорогой, смотрю... Все верхушки деревьев были срезаны снарядами. Сейчас ветви отросли. А я помню другой лес... Извините, может быть, не вовремя... Вы сами-то хоть что-нибудь помните о войне или только по книгам?

— Не совсем по книгам. Хотя, конечно, воспоминания мои отрывочные — калейдоскопом. Да что взять с четырехлетнего?

— С четырехлетнего, может, ничего и не возьмешь, но у них-то самих частенько отбирали многое. Не только детство, случилось — жизнь. Да, впрочем, что это я? Совсем не дорожные разговоры. Вот и чай принесли.

Мы выпили по стакану. Потом попросили еще по одному. Я выбрал песочное печенье, сосед попросил не сладкое. И сахар в чай не бросил, наверное, диабет...

Сидел он в уголке тихенький и какой-то случайный. Может быть, стеснялся собственной старости или же мешковатого костюма — в складках, как кожа на дистрофике. Откуда и куда он ехал? В гости к детям или же домой, уже отгостив?

Пронеслись за окном огни Вильнюса и чистый, хорошо метенный перрон вокзала. Под потолком купе вспыхнул матовый плафон. Негромко гудел кондиционер.

— Надо бы вздремнуть, — сосед ушел в туалет с фланелевой курткой в руках и скоро возвратился, совсем уже готовый к тому, чтобы провалиться часов десять-двенадцать на мягких поролоновых диванах.

Но он не спал. Глядел за окно и думал о чем-то. Думал и я. А вернее — вспоминал.

Самое разное. Например, кинофильм итальянского режиссера Лунджи Висконти «Гибель богов», который, кажется, не был в прокате, но его показывали на одном из кинофестивалей. «Боги», вершители судеб германской промышленности, не смогли устоять, были смяты вовсе не слепой и не стихийной силой, какой иногда представляли себе фашизм. Он был организован и точно направлен. Они его и накликали. Они же от него и потерпели. И поделом.

— Не спится? — спросил сосед.

— Стараюсь заснуть.

— Извините, что потревожил. А мне все думается, думается... Старость.

— Да ведь думается не только в старости.

— Наверное. Но как было в молодости, я уже стал забывать. В командировку?

— Просто решил передохнуть во Львове дня два-три. Когда-то там жил и работал.

— Журналист?

— Совсем нет. Вернее — не совсем журналист. Иногда пишу статьи. На одну и ту же тему. Как дилетант. Дать вам снотворное?

— Не сердитесь, — сказал сосед, — что мешаю вам спать. Случилось такое — накатило на меня разное... Все из прошлого. Вы не помните тех времен... А для меня они вновь — яркие... Как картинки в детстве... Для сегодняшних это все уходит. Не знаю, имеем ли мы право уносить такое с собой... Ну, спите, спите... Я остаюсь во Львове в гостинице «Россия». Вдруг захочется повидать...

И кажется, вправду уснул. Но не спалось мне. Слова-то он какие употребил — «картинки яркие, как в детстве». А в детстве они действительно яркие.

...Помню огромное лохматое ухо и укоризненные черные глаза. Тарзан был кавказской овчаркой, случайно завезенной в этот пыльный донецкий городок. Да случайно ли? Дядя Александр, который на самом деле приходился мне вовсе не дядей, а двоюродным дедушкой, раздобыл его во время очередной поездки в горы, в Армению. Говорили, что этот щенок был похож на маленький черный комочек шерсти — ужасно добрым и доверчивым был этот щенок. А вырос в чудовище, которое только и мечтало о встрече с волками или с какими-нибудь другими серьезными врагами. По натуре это был боец, родившийся не для мирной жизни. Но тогда я этого не понимал. Не понимал и того, что было, наверное, Тарзану ужасно скучно в нашем городке. По ночам он принимался иногда тоскливо выть, даже не на луну, а просто так, но потом, устыдившись, видимо, себя самого, умолкал. Взрослые рассказывали, что Тарзан ассистировал мне при первых шагах по двору. Выглядело это так: я хватал Тарзана за ухо и, покачиваясь, шел от веранды к тутовому дереву. Саженец это-

го дерева тоже был привезен дядей Александром из Закавказья.

Когда держат тебя за ухо — это, конечно, очень неприятно. Но Тарзан прощал мне все. Вообще в обращении со мной он был редкостно кроток и незлобив. Это было тем более удивительно, что при желании он мог бы растерзать с полдюжину добрых молодцев. Да, может быть, во сне ему частенько снились такие схватки — и тогда, не открывая глаз, он рычал и щелкал зубами. Огромная пасть, клыки, свешивавшийся набок розовый сочный язык — зверь был отчаянный и не робкого десятка.

У Тарзана была масса удивительных привычек — он катался по траве перед дождем, норовил поймать воробьев, склевывавших во дворе шелковицу, поднимал веселый лай — аккомпанемент, когда в доме музицировала одна из моих теток — отчаянная женщина, задумавшая побить славу знаменитой в ту пору Валерии Барсовой. Впрочем, основания к тому, пусть внешние, были — мать тетки, одна из моих двоюродных бабушек, действительно считалась очень одаренной певицей, ездила учиться в Италию и во Францию, где и вышла замуж за дядю Александра, армянина по происхождению, но родившегося и выросшего в Бретони. Бретонь, как известно, одна из провинций Франции, но бретонцы чем-то напоминают англичан. И замашки у них английские. Многие из этих замашек дядя Александр привез с собой в Россию, поскольку молодая жена отказалась жить во Франции и настояла на переезде в Россию. Среди этих привычек были почти ритуальная утренняя гимнастика, неизменная овсяная каша, корректность в одежде — все это выделяло дядю Александра на фоне простенькой и патриархальной жизни нашего городка. Дядю так и называли: «наш англичанин». Жену-певицу он потерял очень рано. И с тех пор жил дочерью и для дочери. Работал бухгалтером на хлебозаводе, разводил вокруг дома какие-то редкие цветы, завезенные с юга загадочные растения. Жила у нас даже большая черепаха. Но главным, конечно же, был Тарзан — существо с загадочной восточной душой, грозный умник. К примеру, он быстро усвоил, что мне запрещено без спросу выходить на улицу, лазать по деревьям, открывать водопроводный кран. От опеки взрослых еще можно было уйти. Но как избежать настойчивого неусыпного внимания Тарзана? Надо было — отталкивал

лапой. Не помогало — рычал, брал за ворот и оттащивал.

Была у нас еще одна собака. Собственно, не собака, а собачка. Маленькая, вертлявая, похожая на лису. Носила она звучное английское имя Тобби. А еще точнее — сэр Тобби. Но в быту именовали ее просто Тобиком. Тобик был любимцем моей прабабушки — Ехсапет Гусеповны. Прабабушка тоже была человеком из легенды. Она пережила годы геноцида в Турции, вместе с детьми бежала оттуда в Россию. Тарзана Ехсапет Гусеповна почему-то недолюбливала. Уж больно самостоятельным он был, зато Тобик — угодлив и настойчиво, неестественно ласков. И за это разрешали ему спать в комнате, на кушетке, ел он жареную картошку с котлетками на настоящей тарелке и презирал Тарзана, хотя тот тоже не жаловал Тобика и мог при случае вместе с зевком проглотить фаворита. Но что поделаешь, авторитет силы был сильнее силы авторитета. Тем более что Ехсапет Гусеповна говорила Тобику «вы». Например: «Тобик, куда вы пошли?», «Тобик, откуда вы такой веселый пришли?» А к Тарзану обращалась как-то безлично — «шун», что по-армянски означало — пес, собака.

Когда осенью 1941 года наши войска отходили из города, решено было взорвать металлургический завод. Был объявлен и час взрыва. Но в нашем доме как-то не очень прислушивались к черному диску-радио: собирались эвакуироваться, паковали вещи. Машины представлял хлебозавод, где работал дядя Александр. Но в последний момент их кто-то реквизирует для других нужд, к тому же разбомбили мост в поселок Веровку. Мы так и остались сидеть на чемоданах. Я не понимал, почему плачут взрослые, и радовался тому, что не пришлось расставаться с Тарзаном. Ведь его брать с собой не собирались — в кузовах автомобилей не хватало мест людям.

— Турки идут! — причитала Ехсапет Гусеповна. — Вы понимаете, Тобик, что турки идут?

— Не турки, а фашисты! — поправляла прабабушка моя бабушка. — Это другое.

— Хорошо, другое, — соглашалась та. — Раз фашисты, значит — фашисты. Вы понимаете, Тобик, что турки идут?

Наверное, она опять вспоминала времена своей молодости.

— Ничего! — слышен был из комнат голос дяди Александра. — Это на месяц-другой. Может, не успеют...

...Но, к сожалению, они многое успели. Вспыхнул бой в поселке Бунге. Как оказалось, двенадцать мальчишек, по происхождению немцы, предки которых бог знает когда приехали в Донбасс, раздобыли где-то оружие и дали оккупантам неожиданный и смелый бой. Все ребята погибли, но вывели из строя чуть ли не сотню немцев и их союзников.

Бабушка — звали ее Натальей Христофоровной — была бледна. На улицах громко называла всех «товарищами», что было строжайше запрещено, и напрасно ей советовали быть поосторожнее. Тихая и кроткая, она превратилась теперь в сгусток ненависти. Все семеро ее сыновей ушли на фронт. И вряд ли все семеро могли вернуться домой. Такое бывает крайне редко. Да еще на такой небывалой войне, как эта. Кого из сыновей мысленно хоронила бабушка, кого оставляла в живых?

Но все это было позднее, когда на перекрестках стояли чужие патрули, открылась трудовая биржа, где регистрировали всех работоспособных.

Не было уже и Тарзана. Он погиб неожиданно, когда в город вступили итальянские горные стрелки — берсальеры, в причудливых шлемах с перьями в сопровождении каких-то мотоциклистов. На унылой и тихой еще минуту назад площади поднялся такой гам, что куры забились в дальний угол птичника. А Тарзан, которого успели посадить на цепь, рвался на площадь. Сверкали клыки, дыбилась шерсть — он готов был к схватке со всеми, кто вторгся в честно охраняемый им мир. Его пытались успокоить — ни в какую. Закончилось все неожиданно и страшно. Один из берсальеров распахнул калитку. Он был с винтовкой — короткой и какой-то игрушечной, меньше, чем винтовки нашего образца. И тут Тарзан разорвал наконец цепь. Выстрелить солдат не успел. Он пытался отбиться винтовкой, размахивая ею как дубиной. Тарзана застрелил другой солдат, прибежавший спасать товарища...

...Дождь косо хлестал в окна вагона. И молнии сверкали. Вагон стал казаться островком тепла и уюта посреди бушующей стихии. Я уснул, а когда проснулся, увидел солнце. Попутчик упаковывал чемодан. Действия его были по-стариковски суетны и неточны. Поезд шел уже по предместью Львова — Подзамче. На смотровой

площадке, венчавшей гору Высокий замок, стояли люди. Снизу они казались крохотными. Промелькнул Онуфриевский — теперь Дом-музей Ивана Федорова, стадион, зеленый холм, усеянный микроскопическими садовыми домиками. Совсем как макет, как нечто невзавправдашнее.

— Вот и добрались, — сказал попутчик. — Боюсь, что надоел вам. Времена сейчас странные. Встречаемся со множеством людей — в поезде, в самолете. Будто бы привыкаем. А затем расстаемся. И чаще всего навсегда. Будто в Бермудский треугольник попадает человек, или как там эта пустота называется... Мне все хотелось у вас спросить о чем-то ...Сам не знаю о чем... А может быть, рассказать... Да, впрочем, ладно, простите старика великодушно. Сложно привыкать к новым временам.

Я понял, что отвечать не надо, и только улыбнулся не то понимающе, не то сочувственно. И сам отлично понял, что улыбка вышла неловкой.

Через десять минут я уже стоял на Привокзальной площади, некогда претендовавшей на то, чтобы казаться монументальной, теперь была неожиданно маленькой, какой-то робкой, а потому, может быть, как-то особому милой...

Это был Львов — город уютный, но немного загадочный, как сказал один известный архитектор: «Хитренький город». Думаю, что определение «хитренький» к нему все же не подходит. А то, что он распахнут не всем и не всегда, — это уж точно.

Дождавшись очереди на такси, поехал в гостиницу, но по пути передумал и сказал водителю:

— Сначала на улицу Листопадovou, а оттуда уже в гостиницу.

Вилла «Гражина» была на месте. Да и куда она могла бы деться? Дом как дом. Так строили примерно век назад по индивидуальным заказам популярные венские и пражские архитекторы.

Здесь началась много лет назад история, которая не давала мне покоя.

А с чего все началось и при чем здесь я? Может быть, виной тому Станислав Деревянко. И познакомились-то мы с ним случайно, в кофейне. Затем встретились на совещании так называемых рабкоров — рабочих корреспондентов, — тех, кто иногда пописывал в многотиражные газеты своих заводов и мечтал в будущем стать профессиональным журналистом. Кое-кто

становился, но для большинства это так и осталось мечтой.

На Станислава девушки поглядывали украдкой — не рисковали прямо. Уж очень он был похож на популярного в ту пору французского актера Жана Маре. Такой же подбородок с ямочкой, холодноватый взгляд, твердая, фиксированная походка. Кроме газетных опытов, играл еще Станислав в самодеятельности. Была, видимо, у человека жажда самовыражения. О вилле «Гражина» он мне рассказал первый...

...Вечером, в гостинице, я листал старые блокноты — записи беседы со Станиславом. И пытался представить себе Львов таким, каким он был в те давние годы.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС СТАНИСЛАВА ДЕРЕВЯНКО

Подзамче испокон веков называли во Львове район, находившийся внизу, у старинного замка. Путеводитель, выпущенный в конце двадцатых годов, утверждал, что именно на Подзамче водятся «самые смелые в Европе хулиганы». И Станиславу однажды довелось убедиться, что слава подзамчевских хулиганов не случайна. Ему ни за что ни про что проломил голову стальным шариком, выпущенным из рогатки. И было это как раз в тот день, когда он наконец собрал пятнадцать злотых, чтобы пойти вечером в дансинг мадам Рutowской. Правда, гимназистам появляться там запрещалось. Но у Станислава был новый шевиотовый костюм, в котором он вполне мог сойти за студента, а то и за молодого инженера, благо ростом бог не обидел. Но как вы сами понимаете, появляться в дансинге с забинтованной головой грустно и ни к чему. Кто захочет танцевать со страшилищем? И вечером Станислав стоял под окнами, задернутыми розовыми занавесками. Из-за окон доносилась музыка. Она как бы висла над улицей, над тротуаром. Слышались голоса, смех. Там была другая жизнь — праздничная, не повседневная. Попасты в дансинг было главной довоенной мечтой Станислава...

Когда голова у него зажила, всех гимназистов вывезли на сборы в лагерь в предгорьях Карпат. А из лагеря они вернулись во Львов, который по вечерам гасил огни, боясь налетов немецкой авиации. Варшавские газеты теперь не поступали во Львов. Говорили, что правительство со дня на день объявит о капитуляции. Кончилось иначе — оно бежало в Румынию. То самое пра-

вительство, которое незадолго перед тем утверждало, что Германия никогда не посмеет напасть на Польшу, поскольку Польша крепка как никогда. А если бы нападение и совершилось, то польские кавалерийские части уже через неделю патрулировали бы улицы Берлина. Все поминали недобрым словом господ министров. Но что будет завтра, никто не знал. На окраинах рыли окопы, хотя никому не было известно, кто руководит обороной города и руководит ли ею вообще.

И немцы пришли. Станислав отлично помнил тот день. Он лежал в окопе пригородной деревни Скнилов. Шелестели лиственной каштаны. Странно, очень уж мирно бляяла привязанная к забору кем-то забытая и, наверное, уже ничейная коза. Усатый хорунжий, сжав зубы, смотрел вперед — не идут ли? Позади была оборона Вестерплатте, уже были похоронены и варшавские гимназисты, polegшие в боях на подступах к столице. Погасли все триста прожекторов, которые должны были помогать польским зенитчикам отыскивать в небе врага... В руках у Станислава плясала тяжелая, русского образца винтовка. И он никак не мог поймать в прицел развилку дорог, где вот-вот должны были показаться немцы.

Вдруг хорунжий приподнялся на локте и крикнул:

— Слушай мою команду! Без команды не стрелять!

Станислав увидел на мушке прицела голову в рогатой каске. Она странно покачивалась, будто кивала кому-то, кто находился значительно ниже ее. Взрослые именно так держат голову, когда разговаривают с ребенком. Станислав понял, что немец едет на велосипеде.

— Огонь! — гаркнул хорунжий.

И огонь сверкнул — много огней. Мощно и уверенно ударила гаубичная батарея с Высокого замка. Обреченный Львов не сдавался. Откуда ни возьмись в небе появились два самолета и пошли в пике на фашистскую колонну. В пыль валились люди и велосипеды. При каждом выстреле приклад винтовки больно ударял Станислава в плечо.

— Огонь! — кричал хорунжий. — Они бегут!

Ревела, захлебываясь, батарея на Высоком замке. Ревели, пикируя, самолеты. Вдали, на шоссе, разворачивались тупорылые автомашины. Но гаубичный залп накрыл их. И в воздух взлетели колеса и доски кузовов.

— Контрнаступление! Наше контрнаступление!

— Какое еще контраступление! — заорал хорунжий. — Какое такое контраступление, я вас спрашиваю, панове? Вы с ума сошли? Завтра они подтянут резервы...

И тут один из самолетов странно дернулся и понесся к земле. В месте, где он упал, к небу взметнулся столб огня и дыма. И у отбивавшихся остался всего лишь один самолет. Но он, сделав в небе круг, вновь атаковал машины и немецких велосипедистов. Победы не было. Но было другое — миг непобежденности. Батарея еще стреляла. Хорунжий еще давал какие-то команды...

Через четыре часа во Львов вошли советские танки. Один из танкистов, хорошо говоривший и по-польски и по-украински, подошел к хорунжему и сказал:

— Прикажите своим сдать оружие. Можете разойтись по домам. Но хождение по улице в военной форме армии панской Польши нежелательно.

— Вы поляк? — спросил хорунжий.

— Да, — ответил танкист.

— И служите у Советов?

— Я гражданин Советского Союза.

...Станислав вместе с хорунжим шли по улице Сапегги к центру города. Лицо хорунжего было мятым, с мешками под глазами.

— Странное дело, — рассуждал он. — Приехал на танке советский поляк. А я ведь украинец. И только что собирался отдать жизнь за Польшу маршала Пилсудского. Как это все получается? Ты-то сам кто — поляк или украинец?

— Украинец, — ответил Станислав.

— Вот дела. Все в мире перепуталось. Впрочем, парень, не грусти. Мы пытались воевать против Гитлера. А это уже хорошо. Честное слово, хорошо. Ты мне поверь. Гитлера все равно побьют. Мы этого не сделали, так сделают Советы. И если русские дадут мне винтовку, я пойду вместе с ними до самого Берлина.

Около главного почтамта стояли три танка со звездами на башнях. Люки были открыты. А вокруг собралось множество людей — не менее полутысячи. На броне одного из танков лежал букет алых парниковых роз.

— Нет, положительно в мире все перепуталось, — сказал хорунжий. — И пора бы снова все распутать...

...Хорунжего Станислав больше никогда не встречал.

Вскоре Станислав поступил в техникум. Ездил в Крым, на море. И за путевку заплатил всего лишь четырнадцать рублей. Было удивительно, что теперь он живет в такой большой стране. До Крыма надо было ехать больше суток. Если же посмотреть на карту, то расстояние от Львова до Ялты в двадцать раз меньше, чем от Львова до Петропавловска-на-Камчатке. А ведь кто-то ездит и в Петропавловск. Может быть, и сам Станислав когда-нибудь туда поедет. Масштабы удивляли. И люди удивляли. Они изменялись. Стали больше смеяться, куда-то ушел страх и тихие вкрадчивые голоса.

В доме отдыха в Евпатории, где Станислав побывал летом 1940 года, девушка, с которой они были едва знакомы — просто вместе сидели за столиком в столовой, — узнав, что ему едва-едва хватило денег на билет до Львова, сказала:

— Возьмите у меня десять рублей. Вот адрес. Вышлите, когда получите стипендию.

— Совсем почти не зная меня, предлагаете деньги?

— Да что ж тут такого? С какой стати вы станете меня обманывать?

Станиславу эта новая жизнь определенно нравилась. В свободные минуты он ходил в художественные музеи, куда билет теперь стоил всего двадцать копеек, а для студентов — десять. Смотри сколько хочешь. Хоть от двенадцати дня, когда музей открывается, до восьми вечера, когда он закрывается. Станислав немного рисовал. Даже не рисовал, а копировал известные картины. Нравилась ему полотна романтиков. Особенно он любил картину «Потоп». На ней был изображен юноша, пытающийся спасти деву необычайной красоты. Но потоки воды вот-вот смоят их в пучину. Лишь позднее Станислав узнал, что эта картина не принадлежит к художественным шедеврам. А не сняли и не унесли ее в запасники лишь потому, что руки никак не доходили.

И вот однажды, когда Станислав наносил «Потопу» очередной визит, к нему подошел высокий элегантный молодой человек и спросил по-польски:

— Пану нравится пафос этой вещи! Да, тут есть размах, масштабность, что-то космическое... Именно космическое. Помните, у Шиллера: «Как маятник космических часов...»

Шиллера Станислав не читал. Но выражение — «маятник космических часов» — ему понравилось. А человек не очень понравился. Это был невероятно уверенный в себе тип. Говорил и сам вслушивался в звуки собственного голоса. Но был образован и умен. Только говорил он по-польски как-то странно, хотя и без акцента. Все время хотелось спросить, а какой же язык у него родной? Прощаясь, эlegantный гражданин сказал:

— Мне было приятно познакомиться с человеком, так живо интересующимся искусством. Вот карточка. Это мой адрес. Недалеко отсюда. На Листопадовой улице. Заходите в воскресенье часам к четырем поболтать. Не стесняйтесь. Когда мы познакомимся поближе, вы поймете, что я свой парень.

Станислав смутился, но карточку взял.

КАПИТАЛЬНЫЙ РЕМОНТ...

Старожилы утверждают, что весна 1941 года во Львове была на редкость нежной и трогательной. Цвели каштаны в Лычаковском парке, напротив недостроенного костела Матери Божьей Охраняющей. На Высоком замке — насыпанном прямо посреди города искусственном холме — розовым пламенем вспыхнула завезенная издалека сакура. А в конце Академической улицы и в парке имени Костюшко садовники разбили очень веселые клумбы. И обычно надменный серо-пепельный красавец Львов стал улыбаться.

Львову еще многое было внове. Например, прямые поезда в Киев и Москву, Дом народного творчества, Дворец пионеров и институт усовершенствования учителей. Львовский Большой театр уже не именовался Большим, а просто оперным, а улица Легионов стала Первомайской.

Итак, была весна, а точнее — апрель 1941 года.

В бывшем дворце графа Потоцкого, где теперь размещалось львовское отделение Союза советских писателей, беседовали классики славянских литератур — Тадеуш Бой-Желенский и Алексей Толстой. Рядом с ними сидел еще один писатель — Михаил Рудницкий. Он записывал беседу и не предполагал, что ровно через двадцать лет опубликует ее в книге «Писатели вблизи».

— Даже при самом тщательном отборе молодежи,

которая выбирает какую-то профессию, мы часто ошибаемся, — говорил А. Н. Толстой. — Из того, что кто-то очень любит писать стихи, нельзя сделать вывод, что его любовь к поэзии однозначна с литературным талантом. Хотя нам всем часто кажется, что талант должен иметь точные признаки, как и физическая сила.

По улице в это же время бродил невысокий светлый юноша — студент медицинского института. Звали его Станислав Лем. Станислав пробовал свои силы и как писатель. Но не решался зайти во дворец, где теперь заседали писатели профессиональные, всемирно прославленные, книги которых издавались миллионными тиражами на различных языках...

В трех десятках львовских музеев было полно посетителей — один за другим прибывали туристские поезда из Харькова, Ростова-на-Дону, Киева. Приезжие удивлялись, что в городе так много кинотеатров, что в этих кинотеатрах нет четко обозначенных сеансов — фильм крутят непрерывно, покупай билет и заходи когда захочешь — хоть посреди фильма, хоть под конец его.

Приезжие подолгу стояли у полосатых тентов — совсем как в дальних европах! Поражали и ухоженные аллеи парков, где не было асфальта, а лишь укатанный желтый песок, газовые фонари на улицах и странные таксомоторы французского производства. Слишком смелой и назойливой казалась приезжим реклама: «Лучший в мире кофе!», «Обеды как у мамы дома!», «Покупайте всемирно известные чулки «Прима-Аида!» К себе зазывала основанная в 1772 году аптека «Под венгерской короной», в справочном бюро еще давали адреса бельгийского, бразильского и даже перуанского консульств, а из двадцати семи казино лишь двенадцать успели перейти в разряд столовых. В остальных шел ремонт и перестройки. Стекла окон и витрин были густо замазаны известкой. Да и вообще в тот год была модна песенка:

Во Львове идет капитальный ремонт!
Ждем вас во Львове!

Но все это были внешние признаки города. И посторонний наблюдатель, даже если он приехал специально для того, чтобы изучить жизнь Львова, не узнал бы, что делается за этими вывесками.

А ведь прелюбопытнейшие события, о которых знали лишь немногие, происходили всего в двух километрах от центра города, за стенами святого Юра, в покоях владыки — митрополита Шептицкого.

Мы позволим себе сделать краткое отступление, чтобы рассказать об истории этого собора. Когда-то здесь был дремучий лес, прибежище отшельников, искавших уединения для бесед с богом. Даже брат князя Даниила Галицкого Василько — «муж большой отваги и светлого ума» — на старости лет тоже надел рясу чернеца и вырыл себе пещеру под горой, на которой теперь стоит собор. На этой горе сын Даниила Лев построил деревянную церковь и несколько помещений для монахов, в том числе и для своего дяди Василия. Тот же князь Лев, по словам популярной еще в XVIII веке легенды, должен был перенести на гору прах своего отца Даниила. В легенде содержится намек и на то, что здесь нашел со временем успокоение и сам князь Лев... Позднее на месте деревянного храма был построен каменный. Епископы Варлаам и Анастазий Шептицкие, а затем и Лев Шептицкий перестроили церковь. Воздвигли традиционный собор в стиле позднего барокко. Иконостас был расписан известным художником второй половины XVIII века Лукой Долинским.

Теперь здесь была резиденция владыки — митрополита — тоже Шептицкого, но уже не Варлаама, не Анастазия и не Льва, а Андрея. Влияние Шептицкого в городе было огромно. И занимался владыка делами не только церковными. Он участвовал в большой политике, смело вторгался в дела истории и даже пытался диктовать ей свою волю. На этот раз, апрельским вечером в 18 часов по московскому и в 16 часов по средне-европейскому (в покоях митрополита, естественно, не спешили переводить стрелки часов), владыка размышлял над судьбой некой Натальи Меньшовой-Радищевой, которой вскоре не без его помощи суждено было прославиться под именем лже-Татьяны, очередной претендентки на осиротевший русский престол.

Впрочем, у владыки были основания тревожиться не только за судьбу лже-Татьяны, но и за свою собственную. Он догадывался (даже знал точно!), что русская разведка заинтересовалась им еще во времена, когда он не имел никакого отношения к униатской церкви, а в качестве королевского улана графа Романа Шептицкого удивлял народ тем, что время от времени врывается

верхом на коне по узкой деревянной лестнице на второй этаж центрального львовского ресторана. Мы напомним вам, что позднее в качестве агента венской разведки Роман Шептицкий ездил в Россию, выполнял там задания австрийского генерального штаба, изучал возможности распространения униатства в Петербурге и Москве. Об этой поездке Шептицкий отчитался в Вене и Ватикане. После этой поездки и отчетов в двух столицах граф Роман Шептицкий внезапно постригся в монахи. Через пять лет, в 1893 году, стал уже священником, а в 1899-м — епископом. Наконец, в 1900-м — митрополитом и главой униатской церкви. И это в 35 лет! Темпы, знакомые разве что Александру Македонскому и Наполеону. В ту пору Роман Шептицкий, он же владыка Андрей, еще не был большеголовым стариком с узловатыми подагрическими руками, ходил он легко, стремительной походкой, чему не мешала даже сутана, обдумывал планы создания грандиозного музея церковной архитектуры под открытым небом, для чего начали по бревнышку свозить во Львов с предгорий Карпат старинные деревянные храмы... Молодому митрополиту и главе униатской церкви было тесно в сумеречных покоех на Святоюрской горе. Он организовывал паломничества верующих в Иерусалим, строил больницы, собирал церковную живопись, меценатствовал. А по ночам ему снились сабля, звон шпор и уже покойный конь, умевший вышагивать через три ступеньки по лестнице, ведущей в ресторан. У владыки Андрея была твердая рука и беспокойная душа удачливого авантюриста. Он не был Диогеном. Он был воином и человеком действия.

...Цвела сакура. По гладким, шлифованным напильниками львовским тротуарам бродили экскурсанты из Киева, Ростова-на-Дону и Харькова. Не для них высаживали в парках японскую сакуру. Но вот они здесь. И владыке больше не хочется появляться на улицах, строить музеи, дарить городу больницы. Митрополит не знал, какими именно документами располагает о нем советская контрразведка, но полагал, что ей многое известно о его непростой жизни.

Впрочем, сейчас для него это не имело принципиального значения. Дело на митрополита все равно уже есть. Это ясно. Но ясно и другое — сейчас не тропут. Будут выжидать. А тем временем можно заняться делами. Историю надо поторапливать. Ее делают люди. И митрополит — тоже.

Опытный и проницательный политик, владыка понимал, что грядущие годы будут бурными. Он не сомневался и в неизбежности столкновения между Гитлером и Советским Союзом. Но пока что надо было быть осторожным.

— Предупредите, чтобы в домах попрятали подальше ценные вещи, картины, скульптуры, — приказал митрополит доверенному человеку. — Нет, обысков, надеюсь, не будет. Но в случае, если немецкие войска в первые же дни не достигнут Львова, возможна организованная эвакуация художественных ценностей в глубь России. Уже сегодня надо принять меры, чтобы этого не произошло. Это касается также и моего музея.

— Они называют его теперь государственным музеем украинского искусства.

— Я знаю. К нам поступила еще одна просьба. И мы ее должны выполнить. Те наши люди, которые по делам или на отдых будут выезжать в Москву, Ленинград, Киев, Одессу, Минск, Харьков и Крым, должны привозить оттуда самые последние издания путеводителей по музеям этих городов, каталоги всех выставок.

— Для чего это?

— Хотя бы для того, чтобы эти ценности не погибли в огне войны. Немцы — культурный народ. Они найдут применение и прекрасным картинам, и драгоценным собраниям русской знати. Ведь сейчас все это свалено где-нибудь на складах.

— Если оно свалено на складах, то не попадет в каталоги.

— Наше с вами дело — выполнить просьбу друзей.

После болезни, перенесенной минувшим летом, митрополит был слаб. Он долго сидел в кресле у окна и глядел на город, словно прощался с ним.

Владыка хорошо знал историю, ее законы, ее логику. И понимал, что совершается великий акт исторической справедливости. Львов не удалось окатоличить. Львовяне так и остались все теми же непокорными воинами русского короля Даниила, которые не боялись ни краковских, ни мадьярских войск, ни псов-рыцарей, ни восточных орд. Это пугало владыку.

Он молился, чтобы поскорее началась война, пока еще изменения, совершающиеся в крае, не стали необратимыми, пока еще красный флаг над старинной ратушей не стал привычным для горожан.

Итак, дело было во Львове теплым апрельским вечером 1941 года. В двух с половиной километрах от Святоюрской горы на Листопадовой улице в уютном домике, посившем кокетливое название вилла «Гражина», окна первого этажа были распахнуты. Патефон пел об утомленном солнце, которое прощалось с морем. В комнате у небольшого овального столика сидели двое. Оба были худыми, высокими, белокурыми и идеально выбритыми. У обоих расстегнуты воротнички рубашек и ослаблены узлы галстуков. Но это не были близнецы или двойники. Напротив, отличить их друг от друга было очень легко. У одного, его звали Валле, был высокий голос, почти дискант, у второго, по фамилии Пробст, — глубокий дикторский баритон. Да еще у Пробста над бровью был тонкий шрам — след от удара бритвой или же чем-то другим режущим.

— А ведь любопытно, — говорил Пробст. — Любопытно то, что каждый считает себя умнее, лучше и красивее другого... В этом городе есть нечто приятное. Но поинтересуйся их легендами, преданиями. Оказывается, они считают, что Львов красивее Флоренции и Парижа. Когда-то переговоры между генуэзскими и львовскими купцами прервались только потому, что итальянцы посмели назвать Львов галицийской Флоренцией. Львовским купцам, видите ли, не понравилось, что их вообще с кем-то сравнивают.

— Да и нам бы не понравилось, — заметил Валле. — Мы ведь тоже считаем себя единственными, неповторимыми, уникальными. Так думает о себе каждый человек. Так думают о себе целые народы.

— Может быть. Ты не находишь, что воскресенья нужны для того, чтобы мы не забывали — рай все же существует? И в этом раю нас ждет длительный настоящий отдых — пожизненная и щедрая пенсия.

— А понедельник — для того, чтобы помнить об аде!

— Это уж точно! Вот завтра мы с тобой и окунемся в ад — просьбы, слезы, очереди за два квартала... «Утомленное солнце»... Почему это оно утомленное?

— А почему ему быть отдохнувшим? Как говорит их любимый поэт: «Свети — и никаких гвоздей». Даже затмения у него столь кратковременны, что не успеешь

спокойно выпить кружку пива. Сегодня мы ведь еще в раю. Ад начнется часов через двадцать.

— Через девятнадцать, — уточнил педантичный Пробст.

Он поднялся и отыскал в альбоме новую пластинку. Двигался Пробст легко, шаг его был точен, как у кадрового военного или профессионального танцора. «Хорош! — подумал, глядя на него, Валле. — Женщины и строевые командиры должны быть от него без ума. Пират, временно променявший веселую палубу на унылую сушу».

Пробст, конечно, отличный парень. Но его манера время от времени задавать риторические вопросы может кого угодно вывести из себя. Но, впрочем, это может быть и способом выиграть время при разговоре, не сказать чего-нибудь случайного. Валле знал, что вот уже год Пробст, как и все, кто служит здесь, в представительстве, занимающемся переселением в рейх граждан немецкой национальности, несет двойную нагрузку. Днем заполняет документы немецких колонистов, которые теперь возвращаются в отчие края, а по вечерам сидит над списками деятелей польской и украинской культуры, пользующихся особым авторитетом среди населения. Папка для писателей, в ней фотографии и адреса. Отдельная папка отведена ученым. Конечно же, она открывается страничкой, посвященной бывшему премьеру Польши профессору Казимиру Бартелю. Бумажка к бумажке. Карточка к карточке. Пробст — педант. Кроме того, у Пробста какие-то важные дела с митрополитом Шептицким. Раз в неделю он отправляется в гости к владыке. Возвращается с русскими книгами по искусству и каталогами картинных галерей и выставок. Видимо, у Пробста и митрополита общие художественные вкусы...

— Почему ты все время выглядываешь в окно? Ждешь кого-нибудь?

— Может быть, и жду.

— Назначил бы свидание в другом месте.

— Здесь удобнее. Постой! — сказал Пробст. — В саду кто-то есть. Там ходят.

Пробст подошел к окну и легко перегнулся через подоконник — сложился, как складывается перочинный ножик. Ловок. Как пантера. С таким схватиться в темном коридоре не подарок.

— Эй! — крикнул в окно Пробст. — Кто там за де-

ревом? Выходите, я вас все равно заметил. Вот так лучше. Постой, постой, так ведь именно тебя я и ждал сегодня. Почему бы тебе не войти через калитку?

— Я решил сократить путь, — ответил голос за окном. — Конечно, правильное было бы прийти тем путем, каким положено. Прошу прощения.

— Ладно уж, заходи в дверь. — Пробст нажал на кнопку электромагнитного замка на входной двери.

В комнату вошел юноша лет девятнадцати-двадцати. На нем был серый свитер и синие брюки в полоску, как диктовала мода того времени.

— Здравствуй, Станислав. Представляю тебе моего коллегу и приятеля — Вольфганга Валле. Он, как и я, в недалеком прошлом — искусствовед. Потому мы все свободное время проводим в музеях.

Станислав, ты обещал познакомить меня с людьми, у которых в доме есть интересные рисунки и картины. Не забыл? Вот и прекрасно. Завтра и послезавтра у меня свободные вечера. Я люблю людей, увлеченных искусством. А ты к тому же мечтаешь стать художником. Не так ли? Это великая цель. Достичь сияющих вершин искусства дано далеко не каждому. И сегодня, чтобы творить по-настоящему, мало одного наития, вдохновения. Нужны и знания. Точные, конкретные. Послушай, Станислав, мне пришла на ум любопытная идея. Давай я субсидирую твою поездку в лучшие музеи Москвы, Ленинграда и Киева. Считай, что эти деньги я дал тебе в долг. Отдашь, когда станешь знаменитым художником. Я бы сам с тобой поехал, если бы не служба, не утомительные будни наши... Право, у меня есть деньги. И я готов их тебе ссудить. Отчитаешься путеводителями. Да, да, именно путеводителями и каталогами. Из каждого музея привезешь мне на память по одному, расскажешь о своих впечатлениях. Вот и все. Согласен?

— Я подумаю.

— Думай. Только не очень долго. Гляди, чтобы мне не расхотелось делать тебе этот подарок...

ИНТРОДУКЦИЯ

(продолжение)

А существует ли на свете человек, который, побывав во Львове весной, не поддался бы искушению утонуть, растаять в этом вечере, который не подкрадывается потихоньку, издалека, как на севере, а рушится на город внезапно. И все вокруг обретает другие оттенки, краски,

и кажется даже, что и другой смысл. Маленькие трамвайчики, но при всем при том совсем настоящие, торжественно плывут по миниатюрным улицам, проезжую часть которых можно преодолеть в три шага. Так строили города в эпохи, когда пуше всего на свете боялись нашествий, холодов и злых ветров. Город-квартира, город — прогулочная аллея. На его улицах человек заметен. Более того, он — диктатор и абсолют.

Вот дом, в котором жил профессор Мечислав Гембарович. О Гембаровиче нам еще предстоит узнать многое. Крутая улица, флорентийские фонтаны с тритонами, резные стены капелл — полная иллюзия, что ты находишься в Ломбардии. А далее нависшие над тротуарами балконы — это уже нечто чисто испанское. Недалом в былые времена студентов архитектурных факультетов посылали на ознакомительную практику во Львов. Здесь можно увидеть все стили за исключением разве что романского — готику и ориентальный, русскую княжескую архитектуру и европейский модерн, сецессию и конструктивизм. Архитектурный праздник и архитектурный музей одновременно. А вот и несколько претенциозное здание, выстроенное вовсе не великим, но достаточно амбициозным архитектором. Здесь некогда хранился альбом рисунков Дюрера, сюда привозил Мечислава Гембаровича Каэтан Мюльман.

Все ушло в даль времени, в «когда-то». Но забылось ли?

Есть легенда — на сцене львовского Большого театра оперы шла «Кармен». Пели кое-как. Труппу сколотили наспех. Были в ней и профессиональные актеры, не успевшие в первые дни войны выехать из города, были и люди совсем случайные. Кто-то донес, что исполнительница партии Кармен не только не арийских, но и вовсе каких-то недопустимых кровей. Четверо из полевой жандармерии стояли за кулисами, ждали, когда закончится спектакль, чтобы увести с собой певицу. И тогда Хозе, увидев это, убил ее — не по-театральному, не для видимости, а по-настоящему. И увели его, а затем и казнили. Оказалось, он давно любил свою партнершу по сцене и не отдал ее в руки палачей — предложил вместо нее себя. Мелодрама? Конечно. Да вот беда — было это на самом деле. Погибла Кармен, погиб и Хозе. Поняла ли она в последний момент, почему партнер не пронес нож мимо ее груди?

А я вспоминаю наш маленький городок — металлур-

гический завод, несколько шахт, две трамвайные линии, необычайно просторный парфюмерный магазин ТЭЖЭ, сгоревший от первой же зажигательной бомбы.

Однажды ночью бабушка разбудила меня, и мы пошли задворками, минуя патрулей, в сад металлургов. Там была могила красноармейцев, погибших в боях за город еще в 1919 году. Обелиск немцы взорвали, но сам бугор, могила остались. Бабушка достала из кармана пальто какую-то бутылочку с водой, насыпала в горлышко щепоть земли с могилы.

— Выпей немного. А теперь становись на колени.

Бабушка произносила слова клятвы, я повторял за нею: «Как только рука моя сможет поднять меч, я подниму его, чтобы воздать врагу за смерть близких, за кровь и слезы...» Давно это было, и я забыл детали. И нет уже на свете бабушки, чтобы узнать, что именно, какая малость, которая была уже «через край», заставила ее тогда повести меня на рассвете на могилу красноармейцев, даже имен которых не сохранилось. Но саму клятву помню.

И удивительно понимать, сколь разные начала могут существовать на одной и той же маленькой, совсем крошечной, если глядеть на нее из космоса, Земле. Могли ли не знать те, кто начал всемирную бойню в надежде на какую-то мифическую победу, что повсеместно вырастали мстители — от мала до велика? Вроде бы нельзя было не понимать этого. Тогда на что же надеялись? Каких таких рабов хотели получить? Как можно сделать человека рабом, если он не желает идти в рабство?

Непонятно, почему нахлынули вдруг эти давние воспоминания во время прогулки по весеннему Львову, такому спокойному и какому-то лиричному в эти дни, будто бы забывшему все страсти, которые бушевали когда-то над его крышами.

Вот и Дом архитектора, у входа в который обычно собираются филателисты. Но когда-то Дом архитектора был вовсе не домом, а башней. Это позднее его реконструировали. Башню (называлась она Пороховой) построили еще в XVI столетии. Как водилось тогда, была она многоцелевой — немного склад, немного жилое помещение, а немного и оборонное. Да к тому же она еще и город украшала. В общем, годилась на все случаи жизни. Так вот, в этой самой Пороховой башне спряталась однажды вместе со своим женихом Дмитри-

ем Сангушко племянница князя Константина Острожского Екатерина, в просторечье — Гальшка. О Константине Острожском можно рассказывать часами. В истории он прописался прочно и вошел в нее как один из самых загадочных и непоследовательных людей. Во второй половине XVI века он был одним из самых богатых (причем, возможно, осторожное «одним из самых» — лишнее; как бы не самым богатым!) феодалов Европы. И творил он бог знает что: воевал с татарами и ссорился с королем в Кракове, опустошал Черниговские земли, но одновременно пытался вступить в переписку с Иваном Грозным, дружил с Курбским, но и ссорился с ним, выступал ревнителем православия, а детей воспитал не только католиками, но даже иезуитами. Некоторые историки считают, что именно в столице Константина Остроге состоялось венчание Лжедмитрия и Марины Мнишек. Не исключено. Ведь Константин Острожский был крайне честолюбив, мечтал сделать свой Острог столицей всей Руси, в надежде, что о Москве и Киеве постепенно забудут, если именно в Остроге возникнут академии и типографии, если Острог станет диктовать всему русскому миру моды и воззрения, нормы поведения и стилистике общения. Бог с ним, с этим могущественным, но и чрезмерно суетным владыкой. За одно мы ему все же благодарны — в свое время он материально поддержал Ивана Федорова и дал ему возможность печатать книги. Так вот, у этого владетельного князя, наделенного избыточным социальным темпераментом и пугающим самолюбием, была искренняя, почти детская привязанность к племяннице — он пытался уберечь Гальшку от бед и напастей. Не тут-то было. Из-за Гальшки — а была она, видимо, женщиной, будоражащей воображение, как прекрасная Елена, — сражались и гибли, брали хитростью и доблестью крепости, отправляли к праотцам сотни людей.

Дмитрий Сангушко вместе с Гальшкой вырвались из Пороховой башни и убежали в Чехию. Дело в том, что браку дочери с православным князем противилась княгиня Беата, ревностная католичка. И надо было спастись. Да не спаслись. Настиг их брат Беаты, дядька Гальшки, некто Мартин Зборовский, который изящным манерам учен не был и умом не блистал, но рубакой слыл отличным. И доказал это. Он вызвал Сангушко на поединок и в пять минут сделал Гальшку вдовой.

А позднее Гальшка еще раз попыталась выйти за-

муж по любви. И вновь за православного князя по имени Семен Слуцкий. А некто Лукаш Гурка, добившись разрешения у короля в Кракове на руку Гальшки, осадил Слуцкого и Гальшку в Доминиканском соборе, который и сейчас высится напротив Пороховой башни. Из Пороховой башни, в которой теперь Дом архитектора, Лукаш Гурка палил из пищалей по Доминиканскому собору, в котором теперь антирелигиозный музей... Да, страсти бушевали... И отбушевали.

Зато пришли другие волнения...

Совсем уже поздним вечером я вновь оказался у дома профессора Мечислава Гембаровича. Сюда некогда рвался Каэтан Мюльман...

ПАССАЖИР КОРИЧНЕВОГО «МЕРСЕДЕСА»

Выяснилось, что еще 14 декабря 1939 года тогдашний директор Дрезденской картинной галереи и специальный уполномоченный Гитлера по созданию гигантского имперского музея в Линце Ганс Позе докладывал Борману:

«Обращаю ваше внимание на то, что вместе со львовским «Оссолинеумом» в руки большевиков вместе с другими древненемецкими мастерами попал альбом чудесных рисунков Альбрехта Дюрера. Может быть, в будущем посчастливится сохранить для Германии альбом рисунков Дюрера».

А вот слова В. Б. Возницкого, директора Львовской картинной галереи:

— Абсолютно очевидно, что незадолго до войны во Львове побывало немало фашистских искусствоведов-шпионов. Они составили схемы «дислокации» художественных ценностей, которые решено было вывезти в Германию. Эти сведения, конечно же, передавали в военные штабы, чтобы летчики в ходе боевых действий ненароком не разбомбили музеи, представлявшие для фашистов интерес. Показательно, что грабежи начались во Львове с первых же дней оккупации. И велись они не вслепую.

В начале июля 1941 года, когда наши войска уже оставили Львов, но стекла окон еще дрожали от канонады, у подъезда дома, в котором жил профессор Ме-

числав Гембарович, остановился коричневый «мерседес» с зелеными маскировочными пятнами на крыше, крыльях и капоте. Из машины бодро выскочил на тротуар молоденький, перетянутый ремнями лейтенант полевой жандармерии, заглянул в записную книжку, убедился, что не ошибся номером дома, и вошел в подъезд. На втором этаже у обитой черной кожей двери он позвонил.

— Здесь живет Мечислав Гембарович? — спросил он у открывшей дверь экономки. — Проводите меня к нему.

Профессор не ждал визитеров. Он был в домашнем халате.

— Чем обязан? — спросил Гембарович.

— Я приехал, чтобы пригласить вас в Оссолинеум. Вас ждут в библиотеке.

— Но я никому не назначал там свидания. Да и разве в эти дни библиотека работает?

— Я сказал все, что должен был вам сказать. Кроме того, я должен проводить вас до машины, довести до библиотеки, помочь подняться по ступенькам. Других инструкций у меня нет.

— Значит, это арест?

— Не совсем. Вам хватит пяти минут, чтобы собраться?

Гембарович не был уверен, что вернется домой.

— Мне взять с собой смену белья и какую-нибудь еду? — спросил он.

— Полагаю, в этом нет необходимости, — ответил бойкий лейтенант. — Пора ехать.

«Мерседес» поехал по безлюдным улицам. Трамваи не ходили. На перекрестках стояли военные регулировщики.

Лейтенант сказал правду. В библиотеке музея сидел, перелистывая какие-то бумаги, военный. Гембарович плохо разбирался в знаках различия, погонах, петлицах, но почему-то решил, что перед ним капитан. Военный поднялся, протянул Гембаровичу руку и назвал его коллегой.

— Я искусствовед.

— И я тоже. Меня зовут Каэтан Мюльман. Вас смущала моя военная форма? Ничего, к ней быстро привыкаешь. Кстати, знаменитый Габриэле д'Аннунцио тоже ходил в форме берсальера, но это не мешало ему пи-

сать вполне профессионально, а иногда даже вдохновенно. Да и Лев Толстой, если я не путаю, был офицером в Крымскую кампанию. Вы курите?

— Нет.

— Всем ли вы обеспечены? Хлеб? Сахар? Кофе?

— Доедаем довоенные запасы.

— Я распоряджусь, чтобы все вам прислали. Постараемся назначить постоянный паек. Знаком ли вам этот альбом?

— Конечно! — сказал Гембарович. — В нем всегда хранились рисунки Дюрера.

— Они и по сей день здесь. Их экспонировали в 1928 году в Нюрнберге на выставке. А вы их сопровождали?

— Да, вы хорошо знакомы с некоторыми деталями моей биографии.

— Право, выяснить это было нетрудно. У вас, профессор, приятный венский акцент.

— Я учился в Вене.

— О, тем легче нам будет договориться. Все же земляки. Я буду хлопотать о награждении вас орденом за спасение рисунков.

— От кого?

— Естественно, от русских, от большевиков. Да уж не знаю, от кого точно, но факт остается фактом — рисунки уцелели, они передо мной. Следовательно, они были спасены.

— Позвольте, но большевики на них не покушались.

— Вы уверены? — спросил Мюльман.

— Абсолютно.

— Возможно, этот факт ускользнул от вашего внимания. Но так или иначе ваши заслуги не будут забыты. Дюрер спасен. Сейчас мы, естественно, не можем оставить эти рисунки в стране, где идет война. Они на время переедут в более надежное место.

— Вы хотите ограбить библиотеку?

— Я не обиделся на вас, хотя имею право так поступить. Повторяю: мы изымаем рисунки, чтобы сохранить их для человечества. И вы, как человек культурный, образованный, в прошлом венец, должны понять наши действия.

— Я их никогда не пойму!

— Это было бы трагичным для вас. Слышали ли вы что-нибудь, господин профессор, о судьбе ученых Кракова и Варшавы?

— Мне говорили, что многие из них расстреляны. Но я не хочу верить.

— И я долгое время не хотел в такое верить... А знакомо ли вам имя писателя Бой-Желенского?

— Нашего Боя?

— Да, вашего львовского Бой-Желенского. Его уже нет. А бывшего премьера Польши Казимира Бартеля помните? Нет и его.

— Но это же варварство! — воскликнул профессор. Мюльман засмеялся:

— Конечно, варварство. Но Боя и Бартеля уже нет в живых, а мы с вами вполне живы, спорим, разговариваем, никак не поделим Дюрера. Архимед был человеком гениальным. Это не вызывает ни у кого сомнения. А стукнул его по гениальной голове мечом туповатый, может быть, даже неграмотный римский солдат. И оказалось, что гениальные головы раскалываются легко, как орехи. На одного гения с лихвой хватает одного плохо обученного солдата. Если же солдат обучен владению оружием прилично, то он вполне может покончить с двумя или тремя десятками гениев. Я часто над этим думаю, господин профессор. И пугаюсь. Вот вам моя визитная карточка. Вдруг понадобится.

Гембарович поднялся — бледный и растерянный. Визитной карточки он не взял. Интеллигент старой закалки, формировавшийся во времена, когда недостаточно высоко поднятая над головой при встрече со знакомым шляпа считалась поступком почти хулиганским, он растерялся от наглости Мюльмана. Затем твердой походкой профессор направился к выходу. Его не провожали. И у ворот уже не было коричневого «мерседеса».

Профессор шел по мертвому городу. Около афишной тумбы остановился, чтобы прочитать «информационный листок», изданный от имени западноукраинского правительства. Далекий от политики, никогда не интересовавшийся ничем, кроме искусства, Мечислав Гембарович с трудом понимал, о каком западноукраинском правительстве идет речь, почему оно издает «информационные листки». Но то, что было написано в «листке», повергло профессора в ужас.

«Политику мы будем проводить без сентиментальностей. Мы уничтожим всех без исключения, кто отравлен советским большевизмом. Мы будем уничтожать всех без исключения, кто будет стоять у нас на пути.

Руководителями во всех областях жизни будут украинцы и только украинцы, а не враги-чужаки — москали, поляки, евреи. Наша власть будет политической и военной диктатурой, диктатурой страшной и неумолимой для врагов...»

Между этими строками и словами Каэтана Мюльмана была прямая связь. Профессор почувствовал, что ему стало трудно дышать. Домой! Скорее домой! Лечь на диван, взять книгу, уйти в нее, вспомнить, что в мире еще существуют светлые и чистые мысли, что не все говорят словами Мюльмана и «информационного листка».

Профессор тогда не знал и не мог знать, что он чудом избежал смерти. В эти дни в городе действовал батальон особого назначения «Нахтигаль» под началом обер-лейтенанта Теодора Оберлендера. Батальон был укомплектован украинскими буржуазными националистами, теми, кто еще в 1939 году бежал от приближавшейся Красной Армии, в Краков и Германию. Два дня подручные Оберлендера свозили в бурсу Абрагамовичей известных львовских писателей, ученых, врачей. Затем их расстреляли на Вулецких холмах. Так погибли десятки людей с европейскими именами, многие выдающиеся деятели науки и культуры... Судьба была милостива к Мечиславу Гембаровичу. Он выжил.

В тот день он больше не думал об ужасах оккупации. Гембарович до полуночи сидел в своем кабинете за письменным столом, листал репродукции из дюрековского альбома. Из огромного графического наследия великого Дюрера, разбросанного по разным музеям мира, именно рисунки представляют наибольшую ценность. Рисунок в отличие от гравюры уникален, неповторим. Вот, например, конь. Он сделан серебряным карандашом на препарированной бумаге, причем голова коня дорисована пером. (На обратной стороне фоторепродукции был написан такой же, как и на оригинале, инвентарный музейный номер — 8310.)

Значительная часть хранившихся во Львове рисунков Дюрера была подготовительными эскизами или заготовками к будущим большим работам. И профессор понимал уникальность этих рисунков, их огромную ценность для человечества. Ведь по ним можно было проследить, как рос талант Дюрера, как он постепенно из художника способного, талантливое превращался в гения. Рисунок женщины с платком, стоящей на шаре.

Он значится под инвентарным номером 8308. Он вполне мог бы быть дополнением к знаменитым фигурам Адама и Евы с Лестницы гигантов в венецианском Дворце дождей. Рисунок женщины с зеркальцем (инвентарный номер 8306) проникнут тем же настроением, что и картина «Четыре прелестницы». А полустертый мужской портрет (номер 8312), по мнению профессора, был заготовкой к портрету Эразма Роттердамского.

Теперь все детали, касающиеся альбома, инвентарные номера каждой вещи обретали свой смысл. Профессор тщательно записал все, что помнил об альбоме и о каждой вещи в отдельности. Он понимал, что совершено преступление. И потомки не пройдут мимо этого чудовищного грабежа. Исчезнувший альбом рисунков Дюрера будет разыскивать. Только когда?

Из всех работ Дюрера, хранившихся во Львове, Гембарович особенно любил «Автопортрет». Он был создан в 1493 году в Базеле или Страсбурге. В это время Дюрер закончил ученичество и путешествовал по европейским городам, чтобы побывать в мастерских лучших мастеров того времени. По традиции, молодой художник «ушел в мир» весной 1490 года. Он брел от города к городу, нигде не задерживаясь надолго. До нас дошло несколько его рисунков, сделанных в странствиях. Два из них автопортреты. Один из них сохраняется в библиотеке Эрлангенского университета. Двадцатилетний юноша, немного растерянный и наивно удивленный, всматривается в даль, козырьком поднося к глазам ладонь правой руки. Это еще не мастер. Это подмастерье. Но подмастерье пылливый, ищущий, способный в будущем стать мастером. Второй автопортрет — львовский. Тут речь идет уже о другом человеке. Юноша стал молодым мужчиной. Спокойный, твердый взгляд. Свободная поза. Этот человек знает себе цену. Он кое-что успел сделать в своей жизни. Например, создал серию великолепных иллюстраций к сатире Себастьяна Бранта «Корабль дураков» и к комедии Теренция. Дюрер уже знаком с идеями великого Возрождения. Сочувствует и разделяет их. Вскоре Дюрер подружится с великим Эразмом Роттердамским и напишет его великолепный портрет. Он будет вести долгие беседы с бесстрашным Томасом Мором. И наконец, напишет в своем дневнике фразу: «У нас грабят плоды на-

шей крови и пота нашего, их бессовестно, позорно подают бездельники». Это тот самый Дюрер, который будет прививать своим ученикам веру в человека и неверие в бога. Не случайно трех его любимых учеников судили за безбожие. И процесс вошел в историю под названием «Суд над тремя безбожными художниками».

Это был прекрасный автопортрет. Может быть, одна из лучших работ Дюрера. Профессору было страшно подумать, что, вполне вероятно, ему уже никогда не придется увидеть оригинал...

Допоздна сидел в своем кабинете профессор. Жел случайно сохранившиеся с довоенного времени декоративные свечи. И писал:

«Считаю необходимым засвидетельствовать, что охота за альбомом Дюрера началась давно. Может быть, еще в 1928 году. В ту пору в Мюнхене торжественно отмечали четырехсотлетний юбилей Дюрера. Тогда я, еще молодой искусствовед, по межгосударственной договоренности прибыл из Львова в Мюнхен вместе с альбомом Дюрера. От рисунков не отходил ни на шаг. Да это и понятно: ведь стоимость альбома была баснословной. Точно ее нельзя было даже определить. Достаточно сказать, что за альбомы репродукций рисунков Дюрера, изданных когда-то в Вене и Львове, предлагали сотни марок. Что же касается оригиналов, то каждый из 30 рисунков мог принести целое состояние — завод, виллу на берегу моря, дворцы в городах. Ко мне подходили различные частные и официальные лица, интересовались — не то в шутку, не то серьезно, — нельзя ли обменять альбом на любые другие художественные ценности или же купить. Приходилось отшучиваться. Так было удобнее прекращать подобные разговоры. Я облегченно вздохнул, когда поезд вновь привез меня во Львов. Альбом был цел. У главного вокзала уже ждал автомобиль с двумя дюжими полицейскими. Полицейские сопровождали меня и альбом от вокзала до самой библиотеки Оссолинских. Может быть, уже в ту пору в чей-то голове созрела мысль похитить альбом...»

ГЕРИНГ ЖАЛУЕТСЯ НА... ГИТЛЕРА

О Нюрнбергском процессе 1945 года писали много. На процессе были названы факты и цифры, характеризующие масштаб фашистских злодеяний. Ведь прави-

тельством «третьего рейха» было задумано уничтожение целых стран и народов. В газовых камерах должны были сгореть десятки миллионов людей. В зале суда демонстрировали фотографии и кинодокументы о лагерях смерти и расстрелах мирных жителей в Белоруссии и на Украине. Даже сами подсудимые отворачивали лица от экрана. Остальным трудно было поверить, что все это правда, что такое возможно, хотя все присутствующие на процессе и те, кто следил за ним по газетным статьям и радиопередачам, знали, что в Нюрнберге названы далеко не все фашистские преступления. Чтобы наказать всех виновных, понадобилось бы организовать сотни таких процессов.

Другими словами, на процессе речь шла о судьбах мира и человечества. Тут пытались сформулировать само понятие фашизма, объяснить его природу и сущность. Это нужно было для того, чтобы будущие поколения не сделали тех ошибок, которые помогли Гитлеру прийти к власти, чтобы не пытались откупиться от зарождающегося фашизма подобием мюнхенских договоров, увещеваниями и средствами морального воздействия на агрессора. Нюрнбергский процесс был в какой-то мере и предостережением и завещанием людей, живших в первой половине XX века, тем, кто придет после них.

Вот почему некоторые вопросы американского обвинителя Стори, адресованные «второму человеку» гитлеровской империи Герману Герингу, многим показались частностью, чем-то второстепенным. Поначалу казалось даже непонятным, зачем он их задает.

— В октябре 1939 года Геринг устно приказал какому-то доктору Мюльману употребить все необходимое, чтобы заполучить ценности искусства в Польше. Доктор Мюльман свидетельствует об этом в своих показаниях (документ ПС-3042): «Подтверждаю, что произведения искусства были конфискованы. Мне ясно, что вся эта собственность и произведения искусства в случае победы Германии были бы использованы для пополнения немецких коллекций искусства». Документ ПС-1233, который я держу в руках, — это хорошо оформленный и качественно отпечатанный каталог, в котором подсудимый Франк горделиво перечисляет и описывает награбленные им произведения искусства... Кроме каталога, только что представленного как доказательство, существует отчет под номером ПС-1709.

Этот отчет был дополнением к каталогу... Предметы, вывезенные в Берлин, обозначались номерами 4, 17, 27, 35 и так далее. Среди них 31 всемирно известный рисунок Альбрехта Дюрера из коллекции Любомирских во Львове. На странице 68 этого отчета доктор Мюльман отмечает, что он лично вручил рисунки Герингу, который передал их в главный штаб фюрера.

Так говорил обвинитель Стори 13 декабря 1945 года перед Международным трибуналом. Герман Геринг слушал как в полусне. От него никак не удавалось добиться вразумительного ответа. Впрочем, он признавал, что альбом попал ему в руки. Но потом будто бы рисунки увидел Гитлер и отобрал их у Геринга, объявив, что они нужны в качестве экспонатов для огромного имперского музея в Линце. Отобрал — и все тут! Шел себе по улице грабить и нес на плече мешок с награбленным, считая это уже своим. Но тут откуда ни возьмись возник второй — посильнее и порешительней. И второй отобрал у первого всю добычу. Первый стоит, льет слезы и трет глаза кулаком. Чем не кадры для мультфильма? Впрочем, Гитлер собирался создать в городе Линце такой музей, какого еще нигде и никогда не бывало. Он должен был во много раз превосходить по объему фондов и ценностей экспонатов Эрмитаж, Лувр, римские и флорентийские собрания, вместе взятые. Для такого музея надлежало свезти ценности со всего мира — от Лондона до Индии. Может быть, рисунки Дюрера предназначались для этого музея?

Итак, альбом рисунков был передан в главный штаб Гитлера. Ничего более Геринг не сказал. К разговору об этом альбоме больше не возвращались...

СНОВА ИСКУССТВОВЕД ПРОБСТ, НО УЖЕ В ФОРМЕ

Никто не знает, звали ли его действительно Пробст или же это было только псевдонимом. Естественно, не знал этого и Станислав. Теперь Пробст был в черном мундире, в фуражке с высокой тульей.

Мундир был хорошо подогнан — ни одной складки, ни единого неверного шва. Чувствовалось, что портному пришлось как следует потрудиться над одеждой капризного заказчика-эстета.

— А-а, — сказал Пробст. — Ты здесь и живой? Вид, правда, у тебя не очень-то привлекательный. Что это у

тебя на ногах? Где ты раздобыл такие галоши? Уж не в музее ли?

— Почти, — ответил Станислав. — Почти в музее.

— Грустно видеть нищету старых друзей. Вот тебе десять марок. В память о довоенных встречах.

— Спасибо, я ведь работаю. И зарабатываю деньги.

— Где же ты работаешь?

— В механических мастерских, на бывшей международной выставке.

— Далековато от искусства. Так мы с тобой тогда и не побывали в гостях у владельцев коллекций. Сделаем это сейчас или же после войны. Тебе сколько? Семнадцать? Ах, даже девятнадцать? Благодарю бога, что русские не успели забрать в армию. Конечно, ты давно уже был бы на передовой. Итак, деньги тебе не нужны? Странно. Бедняку гордость не по карману.

— Учту.

— Итак, ты ни в чем не нуждаешься?

— Ни в чем.

— Верится с трудом. Ешь-то ты хоть каждый день?

— С голоду не умер. Но у меня к вам вопрос. Не знаю, сможете ли вы на него ответить...

— Во всяком случае, постараюсь.

— Почему взрывают здания около городского арсенала и на Подзамче? Ведь многие из них исторические памятники.

— Я приглашаю тебя в кафе. У меня около полутора свободного времени. Там и поговорим.

Пробст подтолкнул Станислава к зеркальной двери, на которой висела табличка «Только для немцев».

— Человек со мной, — сказал Пробст швейцару.

Швейцар отступил к стене, пропуская Пробста и «человека».

Им подали по сто граммов водянистого, тающего в вазочках мороженого и две чашки суррогатного кофе. Но по голодным временам это казалось фантастической роскошью.

— Ты, наверное, слышал, Станислав, о том, что в городе Царское Село, который большевики переименовали в Пушкин, в одном из дворцов была смонтирована знаменитая Янтарная комната? А недавно мы ее демонтировали и перевезли в Кенигсберг. Как ты думаешь, Станислав, для чего это сделано? Обычный грабеж? Это было бы слишком просто. Мы не грабим.

Мы совершаем величайший исторический акт перестройки мира. Я только что возвратился из поездки в Херсон, Николаев и Крым. Ходил по музеям, выискивал все самое ценное, что могло бы пополнить собрания музеев империи. Той империи, которая будет создана после окончания всех этих войн. Ее гражданами станут самые сильные, самые полноценные люди, способные к самому высокому уровню умственной деятельности. Они смогут посещать замечательные театры и музеи. Смотреть игру лучших актеров и наслаждаться шедеврами искусства. Это будет золотой век, расцвет человечества. И во имя его нужно работать уже сегодня. Еще кофе? Нет? Прекрасно. Но дослушай меня. Я только что распорядился отправить на переплавку памятник Потемкину в Херсоне и памятник адмиралу Грейгу в Николаеве. Опять-таки почему? И тот и другой с точки зрения эстетической не были такими уж бездарными работами. Но Грейг и Потемкин в свое время много сделали для укрепления русского флота. И мы совершенно не заинтересованы в том, чтобы русские помнили своих полководцев и флотоводцев, чтобы они десятилетиями мечтали взять у нас военный реванш. Лучших русских, потомков норманнов, мы пригласим в тот рукотворный рай, который собираемся создать на земле. Естественно, после тщательного отбора. Но нужно, чтобы они пришли туда не с оружием в руках, не с камнем за пазухой, а с открытыми навстречу нам душами, с ясными, доверчивыми глазами, какие бывают у ученика, когда он смотрит на любимого учителя.

Официантка унесла пустые вазочки и чашки.

— Ты меня понял, Станислав?

— Не вполне.

— Спрашивай.

— На место тех памятников, которые пошли на переплавку, будут поставлены новые? Ваши памятники?

— Возможно. Со временем. Не пропадать же пьедесталам. Кстати, очень многие картины из музеев, которые я сейчас обследовал, будут отправлены в рейх. Их не уничтожат. Напротив, до поры до времени их будут сохранять, реставрировать, приводить в порядок, чтобы затем включить в фонд общеимперской культуры. В Николаеве был музей русского художника-баталиста Верещагина. Мы изъяли часть его работ. Сегодня их показывать публике было бы несвоевременно.

Но когда некоторые детали русской истории позабудутся, картины Верещагина вполне можно будет экспонировать. Они интересны с точки зрения технической. У Верещагина в картинах странный, слишком чистый, как бы разреженный цвет. В этом смысле его работы уникальны. Да только ли работы Верещагина? Возвратимся к Янтарной комнате. Эти великолепно выполненные янтарные огромные панно не имеют себе равных. И разве справедливо, чтобы все это находилось в маленьком русском городе, а не в столице будущей империи, куда на экскурсии станут приезжать миллионы как на праздник, как на встречу со сказкой. Это будет не просто город, а произведение искусства, выполненное в едином стиле и по единому замыслу. Величественным в нем будет все — от зданий музеев до урн на тротуарах. Монументальность и строгость линий. Музыка Вагнера. Ее сможет послушать каждый, кто кинет монету в уличный музыкальный автомат. Уверенные в себе люди. Раса богов.

ИНТРОДУКЦИЯ

(окончание)

Кто его знает, может быть, мой ленинградский приятель был колдуном. Ведь не случайно он посоветовал мне до отплытия дизель-электрохода передохнуть во Львове. Дело не только в том, что город этот немного волшебный, что выяснено давно и многими: он как бы поглощает приезжего, очень быстро заставляет жить по своим законам — неспешно, с чувством, с толком, с расстановкой, ритуально попивая кофе в многочисленных кофейнях, и беседу, пусть даже случайную, вести с той же ритуальной торжественностью, будто на сцене театра.

Но так ли, иначе ли, но город помог собраться перед броском через океан. Может быть, ожило, вспыхнуло все то, что казалось уже кипой пожелтевших документов, чем-то совсем не сегодняшним, а безвозвратно ушедшим в прошлое, во всяком случае, эмоционально.

А кроме того, я отыскал в одной из гостиниц (а их во Львове около тридцати, есть и совсем маленькие, построенные бог знает когда, но очень милые сердцам ревнителей старины) своего случайного попутчика. Было это непросто. Но все вышло, как в детективном кинофильме — вошел в холл, увидел седого человека,

утонувшего в кресле, в круглых очках и с местной газетой в руках.

Он даже не удивился:

— Знал, что вы придете... Сам не знаю почему...

Но ждал.

Мы беседовали о разном. О его юности, которая была украдена войной, о его друзьях, которые домой не вернулись и похоронены кто на Дону, кто на Днепре, кто на Дунае, кто на Висле, кто на Одере, а кто и в безымянных местах.

— Не забыть! — говорил он. — Дело не в злопамятстве. Поверьте, несмотря на все, что вынесли, не о мщении речь. Но от момента, когда люди это забудут, все может повториться. Важно, чтобы вы и ваши товарищи помнили. И ваши сыновья, мои внуки. А где Станислав, о котором вы рассказывали?

— Его уже нет в живых. Инфаркт. Потому и Львов для меня сейчас несколько иной. Нельзя зайти вечером в кофейню у гостиницы «Интурист» в твердой уверенности, что отыщешь там Станислава...

— В каком-то возрасте обязательно вступаешь в период потерь, — сказал старик. — Древняя истина, но ей всегда удивляешься и осознать не можешь. Впрочем, для меня этот период начался в юности. Есть песня про безымянную высоту. Для кого-то она, может быть, обычная, а я слушаю, едва слезы сдерживаю. Это ведь мои товарищи лежат на той безымянной высоте. Каждого из них помню... Что за программка у вас в руках? Старая? Почему бумага не пожелтела? Значит, качество было хорошее. Дайте взглянуть.

Это была программа концерта, которую давал русский маршевый запасной 6-й батальон во Львове. Остальное не расшифровывалось. Какого полка, какой дивизии был этот батальон? Где состоялся концерт? Ясно, что во Львове, но в каком именно зале? Видимо, по причине военного времени все это держали в тайне. Но сама программа была издана на славу — синее с золотом. Сообщалось, что концерт состоится 6 апреля по русскому стилю и 19-го — по европейскому. И начинался и заканчивался концерт хором «Боже, царя храни». Но пришлось сыграть и сербский, и черногорский, и английский, и бельгийский гимны, а также «Марсельезу», с которой еще десять лет назад рабочие строили баррикады в Москве и Екатеринославе. Но нельзя было иначе — союзники. Поэтому «Марсельезу» стыд-

ливо назвали французским гимном, не расшифровывая, что это такое. Были в программе также марш Длутека «Вступление в Галицию», хоры, прапорщик Карстенс, взявший себе звучный псевдоним Гарди, пел романс «Венеция» и песенку Герцога из оперы Верди «Риголетто», а рядовые Концов и Баварцев должны были исполнить на кларнетах дуэт Вильбао «Моряки».

Отзвучало, ушло — куда оно все делось? Сохранилась лишь программка, не имеющая никакого значения даже в качестве случайного исторического документа. Совсем никому не нужная, но напоминающая о другом — забыть легко, выполнить куда труднее. То ли старик угадал мои мысли, то ли сам думал о том же, но вслух он произнес следующее:

— Вы недаром ехали на два дня во Львов. Вроде бы и без цели. Но в жизни часто так бывает, что потом случайное оказывается неслучайным, будто бы ненужное — очень нужным. Не дать забыть, не дать забыть — вот что сейчас очень важно... Новым людям не дать забыть, тем, кто о нашем опыте не знал. А опыт этот стоит многого... Без него невозможно стать подлинно мудрым... Может быть, лишь разумным, толковым, но никак не мудрым... Желаю вам успехов. Не сглажу, не волнуйтесь. Глаз у меня добрый...

ЭПИЛОГ,

который правильнее было бы назвать прологом

И вскоре я вновь был на пути в Ленинград. Теперь в окна вагона светило солнце. Все вокруг казалось чистым, умытым, будто к какому-то празднику готовившимся, — и леса, и просеки, и мосты, и бегущая почти рядом с колеей ленточка асфальтовой дороги, перроны малых и больших станций. Светло и спокойно могло бы быть на душе. И уже не шло на память искореженное детство, осветительные ракеты, вой бомб и младшая тетка — певунья, которая не спешила в самодельное бомбоубежище (их называли «щелями»), боясь, что так и не узнает, как было дальше у князя Андрея с Наташей Ростовой, — не хотела терять минуты на то, чтобы прятаться. Вернее, все это помнилось и ни на минуту не забывалось, но как бы отошло куда-то, за частокол лет, стало совсем дальним, уже размытыми воспоминаниями.

Смотрел в окно и думал о том, что ждет в Ленинграде товарищ — один из тех, кто принимал участие в поисках еще сохранившихся свидетелей, документов. Вместе с ним плавали мы на моторной лодке от Ленинграда до Одессы, по пути древних варягов, частенько ходивших в «греки», — мимо Старой Ладogi и Новгорода, рыбацкого поселка Взвада в устье Ловати и Холма. Холм не спасли. Новгород спасли чудом. Вернее, его не успели до основания разрушить и то, что хоть частично уцелело, восстановили. Ленинградский товарищ был из тех, кто советовал поплыть через океан, ничего не загадывая, на свободный поиск — а вдруг удача.

И я еще не знал, что в Северном море встречу с традиционным североморским штормом. А до Северного моря будет злой балтийский ветер, когда выходить на палубу не хочется. Буду сидеть в каюте и раскладывать на столе блокноты, копии расписок, оставленных во Львове фашистскими искусствоведами в военном. Перечитаю вырезку из одной зарубежной газеты — в Нью-Йорке, в знаменитом Метрополитен-музее выставлен для всеобщего обозрения автопортрет Альбрехта Дюрера.

Впереди многое. Я буду читать в каюте статью в журнале «Пари-матч» — репортаж об американской фирме «Бринкс», специализирующейся на охране произведений искусств из коллекций миллионеров. Сюда, если хозяин надолго уезжает по делам, можно принести ценные полотна, уплатить требуемое количество долларов и быть абсолютно уверенным в том, что все останется в целостности и сохранности. Ночью вход в хранилище фирмы затопляется водой. На случай пожара заведены газовые огнетушители. Они не причиняют вреда холстам.

Но куда все же девались львовские сокровища? Что-то, конечно, погибло, уничтожено. Но ведь многое должно было сохраниться. Пусть оно где-то спрятано в подвалах, за семью замками. Или же на дне Топлицзее...

...Узкая дорога, обрывающаяся прямо у берега. Мрачные, насупленные горы.

...Космонавты, побывавшие на Луне, утверждают, что нет ничего более странного, пугающего, не совместимого с обликом такой обжитой и привычной для взгля-

да каждого из нас Земли, чем лунный пейзаж. На Луне все не так, как у нас здесь. На Луне человек необычайно одинок. Он там чужой, посторонний.

Такое же странное и пугающее впечатление производит Топлицзее... Озеро и горы вокруг кажутся лунным пейзажем, хотя, как известно, на Луне озер нет. Но, может быть, там именно такие горы!

Топлицзее — это «Альпийская крепость». Когда война фашистами была уже проиграна, когда даже для самого Гитлера стало более чем очевидным, что ни «секретное оружие», ни призыв ко всему населению уходить в вервольфы — партизаны-одиночки, уже не спасут, возникла идея «Альпийской крепости».

В штольнях соляных разработок в Альтаусзее были спрятаны художественные ценности из различных стран. Известный немецкий писатель Юлиус Мадер в одной из своих книг привел слова реставратора Карла Зибера, насильно мобилизованного СС и направленного в Зальцкаммергут.

Инвентарная опись вещей, которая постоянно дополнялась, представляла собой шесть тысяч страниц текста, напечатанного на пишущей машинке через один интервал. В штольнях находились знаменитый Гентский алтарь, подлинники Микеланджело, десятки гравюр Дюрера, венская коллекция Ротшильдов, превосходные картины из галереи Наполеона и драгоценные вещи из монастыря Монте-Касино. То, что поступало с конца 1944 года, а это были главным образом ценности из Венгрии, вообще почти не учитывалось. Пожалуй, никто не может представить себе, что испытали мы, специалисты, когда весной 1945 года получили приказ подготовить полное уничтожение всех этих неповторимых произведений искусств. Я буквально потерял покой...»

Между тем такой приказ существовал. Он был отдан командованием «Альпийской крепости», но, следует думать, по прямому указанию из ставки Гитлера. И вскоре, в двадцатых числах апреля 1945 года, в штольни были доставлены большие ящики с надписью: «Осторожно, мрамор, не бросать!» В каждом из таких ящиков лежала 750-килограммовая авиационная бомба. Все бомбы должны были взорваться одновременно. И тогда никаких сокровищ разыскивать уже не пришлось бы.

С помощью партизан взрыв удалось предотвратить.

Сокровища, находившиеся в штольнях, были спасены. И со временем их возвратили законным владельцам. Но на дне Топлицеее в специальных контейнерах лежали многие ценные бумаги, и вероятно, произведения искусства. Их затопила специальная команда известного гитлеровского диверсанта Отто Скорцени.

После войны к озеру сразу же кинулись водолазы-кладоискатели. Дальше началось самое удивительное. Все они погибли. И обязательно при обстоятельствах странных, необъяснимых.

Работала здесь и экспедиция, организованная западногерманским журналом «Штерн». А в самом журнале появились аншлаги о том, что найдены секретные документы необычайной важности. Но так же внезапно экспедиция прекратила работу, а журнал никаких сенсационных документов так и не опубликовал.

А уже с 1963 года поиски здесь велись австрийскими государственными властями. Сотни вооруженных жандармов оцепили озеро. Водолазы что-то поднимали со дна. Все было окружено сугубой секретностью. Что-то было поднято со дна. Но австрийские власти никак не прокомментировали находки. Впрочем, в печати промелькнуло сообщение, что в результате различных экспедиций удалось обнаружить свыше тысячи картин, вывезенных нацистами из Венгрии. Часть из них уже возвращена Венгерской Народной Республике.

Чтобы разгадать тайну озера, нужны серьезные поисковые работы. И будем верить, что австрийское правительство в конце концов их проведет.

Штормило. Но такие штормы дизель-электроходу ни-почем. Качка была мягкой, незлой. Репродуктор объявил, что после ужина в кинотеатре будет демонстрироваться новый фильм, а в концертном зале состоится лекция о выдающихся певцах прошлого. Дизель-электроход плыл сквозь шторм вперед. А на нем, не замечая шторма, шла своя жизнь.

* * *

Не знал и другого, что по прибытии в Нью-Йорк хлебну еще горя с этим Робертом Леманом. Вернее, даже не с ним, а с его электронной тенью, поскольку мне объяснили, что Роберт убыл в мир иной. А точнее

будет сказать — убыл не весь Роберт, а только его тело. Но его интеллект, система его мышления и аргументации теперь заложены в электронную машину. Так что и сейчас будто бы можно поговорить почти что с самим Робертом и услышать почти что его собственные ответы, а точнее — не собственные, а как бы собственные. В общем, от всего этого голова могла кругом пойти. Но это было позднее. А поначалу Нью-Йорк, и удивление перед ним. Казался он странным, и сначала не удавалось понять, в чем же именно странность. Лишь позднее как будто озарило: Нью-Йорк, несмотря на всю свою грандиозность, какую-то давящую серость Манхэттена, в чем-то был неожиданно провинциальным, вчерашним. Странно было осознавать, что именно это впечатление было доминирующим — ведь Нью-Йорк всегда рвался в законодателя моды и к ультрасовременности, норовил идти даже не в ногу с прогрессом, а как бы чуть-чуть впереди него, но оказалось, что в конце концов в чем-то чуть поотстал.

Не мог я заглянуть в будущее, пусть даже всего на десять дней, и представить себе, что все же окажусь подле конторы «Братьев Леманов». Сама контора — дом, построенный, вероятно, в конце минувшего или в начале нынешнего века. В общем, на девяносто лет он вполне тянул. Это была подделка, и не очень старательная, под романский стиль. Рядом с небоскребами позднейшей постройки контора — офис Леманов выглядел чуть ли не дачным коттеджем. Во всяком случае, называть это здание, несмотря на его одиннадцать этажей, хотелось не домом, а домиком. Наверное, жителям этой некогда вновь заселяемой страны подобные «домики» под классицизм, ренессанс или романский стиль нужны были как воспоминание о Европе — прародине. Колонизируя новый континент, вообразив его себе этакой огромной новой квартирой, они принесли сюда с квартиры старой, родительской, памятные вещи — дедушкины, бабушкин сундук или же прелестный домик, которому больше пристало бы находиться на одной из площадей Рима или Мадрида. Ну а Бродвей назван смутной мечтой возыметь и у себя Монмартр. Уолл-стрит — внебрачное дитя лондонского Сити.

Мог ли я предположить, что именно в этом доме мне придется встретиться с электронным мистером Леманом, который будет являть собой не то стол-магнито-

фон, не то стол — электронную машину, в общем, некое электронное чудовище, которое слышало мой голос, отмечало в своей памяти мои вопросы, делало вид, будто их обдумывает — мигало неоновыми лампочками, — и затем сухо и слишком уж правильно, как-то загробно отвечало? Мог ли предположить, предугадать, что попаду в ситуацию, очень уж напоминающую какой-нибудь популярный фантастический роман, вернее, его экранизацию, где одного из действующих лиц предложено было сыграть мне самому. Итак, вкратце: мне помогли связаться с конторой Леманов, после долгих переговоров допустили до бесед с электронным «Бобби Леманом», что сильно напоминало дурной театр, но в этом фарсе было немало любопытного. Был ли «Электронный Бобби» и вправду сгустком интеллекта живого Бобби или попросту умелым шарлатанством, не знаю. Да, наверное, никогда и не узнаю. Но так ли это важно? Ведь в «Электронного Бобби», если он был таковым (поскольку вполне можно допустить, что обычный человек выслушивал меня и отвечал с помощью обычного микрофона и усилителя), кто-то должен был вложить программу. И этот «кто-то» или же эти «какие-то» с абсолютной очевидностью ждали вопросов об альбоме Альбрехта Дюрера. Значит, беспокойна была совесть.

Вот что в конце концов решило дело.

* * *

Было так. Комната, стол. Чашка чая на столе — холодного, жасминного, но очень вкусного. Вдруг зазвучал голос, как мне показалось, прямо с потолка. Во всяком случае, стереофонический эффект был налицо. Скорее всего репродукторы умело спрятали и на потолке, и в стенах.

«Электронный Леман» поздравил меня с прибытием, поинтересовался, доволен ли я поездкой, спросил, что привело меня к нему. Все это прозвучало сначала по-английски, затем последовал перевод. Меня предупредили, что в дальнейшем, чтобы сократить время, затраченное на беседу, голос «мистера Лемана» звучать не будет. В дело сразу же станет вступать переводчик.

Электронный Леман. Что привело вас ко мне? Если хотите, чтобы беседа наша продолжилась, важно ответить честно. Не хочу сказать, что вы подключены к де-

тёктору лжи, но комната, в которой вы находитесь, оборудована новейшей аппаратурой, позволяющей контролировать пульс, частоту дыхания и даже биотоки мозга моего собеседника. Короче говоря, лгут мне или говорят правду, приборы определяют безошибочно. Итак, цель приезда?

Я. Скрывать нечего. Отыскиваю похищенные некогда из Львова рисунки Альбрехта Дюрера.

Электронный Леман. Вы частное лицо или же представляете одну из государственных служб?

Я. Абсолютно частное.

Электронный Леман. Вы в этом твердо уверены?

Я. Тверже некуда.

Электронный Леман. А зачем вам, частному лицу, понадобился Дюрер? Коллекционер?

Я. Нет. Считаю необходимым добиться его возвращения туда, откуда он был похищен.

Электронный Леман. Не вполне понятно. Но к этой теме мы еще вернемся. Есть ли у вас любимые художники?

Я. Их много, мистер Леман.

Электронный Леман. Назовите хотя бы нескольких.

Я. Феофан Грек и Андрей Рублев, Гойя, Врубель и Иероним Босх.

Электронный Леман. Недурно. А я при жизни коллекционировал в основном работы художников времен Ренессанса и импрессионистов, что, впрочем, не исключало и покупки других ценных полотен. Вернемся к Дюреру. Если вы любите художников, которых назвали, при чем здесь спокойный и несколько рассудочный Дюрер?

Я. Дюрера можно воспринимать и иначе.

Электронный Леман. Допустим. Но большинство воспринимает его именно так. У меня впечатление, что беседа наша затягивается. Вероятно, вы или же фанатик, или же пытаетесь обмануть меня и представляете какую-то организацию. Чего вы хотите от моего Дюрера? Заполучить его назад? Не выйдет. И я сам назову вслух, какие козыри вы прячете в рукаве. Альбом рисунков Альбрехта Дюрера действительно был взят во Львове в 1941 году, попал к Герингу, от него к Гитлеру. Затем, после мая 1945 года, оказался в руках у наших военных, то есть... Как это их тогда называли? Американских оккупационных властей — так, кажется, вы называли наших парней, которые находились в Гер-

мани. Им в руки и попал альбом Дюрера. Естественно, они не знали, как поступить. И потому отыскивали одного из наследников князя Любомирского, того самого Генриха Любомирского, который когда-то подарил городу Львову рисунки Альбрехта Дюрера. У Любомирского, на одном из аукционов, рисунки и были куплены мною. Знаю, знаю, что вы хотите спросить. Предупреждаю ваш вопрос. Отлично помню, что 5 января 1943 года правительства СССР, Великобритании и наше правительство, а также пятнадцать других правительств антигитлеровской коалиции приняли и распространили специальную декларацию, в которой заявили о своей готовности сделать все от них зависящее, чтобы прекратить грабежи на временно оккупированных неприятелем территориях. Вот что в ней было написано. Моя электронная память точна, цитирую: «Это положение сохраняет силу независимо от того, имела ли эта передача или соглашение форму открытого грабежа или разбоя или же была прикрыта законной формой, построенной даже на добровольном характере такого соглашения или передачи». Как видите, я сам обострил разговор. А сейчас смеюсь. Ну, не так, как смеялся в аду Мефистофель. Попроще. Но это мой естественный смех, записанный на магнитофонную пленку, когда я еще был жив. Сейчас он усилен электронной аппаратурой и звучит тревожнее и мрачнее, чем в натуре. Почему, если можно записать на пленку пение, музыку и оставить для потомков, не то в наслаждение, не то в назидание, — с таким же успехом можно записать и смех. Но это лишь отступление. Перейдем к делу. Есть безусловные преимущества в том, чтобы из живого человека превратиться однажды в электронно-го. Меня невозможно перебить. Вы вынуждены будете выслушать мой монолог. Даже, если он будет недопустимо длинным.

«Электронный Леман» замигал, засигналил, видимо, пугая меня, а может быть, по другим, одному ему известным причинам. Не исключаю, что и мигание лампочек было очередным фарсом, неталантливыми играми взрослых людей, уставших от сверхсложностей сегодняшнего индустриального мира. Да и мне самому захотелось вдруг на зеленую лужайку — не на стриженный газон, а именно на лужайку, прекрасную в своей нерукотворности и первозданности.

Позднее с улыбкой буду вспоминать об этой мину-

те, когда вполне мог, по примеру луддитов, схватить дубье, чтобы сокрушить эти хитроумные машины: никакого прогресса, никакой сверхцивилизации, желаю, дескать, назад, к гармоничной жизни предков. Естественно, не пещерных, что было бы слишком, а, скажем так, древнегреческих, у которых хватало времени для раздумий и философствований, для попыток гармонично развить мысль, дух и тело. Это была тоска по архаичным и прекрасным временам.

«Электронный мистер Леман» совсем осерчал. Он продолжал мигать и издавать шипящие звуки и шорохи. Затем он заговорил вновь.

* * *

Итак, электронная машина под названием «Мистер Леман» подошла к тому, что она считала центром разговора.

— Может быть, существовало и нечто закономерное в том, что Гитлер собирался сконцентрировать все художественные ценности Европы в музеях будущей новой столицы своей империи. Это могло помочь увидеть, что уже создано было за многие тысячелетия в усталом регионе. А Европа, согласитесь, — усталый регион. Слишком много цивилизаций сменилось на ней. Слишком много сил на их создание затратили некогда обитатели континента. И устали. Сейчас они уже не в состоянии защитить даже то, что сотворено их предками. Коль скоро так уже случилось, европейцам следует осознать реальное положение дел, не цепляться за иллюзии и воспоминания о былом величии их континента. В конце концов, мы тоже бывшие европейцы. Как некогда финикийцы отплыли от своих берегов, чтобы основать Карфаген, который вскоре стал самой богатой державой мира, занимавшей абсолютно первое место и по количеству золота, и по количеству слонов, и по количеству храмов на душу населения, так мы тоже покинули прародину, чтобы обрести больше благ, чем могли бы иметь, оставаясь в Европе. А блага, их наличие — это и есть свобода, а также счастье, если оно вообще возможно. Сконцентрированные ценности, богатства будет легче перенести сюда, на новую родину европейцев. Так что работу по выявлению сокровищ на всем континенте, начатую бонзами «третьего рейха», нельзя считать совсем бессмысленной. Со старой Евро-

пой все равно надо было прощаться. В том виде, в каком она существовала ранее, существовать дальше она все равно не смогла бы.

— Другими словами, — спросил я, — вы считаете, что место альбома Дюрера теперь здесь, в Нью-Йорке, а не в «Оссолинеуме», где он находился ранее?

В «Электронном Бобби» что-то не сработало, он сначала как бы не расслышал моего вопроса и продолжал свою затянувшуюся речь, но затем опять замигало, защелкало, «Бобби» сказал: «Извините, я увлекся», а далее:

— Да, я так считаю! Со старым континентом пора прощаться. И все лучшее надо унести сюда. А теперь, чтобы все окончательно стало ясным, заканчиваю мысль. Сбирать картины начал еще мой отец. И собирал он их для нового континента. Еще перед первой мировой войной уже возникла большая коллекция, соперничая с собранием Морганов, Меллонов, Клеев, Фриксов. У отца был отличный вкус, но он все же предпочитал пользоваться услугами искусствоведов-посредников. Ну а я предпочитаю полагаться лишь на собственные знания и интуицию. Сам оцениваю вещи, сам проверяю их подлинность. Далее — был и остаюсь идейным приверженцем священного принципа частной собственности. Она гарантирует все — свободу, право чувствовать себя человеком, уважающим себя, собственные вкусы, имеющим возможность на них настоять, возможность, ни у кого не спросив, создать Аполлона Бельведерского, если хватит таланта, или купить его, если таланта недостаточно. Или же написать автопортрет не хуже того, о котором мы сегодня с вами толкуем. Кстати, и Дюреру нужны были средства, которыми он мог бы свободно распоряжаться. Это помогло ему работать спокойно и жить в надежде, что работу купят, а, значит, он, Дюрер, получив достойный гонорар, станет еще независимее. Теперь вам должно быть понятнее, что именно я хочу сказать. Конечно, межгосударственные отношения требуют, чтобы Дюрера возвратили именно на то место, откуда он был взят. Но не забывайте, что во времена вашей революции принцип частной собственности был нарушен. Например, вы отказались платить долги другим государствам. И тот, кто считал принципы частной собственности священными, вправе был ответить корсарством. Таким корсарством, если хотите, были действия последнего куратора

Библиотеки Оссолинских Андрея Любомирского. Он ведь не признал правомочным все, что произошло на Западной Украине в 1939 году, бежал на Запад. Позднее, приняв из рук наших парней альбом, он поступил как пират, но пират, отстаивающий давние имущественные права своей семьи. Согласитесь, старый князь Любомирский передавал права на альбом любимому городу и любимой им библиотеке Оссолинских, а вовсе не коммунистам. Он не мог знать, что случится через много лет после его смерти, и не оговорил различные возможные варианты.

И тут-то я понял, что пришла пора сыграть козырным тузом.

— Хорошо, — спросил я, — а если бы выяснилось, что князь Генрик Любомирский все предвидел и все предусмотрел? Если бы он, так же как вы, свято чтя частнособственнические законы, все же выразил волю, чтобы никто из наследников и ни при каких обстоятельствах не покушался бы на рисунки? Как тогда?

— Что же гадать! — сказал «Электронный Бобби». — Этого нет и быть не могло. Существой такое, не стал бы...

Я достал из кармана специально подготовленный и даже переведенный на английский язык текст завещания князя Генрика Любомирского, составленного в 1823 году и утвержденного в Вене австрийским императором, и зачитал его:

«Его сиятельство князь Генрик Любомирский, владелец Пшеворска, желает передать Библиотеке Оссолинских для общего пользования принадлежащие науке и искусству собрания и предметы... Вещи, которые были в библиотеку внесены, должны составлять с нею единое целое, их никто не должен трогать, переносить с места на место, отрывать друг от друга или разделять, они должны оставаться в ней на вечные времена».

Завещание это было напечатано полностью в книге «Статуты заведения Оссолинских», вышедшей в свет в 1857 году. Там же было сказано: «...в случае каких-либо изменений вся ответственность за целость и дальнейшую судьбу Библиотеки ложится на плечи сорока мужей города Львова...»

Это была кульминация. И «Электронному Бобби»

стало худо — он хрипел, но ничего не говорил. Затем женский голос, не дожидаясь, когда прозвучит голос самого Лемана, произнес:

— Сегодня мистер Леман не может больше с вами беседовать. Совершенно ясно, что вы частный, а может быть, вовсе и не частный детектив...

— Подождите, — сказал я. — Вот старый номер журнала «Морнинг мэгэзин». Тут под рубрикой «Колер ревью» есть статья «Коллекция Лемана». Автор сообщает о необычной, сверхъестественной и даже ошарашивающей скромности Лемана, одного из совладельцев финансовой конторы «Братья Леман». Да, действительно он разрешает всем совершенно, включая шофера, называть себя Бобби. И недавно этот скромный гражданин решил подарить Метрополитен-музею свою коллекцию, насчитывающую 3 тысячи картин, изделий из керамики, гобеленов, ювелирных украшений. Впрочем, подарить-то он подарил, но пока что все шедевры находятся в доме самого Лемана.

В журнале помещено фото: детектив из агентства Пинкертон, между прочим, очень смахивающий на мисгера Донована, с таким же впередсмотрящим подбородком, осматривает в кабинете Лемана шедевры, пока что не очень известные широкой публике. Тут и «Портрет старика» Рембрандта, и «Святой Иероним» Эль-Греко, и «Инфанта Мария-Тереза» Веласкеса. И конечно же, «Автопортрет» Дюрера.

Никаких сомнений нет. Если перевернуть рисунок, то на обороте листа будет стоять музейный номер 8319. Впрочем, никаких специальных доказательств и не требуется. Над страницей, где помещено фото, идет аншлаг: Герингу не понравился этот Дюрер, и он подарил его Гитлеру». А в тексте статьи напрямик сказано: «Этот чудесный автопортрет 22-летнего Дюрера имеет свою историю. Перед войной он находился во Львове, в музее князя Генрика фон Любомирского... Нацистский гауляйтер Ганс Франк захватил коллекцию и подарил ее Герингу. Рейхсмаршал, которому пришелся не по вкусу этот рисунок, подарил Гитлеру. После поражения коллекция была возвращена наследникам Любомирского, выставлена ими для продажи в Нью-Йорке, где Леман и купил ее».

«Купил, но должен будет вернуть. И прощание с Европой, а по сути, призыв похоронить ее, преждевременно!»

Вот чего я не знал и предугадать не мог, возвращаясь в скором поезде из Львова в Ленинград.

Все это было впереди, как многое другое. Вспомнилось детство, первые минуты понимания, что все в мире связано и ни одно явление не существует само по себе. Если идет дождь, то он почему-то идет. Если кто-то вторгся в чужую страну, то он почему-то вторгся. Если замыслили обогнуть Европу, то это тоже почему-то: от высокомерия, от собственного комплекса неполноценности, от многих вещей, которых лучше бы не было.

Ну а раз так — зрячий да увидит. Если увидел, поймет, как действовать. «Не забыть!» — говорил мой попутчик. Если не забудем, то рано или поздно возвратятся рисунки Альбрехта Дюрера их единственным владельцам. Ведь беспокойно на душе у наследников Лемана — разве электронный фарс не доказательство тому?

Шел на север поезд, я двигался навстречу пути через Атлантику, беседам с электронным Бобби Леманом и другим хитрым фокусам конца XX века.

И вновь скользнула по стеклу капля дождя, в которой, казалось, отражался весь мир, его смехом и слезами, восходами и закатами, рожденьями и смертью — загадочным калейдоскопом, который кем-то все же был хитро организован в целостную картину, которая кажется вполне гармоничной, хотя разные ее фрагменты порою находятся в злой вражде друг с другом. Но хоть вражда эта неизбежна, но так же неизбежна и конечная гармония.

Сверкающая капля сползала по стеклу. И думалось о разном — о том, что с огромным континентом цивилизации, называемой Европой, некоторые преждевременно поспешили попроситься, считая ее чуть ли не Атлантидой, обреченной уйти в вечные волны. Может быть, не все дети Европы были разумны, но наиболее дальновидные спохватились, попытались разобраться: не слишком ли рано прощаются они с землей, которая дала миру добрую половину легенд и героев, песен и вздохов, то есть памяти человечества. А человек пото-

му и человек, что помнит свое прошлое и пытается разглядеть будущее.

Отражались, бежали по сверкающей дождевой капле картинка — кадры из фильма Луиджи Висконти «Гибель богов», в котором так точно рассказано не только о политической, экономической, но и об эмоциональной походке фашизма.

Это загадочный фильм-воспоминание о химерах, которые вовсе не исчезли и не растаяли, а притаились, отползли в темноту, в надежде, что их еще призовут. Еще будут попытки обогреть соседей, сделать их духовно убогими, нищими, ибо повелевать можно только нищими.

Какая может быть связь между «Гибелью богов» и воспоминаниями о детстве, прошедшем в маленьком донецком городке, а затем в школе во Львове? Вроде бы никакой.

Но удивителен механизм людского сознания и памяти.

Мы, наверное, не скоро познаем, если познаем вообще, что или кто руководит отбором тех слов, образов, тех картинок, плясавших сейчас на поверхности дождевой капли, которые позднее поступят в нескоряемые сейфы той самой памяти, из-за которой весь сыр да бор.

По-разному совершались попытки лишить человечество памяти. Всегда безуспешно. Но коль скоро такие попытки совершались неоднократно, то где гарантия, что когда-нибудь не будет предпринята очередная? Крутились, неслись картинка по дождевой капле — земному шару в миниатюре.

Разные картинка — смешные и грустные, радующие и пугающие — неслись по сверкающей капле. И удивительно было понимать, что эти картинка — автопортрет Дюрера на фоне зарослей сирени во дворе того дома, где я родился и рос.

Луиджи Висконти у съемочной камеры (фотографию увидел, надо думать, в каком-нибудь киножурнале, название которого тут же и позабыл), удивительный, как сказал кто-то — поющий, профиль Ингрид Туллин, снимавшейся когда-то в «Земляничной поляне», памятной многим, и, позднее, в «Гибели богов».

Странные картинка — кадры из архива памяти — переплетались, наползали одна на другую, сшибались, путались.

А были и чистые кадры. Много чистых кадров, не-отснятых. И отснять их еще предстояло. Может быть, мне, а может быть, уже моему потомку. Память людская непрерывна, и те кадры, которые отведены для загадочного «завтра», кем-то и когда-то обязательно будут отсняты.

И отсняты с учетом «вчера» и «сегодня».

Будет ли это новой гибелью богов — фильмом, в финале которого разломают, разметут на куски хитрый электронный аппарат, имитирующий строй мысли и чувства (а были ли у него при жизни нормальные чувства?) Роберта Лемана? Не знаю. Возможно. Да так ли важно, в какой форме придет возмездие? Форм миллион. Суть, закон — неизменны. Ворованное никому не приносило счастья и покоя. И нечистая совесть чистой не становилась никогда.

Капля дождя сползла со стекла. «Вильнюс! — объявило внутреннее радио. — Граждане пассажиры, наш поезд прибыл на станцию Вильнюс».

ТРУДНЫЕ ДНИ ЛАВРИКОВА

Лавриков очнулся в больнице, когда его везли на каталке в операционную. В первую минуту не мог понять, где он, почему давит в груди и невероятно тяжело дышать. Потом в памяти всплыло: стремительно и внезапно возникшее откуда-то сбоку тупое рыло грузовика, металлический скрежет тормозов...

«Да как же это?.. Именно теперь?» — забились тревожная мысль. Лавриков попытался пошевелиться, но резкая боль пронзила его, и он застонал.

— Пострадавший, вам нельзя двигаться. — Лицо медсестры с большими круглыми глазами склонилось над ним. Он с усилием разлепил сухие губы:

— Ключи... Там ключи... — Каждое слово давалось ему с трудом.

— Успокойтесь, пожалуйста, все ваши вещи в полной сохранности. — Голос медсестры пробивался точно издалека.

Каталка притормозила у дверей операционной. Чувствуя, что опять теряет сознание, Лавриков хрипло выдохнул: «Ключи от гаража... Очень нужно»... — И провалился в темноту.

На вторые сутки после операции он пришел в себя, обвел глазами белый потолок и голые стены больничной палаты, ощутил тупую боль в теле, спеленутом бинтами, вспомнил опять все, что случилось, по-детски сморщился и заплакал.

Ближе к вечеру разрешили прийти жене, Нине Андреевне. Он увидел ее осунувшееся лицо, хотел ободряюще улыбнуться, но улыбка получилась вымученной.

— Как ты, Сереженька? — тихо спросила жена, садясь на краешек стула.

— Хорошо... Только слабость... — прошептал Лавриков, избегая смотреть ей в глаза.

Она осторожно прикоснулась губами к его горячему лбу.

— Я разговаривала с врачами. Говорят, скоро поправишься...

— Нина, какое сегодня число? — беспокойно спросил Лавриков.

— Число? 25 августа, вторник... А что, Сереженька?

Лавриков помедлил, мучительно пытаясь что-то вспомнить. Лицо его помрачнело.

— Нина... Где ключи... от гаража? Надо в гараж... Пусть придет Вася...

— Господи, Сережа, о чем ты сейчас думаешь?! — Нина Андреевна даже руками всплеснула. Но, перехватив умоляющий взгляд мужа, поспешно добавила: — Давай я сама схожу. Ты только скажи, что нужно...

— Нет... Пусть Вася, — упрямо сказал Лавриков и закрыл глаза.

Василий Савельевич Мальцев, давнишний приятель Лаврикова, появился в среду утром, отпросившись с работы.

— Не хотели к тебе пускать, Серега... Да я провался, — заговорил он прямо с порога, поправляя наброшенный на щуплые плечи халат.

— Тише, Вася, он дремлет, ему сделали укол, — сказала Нина Андреевна, дежурившая у постели Лаврикова.

— Здравствуй, Нинок... — убавил голос Мальцев и, подхватив свободный стул, сел рядом с ней. — Как он?

— Чуть лучше. Только температура...

— Ничего, Нинок, все пройдет, он же крепкий, — уверенно сказал Мальцев и повернулся к мужчине с забинтованной головой, сидевшему на соседней койке и ковырявшему ложкой в банке со сгущенным молоком. — Доброе утро, папаша. Как здесь, помирать не дают?

Лавриков открыл глаза.

— Вася... Пришел... А я вот, видишь, как... — Он часто заморгал...

— Ты что, Серега, ты что? Давай поправляйся! — успокаивающе сказал Мальцев, доставая из сумки увесистый пакет с апельсинами. — Вот ешь, Серега. Ольга прислала. Витамины.

— Вася, — слабо произнес Лавриков, — сходи ко мне в гараж.

— В гараж? — удивился Мальцев и посмотрел на Нину Андреевну. Та непонимающе пожала плечами. — Ах, в гараж! Ну да! — Василий Савельевич бодро закивал, делая вид, что ему все ясно.

— С машиной что-то, — трудно выдавил Лавриков, глядя в потолок.

— Все исполним в лучшем виде, мы клиента не обидим, — шутливо заверил Мальцев, улыбаясь товарищу. — В первый раз, что ли? — прибавил он уже серьезно. — Где ключи?

...Взяв ключи от гаража и машины, Мальцев пошел еще немного и стал прощаться, ссылаясь на уйму дел.

Оперативная группа прибыла на место происшествия в первом часу ночи. Машина свернула с освещенного асфальтированного проезда на узкую, выложенную крупным гравием дорожку в глубь темного пустыря. Автомобильные фары высветили массивное, сиротливо стоящее строение, милицейский мотоцикл, небольшую кучку людей.

Было еще по-летнему тепло, душно, то и дело погромыхивал гром.

Дудин вылез из машины первым, посмотрел на черное, мутное небо. «Только этого нам теперь не хватает», — подумал он с огорчением и, достав платок, вытер со лба первые капли дождя.

— А гроза-то с утра собиралась, — задумчиво проговорил, разминая затекшие ноги, седенький судебный медик Тарасевич. — То-то у меня весь день затылок кусало. — При этом он опасливо покосился на остановившуюся рядом поджарую черную овчарку, которую держал на поводке проводник Сатаев.

К вновь прибывшим спешил незнакомый Дудину молодой офицер милиции.

— Помощник дежурного по 17-му отделению лейтенант Петров, — представился он.

— Старший оперуполномоченный уголовного розыска капитан Дудин. Что тут у вас?

— В 23.30 гражданин Дергачев, гуляя с собакой по пустырю, обнаружил у этого строения труп мужчины в возрасте примерно 40 лет, — стал энергично докладывать лейтенант, пропуская Дудина вперед. — В верхнем кармане пиджака найдено служебное удостоверение на имя Мальцева Василия Савельевича. Работает инженером на авторемонтном заводе...

— А это что за домишко? Вроде бы трансформаторная будка, — вступил в разговор приехавший с Дудиным оперуполномоченный Поздняков. Лейтенант повернулся к нему:

— Так точно. Здесь была когда-то трансформаторная подстанция. А сейчас, как выяснилось, она используется под гараж для машины индивидуального владельца. Кто владелец — уточняем.

Сделав еще несколько шагов, они остановились. В дымных лучах автомобильных фар тускло отсвечивали металлические ворота, одна из створок была распахнута, и в глубине помещения виднелась часть багажника автомобиля, поблескивали его задний бампер и белые цифры номерного знака...

На земле, едва касаясь головой порога гаража, в неловкой позе на правом боку лежал Мальцев.

С минуту все стояли в тягостном молчании. Тишину нарушил долговязый, одетый в потрепанную фуфайку Дергачев.

— Главное, я когда через проезжую часть-то перешел, не пойму, чего это моя Тяпа лает — надрывается в ту сторону? — жарким шепотом заговорил он. — Подошел ближе — гляжу: дверь у гаража открыта и огня нет. А он вот лежит... Ну, я, значит, думал, что, может, плохо человеку или пьяный какой... потряс его...

— Потряс! Небось переворачивал? Кто просил? — недовольно пробурчал эксперт научно-технического отдела Ломейко.

— Ничего подобного! — торопливо, с оттенком незаслуженной обиды возразил Дергачев. — Я только тронул и сказал: «Эй, дядя, вставай!» А он ни звука. Я, значит, Тяпу в охапку и к дому. А там вот этот товарищ повстречался. — Он кивнул в сторону плечистого сержанта милиции с бледным, хмурым лицом.

На мгновение опять стало тихо.

— Кем установлена его смерть? — глухо спросил Дудин.

Лейтенант отчеканил:

— Минут двадцать назад приезжала «скорая помощь». Врач осмотрел тело и констатировал наступление смерти. На левой височной части головы у Мальцева имеется ранение, нанесенное, по предположению врача, тупым предметом.

Тарасевич подошел ближе к убитому, низко склонился над ним, что-то рассматривая и бормоча себе под нос.

— Кстати, обратите внимание, товарищ капитан, — продолжал Петров, освещая карманным фонариком валяющуюся в полутора метрах от умершего лопату. — Вот, видите? Есть подозрение, что ранение было нанесено именно ею. На тыльной стороне металлической части сохранились следы крови.

— Чуть посторонитесь, товарищи, — сказал Ломейко, изготавливая фотоаппарат для обзорной съемки. Щелканье затвора, вспышка, еще раз вспышка...

— Продолжайте, лейтенант. — Дудин отвернулся, чтобы не слепило глаза. — Удалось еще что-либо предвзвешенно осмотреть? Зацепки есть?

— Похоже, что есть, товарищ капитан. — Петров сошел с гравия влево и присел на корточки. — Ну-ка, сержант, дай огонька, — сказал он милиционеру, стоящему у мотоцикла. Тот крутанул руль, включил дальний свет. Подошедшие Дудин и Поздняков увидели на глинистом грунте среди высохших стебельков травы довольно отчетливые отпечатки следов обуви.

— Ты смотри! След женский. На высоком каблучке, — удивился Поздняков.

Дудин, нагнувшись, сосредоточенно взгляделся.

— Да, ты прав. К тому же она бежала. Передний край отпечатка смазан. Видишь?

Вдруг сине полыхнула молния, озарив на мгновение поросший чахлой травой пустырь.

— Сатаев! — крикнул Дудин, выпрямляясь. — Давай сюда собаку, а то к черту все смое!

— Вулкан, работай! — приказал проводник. Овчарка, азартно посапывая, опустила узкую морду к земле.

Раскатисто ударил гром. Внезапный порыв ветра сдул фуражку с головы Петрова, и она, подпрыгивая, покатилась по земле.

— Взял след, товарищ капитан! — возбужденно воскликнул Сатаев. Вулкан туго натягивал поводок, повизгивая от нетерпения.

Дудин распорядился:

— Поздняков, давай за Сатаевым! И вы, товарищ Петров, тоже с ним!

Ломейко укоризненно взглянул на небо.

— Плащ-палатка есть? — обратился он к водителю мотоцикла. — Накройте отпечатки.

— Тело не забудьте прикрыть! — фальцетом крикнул от гаража Тарасевич. — Ух, мамочки, сейчас польет!

Почти в тот же миг на пустырь обрушился ливень. В полосах света его хлещущие струи казались косо поставленным стеклянным частоколом. На разом взмокшей земле заплясали водяные пузыри.

Чертыхаясь, Дудин и Ломейко кинулись в гараж, где еще раньше укрылся Тарасевич. Остальные тесно набились в милицейский «рафик». Водитель выключил фары.

В гараже Дудин встряхнул пиджак, нащупал на стене выключатель. Однако электричество не зажигалось.

— Перегорела, наверное, — сказал Ломейко, наводя фонарь на свисавшую с потолка лампочку. — А тут просторно, — одобрил он, оглядывая стены с навесными полками, заваленными разными автомобильными принадлежностями и каким-то хламом, пару табуреток и небольшой кухонный столик, примостившийся у задней стены.

Дудин между тем подошел вплотную к машине, обернул ладонь носовым платком и отворил переднюю дверь. Свет в салоне едва мерцал, очевидно, сел аккумулятор.

— Иван Карпович! — позвал Дудин. — Надо здесь внутри поискать. Должны быть пальцы.

— Одну минуточку, Андрей Борисович! — оживленно откликнулся Ломейко. — А сюда вам не угодно взглянуть?

В желтом пятне фонаря Дудин различил на пыльном каменном полу возле стены отпечатки женских туфель. По внешнему виду следы были точно такие же, какие они обнаружили на грунте.

— Чувствуете! Идентичные! — обрадованно сказал Ломейко. — А вот здесь — видите? Следы мужского ботинка!

Некоторое время они молча осматривали помещение гаража.

Гроза стала постепенно стихать, залпы грома звучали все реже и глуше, и дождь заметно ослабел. Где-то совсем рядом заурчал мотор автомашины, раздались голоса.

Дудин поспешил выйти наружу. В шагнувшем к нему невысоком человеке с усами на худощавом лице и в надвинутой на лоб шляпе он узнал следователя прокуратуры Головачева. Они поздоровались.

— Убийство? — спросил Головачев низким голосом, становясь под навес крыши и внимательно вслушиваясь в то, что негромко рассказывал Дудин.

Тем временем дождь прекратился, небо слегка очистилось и кое-где несмело проглянули высокие мирные звезды. От земли потянуло свежей, бодрящей сыростью. Снова вспыхнули фары автомобилей.

— Кругом лужи, — недовольно пробурчал Тарасевич. — Явный дискомфорт. — Он осторожно снял намокшую плащ-палатку с убитого.

Маленькая фигурка на мокром белом гравии... Головачев с щемящей остротой ощутил ее противоестественную каменную неподвижность. Досадливо кашлянув, сказал, ни к кому не обращаясь:

— А у меня некстати радикулит разыгрался. Будь он неладен.

И тут же, должно быть устыдившись неуместной жалобы, сухо прибавил:

— Ну что ж, давайте работать. Понятые приглашены?

СВИДЕТЕЛИ

1

— Я все понял, Нина Андреевна. Ясно, почему Мальцев оказался возле гаража вашего мужа.

— Разве Сережа вам этого не объяснил? Вы же были в больнице...

— Видите ли, Нина Андреевна, мы имели в виду обстоятельно с ним побеседовать. Но, увы! Врачи воспрепятствовали... — Он замолчал, делая пометку в блокноте.

Они сидели в просторной, но неуютной комнате, обставленной современной мебелью, около коротенького журнального столика. В низком глубоком кресле росло-

му Дудину было тесно и неудобно, он не знал, куда девать свои длинные ноги. К тому же тянуло курить, но попросить разрешения стеснялся...

Пауза затягивалась.

— У вас есть еще ко мне вопросы? — Голос Нины Андреевны звучал нетерпеливо. Сидевший перед ней молодой мужчина далеко не соответствовал ее представлению о сотруднике милиции. Круглое лицо, пухлые губы, мясистый нос, глазки блекло-голубого цвета. Мешковат, медлителен, учив. «Увалень. Что он может?»

«Главные-то вопросы еще впереди, — думал тем временем Дудин. — Только не хочется задавать их именно ей. Насколько проще было бы спросить самого Лаврикова! Говорил ведь Позднякову: будь поаккуратней!»

Он вспомнил, каким обескураженным выглядел Поздняков, придя из больницы. Стоило ему намекнуть, что с Мальцевым произошло несчастье (про смерть, разумеется, и речи не было), как Лаврикову сделалось плохо, прибежал врач, беседу пришлось прекратить. Внутренне Поздняков поругивал себя, что не учел состояния больного, но внешне держал себя так, будто Лавриков попросту сыграл с ним неумную шутку, лишившись сознания в самый неподходящий момент. Признаться публично в своих промахах, пусть даже мелких, было для Позднякова мукой. Он вообще был самолюбивый и упрямый парень, этот Поздняков.

— Нина Андреевна, у нас есть основания полагать, что к смерти Мальцева причастна женщина, — сказал наконец Дудин.

...Вчера ночью и сегодня утром при повторном осмотре места происшествия удалось обнаружить, кроме следов обуви, отпечатки пальцев на рулевом колесе и дверцах «Жигулей», окурки со следами губной помады на полу гаража и в пепельнице автомобиля, завалившийся под переднее сиденье позолоченный крестик на цепочке. На пустыре была найдена выпачканная грязью брезентовая рукавица, ее на всякий случай тоже приобщили к делу. Наконец, были получены свидетельские показания жильцов близлежащих домов Клюевой и Ермолина, которые видели, как в среду, 26-го, примерно в 9 часов вечера, со стороны пустыря, пошатываясь, бежала молодая женщина с растрепанными белокурыми волосами. Двигалась она в направлении перекрестка

Северного проезда и Красноармейской улицы. Именно там, в людном месте, служебная собака потеряла след.

— Женщина?! Но, простите, как она оказалась у гаража?

«Хотел бы я знать, — подумал Дудин. — У Мальцева исчез бумажник с документами и деньгами, с руки сняты швейцарские часы. Похоже, что убийство с целью ограбления. Совершенное женщиной? Или она была не одна?..»

— Это вопрос, на который мы сами ищем ответ. Скажите, вам не приходилось встречать среди знакомых Мальцева женщину среднего роста с белокурыми волосами? Губы красит, на шее может носить позолоченный крестик с цепочкой.

— С белокурыми волосами? — Нина Андреевна всем своим видом дала понять, что находится в полном неведении.

«Выходит, никто этого не знает. Ни она, ни жена Мальцева, ни его сослуживцы. — Дудин удрученно зашевелился в кресле. — Если отпадет факт знакомства неизвестной с Мальцевым, то, может, она связана с Лавриковым?! Но как она проникла в гараж, когда доподлинно установлено, что еще в воскресенье, 23-го, в 17 часов Лавриков был сбит самосвалом, перебегая дорогу в неполюженном месте?»

— Нина Андреевна, вы или ваш муж случайно не давали дубликатов ключей от гаража кому-нибудь из своих знакомых?

Он вдруг увидел, как она побледнела.

— У меня ключей не было. А мой муж вряд ли стал бы их кому-нибудь передавать. Слишком он оберегает это свое гаражное заведение. Оно досталось ему вместе с машиной после смерти отца, инвалида войны.

— Понятно. А какие сигареты курит ваш муж?

— Он вообще не курит. Он физкультуру в школе преподает. Бережет здоровье. Но для друзей у него в машине всегда есть «Мальборо».

— В воскресенье вы с ним в машине никуда не ездили?

— Нет. Он ездил один. Я навещала родных.

— Ясно. — Дудин сделал паузу. — У меня есть еще один вопрос, несколько щекотливый... Скажите, ваш муж мог бы быть знаком с женщиной, соответствующей нашему описанию?

Нина Андреевна криво взглянула на него. Показа-

лось, что глазки увальня вспыхнули и сделались неприятно цепкими. Что ни говори, а он попал в самую точку, и опять заныла, засвербила старая рана. Узкими пальцами она нервно теребила пуговицу шерстяной кофты, накинутой на плечи.

Почувствовав ее замешательство, Дудин твердо сказал:

— Это очень важно, Нина Андреевна.

Она с горечью вздохнула, заговорила, опустив глаза:

— Что ж скрывать... Есть это за ним... Мы ведь в одной школе работали. Я математику преподаю. И вот перешла в другую школу, чтобы сослуживцы мне глаза не кололи. — Нина Андреевна печально глянула на Дудина. — Гуляет он. Я, наверное, давно бы развелась, да как подумаю: кому я нужна?.. С ребенком... — Она невесело усмехнулась. — А насчет женщины... Я догадываюсь, кто это... Боже мой, какой стыд! Мне казалось, что он с ней порвал!

— Кто она? — быстро спросил Дудин.

— Аська Вьюнова! — почти с ненавистью выкрикнула Нина Андреевна. — Парикмахерша в салоне на Почтовом проспекте. Я всегда была уверена, что она способна на все!

...На улице Дудин позвонил из автомата жене: «Ира, как дела? Танюшка здорова? Я сегодня задержусь... ненадолго. Так что не скучай. Ладно? Целую».

И на работу: «Поздняков? Хорошо, что я тебя застал. Срочно нужны данные на Вьюнову Асю, примерно 1955—1957 года рождения, работает в салоне-парикмахерской на Почтовом проспекте. Я сейчас приеду».

2

— Ой, вы меня утомили! Лавриков! Да я его год как не видела! Вспомнил дед про репку! Ха-ха! — заливалась Ася Вьюнова — молодая, смазливая, дерзкая.

Дудин понимал, что пришел не вовремя. В квартире было полно гостей, гремела музыка, то и дело на кухню прибегали любопытствующие: «Ася, ты скоро?»

— А где вы были вечером в воскресенье 23 августа? — спросил он, глядя на ее модные, вишневого цвета туфли. Размер их был явно больше тех, что оставили следы на пустыре. Впрочем, он и не ждал немедленного успеха. В показаниях Нины Андреевны в от-

ношении Аси явно проскальзывала предвзятость. Головачев тоже обратил на это внимание, когда Дудин согласовывал с ним свой визит к Вьюновой.

— В воскресенье? У нас с работы была экскурсия в Ленинград. В пятницу уехали, в понедельник приехали.

— Кто может подтвердить?

— Леня! — громко и капризно позвала Вьюнова, выглянув в коридор. — Поди сюда скорее!

Вошел, держась за стенку, широкий в бедрах толстяк в белой рубашке и джинсах.

— Мой муж. Рекомендую, — сказала Ася тоном продавца, рекламирующего залежалый товар. — Мы, правда, еще не расписаны... — Она с нарочитой скромностью опустила подсиненные ресницы. — Так вот, Леня тоже был на экскурсии. И еще двое тут у нас.

— В отношении экскурсии мы проверим, — официальным тоном пообещал Дудин.

Но реакция была нулевая. Оставалось задать последний из приготовленных вопросов.

— Скажите, Ася, а вы не знаете, у Лаврикова не было еще знакомых женщин, похожих внешне на вас — я имею в виду...

— Таких же очаровашечек? Нет, таких не было. — Она опять захохотала.

«Очаровашечек!» — Дудин не мог сдержать иронической улыбки.

— А если серьезно?

— Если серьезно, то не знаю. Мало ли он с кем встречался!

— Так, так... А вам, Вьюнова, не приходилось бывать у Лаврикова в гараже?

Ася после минутного колебания ответила, бесшабашно усмехаясь:

— Приходилось. А что?

— Случалось, что он оставлял вас в гараже одну?

— Ну и что? Он в магазин бегал... Леня, не ревнуй, я тебе об этом рассказывала. — Холеной рукой с бриллиантом на пальце она потрепала мужчину по щеке.

— Товарищи, ну как не стыдно-о-о! — жеманно пропела, входя на кухню, длинная тонкая девица с малиновыми губами. И накинулась на Дудина: — Зачем вы у нас похитили хозя-а-а-йку? Гости бунтуют. — В комнате и в самом деле стали скандировать: «Ася! Ася!»

— Слушайте, Вьюнова, явитесь к нам, чтобы записать ваши показания. Вам пришлют повестку.

И Дудин пошел к двери.

На следующий день Дудина и Позднякова вызвал к себе начальник уголовного розыска подполковник Ковалев. Он сидел в кресле, возвышаясь над полированной гладью стола, массивный, чисто выбритый, с крупным лысеющим лбом, на котором застыли круто изогнутые брови. Лицу подполковника это придавало выражение постоянного легкого недоумения.

— Докладывайте, — коротко бросил он, жестом приглашая их садиться.

Дудин стал докладывать о последних событиях, изредка заглядывая в блокнот. Неудачная попытка опросить Лаврикова... Показания его жены, Нины Андреевны... Разговор с Вьюновой... Поиски дополнительных свидетелей в жилом секторе... Данные о Мальцеве, полученные у него на работе: хороший производственник, активный общественник, не пил, в семье отношения нормальные, ни с кем не ссорился, врагов не имел...

Подполковник выслушал, произнес скучно:

— Результаты экспертизы?

— Согласно предварительному заключению смерть Мальцева последовала примерно в 21—21.30, — неторопливо проговорил Дудин. — Потерпевшему было нанесено два удара лопатой, обнаруженной на месте происшествия. Второй удар оказался смертельным. Следов пальцев на лопате, к сожалению, обнаружить не удалось. Однако установлено, что отпечатки пальцев, оставленные в салоне «Жигулей», и следы обуви в гараже, принадлежат как самому Лаврикову, так и неизвестному нам лицу, предположительно женщине. Очевидно, той, которая оставила там же окурки сигарет.

Подполковник исподлобья с интересом посмотрел на Дудина.

— Очень оригинально, — сказал он, поиграв бровями. — Ваши соображения?

— Основываясь на анализе полученных данных, наиболее реальной является следующая версия. — Дудин взглянул на смиренно сидевшего Позднякова, как бы заручаясь его поддержкой. — Лавриков, будучи ка-

ким-то образом знаком с неизвестной нам преступницей, приводит ее в свой гараж, потом на время отлучается — возможно за бутылкой, а дверь запирает. По дороге с Лавриковым происходит несчастный случай. Но, придя в себя в больнице, он вспоминает о гараже и просит Мальцева пойти туда. Объяснить суть дела Лаврикову не удастся, поскольку в это время у постели находится его жена. Мальцев вечером приходит к гаражу, открывает двери и...

— Постой, постой, — брови полковника еще круче поползли вверх. Теперь он уже действительно недоумевал. — Ты что же, считаешь, что она почти три дня сидела взаперти? Без воды и пищи?

— Получается так. Вода у нее, правда, была. Нескольких бутылок тонизирующего напитка «Байкал».

Ковалев не уступал:

— И что же, по-вашему, никто ее не слышал? Она же небось такие концерты закатывала!

— Товарищ подполковник, гараж расположен в отдалении от жилого массива. Конечно, она стучала, звала на помощь, сигналила. Однако у строения толстые стены. У нас имеются показания свидетельницы Кузиной, что 25 августа ее муж, Кузин Владимир Анатольевич, гуляя на пустыре с собакой, слышал в гараже какие-то звуки. Но, зная, что гараж посещают компании, он не придал этому значения. Самого Кузина опросить не удалось, поскольку он находится в заграничной командировке.

Подполковник поднялся из-за стола. Дудин и Поздняков пружинисто вскочили со своих мест.

— Сидите, сидите! — проворчал Ковалев, расхаживая по комнате все с тем же недоуменным выражением лица. Затем остановился напротив Позднякова. — Значит, вы оба полагаете, что Мальцев открыл дверь гаража, выпустил эту тетю, а она взяла да в порядке благодарности огрела его лопатой. Так, что ли?.. Мотивы, мотивы ее каковы?

Дудин, обменявшись взглядом с Поздняковым, не смог сдержать обескураженного вздоха.

— Вот здесь слабое место. Мы еще многого не знаем. Сколько времени подозреваемая находилась с Мальцевым? Знакомы ли они? Была ли у них какая-либо беседа или ссора? Хотела ли она его убить или это случилось непредумышленно, сгоряча?

Поздняков привстал со стула.

— Разрешите, товарищ подполковник? Я так понимаю, что, если бы она просто хотела сорвать на Мальцеве свою злость, то стукнула бы и ушла! А она ведь еще хладнокровно ограбила!

Ковалев налил из стоявшего на подоконнике графина воды в стакан, залпом выпил.

— Да, загадочка. Но тем больше активности мы должны проявить! Надеюсь, понятно? — И уже более спокойным тоном: — Как с Лавриковым?

— Пока никак, — ответил Поздняков уныло. — Врачи все еще запрещают допрашивать его.

— Нескладно получилось... Дудин, меры для розыска вещей Мальцева приняли?

— Меры принимаем. Все комиссионные магазины нами предупреждены на тот случай, если им станут предлагать часы, похищенные у Мальцева.

— Так, хорошо. А сведения о заявлениях в отношении без вести пропавших запрашивали? Ведь если она три дня домой не приходила, родственники наверняка забеспокоились. Далее. На случай, если она приезжая, проверьте гостиницы, общежития. Действуйте, товарищи!.. Не мне вас учить, Дудин... Да, вот еще что. — Ковалев потер ладонью выпуклый лоб. — Позвоните в прокуратуру Головачеву, доложите ему о результатах.

Легко сказать: найти эту женщину! А как? Где? Дудин начинал злиться, что в общем-то ему было несвойственно. Но сейчас его удручало сознание собственного бессилия. Прошло еще несколько дней, а они не сдвинулись с мертвой точки. Ни дополнительная отработка жилого сектора, ни различные проверки и другие оперативные действия не дали результатов. Нет никакой женщины. Как сквозь землю провалилась.

Что сказать начальству! Ведь Ковалев с плохо скрываемым нетерпением вскидывал брови и смотрел на Дудина почти осуждающе: что же ты, мол? Такой удачливый сыщик, а здесь прокол.

И вдобавок Головачев каждый день душу мотает: «Ну, чего, мужики? Есть новости?» «Чаво, чаво, — в сердцах передразнивал Дудин. — А ничаво». Иссякли мужики. Тупик... И опять возмущение и злость на себя: как это так — не можем? Ведь она где-то ходит!

Но настал все-таки момент, когда Ковалев, оглядев Дудина так, будто видел его впервые, раздумчиво изрек: «Везучий ты, однако, парень, Дудин. И за что тебя фортуна любит?» — «За старание!» — ответил Андрей. Посмеялись.

А произошло вот что.

В один из дней, пребывая в унылом настроении, Дудин после работы не поехал домой (Ирина была на курсах иностранных языков, Танюшка — у бабушки), а заскочил к своему товарищу — Вадиму Антошину, с которым когда-то учился в юридическом институте.

Антошин занимал должность заместителя начальника отделения милиции в окраинном районе города. Увидев друга, он обрадовался, скоренько завершил неотложные дела и предложил зайти к нему в гости.

К автобусной остановке пошли проходным двором мимо дощатого забора и низеньких обветшалых домиков. Начинало смеркаться. Вдалеке, между домами, багрово пылало закатное небо, предвешавшее ветры и осеннюю стужу.

— Понимаешь, — делился своими заботами Дудин, — никаких следов. Куда она могла подеваться, ума не приложу!

Антошин открыл рот, словно желая что-то сказать, но промолчал. Тут в узкой каменной арке ворот им навстречу попался мордастый старикан. Одет он был в зеленую ковбойку, расстегнутую на груди, довольно засаленный пиджак и мятые брюки. Приметив Антошина, старикан широко заулыбался, скаля прокуренные зубы.

— Вадим Михалыч, мое почтение!

— Все гуляешь, дедуля? — осуждающе спросил Антошин, замедляя шаг. — Когда угомонишься? Уж скоро семьдесят!

Старикан и ухом не повел, только оскалился еще больше.

— Ты, Михалыч, моих годков не трогай. Понял?

Антошин, остановившись, поинтересовался.

— Нашлась твоя Томка?

— А как же! — Старикан просто сиял довольством. — Нет, ты послушай, Михалыч. Пришла, значит, голодная. Значит, на дачу на какую-то приехали, на острове. А у них катер сломался...

Антошин презрительно покривился.

— Э-эх! На дачу, на катере... Небось опять у какого-нибудь хахалы ночевала...

— Чево ж он ее не покормил-то? — дед, казалось, был искренне изумлен столь низким уровнем сервиса.

— Не знаю, что и чего, только еще раз тебе говорю: пропадет девка. Когда ее родители возвращаются?

— А кто их знает! — Артюхов заскорузлой ручищей поскреб затылок. — Может, на будущий год.

— Ничего ты, Николай Тимофеевич не знаешь. В общем, я тебя предупредил... — Антошин повернулся к нему спиной. — Пошли, Андрюша.

Пройдя немного, Дудин, посмеиваясь, спросил:

— Чем это он тебя донимает?

— А ну его! — Вадим скорчил гримасу. — Понимаешь, Томка, внучка его, симпатичная девчонка. Родители на Крайнем Севере, оставили ее вот на этого обормота. А он попивает. Бабка-то у него в прошлом году умерла. И Томка загуляла. На работе, куда ни устроится, больше двух-трех месяцев не задерживается, домой ночевать не приходит. А дед этот, как ее нет, так ко мне: ищите, мол! Последний раз в прошлый понедельник прибегал.

Дудин спросил чисто по инерции:

— Его заявление у вас по сводкам проходило?

— Да она на неделе по несколько раз дома не ночует. Что ж, каждый раз учинять розыск? — вознегодовал Антошин. — Не дали мы ходу его заявлению.

Что-то неуловимое, вроде мгновенной жаркой дурноты, опахнуло Дудина. Он точно в землю врос.

— Ты эту девчонку видел? Как она выглядит?

— Томка? — удивился Антошин, тоже остановившаяся. — Обыкновенно. Среднего роста, светленькая, волосы распущены, лицо овальное, носик прямой, глазенки голубенькие, нахальные, уши...

— Вадим!! — рявкнул Дудин так, что на них оглянулись прохожие. — Давай сюда этого деда!

Они бегом вернулись назад, проскочили под арку, завернули за угол, на улицу. Дед стоял у дверей продуктового магазина и целенаправленно шарил в карманах пиджака.

— Николай Тимофеевич, — сказал Дудин, еще не веря в неслыханную удачу и с надеждой всматриваясь в его выцветшие, с красными прожилками глазки, — прошу вас, вспомните хорошенько, в какие дни на той неделе ваша внучка не ночевала дома?

Старикан придиричиво обозрел незатейливый костюмчик Дудина, покосился на хорошо подогнанную милицейскую форму и новенькие капитанские погоны его спутника, как бы соображая, кому отвечать?

— Какие дни? — переспросил он, собирая в складки и без того морщинистый лоб и шевеля губами, словно считая. — Значит, так... Ушла она в субботу... Нет, в ру. В воскресенье. В то... позапрошлом.

— Позапрошлом воскресенье было двадцать третьего августа. Так? А когда она пришла?

— А пришла... Кажись, в ту же среду вечером.

— Это двадцать шестого? Вы точно помните? — наседали Дудин.

— Я же тебе говорю: в среду вечером. У меня память еще дай бог! — Николай Тимофеевич скрюченным пальцем постучал себя по лбу.

— Голодная?

— Голодная, как кошка, — радостно согласился Артюхов. Ситуация явно его забавляла.

— А где она сейчас? — спросил Антошин. Волнение Дудина передалось и ему.

— Кто? — Дед беззастенчиво тянул резину, упиваясь тем, что накоротке беседует с представителями власти на виду у шастающих мимо в магазин и обратно его местных знакомцев.

— Да Тамара, внучка! — почти кричал Дудин.

Дед стойко держал паузу, кивками отвечая на приветствия приятелей.

— Томка-то? Так она уехала.

Дудин аж взвился.

— Куда уехала?! Когда?!

— Так через день и уехала. У ей же подруга в самолетной кассе служит.

— Тьфу ты, черт! — огорошенно сплюнул Дудин. — Куда конкретно, не сказала?

Артюхов в раздумье потеревил нос.

— Наутро звонила по телефону какому-то Гоге. Так и так, мол, хочу приехать. Куда, не сказала... А на кой хрен она ему нужна? Он кто? — обратился дед к Антошину, бесцеремонно ткнув пальцем в Дудина.

— Мегрэ местного значения, — серьезно сказал Вадим. — Кстати, не знаешь, как зовут эту подругу твоей Томки? В какой кассе она работает?

— А шут ее знает. А зовут Лариса... как ее... Зинченко.

Дудин взглянул на часы. «Успеем ли сегодня разыскать эту Зинченко?» Спросил торопливо:

— Николай Тимофеевич, Тамара имела при себе золоченый крестик на цепочке?

Дед недоверчиво воззрился на небо.

— А ты откуда знаешь? Во дела! Она энтог крестик, можно сказать, целый день искала. Бабка, жена моя, покойница, царствие ей небесное, подарила. Нашелся, что ли, крестик?

Наутро Николай Тимофеевич Артюхов опознал предъявленный ему крестик, который был найден в машине Лаврикова, как принадлежащий его внучке Артюховой Тамаре Алексеевне, 1963 года рождения, в настоящее время нигде не работающей.

Из протокола допроса свидетельницы Зинченко Ларисы Матвеевны, 1955 года рождения.

«По существу дела могу показать следующее. В четверг 27 августа около 12 дня ко мне на работу пришла моя знакомая Артюхова Т. А. и сказала, что ей срочно нужен билет на самолет на 28 августа до Адлера. На мой вопрос о причине поездки ответила, что летит отдыхать и что Гоги обещал ее устроить в гостинице в Гагре. Знаю, что Гоги — это Георгий Ломидзе, который встречается с Тамарой. Слышала от Тамары, что Ломидзе живет в Гагре, но адрес его мне неизвестен. Работает он, со слов Тамары, продавцом в универмаге».

Сразу же после допроса Зинченко в органы внутренних дел города Гагры был послан запрос в отношении Георгия Ломидзе и его связей с подозреваемой Артюховой Т. А. В ответе, полученном спустя полутора суток, указывалось, что Ломидзе Георгий Давидович, 1960 года рождения, действительно является жителем города Гагры и работает товароведом в продуктовом магазине. Факт знакомства с Артюховой Т. А. категорически отрицает. Однако он появлялся на городском пляже в обществе молодой женщины, схожей по описанию с Артюховой. Учитывая серьезность обвинения, выдвинутого против Артюховой, за Ломидзе установлено оперативное наблюдение.

Дудин летел утренним рейсом в Адлер.

«Завершить бы это дело и махнуть в отпуск, — размышлял он, глядя через иллюминатор на простиравшуюся внизу белую пену пухлых ослепительно сияющих облаков. — Я же еще не отгулял за прошлый год... Уехать куда-нибудь к морю и не терзаться, что из-за какой-то девчонки прерывается жизнь солидного человека, остаются вдовой его жена и сиротой его ребенок».

Он достал из бокового кармана пиджака фотографию Артюховой, взятую у ее деда, в который раз стал рассматривать юное и чистое лицо. «Непостижимо. Не верится».

Дудин вспомнил, как Поздняков, разглядывая эту фотографию, мрачно сказал: «И чего в жизни все так сложно? Милое дело в балете: вот тебе лебедь Белый, а вот лебедь Черный. Все понятно. А тут! Нет, ты посмотри на ее личико. Это ж без пяти минут ангел...» Поздняков во всем любил ясность и терпеть не мог говоломолок.

А в данном случае как раз приходилось ломать голову. Сопоставляя факты, Дудин все больше склонялся к тому, что Артюхова ошиблась и приняла Мальцева за Лаврикова. Ошибка стоила Мальцеву жизни. Но дальше опять были сплошь «белые пятна». Знавшие Тамару в один голос утверждали, что она была взбалмошной и, всплыв, могла натворить глупостей. Но такое! Нет, говорила Зинченко, не может Тамара причинить зло. Если она и поехала с Лавриковым, то без всякой задней мысли, исключительно для... — она замялась, — ну, вы понимаете... для флирта.

«Значит, ударить могла?» — допытывался Дудин. «Могла, на все иногда находило. А вот убить — нет. И ограбить — тоже», — упорствовала Зинченко.

«Может, там был кто-то еще», — думал Дудин, в который раз анализируя обстоятельства дела. Сейчас ему вспомнилось, что Головачев не исключал возможность наличия у Артюховой сообщника (или сообщницы). Иначе, развивал он эту идею, чем объяснить, что на лопате вообще не оказалось отпечатков пальцев? Кто-то их стер? Вряд ли бы это сделала сама Артюхова, изрядно кругом наследившая.

Дудин привык доверять интуиции Головачева, но тут

что-то не вязалось. «Сообщник, который исчезает бесследно, вероломно подставляя ее под удар. Он что — настолько уверен в ней, в ее молчании? — рассуждал Дудин. — Нет, тут что-то не так».

— Тут что-то не так, — сказал он громко, стукнув себя кулаком по колену, и, поймав удивленный взгляд стюардессы, разносившей на подносе минеральную и фруктовую воду, застенчиво улыбнулся.

Дудин не знал, что в это самое время Поздняков сидел возле койки Сергея Лаврикова, которому врачи наконец разрешили давать показания, и предъявлял ему точно такую же фотографию.

— Она, — сказал Лавриков глухо и зажмурился, как бы пытаясь избавиться от наваждения.

— Итак, вы ехали из аэропорта, где провожали друзей, а она проголосовала и попросила вас довести ее до города. Что дальше? — с подчеркнутой корректностью спросил Поздняков.

— Я вижу: симпатичная девчонка, отказать трудно было, понимаете? — Лавриков искательно посмотрел в лицо посетителя. Но оно было вежливо-непроницаемым. Сергей подавил жалобный вздох. — Ну, я и посадил. «Как зовут?» — спрашиваю. Она говорит: «Виолетта».

— Как, как? — живо переспросил Поздняков.

— Виолетта. А что?

— Так, продолжайте. — Поздняков сделал пометку в блокноте.

«Чего же продолжать, — уныло подумал Лавриков, — и без того все ясно. Просто она мне напомнила Аську Вьюнову. Если бы знать, что так случится!» — От мысли о том, что предвкушаемая им приятная забава негаданно обернулась катастрофой, горло, точно арканом, захлестнуло жгучей обидой. Он шумно и часто задышал, стыдась пустить слезу в присутствии этого подтянутого, холодноватого оперуполномоченного.

В палате они сегодня были одни. Поздняков обвел скучающим взглядом пустые койки, тумбочки с газетами и книгами, перевел взгляд на окно, по которому надоедливо барабанил студеной противный дождь. Глядя на бегущие по стеклу извилистые ручейки, он пытался представить, что за погода сейчас в Адлере, куда улетел Дудин. С каким бы удовольствием он рванул вместе

с ним! А приходится, думал Поздняков, сидеть у постели этого бедолаги...

Уловив весьма далекое от сантиментов настроение оперуполномоченного, Лавриков с придыханием заговорил опять:

— Я ее в шутку спросил, как будем рассчитывать? А она: как, говорит, хотите... Ну, я и не устоял. Говорю, раз так, может, заедем ко мне в гараж, посидим, потолкуем. Я надеялся, что у меня в загашнике должно быть кое-что, а как приехали, оказалось, что нет. Я ей и говорю: сейчас, мол, на пять минут отлучусь в магазин, а ты пока посиди. Запер дверь, дурак, боялся, что передумает и уйдет... — Лавриков грустно сморщился.

— Как вы думаете, почему она ударила Мальцева, — спросил Поздняков.

— Да не его она! — заволновался Лавриков, пытаясь приподняться. — Это она в меня метила... Обозналась в темноте. — Ему больно кольнуло в груди, и он, прикусив губу, осторожно вернул тело в прежнее положение. Когда боль стихла, он сказал робко: — Я вот вас о чем хочу просить. Можно, чтобы о моих показаниях жена не узнала. Жалею я ее очень...

— Раньше надо было жалеть, Лавриков, — отрезал Поздняков.

2

В аэропорту Адлера Дудина встретил молодой стройный рыжеватый мужчина в шегольском твидовом пиджаке.

— Цурцумия, — протянул он руку. — Как долетели?

— Нормально. — Дудин, пожимая маленькую сильную ладонь, весело оглядел зеленеющие на горизонте горы. — А у вас благодать. — Он расстегнул ворот рубашки и подставил лицо теплomu ветерку.

— С погодой везет пока. Приезжайте отдыхать.

— Приеду, — охотно пообещал Дудин, щурясь от избытка солнечного света. — Как там наши подопечные?

Цурцумия открыл дверцу милицейской машины.

— Одно время исчезли, а вчера объявились. Знаете где? — Он назвал небольшой курортный городок. — Поселились в гостинице. И паспорта предъявили. Все

точно: Ломидзе и Артюхова. Тамошние товарищи предупреждены. — И, садясь рядом с Дудиным, предложил: — Заедем сначала к нам? Сообщение для вас поступило. Ваш Лавриков заговорил.

А через несколько часов они въезжали в живописное местечко, где разлапистые сосны близко подступали к самому морю. На тенистой площади их поджидали трое.

— Все в порядке. Объект на пляже, — доложил начальник местного отделения милиции. В широченной розовой рубаше навывпуск и соломенной шляпе, он походил на традиционного курортника. — Будем брать сейчас, нет? Моя команда готова. — Его быстрые глазки-маслины оживленно заблестели.

Стоявшие тут же двое поджарых, спортивного вида молодых людей скромно наклонили головы в знак полного единодушия с мнением руководства.

— Хочу предупредить: нами установлено, — при этих словах начальник отделения горделиво посмотрел на Цурцумия, — нами установлено, что Ломидзе имеет при себе оружие и может оказать сопротивление.

Дудин облизнул пересохшие губы.

— Тогда операция на пляже исключается. Слишком много народу.

— Лучше подождем, — сказал начальник. — Куда денутся? Скоро в ресторан поедут. Кушать надо. — Он издал ртом чмокающий звук, выказав при этом на пухлом лице высшую степень блаженства. Все понимающе заулыбались.

— Где его автомобиль? — спросил Дудин.

— Вон стоит, — один из молодых людей показал на примостившиеся возле могучего платана новенькие «Жигули» последней модели. — А справа авто — это наша.

— Виктор! — крикнул Цурцумия водителю белой «Волги», на которой они приехали, — заблокируй его! — И, поворотившись к Дудину: — Значит, договорились? Ломидзе мы берем на себя, а за вами — подружка.

Они шли медленно, разморенные жарким солнцем. Все было решено, завтра утром они едут еще дальше на юг, куда-то в глушь, где можно без тревог отсидеть-

ся. Гоги Ломидзе, довольный, обнимал девушку за плечи. В свободной руке он держал спортивную адидасовскую сумку, из которой завывал транзистор.

На автомобильной стоянке их ждал неприятный сюрприз. Какой-то разгильдяй так умудрился поставить свою «Волгу», что она полностью загородила выезд их машине. Чуть в стороне двое мужчин, по виду отдыхающие, увлеченно спорили.

Поодаль, на автобусной остановке, толстяк в просторной розовой рубашке навывпуск обмахивал себя платочком.

Гоги возмущенно скрипнул зубами.

— Эй! Зачем так поставил? Чья машина?

Мужчины, оборвав на полуслове спор, обернулись.

— Мешает, да? — участливо спросил один из них, с рыжей шевелюрой. — Извини, пожалуйста.

И оба заспешили к своей машине, как бы желая поскорее исправить ошибку. Но, проходя мимо Гоги, они неожиданно резко и цепко схватили его за руки и стиснули с боков.

— Э! Ты что?! С ума сошел! — вскрикнул Гоги, роняя сумку и тщетно пытаясь вырваться. Ему что-то сказали по-грузински, он разом сник и позволил без промедления впихнуть себя в «Волгу».

Еще не успев толком ничего осознать, Артюхова инстинктивно рванулась с места — бежать, бежать без оглядки! Но в ту же секунду кто-то мощно и властно сжал ее руки.

— Артюхова? Вы задержаны.

Она пошатнулась, взвизгнула, глядя испуганно снизу в ставшее жестким лицо Дудина. Он подтолкнул ее к открытой дверце подрулившего «Москвича».

— Уголовный розыск. Советую не дурить.

— Пустите, мне больно! Я кричу! — Она еще надеялась выкрутиться.

— Плохо кричишь. Кричи, как ишак, да? — благожелательно посоветовал, становясь рядом, толстяк в розовой рубашке.

Артюхова всхлипнула и, сжавшись, забралась в машину.

«Все! Дело, кажется, сделано», — облегченно подумал Дудин, взглянув на часы. С начала операции по задержанию прошло три минуты.

Но он ошибался. Дело только начиналось.

Из показаний гр-на Ломидзе Георгия Давидовича, 1960 года рождения.

«Я познакомился с Артюховой Т. М. в 1982 году, когда она отдыхала на море. Она мне нравилась, и я хотел на ней жениться. В четверг, 27 августа, она мне позвонила и сказала, что хочет ко мне приехать на месяц. Она прилетела в пятницу и жила у меня без прописки. На вопрос работников милиции, кто у меня живет и знаю ли я Артюхову Тамару, я ответил, что живет моя дальняя родственница из Ленинграда, а никакую Тамару я не знаю. Я так ответил потому, что меня задело вмешательство милиции в мою личную жизнь. Кроме того, Артюхова говорила, что ее зовут Виолеттой, и я ее так всегда называл. После того, как я рассказал об этом разговоре Артюховой, она попросила меня увезти ее куда-нибудь в другое место. На мой вопрос: почему ею интересуется милиция, она ответила, что в городе, где она живет, один мужчина к ней сильно приставал, и она была вынуждена его ударить лопатой. Кто этот мужчина и серьезно ли он пострадал, она не говорила. Изъятое у меня при обыске самодельное огнестрельное оружие типа «пистолет» я изготовил сам и имел при себе для самозащиты, так как Артюхова сказала, что ее ищут и хотят наказать дружки того мужчины, которого она ударила».

Показания Ломидзе, в сущности, ничего нового не дали. Дудин ждал, когда приведут Артюхову. В маленькой комнате отделения милиции, которую ему отвели для допроса, дышать было нечем, рубашка на спине взмокла, и хотя на столе надсадно стрекотал вентилятор, толку от него не было никакого.

После часа, проведенного в изоляторе временного содержания, куда ее поместили не без умысла, чтобы, как выразился Цурцумия, «остудить горячие мозги», Артюхова выглядела слегка поблекшей. Тем не менее, поймав изучающий взгляд Дудина, она передернула плечами и уселась на стул, высоко закинув ногу на ногу.

— За что меня арестовали? Я буду жаловаться! Не имеете права!

Дудин посмотрел ей в глаза. Девчонка бравировала, но заметно было, что больше со страху.

— Во-первых, сядьте приличнее, Артюхова. И ведите себя скромнее, — сказал он строго. — А во-вторых, здесь вопросы задаю я. Так вот, первый вопрос. Вы ушли из дома в воскресенье, 23 августа, в двенадцать часов дня и вернулись лишь в среду в одиннадцатом часу вечера. Где же вы были все это время? Только не рассказывайте мне сказку про остров и сломанный катер...

Она беспокойно завозилась на стуле, пробурчала куда-то в сторону:

— Откуда я помню? И какое вам дело, где я была? У подруги!

— Назовите фамилию, имя, отчество, адрес подруги. Мы проверим.

Насупившись, она промолчала.

— Ладно, я постараюсь освежить вашу память, — неумолимо сказал Дудин. — Ответьте, что вы делали в гараже Лаврикова?

Она округлила глаза.

— Какого еще Лаврикова?

— С которым вы в воскресенье познакомились на шоссе. Тот самый Сережа... Неужели запомнили?

Артюхова отвела взгляд, сердце нехорошо сжалось: «Пронюхали». Умом она понимала, что лучше обо всем рассказать, сейчас же, самой. Но что-то мешало ей это сделать, а заставляло, наоборот, упираться и молчать.

По тому, как неуступчиво поджалась ее губы, Дудин понял, что ответа дождется не скоро. Он вдруг почувствовал, что изрядно устал. С шести часов на ногах, перелет, жара, напряжение и всего один бутерброд впопыхах. «Она что — глупая? Не соображает, что ей грозит?» — подумал с досадой. Захотелось прикрикнуть, громыхнуть по столу кулаком. Но, подавив в себе набравшее раздражение, спросил ровно:

— А за что вы ударили лопатой гражданина Мальцева?

Она метнула в него неприязненный взгляд.

— Чего пристали? Не знаю я никакого Мальцева!

Дудин достал фотографию. Василий Савельевич был в белой рубашке и галстукe, волосы прилизаны до глянца, на губах усмешка.

— Узнаете?

— Первый раз вижу! — Голос ее звучал вполне искренне.

— Допустим. И тем не менее вы его ударили. Два раза.

Артюхова беззвучно залилась слезами, зло размазывая по щекам черную тушь. Ей вдруг ясно представилось, что пришел конец той бездумной, беспечной жизни, которую она вела до сих пор и которая так ей нравилась... А Гоги оказался обыкновенным болтуном — обманул, не защитил, струсил...

Дудин взял графин и налил ей полстакана воды.

— Выпейте. Слезами горю не поможешь.

Она глотнула, брезгливо поморщилась — вода была теплая, застойная.

— Дали бы лучше сигарету...

Он пододвинул ей пачку «Явы» и коробок спичек. Выждав, пока она сделает затяжку, заговорил, глядя на нее в упор:

— Слушайте меня внимательно, Артюхова, я хочу, чтобы вы поняли. Гражданин Мальцев Василий Савельевич 27 августа в десятом часу вечера был убит и ограблен возле гаража вашего знакомого Лаврикова. И у нас есть все основания полагать, что совершили это преступление вы, Тамара Алексеевна.

— Что?! — она выронила сигарету.

— Мы располагаем вескими доказательствами. Так что, лучше всего для вас — это чистосердечно во всем...

— Нет! Нет! — Кажется, до нее наконец по-настоящему дошло, в чем ее обвиняют. Побелела, вскочила, руки прижала к груди, замотала головой, даже ногой топнула.

— Сядьте, Артюхова, — приказал Дудин. — И отвечайте по существу. Без истерики.

— Да, вам бы так... — заговорила она, всхлипывая, давась слезами. — ...Три дня... не евши... в темноте... лампочка перегорела... сигналила, кричала, стучала... Озвереешь... А потом... Я думала, явился этот хмырь Сережа... Наиздевался и... Меня аж всю затрясло! Схватила... что попало под руку и ударила... Только один раз! Он сказал: «Ой!», отступил назад и упал... Я лопату бросила и к дороге. А после опомнилась: это же не он. Не Сережа! Я назад... Думаю, может, помощь нужна. Но... — Она внезапно осеклась...

— Что же вас остановило?

Артюхова вздохнула, вытерла ладошкой глаза, сказала проникновенно.

— Другой человек там был! Вот. Честное слово!

Перед отъездом в аэропорт Цурцумия отвез Дудина на берег моря искупаться. Жара начинала спадать, но клонившееся к закату солнце еще сияло вовсю и нагретая за день вода приятно нежила тело. Дудин шумно нырнул, ощутив проникающую во все поры свежесть, проплыл немного под водой, вынырнул, блаженно расслабившись, забыв на миг обо всем на свете, и брас-сом заскользил к буйкам.

Когда он выбрался из воды, отфыркиваясь и с наслаждением оглаживая себя ладонями, Цурцумия (сидел, подстелив газеты, на берегу), сверкая улыбкой, сказал:

— Хорошо? Приезжай почаще, дорогой.

— Только уж лучше по другому поводу, — откликнулся Дудин, перешагивая через крупные камни-голыши.

Такими же камнями, плотно утрамбованными, был вымошен участок дорожки около гаража, на которой нашли труп Мальцева. Мысли Андрея вернулись к обстоятельствам дела. Если все, что говорит Артюхова, подтвердится, первоначальная версия следствия летит к черту и придется начинать второй раунд. Он заспешил одеваться, прокручивая в памяти видеоленту заключительной части их разговора.

«Другой человек там был! Вот. Честное слово!» — «Да ну? (Скептически). Очень интересно. И что же он делал?» — «Я, когда подходила, смотрю — чья-то тень. Я думала вначале, это тот поднимается. А после слышу, он с земли кричит: «Ты что, Ермолай?!» А другой его — ррраз! Аж лопата звякнула... И стон...» — «Вы уверены, что все происходило именно так? Описать этого другого человека можете?» — «Нет, я его не разглядела! Темнело уже...» — «А он мог вас видеть?» — «Не знаю. Я за кустом остановилась. Там куст растет». («Тут она сказала правду. На пустыре метрах в тридцати от гаража есть куст, и действительно около него обнаружены ее следы».) — «Значит, незнакомый вам человек ударил лежащего на земле Мальцева — и что дальше?» — «Дальше ничего. Я сильно испугалась и убежала». — «Почему вы считаете, что слышали голос Мальцева, а не того, другого?» — «Так ведь го-

дос-то был слышен с земли... И потом, вы же сказали, Мальцева не Ермолаем зовут!» — «Еще один вопрос: откуда у вас деньги на эту поездку?» — «Родители прислали... И Гоги не жмотничал...» (Теперь она сидела смиренно, прикрывая ладонями вылезавшие из-под короткого пляжного платяца неуместные колени. В облике ее проступило что-то покорное, шенячье.) — «Скажите, вы мне верите?» (Он, не торопясь, размял в пальцах сигарету.) — «Артюхова, у вас не возникла мысль прийти к нам и все честно рассказать?» — «Так бы вы мне и поверили! Вы вот даже сейчас не верите. (Скорбным голоском.) Что же мне теперь будет, а? (Он выключил бесполезный вентилятор, отер лоб и шею платком.) — «Это решит суд. А пока вам придется прервать свою прогулку. Полетите со мной, Артюхова».

ДРУГОЙ?

1

— Ваши соображения?

— Пудрит она нам мозги, — сказал Поздняков. — Обычный способ поведения преступника в такой ситуации.

— А твое мнение? — обратился Головачев к Дудину. Тот пожал плечами.

— Может, и пудрит. Но лично у меня кое-какие сомнения появились.

— А всякое сомнение, как известно, толкуется в пользу подозреваемого, — сказал Головачев.

Десять минут назад он закончил допрашивать Артюхову. Она слово в слово повторила свои показания, данные накануне Дудину. Настроение у всех было неважное. Думали: задачка с одним неизвестным (вернее, с одной), оказалось — с двумя. Они обменивались мнениями, намечая план дальнейших действий... Тщательно проверить показания Артюховой... Пересмотреть версию... Еще раз скрупулезно проследить последний день Мальцева: встречи, контакты...

— В общем, лыко-мочало, начинай сначала, — с иронией подытожил Поздняков.

Головачев устало улыбнулся.

— Выходит, так. Надо еще поработать среди населения. Не допускаю, чтобы Мальцев пришел к гаражу незамеченным. Возьми это на себя, Андрей Борисович. А тебе, Поздняков, придется дополнительно опросить

жену Мальцева, его родственников, друзей, сослуживцев, — возможно, и всплывет какой-нибудь Ермолай.

— Если он вообще в природе существует, — пробурчал Поздняков. — А если она его выдумала? Или это случайный гастролер? Тогда ищи-свищи?

— Давайте проведем следственный эксперимент, Олег Федорович, — предложил Дудин. — Свозим Артюхову на пустырь, проверим, могла ли она слышать и видеть то, о чем рассказывает.

— Непременно, — поддержал Головачев. — И вот еще что: я назначу повторную судебно-медицинскую экспертизу. Важно уточнить, есть ли разница между первым и вторым ударом. Если Артюхова не врет, то второй удар, нанесенный Мальцеву, должен отличаться по силе и направлению. Труп, конечно, придется эксгумировать... У вас еще есть ко мне вопросы?

Оставшись один, Головачев несколько минут сидел, погруженный в раздумье. Не то чтоб он сразу поверил в искренность Артюховой (хотя и обыск у нее на квартире ничего не дал, зря только расстроили деда, Николая Тимофеевича), но ведь он и раньше допускал присутствие в этой истории другого. Теперь версия получила подкрепление.

Следующие два дня они методично обрабатывали все линии намеченного плана. Однако успехами похвастаться было нельзя. На третий день Головачеву позвонила жена покойного Мальцева Ольга Ивановна и попросила срочно принять ее.

С Мальцевой пришел респектабельный молодой человек в очках, очень ухоженный, в добротном импортном плаще и сером костюме в полоску. Это Чуркин Александр Степанович, Васин товарищ, пояснила Ольга Ивановна, он-то все и расскажет.

— Я оказался в совершенно идиотском положении, — огорченно сказал Чуркин. — Я же ровным счетом ничего не знал! У Ольги был день рождения. Можно сказать, юбилей. Я ей позвонил, чтобы поздравить и заодно спросить, как ей понравился подарок. Она говорит: «Какой подарок?» — «Который сделал Василий Савельевич!» И тут меня ошарашили, представляете? Я как услышал, чуть не упал!

— О каком подарке идет речь? — спросил Головачев.

Ответила Ольга Ивановна:

— Саша работает в ювелирном магазине на Перво-

майской улице. Оказывается, Вася купил у них к моему сорокалетию брильянтовые серьги и перстень. Это как раз в тот день, когда он... когда его... — спазма перехватила ей горло, и она замолчала, ища в сумочке носовой платок.

— Представляете? Три тысячи двести шестьдесят три рубля с копейками, — заключил Чуркин.

Головачев встал, налил стакан воды и подал его Мальцевой. Она кивком поблагодарила, отпила глоток. Олег Федорович неторопливо вернулся на свое место.

— Скажите, Александр Степанович, в котором часу вы виделись с Мальцевым?

— Он приехал часов около семи... Мы выбрали камешки, потом он их оплатил, потом мы поболтали немного...

— О чем? Он не говорил, куда пойдет после вас?

Чуркин немного подумал.

— Знаете, ни о чем серьезном... А! Я его спросил: «Ты домой?» А он говорит: «Нет, еще есть одно маленькое дельце». Больше ничего.

— Припомните, Александр Степанович, а как выглядел Мальцев в тот день. Не было ли в его поведении, словах что-либо необычного?

Чуркин отрицательно покачал головой.

— Вполне нормально. Я ничего такого не заметил.

— А когда он от вас ушел?

— Перед закрытием магазина. Примерно в половине восьмого вечера.

— Драгоценности были в упаковке?

— Да. Две такие маленькие белые коробочки. Он их в боковой карман пиджака положил.

Головачев, задумавшись, почесал кончиком авторучки за ухом.

— Ольга Ивановна, скажите, ваш муж никогда не упоминал имя Ермолай.

— Ермолай? — недоуменно переспросила та. — Что-то не припоминаю. А кто он такой?

— Если бы знать, — вздохнул Головачев. — А вы, Александр Степанович, не помните?

— Нет, не приходилось слышать, — уверенно ответил Чуркин и предположил: — Может, он из шабашников? Василий Савельевич ведь умелец был. Мастерил разные штучки для машин. У них даже своя бригада была, автолюбителей обслуживала на третьей станции. Это у вокзала.

— Спасибо. Мы проверим. — Головачев помедлил и душевным голосом спросил: — Александр Степанович, а нельзя узнать, вы сами что делали после того, как расстались с Мальцевым?

Чуркина вопрос покоробил.

— Я? Это имеет отношение к делу? Пожалуйста. Я пошел домой и весь вечер провел дома.

— Это может кто-нибудь подтвердить?

— Вы что же, меня подозреваете? — В голосе Чуркина явственно слышалась обида.

— Ну что вы! — дружески пояснил Головачев. — Просто вы последний, кто видел Мальцева в живых. Не обижайтесь, но мы должны проверить все факты.

— Пожалуйста, — недовольно вымолвил Чуркин, — это может подтвердить моя жена. Больше никто.

Тем же вечером удалось заполучить дополнительно некоторые небезынтересные данные.

Проведенный на пустыре следственный эксперимент подтвердил доводы Артюховой. Стоявшие вместе с ней возле куста следователь и понятые могли различить в сумерках у гаража фигуры Дудина и еще одного сотрудника уголовного розыска и слышали сказанные одним из них слова: «Ермолай, ты что?!»

Сразу же после этого Головачев навестил жившую неподалеку Ключеву и попросил еще раз уточнить, в котором часу она встретила женщину, бежавшую со стороны пустыря? «А вот я аккурат к Лизке, соседке, шла из подъезда в подъезд. А, как пришла, по телевизору уже передавали». — «Что передавали?» — переспросил Головачев. «А это... «Время». — «Какую именно часть передачи транслировали в этот момент?» — «А музыку: та-та-та-та, та-та-та-та!» — «Стоп! Прогноз погоды?» — «Его, милок, его»... (Оставалось выяснить с точностью до минуты, когда в ту среду по программе «Время» шло сообщение синоптиков, но это уже, как говорится, было делом техники.)

И в довершение всего тем же вечером выяснилось, что алиби у Александра Степановича Чуркина не было.

2

Да, алиби у Чуркина не оказалось. Более того, он, мягко говоря, вводил следствие в заблуждение. Поздников беседовал с вахтершей, которая дежурила в подъезде кооперативного дома, где жил Александр Степано-

вич, и та рассказала, что в среду, 26 августа, Чуркин пришел домой около 12 часов ночи. Да, ровно в 12, потому что как раз били куранты, у нее было включено радио. Выглядел жилец взволнованным, он вообще человек нервный из-за жены. «А что такое?» — спросил Поздняков. «Ссорятся часто. Она как его доведет до белого каления, так к нему лучше не прикасаться. Один шип, как от утюга. И в тот вечер сперва, значит, она пришла, жена то есть, Люсей зовут, а уж после он... А минут через тридцать он обратно выскочил как угорелый и еще почитай час отсутствовал, я уже дремать стала...» — «Это было именно 26-го? Точно помните?» — допытывался Поздняков. «Сейчас скажу. Я десять дней отблела, давление у меня подскочило, младший-то у меня в институт провалился, вот я и переживаю, — вахтерша пошмыгала носом. — И в первый день, когда на работу вышла, это и была среда, 26-го». — «А не могло так случиться, что Чуркин возвратился домой раньше 12, минуя вас?» Вахтерша оскорбилась: «Как это «минуя»? Я никуда в этот вечер не отлучалась. Книжка попалась интересная, про космонавтов». — «Ну, и зачитались, недосмотрели?» — поддел Поздняков. «Насчет этого будьте спокойны, — возразила с превосходством вахтерша, одарив визитера цепким взглядом опытного детектива. — У меня так запросто не пройдешь».

Уже третье утро подряд Головачев заезжал сначала за своим пятилетним внуком Дениской, отводил его в детский сад, а вечером снова забирал домой. Отец мальчика, сын Олега Федоровича, был в служебной командировке, мать занедужила — хочешь не хочешь, а приходилось помогать. Впрочем, общение с мальчиком всегда доставляло Головачеву радость.

Когда выхоили со двора, их обогнал юркий лохматый пацан, воинственно размахивая обтрепанным портфелем. Увесисто хлопнув кулачком по Денискиному плечу, пацан крикнул: «Привет, Головастик!», неуважительно окинул взглядом малопредставительную фигуру Головачева и затерялся среди прохожих.

— Тебе больно? Кто такой? — сердито спросил Головачев, глядя вслед паршивцу.

— Валька Сапог из девятой квартиры, — сказал Дениска, потирая плечо.

— Сапог? — удивился Головачев. — Что, такая фамилия? Очевидно, Сапогов?

— Сапожников, — поправил внук, преодолев очередной водный рубеж.

«А как меня величали в детстве сверстники? — подумал Олег Федорович. — Чаще всего Голова. А коли злились, то Череп. Он улыбнулся воспоминаниям и вновь мысленно обратился к той зацепке, которую отыскал в деле. Нужно найти возможность проверить, прав ли он в своих логических построениях. Его охватило нетерпение. Крепко схватив внука за руку, Головачев ускорил шаг.

Придя на работу, он тут же набрал номер телефона. Занято... Опять занято... Сколько же можно висеть на проводе. Ага, вот, наконец.

— Попросите, пожалуйста, Ольгу Ивановну... Это из прокуратуры... Я подожду, спасибо... Ольга Ивановна? Здравствуйте, Головачев. У меня к вам небольшой вопрос. Скажите, в какой школе учился ваш муж? В 41-й? Это в каком районе?.. Ну, ничего, мы выясним. А в каком году он окончил десятый класс?.. Так, понятно. И еще вопрос. Ваш муж поддерживал отношения с кем-либо из одноклассников?.. Или с кем он жил в одном дворе с детства... Подумайте, пожалуйста, это важно... Сразу не можете вспомнить? Ну хорошо, когда вспомните, позвоните мне. Только обязательно. Условились? До свидания, Ольга Ивановна.

Поздняков вернулся в управление во второй половине дня. Дудин уже сидел за своим столом и мрачно жевал сухое печенье. Опрос шабашников, которые крутились около станции технического обслуживания, не принес никаких результатов. Про человека по имени Ермолай никто не слышал.

Угадав настроение товарища, Поздняков соорудил скорбную мину, плюхнулся на свой стул и спросил замогильным голосом:

— И что?

— Плохо, — вяло откликнулся Дудин, продолжая механически жевать печенье, которое он с шуршанием доставал из объемистой пачки, лежащей перед ним на столе.

— Дай пожевать, с утра не евши, — сказал Позд-

няков, нарочно коверкая слова, что было у него признаком хорошего настроения.

Дудин быстро уловил это.

— У тебя что — прогресс?

— Как тебе, дорогой товарищ, сказать? — Поздняков по-хозяйски залез в пачку с печеньем, хрустя, раскусил дольку. — Может быть, кое-что и наскребем... Одно пока ясно: этот Чуркин — гу-усь! Ха-роший гусачок! — Поздняков уселся на краешек дудинского стола и стал перечислять, загибая пальцы. — Он последний, кто видел Мальцева, так? Алиби у него нет. Так? Я у него на работе побывал — там о нем нелестного мнения. Говорят, жадный он, скрытный, сам себе на уме. Так? А начальничек его — тоже, между прочим, только на шварки годится, — дал Чуркину такую смешную характеристику. — Поздняков достал блокнот и прочитал: «При отсутствии должного руководства имеет тенденцию к отдыху». — Это как понимать, а?

— Сачкует, — сказал Дудин, закуривая.

— Хороший выписывается портретик?

— Фактов маловато, Игорь. Одни предположения.

— Факты будут. Надо его потрясти, потрясти...

Телефонный звонок прервал их беседу. Дудин снял трубку.

— Да?.. Приветствую, Олег Федорович... На моем фронте пока без перемен... Чуркина? Это Поздняков про-верял... Могу ему передать трубку.

Поздняков внимательно выслушал, что ему говорил Головачев, похмыкал, сказал: «Сейчас все сделаю!» — и дал отбой. Недоуменно покосился на Дудина.

— Чуркин с женой сидит у Головачева. Неужто раскололся? А мне Олег велел найти гардеробщика ресторана «Юбилейный», некоего Кургузова, и срочно доставить к нему. — Поздняков взглянул на часы. — Боюсь, дело затянется, а у меня сегодня вечером, как на грех, свидание. — Он подмигнул Дудину. — Понял?

— Тебе сколько лет, Поздняков? — спросил Дудин, хотя, конечно, прекрасно знал, что 28. — Пора бы остепениться.

— В смысле ожениться? — Поздняков сделал шаг к двери, взялся за ручку и приостановился. — Кто-то сказал, что женитьба — это событие, после которого мужчина перестает покупать цветы и начинает покупать овощи. — Он с комическим ужасом закатил глаза. — Ты этого от меня хочешь?

— Болтун ты, — сказал Дудин, усмехаясь.

— Точно. Как ты догадался? — Поздняков одарил товарища улыбкой и сделал прощальный жест. — Со мной не хочешь пойти?

— Нет. Тут мне какой-то участковый утром звонил, а меня не было.

Поздняков кивнул головой.

— Лады. Я улечиваюсь!

3

Головачев уже около часа выслушивал Чуркиных. Говорила в основном жена, сам же Чуркин, потеряв весь свой недавний лоск, сидел стиснув зубы, избегая смотреть на Головачева.

— Понимаете, мы, конечно, виноваты, — щебетала импозантная молодая женщина. — Но вы поймите, получилась совершенно нелепая история, все из-за его (кивок в сторону мужа) ужасно ревнивого характера. Естественно, когда мы догадались, что на Чуркина падает подозрение в связи со смертью Васи Мальцева, то решили честно об всем рассказать. Лучше поздно, чем никогда, правда ведь? — Она повела крепкими плечами и изобразила чарующую улыбку.

— Продолжайте, — сухо вато сказал Олег Федорович.

— Видите ли, в тот вечер, когда это случилось с Мальцевым, — вновь защебетала Чуркина, — наш отдел, я работаю в НИИ полимеров, собрался в ресторане «Юбилейный». У Жорика Абрамяна был юбилей — 50 лет. Прелестный товарищ, галантный, умный... Так вот мой Чуркин меня к нему африкански ревнует. Представляете? Словом, он проник в ресторан и хотел меня оттуда увести. А я не далась.

Чуркин заалел ушами, еще ниже наклонил голову, дымчатые очки его тускло сверкнули.

— И в котором же часу это произошло? — спросил Головачев.

Теперь с ответом поспешил сам Чуркин:

— Я был в ресторане примерно в половине девятого.

— Почему вы умолчали об этом при нашей первой встрече?

Супруги в замешательстве переглянулись.

— Так получилось, — медленно сообщила Чурки-

на, — что мой муж вступил в конфликт с гардеробщиком.

— То есть? Расскажите подробнее.

— Я в общем-то хотел понаблюдать за женой, — замямлил, краснея, Чуркин. — Стою в фойе и вдруг вижу, Люся выходит из зала... Я к ней подбежал и... Знаете, — Чуркин искоса взглянул на следователя, и глаза его за стеклами очков были жалкими, — не нравится мне, когда у них всю дорогу какие-то поводы для сабантуйчиков — то юбилей, то премия, то еще что-нибудь... Короче, я говорю гардеробщику: «Давай ее плащ». А он мне: «Без номерка не имею права». Ну, тут я, конечно, погорячился, хотел сам взять...

— Он ненароком заехал локтем в зеркало, и оно треснуло, — рявкнула Чуркина.

— Вот как? А потом? — поинтересовался Головачев.

— А потом он удрал... А я... Вы уж меня извините... Так не хотелось дальнейшего скандала, разбирательства... В общем, когда хотели составлять протокол, я сказала, что этот гражданин, который ко мне приставал, спьяну обознался, я его впервые вижу... — Она виновато отвела глаза.

— Понятно, — сказал Головачев, барабая пальцами по столу. Картина в целом была ему ясна, оставалось выполнить некоторые необходимые формальности, в том числе получить подтверждение всего случившегося из уст самого пострадавшего.

— Фамилия гардеробщика там не упоминалась?

Чуркина встрепенулась.

— Ой, знаете, упоминалась! Он еще кричал: «Кургузов этого дела так не оставит!»

Дежурный по управлению передал Дудину, что опять звонил участковый инспектор Трофименко и сообщил важную новость. Живущий в доме № 2 по Северному проезду пенсионер Слуцкий Семен Ильич после предъявления ему фотографии Мальцева опознал в нем гражданина, которого видел 26-го вечером беседующим возле соседнего дома с другим, неизвестным ему женщиной. Дудин сразу же выехал на место.

Трофименко оказался кряжистым, уже немолодым человеком, с одутловатым лицом. Но улыбка его Ду-

дину понравилась. Улыбка была широкая и немного простодушная.

Пока направлялись от общественного опорного пункта милиции, где состоялась их встреча, к дому Слуцкого, Дудин спросил:

— Что за человек этот пенсионер? Не фантазер, часом?

Трофименко издал короткий смешок.

— Говорить любит. Это точно. Бывает, что и не по делу. Сейчас вот конфликтует с нашим домкомом. Такой шум стоит...

В квартире Слуцкого, в тесной прихожей повернуться было негде. Из кухни несло каким-то чадом, но, перебивая этот чад, стойко пахло грибами. Хозяин, неуловимо смахивающий на французского киноактера Луи де Фюнеса, встретил пришедших в потертом махровом халате, из-под которого виднелись ноги, обтянутые кальсонами не первой свежести.

Сразу же после обмена приветствиями и взаимного представления он провел гостей в ближнюю комнату и, не предложив сесть, ринулся в атаку.

— Вам давно надо было спросить у Слуцкого, дорогой товарищ Дудин. Слуцкий живет здесь десять лет и всегда в курсе.

— Вы же были за городом, Семен Ильич, — миролюбиво сказал Трофименко, с любопытством оглядывая стены, увешанные связками сушеных грибов, семейными фотографиями и декоративными тарелками.

— Да. А что? Вы знаете, сколько сейчас грибов? Так вот, когда Слуцкий идет собирать грибы, он еще даст фору молодым. И это в мои 78 лет! — Семен Ильич торжествующе возрился на Дудина. — А что вы стоите, юноша? Садитесь! — Он широким жестом указал на продавленный диван.

Дудин с опаской присел. Трофименко пододвинул к себе колченогий стул. Слуцкий прислонился спиной к ветхому зеркальному шкафу и, скрестив руки на груди, застыл в выжидательной позе.

— Семен Ильич, — начал Дудин, извлекая из карманов фотографию Мальцева, — вы сказали, что человека, который изображен на этом снимке, вы видели около дома № 4 в обществе другого, незнакомого вам мужчины. Так?

— Совершенно верно, — с достоинством констати-

ровал Слуцкий. — Это было в среду, 26-го. Почему в среду? Потому что в половине девятого за мной должен был заехать мой старший сын и отвезти на дачу. Вы знаете, у мальчика оказались большие способности. Он уже судья всесоюзной категории по пинг-понгу.

Не вдаваясь в обсуждение блистательной карьеры Слуцкого-младшего, Дудин задал следующий вопрос:

— Семен Ильич, а что делали вот этот гражданин, который на фотографии, его фамилия Мальцев, и тот, второй?

— О, я так понимаю, у них был конфиденциальный разговор. Когда я подошел к соседнему дому, этот, на фотографии, стоял ко мне лицом. Я его хорошо разглядел. А другой — спиной. Слышу, ваш Мальцев строго говорит другому: смотри, мол, Ерофеич, даю тебе еще два дня, а после в суд.

— Вы это... Ручаетесь, что так было сказано, Семен Ильич? — спросил участковый.

Слуцкий снисходительно оглядел его с ног до головы.

— Молодой человек, ваша мама только тихо радовалась, если бы у вас в ваши годы был такой слух, как у меня в мои. А знаете от чего? Крепкий сон и правильное положение в постели. Вы, например, как спите? — обратился он к Дудину. — Я в одном журнале прочитал: кто спит на животе — недоволен своей работой, кто на боку — склонен к тоскливости и нуждается в нежности, а кто на спине — тот сильная личность!

— Хорошо, хорошо, — поспешно перебил Дудин, — это очень интересно. Но давайте уточним. Вы слышали, как было сказано «Ерофеич»? А может, «Ермолаич»?

— Я, товарищ инспектор, еще в здравом уме и могу отличить козу от носорога, — обиженно произнес Семен Ильич. — Было сказано «Ерофеич»!

— Понятно, — миролюбиво согласился Дудин. — Значит, расписка, а через два дня в суд? Так? А больше они ни о чем не говорили?

— Не слышал. Я прошел мимо. Откуда мне знать, что вас это заинтересует?

— А они куда делись?

— Вы знаете, я когда прошел мимо, то потом обернулся. У меня есть такая привычка — оборачиваться.

Так вот, тот, который Мальцев, уже пошел вот туда, к пустырю. — Слуцкий махнул рукой в сторону окна.

— А другой?

— А другой постоял и пошел вслед за ним.

— За ним? И вы его по-прежнему видели только со спины?

— Ах, товарищ Дудин, если бы я знал, что это нужно, так я бы его обежал со всех сторон...

Дудин немного подумал, потом решительно проговорил.

— Семен Ильич, вы могли бы показать на улице, в каком именно месте вы видели Мальцева и того неизвестного?

Через несколько минут Слуцкий, одетый в добротное ратиновое пальто и коротенькие, по щиколотку, брючки, привел сотрудников милиции к дому № 4. У фасада росли две чахлые березки, нижние ветви одной из них были надломлены.

— Вот, балуются сорванцы, — сокрушенно пробурчал Трофименко, поднимая безжизненную ветвь. — А ведь только недавно посадили... Сердце кровью обливается...

— Как, по-вашему, чем оно еще может обливаться? — резонно заметил Слуцкий и, неожиданно распалась, набросился на участкового: — Это, между прочим, плоды безрукости нашего домового комитета. Кто там председатель? Бычков! А Бычков потерял свою нравственную чистоту перед жильцами, диктаторскими методами выводя одних членов домкома, с ним несогласных (тут Семен Ильич со значением на секунду умолк), и кооптируя других, ему поддакивающих!

Трофименко оторопело приоткрыл рот, намереваясь возразить, но Дудин решительно прервал грозившую разгореться дискуссию.

— Довольно! Сейчас вопрос к вам, Семен Ильич. Именно на этом месте 26 августа в 20.30 вы видели неизвестного, который вначале разговаривал с Мальцевым, а после пошел за ним к пустырю?

— Совершенно точно, — согласился Слуцкий.

— Не обратили внимания, какого он роста, сложения, цвет волос?

— Такой плотненький, но пожиже вас... И пониже. Волосы шатенистые...

— А возраст? Хотя бы приблизительно.

— На спине даже приблизительно и то не написано. Одно могу сказать: не старый, ваших лет, если позволите...

— Как он был одет?

— Знаете, какая-то куртка и джинсы. Белой краской вымазанные. Человек, скажем, работает по хозяйству дома, белит что-нибудь или красит, а тут к нему приходит знакомый экстремист, берет за горло и начинает требовать деньги...

— Почему деньги?

— Расписка, молодой человек, расписка. Вы никогда не давали в долг крупные суммы? Нет? А Слуцкий давал... И каждый раз под расписку. Так что вы думаете? Был такой случай, когда меня за это чуть не отослали в лучший мир. Давно, правда, еще при нэпе...

— Понятно. А что у того человека было на ногах?

— Вы полагаете модельные туфли? Как у меня? — Семен Ильич покрутил носком желтого стоптанного ботинка. — Сильно ошибаетесь. Тапочки.

— Белые?

— В белых тапочках, молодой человек, мы все будем там... — Слуцкий стоически указал на небо. — Нет, он был в обычных войлочных тапочках. На улице это бросалось в глаза...

Улучив момент, в разговор вступил Трофименко.

— А рукавиц каких-нибудь при нем не заметили? — спросил он приглушенным голосом, с некоторой долей таинственности оглядываясь по сторонам.

— Сейчас скажу, — шепотом заверил Семен Ильич, тоже оглядываясь по сторонам и отображая на челе нелегкую работу мысли. — Были! Кажется, брезентовые!

— Нет, точно?! — отпрянул Трофименко.

— У Слуцкого, между прочим, всегда все точно.

РАСПИСКА

1

«Вот оно что. Расписка! Видимо, ее искал этот Ермолай или Ерофей, черт знает, как его кличут», — размышлял Дудин, простившись со Слуцким. Он взглянул на шагавшего рядом Трофименко.

— Молодец Петр Тарасович. Ценного свидетеля откопал.

Порозовевший от похвалы Трофименко энергично закивал головой.

— Я так понимаю, надо искать среди тех, кто ремонт какой делает.

— А правая рукавица, может быть, у него потеряна. Мы на пустыре нашли одну такую. Правильно соображаешь, товарищ Трофименко. — Дудин, улыбаясь, дружески коснулся плеча участкового. — Где тут у тебя телефон-автомат?

Из ближайшей телефонной будки он позвонил Головачеву.

— Олег Федорович? Это Дудин. Удалось заполучить интересного свидетеля. Знаете, кого мы ищем? Высокого шатена в черных тапочках. Зовут Ермолай Ерофеевич...

— Шутишь, — сказал на другом конце провода Головачев.

— Шучу. А что остается делать?

— Давай пораскинем мозгами. Тебя, кстати, как мальчишки в школе звали? Особенно в младших классах?

— Меня? По-моему, Дудой, Дудариком, а когда дразнили — Дудилой.

Головачев хихикнул в трубку.

— Вот что, Дударик, приезжай ко мне. Есть несколько идей.

Собравшись втроем, они подвели кое-какие итоги. Швейцар ресторана «Юбилейный» Кургузов подтвердил алиби Чуркина. Установлено наличие некоего третьего лица (Ермолая или Ерофея), которое, как можно предположить, сыграло роковую роль в судьбе Мальцева. Укрепилось их убеждение, что Василий Савельевич был на пустыре в начале десятого, потому что от дома, где его видел Слуцкий, до гаража (Дудин проверил это) ровно двадцать пять — тридцать минут ходьбы нормальным шагом. Наконец возникла дополнительная версия о мотивах преступления: не только бриллиантовые серьги и кольцо общей стоимостью свыше трех тысяч рублей, но и расписка! А может, завладение ею и было главной целью преступника?

Высказал это мнение Дудин. На улице уже сгустились сумерки. В окнах дома напротив кое-где зажглись

огни. В их комнате тоже давно горел верхний свет, а теперь Головачев включил еще настольную лампу и принялся рыться в записной книжке, бормоча под нос: «Расписка... Расписка...» Найдя нужный телефон, он набрал номер.

— Ольга Ивановна? Добрый вечер, это опять я.

— Я вас узнала, Олег Федорович... Я только-только прибежала с работы, — ответила Мальцева.

— Вы извините, вы, наверное, еще не успели поужинать, но у меня к вам весьма важный вопрос. Припомните, муж не говорил вам, давал ли он кому-нибудь взаймы деньги под расписку. Нет? Не знаете... И в его бумагах никаких указаний на это нет?.. Что, что? Как вы говорите?

— Я говорю, Олег Федорович, — сказала Мальцева, — что, когда я просматривала бумаги мужа, на днях обнаружила еще одну пачку, то мне попался листочек... На нем была странная запись: «Ер. 3 т. Расп.»... Это все.

— «Ер. 3 т. Расп.», — повторил Головачев и, взяв карандаш, быстро записал эти слова на бумаге. Еще раз, не торопясь, прочитал вслух, вдумываясь в смысл записанного. Сказал в трубку: — Очень любопытно, Ольга Ивановна. А где вы нашли эту запись? В прошлогоднем календаре? От какого числа. Ага. 15 февраля. Ольга Ивановна, мне крайне необходим этот листок... Я обязательно у вас буду. До свидания. — Головачев положил трубку и хлопнул ладонью по столу.

— Чувствуете, братцы? Похоже, что была расписка! Дудин посмотрел на Позднякова.

— Видишь? А ты не верил. «Ер» — это наверняка какой-нибудь Ермолай!

Олег Федорович взглянул на часы и вскочил, точно ошпаренный.

— Братцы! Я же за внуком в детский сад опаздываю. Меня дома прибьют за нерадивость. — И он стал торопливо собирать бумаги со стола.

Поздняков тоже посмотрел на часы и мечтательно произнес:

— А я, пожалуй, еще успею на randevу... — Он аккуратно снял пылинку с пиджака. — В кино пойдем. Не хочешь присоединиться, Андрей? На последний сеанс.

— Пожалуй, — сказал Дудин. — Только жене надо

звякнуть и еще успеть в больницу к Лаврикову. Может, он слышал о Ермолае или Ерофее?

— Давай, — кивнул Головачев, натягивая плащ. — А завтра с утра созвонимся. Договорились?

На улице Дудин поймал такси. А еще минут через двадцать он уже беседовал с Лавриковым в маленьком холле травматологического отделения, где чуть слышно гудел большой белый холодильник, стоявший у окна, а одну из стен оживляла репродукция с картины Карла Брюллова «Итальянский полдень».

Лавриков, похудевший, со впалыми щеками, заросшими колючей щетиной, сидел, поставив костыли между ног.

— Я себе места не нахожу, — глухо говорил он. — Вы поймали того, кто убил Васю? Нет?..

Дудин сочувственно посмотрел в его потухшие глаза.

— Мы ищем человека по имени Ермолай. Не помните такого среди знакомых Мальцева?

Лавриков не отвечал, глядя под ноги отсутствующим взглядом. Вдруг он поднял голову, в глазах промелькнула искорка.

— Погодите, что-то в этом роде было... Вася однажды заезжал ко мне в гараж... Это было... весной прошлого года, кажется. И вместе с ним в машине сидел какой-то тип. Я спросил: кто такой? А Вася говорит: «Да так, один бывший однокорытник». А потом мы поговорили, и Вася уехал. А когда сел за руль, он этому сказал: «Эй, мол, поехали!» И назвал его как-то вот так — Ермоланч, Ерофеич, Еременч. Что-то в этом роде.

— Не разглядели его? Нос какой, рот — не обратили внимания?

— Боюсь соврать. Помню, у него кепка на глаза была надвинута.

— А в чем был одет?

— Кажется, в куртке... Ни к чему мне было тогда его рассматривать.

Лавриков оставил костыли, неприязненно повел взглядом в сторону репродукции с круглоплечей южной красавицей.

— Вы, знаете, я так много за это время передумал... Сколько же я из-за них перетерпел, — с неожиданной

болью вырвалось у него. — Из-за этих баб! Всю жизнь они мне поломали!

Дудин поднялся. Ему захотелось сказать Лаврикову что-нибудь утешительное. Но пора было уходить, и он проговорил только:

— Ничего, Сергей. Главное, чтобы ты понял, что все твои беды не из-за них, как ты считаешь, а из-за тебя самого. Подумай над этим.

А между тем события развивались своим чередом. В тот момент, когда последний сеанс в кинотеатре подходил к концу, в тесный, полутемный двор многоэтажного дома, расположенного на оживленной городской магистрали, въехали зеленые, забрызганные мокрой грязью «Жигули» и притормозили у одного из подъездов. Водитель выключил двигатель и, повернувшись вполоборота к сидевшему рядом спутнику, сказал ровным голосом, продолжая начатый разговор:

— Значит, завтра в двенадцать дня. Запомнил? Я за тобой заеду. Смотри, ты должен быть в форме. Спиртного ни-ни, понял?

Второй лениво просипел, почесывая бровь, над которой приметно выделялся узкий продолговатый шрам.

— И охота тебе? Чего ты там забыл?

Водитель вновь терпеливо заговорил:

— Хочешь, чтобы еще раз повторил? Повторяю. Мне нужно найти бумаги... Письма, записки разные. Понял? Больше ничего. Но для меня это очень важно. Поэтому прошу как друга помочь. Ты будь спокоен. В обиде не останешься. Я тебе часы дал? Это ерунда. У меня камешки есть. Если дело выгорит — поделимся. Понял?

После короткой паузы он спросил, глядя на руки спутника:

— Часы-то ходят? С собой?

— Часы? — человек со шрамом опустил боковое стекло, щелчком выбросил сигарету. Ответил не очень уверенно: — Часы ходят. Дома они.

Сидевший за рулем с угрозой сказал:

— Смотри, Леха. Если ты их кому-либо сбagriшь, голову оторву.

Леха, отвернувшись, проворчал что-то нечленораздельное. Некоторое время они молчали. Мимо машины

прошла в обнимку парочка. Стук женских каблучков звучно разносился по затихшему двору.

— Ладно, — примирительно произнес водитель. — Но чтобы завтра все было в ажуре. В двенадцать ноль-ноль. Осознал?

Леха открыл правую дверцу. Загоревшийся в салоне слабый свет на минуту вырвал из темноты его скуластое лицо и жесткий ежик черных с проседью волос. Выбравшись из машины, он буркнул:

— Чего там. В двенадцать так в двенадцать. Прика-тывай. — И, не оглядываясь, пошел к подъезду.

— Матери привет передавай! — бросил ему вслед водитель, захлопывая дверцу автомобиля.

2

Пришло утро нового дня — солнечное, тихое, прямо бабье лето.

И пришло сообщение из комиссионного магазина № 3 о том, что мужчина, предъявивший паспорт на имя Горева Валентина Антоновича, сдал на комиссию наручные часы, сходные по описанию с теми, которые были похищены у Мальцева. Срочно найти и опросить Горева было поручено Дудину.

И к Головачеву, можно сказать, пришла удача: подтвердилась его догадка. Вместе с Поздняковым они провели на пустыре еще один эксперимент, проделав с хронометром весь тот выверенный ими путь, каким почти три недели назад убегала от гаража потрясенная Артюхова.

Вырисовывалась немаловажная деталь: если идти или даже бежать, строго придерживаясь ее маршрута (от гаража наискосок к одинокому кусту, затем к Северному проезду, метров тридцать вдоль него, потом резко повернуть назад и снова до куста, там остановиться минуты на три и опять двинуться по направлению к проезду, пересечь его — и прямо к жилым домам), то при всем желании никак не успеваешь оказаться у дома № 4 в 21 час. А если не возвращаться назад от Северного проезда и не делать трехминутную остановку у того самого куста, то тогда действительно вполне можно поспеть.

Сделав такой вывод, Головачев хитро взглянул на Позднякова.

— Ну и как? Какие напрашиваются соображения? —

Они стояли на обочине проезда, очищая обувь от налипшей грязи.

Поздняков, хмыкнув, полез за сигаретой.

— А ведь он, Олег Федорович, показал, что видел Артюхову в 21 час, от силы в 21.10. Выходит, врет?

— Или ошибается. Вот это и предстоит выяснить. Откровенно говоря, что-то мне он не нравится. Надо серьезно им поинтересоваться. Но только аккуратно, Поздняков. Не дай бог спугнуть или еще хуже — бросить тень на человека!

...Участковый Трофименко старался принимать пищу всегда в одно и то же время: давала знать застарелая язва желудка. Обедал он обычно в молочном кафе, помещавшемся все на том же Северном проезде. Сегодня, разбирая давнюю квартирную склоку, Трофименко выбился из привычного графика и, чтобы сократить дорогу, пошел к кафе не улицей, как всегда, а через дворы, напрямик. Он уже было прошел последний из четырех новых домов, выстроенных в этом квартале, как его внимание привлек шум, доносившийся из-за окна на первом этаже.

— Опять у них скандал! — Трофименко, крякнув, остановился. Квартира, служившая источником столь неблагоприятного концерта, была ему хорошо известна. В ней жила дважды разведенная гражданка Птахина, которую во дворе все запросто величали Евгешей, а сам Трофименко, не любивший садовые цветы и предпочитавший скромные полевые, прозвал Хризантемой. Раздирающие же душу вопли, несомненно, испускал сын Евгешы — ученик 4-го класса Эдик, веснушчатый, шкодливый и безоговорочно зачисленный общественностью дома в категорию «трудных» подростков.

Трофименко взглянул на часы, сердито сплюнул и вошел в подъезд. После нескольких настойчивых звонков дверь все же распахнулась, и на пороге с видом, не сулившим ничего хорошего, появилась красная, растрепанная Евгеша.

Участковый укоризненно покачал головой, стараясь придать своему рыхлому лицу надлежащую суровость.

— Опять у вас беспорядок, Хризантема?

— Ой, это вы, Петр Тарасович, — смешалась Евгеша. — А я думаю, какой черт названивает...

— За что парнишку наказываешь?

— Петр Тарасович! Житья от него нет! Сегодня снова в школу вызывали!

— Что он такое натворил?.. Зайти-то можно? Чего на пороге держишь?

— Ой, заходите, заходите, Петр Тарасович! — спохватилась Евгеша. — Только беспорядок у нас!

— А когда у тебя был порядок? — усмехнулся Трофименко, входя в неубранную прихожую. — Да-а-а... «Веселая царица была Елисавет, поет и веселится, порядка только нет...»

— Что это вы стихами заговорили, Петр Тарасович? Никак премию получили? — захихикала Евгеша.

— Это не я заговорил, это граф Алексей Константинович Толстой, — с достоинством отпарировал Трофименко. — Что, спрашиваю, парнишка-то отмочил?

— Урок, говорят, сорвал, кровопивец! Принес вчера, говорят, в класс какой-то бумажник, пустил по рядам, ребят перебаламутил...

— Бумажник? Какой бумажник?

— А я знаю? Мне завуч говорит: «Примите меры, мамаша! А то исключать будем!» А что я могу с ним поделаться? Целый день на работе...

— Ладно, ладно! Известно, какая у вас работенка в овощной палатке. Замок повесила — и гуляй! Позови парня. Сам потолкую.

Евгеша отворила дверь в комнату.

— Эдуард! Выдь сюда! Товарищ участковый с тобой хочет поговорить! Достукался!

Эдик, скорбно сопя, угрюмо смотрел на участкового. Одно ухо у него было малинового цвета и раза в полтора больше другого.

— Ты вот что, хлопчик, — сказал Трофименко почти нежно. — Ты на свою мамку не обижайся. Это она не со зла, а по нервности, понял? А мне у тебя узнать надо: какой такой у тебя бумажник, где ты его взял?

— Нашел! — буркнул парнишка. — Во дворе.

— В каком дворе?

Эдик замялся.

— «В каком, каком?» — передразнила Евгеша. — На помойке нашел, в нашем дворе.

— А чего он забыл на помойке-то? — удивился Трофименко.

— Захламил он мне всю квартиру газетной макулатурой. На какую-то книжку, видите ли, копил. А я взяла и выбросила!

— Ну, это ты зря. Книга — дело хорошее, — нази-

дательно произнес участковый и опять повернулся к Эдику. — И что же этот бумажник... Так прямо на помойке и лежал?

— Не... Один дяденька в большой такой картонке много мусора и бумаги вынес... А я хотел свои газеты забрать... А он мне говорит: «Ты чего копаешься? Пошел отсюда!» Я отошел, а после, когда он ушел, обратно полез за газетами. Стал мусор разгребать, который дяденька выбросил, а он там лежит... Красивый. Почти новый.

— И ты его взял? А внутри чего было?

— Ничего. Пусто.

— А этого дядьку ты разглядел?

— Не-е. Там темно было. На помойке-то.

Трофименко снял фуражку, вытер платочком вспотевшую лысину, потом снова водрузил фуражку на темя. Откашлялся.

— Вам-то чего дался этот бумажник? — сердито спросила Евгеша. — Мало ли мусора на помойке валяется?

— Подожди, Птахина! — прервал ее участковый. — Тут, может, дело серьезное.

— Может, и серьезное, вам виднее, Петр Тарасович, да только все равно этого бумажника у нас нет. Зря пристаешь! — не сдавалась Евгеша.

— А где он?

— Учительница отобрала. Мария Анатольевна. Ее и спрашивайте!

— Спросим, — заверил Трофименко и взглянул на часы. Было около четырех часов вечера. Он вздохнул, вспомнив про обед. Под ложечкой противно засало.

3

Головачев ехал к Ольге Ивановне. Путь оказался неблизким, но ему повезло, народу в автобусе было мало, он с комфортом уселся около окна, хотел даже подремать, да не получилось, мысли непрестанно витали вокруг его сегодняшней встречи с одним из свидетелей по делу. Он названивал ему с утра, однако никак не мог связаться: на работе говорили, что Вячеслав Викторович в отпуске, а дома никто не отзывался. Головачев уже потерял всякую надежду, как вдруг телефон ответил. Обрадовавшись, Головачев объяснил, что речь

идет о пустяках, просто надо уточнить данные ранее показания. Само собой, восторга это не вызвало: кому приятно посещать прокуратуру, находясь в отпуске? Тем не менее, появившись в кабинете, свидетель, как и при первой их встрече, лучезарно улыбался, и Олег Федорович также отвечал ему любезной улыбкой, изучающе поглядывая на его загорелое рубленое лицо с выступающим подбородком. В общем-то, внешность свидетеля можно было назвать приятной, если бы не глаза, в которых чувствовалось что-то недобро-пытливое. «Да шут с ними, — подумал Головачев, — дело разве в лице? Посмотри на себя, какая у тебя самого физиономия. Отекшая, морщинистая, а ведь когда-то ты был вполне симпатичный. Старею», — вздохнул Олег Федорович, предлагая свидетелю присесть.

Все разъяснилось очень быстро. После недолгого размышления Вячеслав Викторович признал, что, вероятно, был неточен, поскольку тогда у него с собой не было часов. Скорее всего он видел женщину не в 21 час, а позднее, скажем, в половине десятого. Правда, с того дня прошло столько времени, многое уже забылось. Нет, позже половины десятого этого, по идее, быть не могло. (Он так и сказал: «по идее»...) А нельзя ли ему со своей стороны, если, конечно, это дозволено, попытаться, когда закончится следствие, говорят, преступница арестована. Ах, ждать осталось недолго? Понятно, понятно...

Они расстались, обменявшись рукопожатием; но сейчас, сидя в тряском автобусе, Головачев не мог избавиться от ощущения смутной неудовлетворенности. Словно он упустил что-то, связанное с личностью свидетеля. Но что это было? Голос? Глаза? Общее выражение лица. Интонация, с какой он отвечал на вопросы? Он силился вспомнить, но не мог.

Автобус круто свернул в узкую улицу и слегка притормозил. Сквозь пыльные стекла салона пассажиры увидели уткнувшийся в фонарный столб синий «Запорожец», позади него стояла покореженная полуторка, тут же находилась машина ГАИ, толпились люди. Дорожно-транспортное происшествие — не такое уж редкое явление для этого большого областного города.

Головачев отвлекся от своих мыслей, даже чуть приподнялся с жесткого сиденья, чтобы лучше видеть случившееся, и тут его осенило. Пальцы! У свидетеля дрожали пальцы, когда он подписывал протокол своих

показаний. Только и всего? — спросил себя Головачев. Это что — улика? Нет, разумеется. Может, свидетель — впечатлительный человек, а что греха таить, не всем приятно общаться с представителями правоохранительных органов даже по такому, казалось бы, безобидному поводу. И все же, почему у молодого, сильного на вид мужчины дрожали пальцы? Волнуется или что-то утаивает? И что это за странная фраза: «После половины десятого этого, по идее, быть не могло?»

Так и не придя к определенному выводу, Головачев сошел на остановке и направился к дому, где жила Мальцева. Он застал ее растерянной и взволнованной: у нее сложилось мнение, что, пока она отсутствовала, в квартире побывал чужой.

— Что-нибудь пропало? — нахмурившись, спросил Олег Федорович, снимая плащ и шляпу и вешая их в прихожей.

— Нет, как будто все на месте. Но... я не знаю, как вам это объяснить. — Ольга Ивановна нервно прижала ладони к вискам. — Пройдите в эту комнату... Мы храним наши документы здесь, в ящике серванта. — Она выдвинула ящик. — Почему-то сегодня они лежат не так, как вчера. Как будто кто-то рылся... А вот тут полки с Васиными книгами. Я только недавно вытирала пыль и отлично помню, что плотно задвинула стекла. А сегодня они на этой полке приоткрыты. И книги стоят неровно... Я ведь сейчас одна, дочь живет у бабушки. Мне страшно. — Глаза ее налились слезами.

Головачев зорко оглядел поверхность стекла. «Надо дать задание экспертам тщательно проверить, — подумал он и тут же ругнул себя: — Бестолочь... Я должен был предвидеть возможность и такого варианта. Очевидно, не найдя у Мальцева то, что искал, он пришел сюда. Теперь весь вопрос в том, удалась ли ему эта попытка?..» Он обернулся к Мальцевой.

— Ольга Ивановна, вы смогли бы в случае необходимости уехать на время из этой квартиры к вашим родителям? Не исключено, что он придет еще раз.

Она испуганно посмотрела на него.

— Господи! Вы что, его знаете? Почему же вы его не арестуете?

— Всему свое время, Ольга Ивановна... Значит, мы с вами договорились? Я вам дам знать, когда следует уехать, и надо будет постараться, чтобы об этом узнало

как можно больше людей в доме, в ЖЭКе... Вы меня поняли? Чудесно. А загадочный листочек из прошлогоднего календаря при вас?

— Конечно, Олег Федорович... — Она подошла к серванту, открыла ящик, где хранились документы, наклонившись, стала быстро перебирать бумаги. Внезапно выпрямилась, потерянно взглянула на Головачева.

— Ничего не понимаю... Не могу найти...

Они проверили все ящики. Сомнений быть не могло: листок исчез. Ольга Ивановна беспомощно опустила на стул. Головачев, испытывая чувство вины и досады, рассеянно обозревал корешки подписных изданий. Сознание того, что преступник вот так запросто разгуливал по квартире, уничтожая улики, вызывало в нем тихое бешенство. Неужели украдена и расписка? Он перевел взгляд на Мальцеву.

— Ольга Ивановна, как по-вашему, где Василий Савельевич мог хранить расписку?

— Расписку? — она старалась собраться с мыслями. — Сейчас скажу. Вася часто прятал свои бумаги в книгах... Случалось, что потом забывал, долго искал, сердился.

Головачев окинул взором десять книжных полок, поставленных одна на другую, коротко вздохнул.

— А что, если мы с вами учиним сейчас небольшой поиск? Может, нам повезет?

Из протокола допроса свидетеля Горева Валентина Антоновича, 1950 года рождения, работает слесарем-сантехником в ЖЭКе № 16 Железнодорожного района.

«По существу поставленных вопросов могу показать следующее. Часы с браслетом швейцарские ручные, марки «Омакс» (противоударные, пылеводонепроницаемые, с автоматической подзаводкой, на 21 камне) мне продал за 150 рублей Лобов Алексей Ерофеевич, работающий в ЖЭКе № 16 в должности электрика. Он объяснил, что часы принадлежат его тестю, которому по случаю шестидесятилетия недавно подарили другие, именные часы, а эти теперь ему больше не нужны. Я носил эти часы неделю, но потом из магазина прислали открытку, что подошла наша очередь на холодильник марки ЗИЛ. Поэтому мы с женой решили эти

часы продать, чтобы собрать деньги на холодильник. Я предложил часы нескольким моим знакомым, но они их не взяли. И тогда по совету жены я сдал их в комиссионный магазин в надежде, что здесь они будут проданы быстрее».

Из протокола опознания.

«15 сентября 198... года следователь прокуратуры Головачев О. Ф. составил настоящий протокол в нижеследующем. В моем кабинете в присутствии понятых — Демиденко Юрия Петровича и Николаева Алексея Самойловича — свидетельнице по настоящему делу Мальцевой Ольге Ивановне было предъявлено пять швейцарских ручных с браслетом часов марки «Омакс» для опознания часов, похищенных у ее мужа, Мальцева В. С., свидетельница, предупрежденная об ответственности за дачу ложных показаний, заявила, что хорошо помнит часы своего мужа, поскольку месяц назад сама брала их из мастерской, где им заменили головку заводного механизма, причем поставили не стандартную, а более крупных размеров. По этой примете она опознает часы под № 3, как принадлежавшие ее мужу, Мальцеву В. С.».

В тот же день Ольге Ивановне был предъявлен для опознания, в числе других, и бумажник, найденный Эдиком Птахиным во дворе дома № 6 по Северному проезду. Мальцева подтвердила, что точно такой же бумажник — кожаный, коричневый, с прошивкой на краю, стилизованным изображением готических строений и надписью Tallin — имелся у ее мужа, но тот ли это самый, она с полной достоверностью сказать не может.

4

В ЖЭКе объяснили, что Лобов второй день не выходит на работу, очевидно, опять загулял. «И часто это с ним?» — спросил Дудип главного инженера, флегматичного молодого парня в сером клетчатом пиджаке. «Бывает, — довольно равнодушно сказал тот и, словно отвечая на немой вопрос Дудина, пояснил: — Мы бы от него давно избавились, да где я такого специалиста найду? Мастер на все руки. Когда не пьет, ему цены нет». — «Где он сейчас может быть?» — осведомился Дудин. «А кто его знает? Дома небось. Хотите, можете

позвонить». — И он пододвинул Андрею стоявший на столе телефонный аппарат.

Дома у Лобова никто не отвечал. «Это бывает, — так же равнодушно прокомментировал главный инженер, подписывая какие-то бумаги. — У него старуха ничего не слышит, а сестра на работе. Да вы езжайте прямо к нему, если он вам так нужен».

Лобов был им нужен позарез. К этому времени следствию уже было известно, что ему 43 года, образование у него 6 классов, был когда-то женат, но сейчас разведен и живет с матерью-пенсионеркой и младшей сестрой, работающей санитаркой в городской больнице. В штатах ЖЭКа Лобов числился два года, до этого год нигде не работал, а еще раньше... Вот тут-то в биографии Лобова был один момент, который, помимо его отчества (Ерофеич!), сразу приковал их внимание. Оказалось, что Лобов был известен в уголовном мире под кличкой Меченый, семь лет назад проходил по делу о квартирной краже, получил три года, но отсидел полтора и был условно досрочно освобожден из мест заключения.

...Дома Лобова тоже не было. «А вы кто будете?» — опасливо спросила сухонькая старушка, приоткрывая дверь и часто моргая подслеповатыми глазами. «Знакомый я его. Очень он мне нужен», — добродушно произнес Дудин и для вящей убедительности даже прижал руку к сердцу. Старушка смягчилась: «Занедужил он опять. Вот и на работу не пошел. Я ему говорю: сыночек, брось ты эту лихоманку, погубит она тебя». Дудин согласно кивал головой. «Куда он сейчас-то запропастился?» — «Да вы гляньте в садочке, там беседочка есть...»

Беседка — это такое незамысловатое сооружение, крашенное в ядовито-зеленый цвет, — стояла в глубине двора, в обрамлении пожелтевших тополей. Подходя к ней, Дудин услышал характерный костяной стук, не оставляющий никакого сомнения, что в беседке забивали «козла». Увлеченные игрой, партнеры (трое пожилых, четвертый — средних лет, краснолицый, с осоловелыми глазами) не обратили на Дудина никакого внимания.

— Алексей Ерофеевич, — позвал он краснолицего, — выйди на минуту, поговорить надо.

Лобов с треском выставил фишку.

— Рыба! — И мутно уставился на Дудина. — Чего тебе?

— Выйди, есть разговор, — сказал Дудин не терпящим возражений тоном. Он умел это делать.

Лобов нескладно вылез из-за дощатого стола, на котором разворачивалась доминошная баталия, нетвердой походкой приблизился к Андрею.

— Ты кто? Откуда будешь?

— Я из уголовного розыска. Отойдем в сторонку, вон на ту скамеечку.

Лобов отвернулся, сгорбившись опустился на скамейку. Дудин сел рядом.

— Вопрос такой, Алексей Ерофеевич. Горева знаешь?

— Вальку-то? Ну.

— Часы ему продавал?

— Какие часы?

— Швейцарские, «Омакс».

— Ну, продавал.

— Так. — Дудин сделал паузу. — Теперь скажи, только хорошенько подумай: откуда у тебя эти часы?

— Купил на Центральном рынке, — пожалуй, чересчур поспешно просипел Лобов.

— У кого?

— А я знаю? Он мне не представлялся. Мужик как мужик.

— Описать его можешь?

Лобов криво ухмыльнулся, покрутил головой.

— Ха! Ты меня не смеди, начальник! На кой ляд он мне был нужен?

— Ясно, — проговорил Дудин холодно. — Ну что ж... Тогда тебе придется пройти со мной. — Он решительно поднялся со скамейки.

— Понятно, начальник, — Лобов, тоже поднялся.

Дальше произошло то, что Дудин ожидал меньше всего. Лобов вдруг побежал. Он бежал с видимым усилием, припадая на левую ногу, но все же довольно резво и был уже в нескольких шагах от ближайшего подъезда. Пенсионеры в беседке, перестав стучать фишками, молча смотрели в его сторону.

Дудин в два прыжка почти настиг беглеца. Но тому удалось юркнуть в подъезд и захлопнуть за собой дверь. Оперуполномоченный распахнул ее ударом плеча, влетел внутрь. После дневного света, оказавшись

в темноте, он приостановился, пытаясь сориентироваться. Нет, по лестнице никто не бежал, может, есть второй выход и Лобов воспользовался им? Дудин одним махом одолел несколько ступенек вверх, потом вниз... Так и есть, черный ход. Рванул скрипучую дверь на себя, вылетел в закоулок. Ни души. «Черт, неужели ушел?!» Чутьем понял: он еще там, в подъезде. Мигом — назад, и в ту же секунду услышал, как хлопнула первая дверь. Дудин ринулся догонять, вновь выскочил во двор. Лобов все еще бежал, но уже не так шустро, и схватить его не составило никакого труда.

Задерживая Лобова, Дудин был почти уверен, что перед ним подлинный виновник убийства. Но на допросе у Головачева Лобов показал, что в тот вечер, когда было совершено преступление, и до утра следующего дня он находился в вытрезвителе. Проверка удостоверила алиби Лобова. В отношении же часов он продолжал утверждать, что купил их на рынке у неизвестного мужчины.

Был, правда, в показаниях Лобова штрих, в котором Головачев усмотрел подтверждение своей версии. Поэтому, покончив с допросом, он спешно собрался и поехал в 41-ю школу. Директриса, молодая, уверенная в себе женщина, для которой выпуск учащихся начала 60-х годов представлялся событием почти уже историческим, посоветовала обратиться к старожилу школы — преподавателю литературы Ивану Никаноровичу Осьминину. Здесь же, из директорской, Головачев связался по телефону с Осьмининим, который недомогал, находился дома, по охотно согласился уделить ему несколько минут.

Иван Никанорович оказался представительным стариком, с массивной седой головой и румяным лицом. Поздоровавшись, он пригласил Головачева в просторную светлую комнату, где стояли большой книжный шкаф, аккуратно прибранная тахта и круглый стол посередине. В теплом, непрветренном воздухе ощутимо витал запах лекарств.

При их появлении сидевший за столом мужчина лет сорока отложил в сторону журнал и, поднявшись, вежливо поклонился.

— Вот, познакомьтесь, это профессор физики Юрий

Ильич Афонский, — сказал Иван Никанорович, обращаясь к Головачеву. — Пришел навестить бывшего, так сказать, наставника.

Головачев, назвав себя, пожал протянутую сухощавую руку Афонского.

— Юра, между прочим, был бессменным старостой нашего класса на протяжении пяти лет, — продолжал Иван Никанорович. — Он хорошо знает и параллельный класс, так что во всех отношениях может вам быть полезен... А вы, уважаемый Олег... м-м-м...

— Федорович, — подсказал Головачев.

— Да, да, Олег Федорович... Чаю не хотите?

— Пожалуй, Иван Никанорович. Только времени у меня в обрез.

— А мы мигом сообразим. Юра, будь добр, скажи на кухне внучке, чтобы распорядилась...

Немного погодя они втроем пили крепко заваренный чай с мятой и рассматривали хранившиеся у Ивана Никаноровича коллективные фотографии 8, 9 и 10-го класса «Б» тех далеких лет.

— Мальцев... Как же, хорошо помню, — задумчиво говорил Осьминин тихим простуженным голосом, прихлебывая горячий, кирпичного цвета напиток. — Мой предмет он, конечно, ни во что не ставил. Все что-то мастерил, изобретал... Да... Вот как судьба складывается...

— Парень был гвоздь: в дверь вбивали — не согнулся, — обронил Афонский, отправляя в рот ложечку с душистым вареньем.

Головачев вопросительно взглянул на него.

— Я не хочу сказать, что он был этакий пройдоха, — пояснил Афонский. — Но деловой. Может быть, чересчур. Правда, недоброжелателей у него, по-моему, не было.

Головачев внимательно всматривался в фотографии. Мальцева он узнал сразу. Тот мало изменился по сравнению со своим последним снимком. И еще одно лицо внезапно показалось ему странно знакомым.

— Кто это? — спросил он. — Такое ощущение, что я его где-то видел.

— А, этот! — Иван Никанорович снял очки, протер платочком стекла. — Нелегкий это был мальчик. Безусловно, не лишен способностей. Но весь какой-то раздерганый, неустойчивый. То ответит с блеском, душа радуется, то с треском провалится. Как это теперь на-

зывается, Юра? Непрогнозируемый? Или неуправляемый?

Афонский бегло посмотрел на фотографию.

— Помню его. Он вместе со мной в химико-технологический поступал.

— Из очень скромной порядочной семьи, — продолжал Иван Никанорович. — Единственный сын. Отец — бухгалтер, знаете, такой служака старой закалки, пунктуальный, шепетильный во всем. А мать у него работала медсестрой в больнице. Обожала его безмерно. Кажется, была слабого здоровья.

— Она умерла, когда мы учились на втором курсе, — сказал Афонский. — Кстати, и отец его ненамного пережил ее...

Помолчав, Головачев спросил:

— А он сам, значит, кончил химико-технологический?

— Нет, ушел куда-то после второго курса. В автомобильный, что ли... — Афонский взялся за чайник. — Налить вам еще чаю?

Головачев отказался.

— Юра, налей мне, пожалуйста, — попросил Осьминин. Размешав в чашке ложечку вязкого засахаренного меда, он сделал глоток и с мягкой полуулыбкой осведомился:

— А вы, Олег Федорович, разумеется, юридический кончали?

— Политехнический, — уточнил Головачев. — Готовился, между прочим, тоже стать физиком. Да война спутала все планы. А после войны я уже действительно окончил юридический. Заочно.

Афонский покивал головой, включил стоявший сбоку на тумбочке транзисторный приемник. «Лето, ах лето!» — завздыхала певица. Поморщившись, он выключил транзистор и повернулся к Головачеву.

— Меня вот такая мысль сейчас поразила. Коль скоро вы так пристрасно изучаете фотографию одноклассников Мальцева, можно подумать, что кто-то из нас, по вашему мнению, причастен к его смерти. Вы понимаете, Иван Никанорович? Кто-то из нашего класса!

Осьминин дрогнувшей рукой медленно отставил недопитую чашку.

— Я это давно понял, Юра, — тихо сказал он.

— Простите, Иван Никанорович, — огорченно произнес Афонский. — Честное слово, я не хотел...

— Когда совершается правонарушение, начинают гадать: кто больше виноват? Родители? Школа? Улица? Трудовой коллектив? А человек во многом формирует себя сам и должен быть ответствен за свои поступки. — Головачев указал на фотографию... — Все-таки, что это за парнишка?

— Ермолай, — сказал Афонский с легким пренебрежением в голосе. — Мы его в классе так называли. Когда-то он дружил с Мальцевым... А фамилия... Позвольте! Вы не его ли подозреваете? У вас что — факты? Или это... — Афонский покрутил рукой около лба и усмехнулся... — Психология?

Олег Федорович, тоже усмехнувшись, встал из-за стола. Сказал, как бы размышляя вслух:

— Однажды выдающийся русский юрист Анатолий Федорович Кони сказал, что судебные деятели обязаны иметь фактическую точку опоры, неизбежную для того, чтобы их психологические построения были орудием правосудия, а не проявлением лишь находчивого ума... У меня такая точка опоры имеется. Хотите, я сам назову вам фамилию этого паренька?

А Лобов сидел в следственном изоляторе и, подперев рукой щеку, думал о том, что дело — хана. Конечно, если он заложит Славку, то выйдет послабление, это точно. Но как заложить, вдруг Славка выкрутится, что тогда? Не очень-то верилось ему, что Славка пошел на мокруху, хоть следователь и объяснил, откуда часы и кому принадлежали. Чего это Славку занесло, может, психанул? Славка же псих, уж он-то его знает. И в одном дворе вместе росли, и до пятого класса в одной школе учились, пока он, Лобов, не остался на второй год, а потом и вовсе бросил школу. И отметина у него на лбу — Славкиных рук дело. Помнится, они подрались (сколько же тогда им было?), и он Славку здорово приложил, но, убегая, тот зафугарил в него камнем — вот почему его после Меченым и прозвали. Нет, Славка — не подарок, если что не по нему, у него же глаза белеют от злости. А тот мужик, которого Славка убил (неужто и в самом деле отважился?), тоже, говорят, учился в их школе. Какой-то Мальцев.

Да, дела... Сиди вот, крути башкой. Ясно, что Славка с этими часами его подставил. То-то он все талдычил: никому, мол, их не продавай. А если у человека

душа горела? И в кармане ни рубля, все спустил? Да и вообще, кто мог знать, что Валька Горев потащит часы в комиссионку? И еще эта квартира! Теперь-то и придурку понятно, что квартира была того, убитого. Чего-то Славка в ней искал. А он, Леха, теперь вроде бы Славкин соучастник во всем. Вот как обернулось... Ай да кореш! Нет уж, нет уж, как он, так и я. За чужие грехи я не ответчик...

Он сидел, ворошил, словно муравейник, свои невеселые думы, и ему становилось все мутрнее.

5

— Лениво сегодня работаешь, Поздняков, — сказал тренер по самбо. — Я тебя сегодня не чувствую.

— Кисть потянул, — поморщился тот. — Как назло, правая...

— Брали кого? — оживился тренер.

— Бытовая травма, — засмеялся Дудин. — Новую мебель на четвертый этаж таскали одной симпатичной аспирантке. — И он подмигнул Позднякову.

— Ну, ну... — недоверчиво сказал тренер и отошел понаблюдать, как работают другие пары.

— Еще немного? — предложил Дудин. — Я что-то не очень нагрузился.

— Нет, с меня хватит, — кисло отозвался Поздняков. — Я в душевую. Догоняй. — И он двинулся к выходу из спортивного зала, где в это утро проходили занятия сотрудников милиции по физподготовке.

В раздевалке Поздняков спросил:

— Как с Лобовым, прояснилось?

Дудин старательно растирал полотенцем мускулистые плечи.

— Олег в него вцепился мертвой хваткой. В общем, дал показания, что брали квартиру вдвоем, и тот все искал какую-то бумагу, а унес листок календаря. Между прочим, выяснилось, что они знают друг друга по прежнему месту жительства. Лобов до сих пор живет там, а этот переехал на новую квартиру три месяца назад.

Поздняков убрал полотенце, мыло и мочалку в портфель, щелкнул замком, нахмуясь, произнес:

— Неужели все-таки он? И чего ему нужно было? Ведь серьезный мужик. Я осторожненько наводил справки у него на работе в конструкторском бюро. Говорят,

толковый, перспективный, с характером. Вспыльчив, правда, язык хорошо подвешен, может врезать. И работой себя не перегружает: от — и до. А в характеристике с прежнего места работы еще значится, что политически грамотен, морально устойчив, женат, отношения в семье нормальные.

— А, это штамповка, — поморщился Дудин. — Между прочим, знаешь, что еще выяснилось? — Он прилежно расчесал мокрые волосы, глядя в настенное зеркало, подул на расческу и сунул ее в нагрудный карман пиджака. — Что Лобов отдал тому свои отмычки.

— Во как! — удивился Поздняков. — Неужто еще раз откажется?

— Судя по всему, расписку он не нашел. Поэтому Олег распорядился взять Лобова под стражу, но будет это выглядеть так, что якобы он оформил отпуск и уехал к родственникам в Тамбовскую область.

— А здесь у него кто-нибудь остался? Родители, жена. Их же надо проинструктировать!

— Жены нет. А с матерью и сестрой Лобова попробуем договориться.

— И чего огород городить? — усомнился Поздняков, по-футбольному отшвыривая лежавшую на полу пустую спичечную коробку. — И так все ясно. Пора того миленька брать!

Едва они появились в управлении, как Позднякова вызвал к себе подполковник Ковалев.

— Есть такой план, — сказал он. — Пойдешь по этому адресу, навестишь одного человека. Знаешь кого? Придешь под видом водопроводчика, сантехника какого-нибудь. Понял? Только вот что: надо с перебором сыграть. Ты уловил, Поздняков? Пусть гражданин забеспокоится. Простимулировать надо гражданина. Тебе ясна задумка?

— Так точно, товарищ подполковник, — ответил Поздняков.

У себя в кабинете Головачев, сидя за столом, склонился над чистым листом бумаги.

«Итак, подытожим критически, что мы имеем предъ- явить ему существенного».

Он взял авторучку, вывел на бумаге жирную единицу, а рядом крупно написал «Ермолай».

«Первое: прозвище Ермолай... Ну и что? Так могут

звать не только подозреваемого. Мало ли Ермолаев на свете? Где доказательство, что подозреваемый и тот Ермолай, который был на пустыре, — одно и то же лицо?»

Головачев поставил против слова «Ермолай» вопросительный знак, нарисовал цифру «два» и приписал: «Бумажник».

«Бумажник, найденный Эдиком Птахиным... Дохлый номер. Следов на нем практически не сохранилось. Даже если мальчик опознает человека, который выбросил бумажник, это ничего не даст. Сама Мальцева не могла с уверенностью подтвердить, что именно этот бумажник принадлежал ее мужу».

Под цифрой «три» Головачев написал: «Часы». Подумал и подчеркнул слово дважды.

«Здесь, конечно, улика серьезная. Но, если подозреваемый будет настаивать, что Мальцев их ему подарил, поди опровергни...»

Головачев снова перебрал в памяти имеющиеся в их распоряжении доказательства. Все же чего-то не хватало, какого-то ключевого звена, которое и замкнуло бы всю цепь. Да, подумал он, пора начинать игру. Сегодня Поздняков навестит квартиру подозреваемого. Это первый шаг. А дальше...

Олег Федорович взглянул на наручные часы, снял трубку телефона и набрал номер Мальцевой.

Назавтра на оперативном совещании у подполковника Ковалева Поздняков доложил о своем визите. Сам он считал, что справился с заданием блестяще, и поэтому то и дело сбивался с официального тона, пытаясь представить картину в лицах.

— Прихожу, работаю под водопроводчика. Дома жена. Очень суровая женщина. «Краны, — спрашиваю, — не текут?» Достаю инструмент, начинаю крутить-винтить, но не слишком профессионально, то одно выроню, то другое. Она смотрит внимательно. «Хозяйка, — говорю, — рукавицы какой в доме у мужика твоего нет? Свои забыл, а ладони больно». Она недовольно так, но сует мне левую. «Правую, — говорю, — нужно». — «Нет, — отвечает, — правой, завалилась куда-то!» — «Понятно, — соображаю. — А где, — спрашиваю, — хозяйин-то?» — «А вам-то что? — говорит. — Скоро закончите?» В общем, подкрутил я им краны, ухожу, а она

мне рубль сует. «Не, не, — говорю, — в нашей конторе это не принято!»

Поздняков прервал доклад и обвел присутствующих лукавыми глазами.

— Тем самым выдал себя с головой, — прокомментировал с мрачной миной Головачев. Все засмеялись.

— Ремонт у них на кухне был, потолок побелен, — закончил Поздняков. — Да что там говорить. — Он взмахнул рукой. — Действовать пора! Уверен, что нам не составит труда его расколоть.

— Горячишься, Игорь Дмитриевич, — нахохлившись, проговорил Головачев. — К прокурору за санкцией на арест идти, на мой взгляд, рано...

— Кстати, Дудин, что с родственниками Лобова? — спросил подполковник Ковалев, привычно поиграв бровями.

— Удалось убедить их поддержать нашу версию. Они понимают, что это в интересах самого Лобова.

Ковалев наклонил голову в знак согласия и обратился к Головачеву.

— Олег Федорович, а как решили с Артюховой?

— Получены результаты повторной судебно-медицинской экспертизы, — ответил Головачев. — Они подтвердили наше предположение, что второй удар был нанесен со значительно большей силой, чем первый. Далее, по заключению экспертов, Мальцев в момент второго удара находился на земле, то есть удар нанесен сверху вниз... Словом, я вынес постановление об освобождении Артюховой из-под стражи с подпиской о невыезде. Хотя, конечно, она будет привлечена к уголовной ответственности за нанесение телесных повреждений.

— Судя по данным оперативного наблюдения, объект пока ведет себя спокойно, — произнес Ковалев. — Тем не менее в любой момент можно ожидать его активизации. Поэтому определенные дополнительные меры надлежит принять. Мы здесь посоветовались с Олегом Федоровичем. Предстоит, товарищи, вот что...

ЕРМОЛАИ

1

В последнее время его все чаще мучило ощущение близкой опасности. По вечерам он не мог уснуть, подолгу ворочался в смятой постели, вставал, шел на

кухню и курил, потом принимал спотворное, едва забывался тяжелым сном, а вскоре пробуждался с чувством тоскливого одиночества. Его встревожил повторный вызов к следователю для уточнения показаний. И тревога стала невыносимой, когда он услышал от жены о неожиданном визите подозрительного водопроводчика, которому зачем-то понадобились его рукавицы.

То, что тогда на пустыре в сумасшедшем угаре он потерял одну из них, было, конечно, непростительно. Он осознавал, что это — оплошность, последствия которой трудно предугадать. В остальном он считал, что все обошлось благополучно: ему удалось уйти незамеченным. Правда, порой его посещало сомнение, разумно ли он поступил, подарив Лехе Лобову часы Мальцева? Но тут же отгонял эту мысль. Он строго-настрого приказал Лехе никому и никогда не говорить, откуда у него эти часы. Впрочем, что сейчас над этим понапрасну ломать голову? Дело уже сделано, и не просто от щедрот душевных этот подарок, а для другого важного дела.

Это другое, что не давало ему свободно дышать, была расписка, которую год назад он вручил Мальцеву, взяв у него взаймы три тысячи рублей на покупку автомобиля. Пока им не найдена расписка, где указаны его фамилия, имя и отчество, он не мог чувствовать себя в безопасности.

Вот для чего ему был нужен Меченый — его руки, его опыт, наконец, его инструменты, которые он все еще хранил на всякий случай где-то в тайнике. О Лобове он подумал сразу же, в тот угарный вечер, когда прибежал домой с пустыря — взвинченный, обескураженный неудачей, — тем, что расписки у Мальцева с собой не оказалось... (Потом он будет не раз вспоминать этот вечер с чувством странной раздвоенности: будто одна половина его терзалась и ужасалась тому, что произошло, другая — холодно анализировала случившееся и обдумывала возможные последствия.)

Нет, нет, внушал он себе, ему не хотелось смерти Мальцева. Он пошел за ним не для того, чтобы убивать, а в надежде еще раз объясниться, убедить, доказать, что не в состоянии сейчас отдать эти злополучные три тысячи, ибо и так был по уши в долгах: переезд на новую квартиру, ремонт, покупка импортного мебельного гарнитура, обустройство садового участка... Но Вася Мальцев ничего не хотел понимать и домой не зашел,

а вызвал его по телефону к подъезду, оторвав от хозяйственных дел.

Он привык, что Вася постоянно куда-то торопится, и в этот вечер, оказывается, ему тоже надо было спешно побывать в гараже своего дружка Сереги Лаврикова. И настроен был Мальцев недружелюбно и все порывался поскорее уйти.

«Ермолай, — сказал он чужим голосом, — я тебя сколько раз предупреждал, что пора возвращать монеты? Теперь не взыщи. Я сегодня потратился, у жены юбилей, все сегодня выложил, сам на мели, понял? Так что деньги на бочку! А не то...»

Мальцев ушел от него энергичным шагом человека, уверенного в своей правоте, а он медленно и понуро поплелся за ним, тупо глядя в его быстро удаляющуюся, узкую и оскорбительно невозмутимую спину. Возникшее в нем первоначально острое чувство унижения сменилось чувством злой и бессильной ярости. Почему, почему он очутился в такой, как ему представлялось, постыдной зависимости от человека, которого он во всех отношениях ставил ниже себя? Был искренне убежден, что Васька Мальцев точно звезд с неба не хватал: десятилетку и ту вытянул в основном на его подсказках, а уж как институт кончил — так это вообще никому не ведомо. Но тут же мелькнула и другая, ущербная, уничижительная мысль: «Васька хоть что-то может... А ты на что горазд? Чего добился в жизни?»

Он бросал себе хлесткие обвинения, и это лишь прибавляло горечи. Нет, мир устроен нелепо. Надо же так, чтобы все неприятности враз сошлись клином? На работе прошел слух, что тему, над которой он бился, закрывают. Ринулся выяснять — ворвался в кабинет начальника, нагрубил... Дома — затянувшийся изнурительный ремонт, капризное недовольство жены... А нынче Васька со своими претензиями... От этих мыслей в горле застрял комок обиды и слепой злости — на себя, на Мальцева, на всех. Он всю жизнь завидовал людям успеха, а Мальцев был в его глазах одним из них и при том самым ничтожным.

Поглощенный этими размышлениями, он замедлил шаг, далеко отстав от Мальцева, фигура которого маячила в сумерках уже около гаража. Но едва достиг гравийной дорожки, как услышал впереди крик, звяканье металла. Присмотревшись, он различил, что наискосок через пустырь двигалась чья-то тень. Он напряг зрение:

рассыпав по плечам светлые волосы, не замечая его, тяжело спотыкаясь, бежала женщина.

Еще ничего не понимая, он бросился к гаражу, увидел распростертого на земле Мальцева, услышал его частое и хрипкое со стоном дыхание. Он подумал, что надо немедленно оказать первую помощь, но случилось нечто непостижимое и неожиданное: сунув рукавицы под мышку, он, еще не отдавая отчета в том, что и зачем все это делает, стал с лихорадочной поспешностью обшаривать карманы лежащего, вытащил бумажник... Внезапно прозвучал голос очнувшегося Мальцева, он почувствовал судорожную, сильную хватку его пальцев, вздрогнул и замер. Но лишь на мгновение. Волна испуга, ненависти, жгучего стыда разом вздыбилась в нем, и рука его автоматически, с неумолимой, злой силой сжала брошенную рядом лопату...

Спустя минуту, когда в голове прояснилось, он еще раз подивился себе — теперь уже тому, с какой ледяной расчетливостью начал заметать следы: тщательно протер рукавицей древко лопаты и аккуратно положил ее на прежнее место, разровнял гравий, проверил, не выпало ли невзначай из кармана что-нибудь взятое у Мальцева. Потом, осторожно ступая по крупным камешкам, вернулся к проезду. Лай чьей-то собаки у ближних жилых домов заставил его поторопиться, и вот тут-то, очевидно, впопыхах он обронил правую рукавицу, которую после, как ни искал, не мог найти.

Позже, дома, он скрупулезно исследовал каждый сантиметр своей одежды: нет ли пятен крови. Затем тщательно спрятал присвоенные вещи, принял горячий душ и к приходу жены (она в этот вечер задержалась у подруги) выглядел уже почти нормально. Еще позднее его неудержимо повлекло на улицу. Он долго прохаживался около дома, переждал, пока по направлению к пустырю не проехала «скорая помощь», за ней милицмейская машина. Тогда же он решил, какие показания, если потребуются, даст следователю. Наконец гроза прогнала его с улицы. Он вернулся домой, шатаясь от усталости, бросил в рот таблетку седуксена, лег в постель и вскоре уснул.

2

Спал он хорошо, но проснулся раньше обычного, словно от внутреннего толчка, и этим толчком была мысль о том непоправимом, что случилось вчера. Он

беспокойно заворочался, открыл глаза. Сквозь зашторенные окна пробивался бледный рассвет. Слышались уютное тиканье настенных часов, мерное дыхание спящей жены. Где-то внизу хлопнула дверь, с улицы донесся шум проехавшего автомобиля. Все было так, как всегда. Но уже не для него. Он как бы перешел в другое измерение, где не было и не могло быть ни мира, ни тишины, ни спокойствия.

«Говорят, чужая душа — потемки, — подумал он уныло. — А своя? Никогда бы не поверил, что способен на такое. Что же теперь будет?»

Ему стало страшно. Он поднялся с постели, накинул халат и, тихо ступая, чтобы не разбудить жену, прошел в другую комнату. Там он зажег свет, достал из ящика стола, где хранилась всякая всячина, железный прут с крючком на конце, просунул его за массивный красного дерева буфет и подцепил полиэтиленовый мешочек, в который были сложены вещи, украденные у Мальцева. Вынув бриллиантовое кольцо, он опустил в мягкое кресло.

И внезапно отчетливо увидел себя, вчерашнего, со стороны: почти в беспамятстве, с перекошенным лицом — над распростертым телом Мальцева. И в ушах возник, повторяясь, хрустящий звук удара... Он сдвинул руками голову. «Что же будет? Что будет со мной?» Страх гнул его.

Весь этот день и в последующие дни он был рассеян, на работе ссылаясь на головную боль и недомогание, дома хмурился, отвечал невпопад на расспросы жены. Когда она, обидевшись, оставила его в покое, он был этому только рад. Другьям он тоже говорил, что нездоров, отказываясь от предлагаемых встреч.

Однажды он все-таки позвонил своему товарищу, который, как он знал, был на похоронах Мальцева. Товарищ объяснил, что хорошило много народа, а милиция до сих пор безуспешно ищет неизвестную, убившую Мальцева. Услышав это, он втайне порадовался, что рассчитал правильно и не зря ломал комедию сначала перед крепенькими ребятками из милиции, а после в прокуратуре. Он также думал, что надо бы позвонить Мальцевой, но не мог заставить себя сделать это.

Ожесточение, страх грызли его, но они же поддерживали в нем злую волю к сопротивлению. После недолгих колебаний он задался целью любой ценой овла-

деть распиской. Мобилизовав все свое красноречие, сдобренное обильным угощением в ресторане, он добился согласия Лобова помочь ему проникнуть в квартиру Мальцева. «Есть соображение, что в этой хате жена наставляет мне рога. Нужны доказательства». Он точно рассчитал, что довод сработает — Меченый был великий охотник до подобного рода историй.

Но после первого посещения, не принесшего никаких результатов, кроме жалкого листка календаря, Лобов, очевидно, почувствовал что-то неладное и заупрямился. Никакие уговоры и посулы уже не помогали, Леха упорно заладил: «Хочешь — хилый сам, отмычки — вот они. А мне на свою шею приключений искать неохота».

И тогда он решил рискнуть в одиночку. Он признавал, что это его последний шанс, и поэтому надо действовать наверняка. Сославшись на переутомление, он выхлопотал на работе двухнедельный отпуск за свой счет и начал готовиться. Когда-то, еще в студенческие годы, он занимался спортом, неплохо бегал, и теперь, боясь, что плохой сон окончательно расшатает его нервную систему и подорвет силы, он стал выходить по утрам в соседний сквер, усердно, до пота, делал зарядку, совершал небольшую пробежку, сторонясь пустыря с его нелепо торчавшим посередине, зловещим, как могильный склеп, строением. Помимо физической нагрузки, он каждый день подолгу упражнялся с отмычками, наловчившись в итоге сравнительно быстро отпирать входной замок своей собственной квартиры, тип которого, если ему не изменяла память, был тот же, что и в жилище Мальцева. Он также начертил подробный план мальцевской квартиры и тщательно продумал, где необходимо искать. Наконец он взялся следить за режимом дня Ольги Ивановны, фиксируя время ухода ее на работу и возвращения домой.

По ночам, лежа без сна, с открытыми глазами, он настороженно прислушивался к доносившимся шорохам. В эти казавшиеся бесконечными часы его нередко охватывала паника: а вдруг «они» все знают, владеют его распиской и могут в любую минуту за ним прийти. Он вскакивал в липком поту, готовый бросить все и нестись сломя голову хоть на край света. Но куда? Все равно найдут, если будут искать. Он же, в конце концов, не иголка в стогу сена!..

Но время шло, никто за ним не приходил, он успока-

ивался, думая, что, значит, расписка еще не найдена, и даже Ольга, может быть, не догадывается о ее существовании — ведь он хорошо знал Мальцева, тот всегда любил хитроумно прятать документы и деньги, если не носил их с собой.

После визита водопроводчика ему стало ясно, что медлить больше нельзя. Он позвонил Лобову, чтобы попытаться еще раз уговорить его пойти с ним, и был огорчен, узнав, что Леха уехал куда-то в деревню. И так, полагаться надо было только на самого себя. Поначалу он планировал, как и в первый раз, проникнуть к Мальцевой засветло, когда та была на службе. Но два последних дня слезки за Ольгой Ивановной показали, что дома она не ночует. И вот на третий день...

3

...На третий день ближе к вечеру в одном из тихих переулков в центре города объявился плечистый человек в черной куртке, джинсах и кепке, надвинутой на лоб. Он неторопливо шел вдоль тротуара, ничем не выделяясь среди других прохожих. Перед большим шестиэтажным домом, выстроенным еще в начале века, он замедлил шаг, оглянулся вокруг и боком нырнул в подъезд.

...В машине, стоявшей неподалеку на противоположной стороне переулка, Поздняков сказал в микрофон: «Первый, внимание, я четвертый. Объект вошел в подъезд. Прием». Микрофон пошуршал и ответил голосом Дудина: «Четвертый, вас понял...»

Человек между тем все так же неторопливо поднялся по лестнице на пятый этаж и остановился перед квартирой под номером «тринадцать». Выждав немного, он надавил кнопку звонка. Внутри квартиры мелодично затренькало. Он чутко прислушался к треньканью, помедлил с минутой и снова позвонил, но теперь уже настойчиво, требовательно. И опять в квартире не было никакого движения.

Снизу загудел, поднимаясь, лифт. Человек поспешно шагнул от двери на несколько ступенек вверх, переждал, пока лифт не прогремыхал выше, а затем снова вернул-

ся на площадку. На всякий случай он еще раз нажал звонок, одновременно придирчиво осматривая две другие двери и саму площадку, освещенную меркнувшим дневным светом, скупно струившимся сквозь оконный переплет. Внимание его привлекла электрическая лампочка под матовым плафоном, висевшая сбоку на стене. Он приподнялся на носках и, дотянувшись до плафона, потрогал его крепления. Несколько минут он постоял в нерешительности, потом быстро спустился вниз.

Выйдя из подъезда, человек снова огляделся по сторонам, не торопясь, достал сигарету, чиркнул спичкой, закурил, попыхивая дымком, и бросил обгоревшую спичку в урну. Проделав это, он сунул руки в карманы куртки и быстро пошел к центру города.

...«Первый, я четвертый, — досадливо сказал Поздняков. — Объект удаляется. Отбой». Он выключил микрофон, шепотом ругнулся и опять вышел на связь: «Внимание, седьмой, я четвертый, объект направляется в вашу сторону. Прием».

«Четвертый, я седьмой, — забубнил микрофон. — Вас понял, наблюдение принято».

Подъехала «Волга» с подполковником Ковалевым, одетым в штатское. Поздняков вылез из своей машины и пересел к нему.

— Не рискнул? — спросил Ковалев, разочарованно вскинув брови. — Может, чего заподозрил?

— Кишка тонка... Брать его давно пора, — угрюмо отозвался Поздняков.

— А если это рекогносцировка? — возразил Ковалев. — Уж больно заманчиво взять его с личным... Как твоя рука, подживает?

— Подживает, — охотно соврал Поздняков. Он упорно не желал принимать того человека всерьез.

— Пойдешь завтра с Дудиным. В управлении про тебя легенды гуляют. Будто на охоте на тебя зверь сам бежит. Вдруг и здесь так же получится, а? — Ковалев с хитрецей глянул на Позднякова и тоном приказа обронил. — Будем ждать еще!

«Рекогносцировка!» — он тоже мысленно произнес это слово, выходя из дома Мальцева. Обдумывая предстоящее, он все больше утверждался во мнении, что луч-

ше осуществить свой замысел ночью. В темноте, полагал он, риску меньше, а со временем для поисков будет повольготнее. Правда, придется придумывать отговорки для жены: почему и куда он ночью уходит из дома. Перспектива объяснения тяготила его. Он безотчетно побаивался этой женщины, на которой имел глупость жениться пять лет назад, в ту пору своей жизни, когда в очередной раз бросил опостылевшую работу, оформлялся на другую и вновь пылал неукротимым желанием зачеркнуть прошлое и начать все сначала.

Сперва казалось, что так оно и будет. Жена была из очень состоятельной семьи, привыкла жить на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая. Родители ее усердно помогали им. Ему это imponировало — достаток, материальная независимость — и почти никаких усилий. Однако вскоре тесть скорострительно умер, сохранять привычный уровень комфорта стало трудно: полагаться приходилось только на себя. Тут выяснилось, что они с женой, в сущности, чужды друг другу. Требовательная, хваткая, она работала переводчицей с итальянского и французского в одном солидном учреждении, диктовала ему свои условия и правила семейной игры, и он покорялся. Что его удерживало возле нее, он и сам уже не знал. Может быть, ее твердая уверенность в том, что лишь она по-настоящему понимает жизнь и знает, как надо жить?

Но теперь ее неистребимый апломб все чаще раздражал его. Он стоял над пропастью, и с этой ошеломительной для него точки видения многое уже казалось иным. Его все чаще тянуло позвонить Рите, своей первой жене, с которой он расстался давным-давно. За это время она вновь вышла замуж, у нее родился ребенок, но раз в году он звонил ей и поздравлял с днем рождения. Он уже не помнил причину их развода. Они тогда были слишком молоды и горячились по-пустому, и кажется однажды, выходя из филармонии (концерты в филармонии! Неужели в его жизни когда-то было и такое?), она сказала ему фразу, которая его задела: «Я хочу, чтобы ты был похож на своих родителей». — «Всю жизнь считать каждую копейку? — насмешливо возразил он. — Нет, это не для меня». — «А как для тебя?» — «У меня должно быть все. Понимаешь?» — «Но для этого надо много работать, а ты этого не любишь», — осторожно вставила Рита. Он самонадеянно усмехнулся. «При моих-то способностях?» — Рита была

для него слишком проста. Проста, бесхитростна и добра. А он в те годы, наверное, не нуждался в ее доброте.

Он позвонил ей и произнес севшим от волнения голосом:

— Рита, здравствуй, это я. Извини, что, может, не ко времени...

— Ты? — удивилась она. — Что-нибудь случилось?

— Почему ты так спрашиваешь?

— У тебя голос какой-то не такой... Говорят, ты опять поменял работу? На прежней тебя, конечно, не оценили?

— Конечно. А почему столько иронии?

— Нет, ничего, извини. Просто ты не меняешься.

— Ошиблась, — сказал он почти весело. — Я как раз на пороге больших перемен. Есть одна серьезная проблема, и если я ее одолею...

— То начнешь новую жизнь? — подхватила она.

— Начну! — ответил он упрямо, по обычаю искренне веря в то, что обещает.

Прозвенели, как тогда, в молодые годы, колокольчики се заливиного смеха, и у него немного потеплело на душе. Но ненадолго. Время бежало, а он находился в цейтноте.

С женой разрешилось само собой. На второй день после «рекогносцировки» с утра лил дождь, похолодало, настроение у него было подавленное, казалось, что все напрасно, ничего не выйдет... Вечером жена объявила ему, что намерена устроить какую-то грандиозную вечеринку с приглашением необыкновенно нужных людей; он мрачно попросил избавить его от участия в ней, а когда жена надменно осведомилась, когда он перестанет бить баклуши и займется делом, он, не сдержавшись, наговорил ей колкостей. Слово за слово — разразился скандал, каких между ними еще не было. Разгневанная жена ушла к матери, заявив, что не вернется, пока не услышит мольбу о прощении.

Он был выбит из колеи, но, подумав, махнул рукой: нет худа без добра, теперь никто не мог помешать ему, и настал наконец решающий час. «Пора. Завтра ночью», — сказал он сам себе и ощутил, как учащенно и гулко заколотилось сердце.

Ночь выдалась студеной и звездной. По асфальту, гонимые осенним ветром, ползли сухие, скрюченные листья. Их мертвенный шорох действовал на него угнетающе. «Как на панихиду плетутся, сволочи», — зло отметил он, наглухо застегивая «молнию» куртки и закуривая, чтобы унять бивший его озноб. Сев в свои «Жигули», он развернулся и поехал по пустынным улицам к центру. В машине он немного согрелся и успокоился, лихорадка постепенно прошла. Не доезжая двух кварталов до дома Мальцевых, он остановился, отыскал телефонную будку и позвонил. Ответа не было. Он подождал минут десять и снова набрал номер. На этот раз тоже никто не ответил. Тогда он вышел из будки и поехал дальше.

Он поставил машину в узеньком, тускло освещенном переулке, достал из ящичка плоскую флягу с коньяком, сделал жадный глоток, чувствуя обжигающую влагу, и немного посидел, вслушиваясь в хрупкую ночную тишину. Потом стал быстро и умело собираться: натянул поверх кед капроновые чулки, надел перчатки из тонкой эластичной кожи, взял продолговатый электрический фонарь. Отмычки у него были на поясе, в небольшой сумке.

Около подъезда он посмотрел по сторонам и, убедившись, что на улице нет ни души, проскользнул внутрь. Здесь постоял, привыкая к полумраку — свет горел выше этажом, — опять напряженно прислушался, вдыхая устоявшийся запах плесени и пыли, а затем стал быстро и беззвучно подниматься вверх. На площадке пятого этажа лампочка была вывернута — он позаботился об этом еще днем. Переведя дух, он подошел к наружной двери, прижался к ней ухом и, удостоверившись, что ничего не слышно, быстро достал отмычки, включил фонарь и приступил к работе. Довольно скоро ему удалось отпереть замок. Он с облегчением вздохнул, потушил фонарь, убрал в сумку инструмент и бесшумно шагнул в черную бездну прихожей. Но, затворив за собой дверь, он физически, всей кожей, по которой вдруг забегали омерзительные мурашки, ощутил присутствие другого человека. Он инстинктивно затаил дыхание, и в ту же секунду в прихожей вспыхнул свет.

— Спокойно, Ермолин, — сказал Поздняков, приблизившись к нему и держа руку на пистолете под пиджа-

ком. Сзади его крепко обхватил за локти другой сотрудник уголовного розыска. Из глубины коридора с видом радушного хозяина шествовал Дудин.

«Как глупо, — почти безучастно подумал Ермолин, обреченно опустив плечи. — Боже мой, как бездарно глупо...» И вдруг, как тогда на пустыре, словно что-то всколыхнулось в нем, и разом в голове сделалось легко и пусто, и все стало возможным.

— Берегись! — успел крикнуть Дудин.

Ермолин с придушенным воплем гибко присел и неудержимо рванулся вперед. Правая его нога стремительно взметнулась и отбросила Позднякова к стене. Тот ахнул от боли: удар пришелся по травмированной кисти. Второй сотрудник, потеряв равновесие, выпустил Ермолина из объятий, и он проворно прыгнул к двери. Но путь ему уже преградил Дудин. С гримасой отчаяния и гнева на побелевшем дергающемся лице Ермолин взмахнул увесистым фонарем. Дудин отвел удар, резко рванул тело Ермолина на себя, нанес ему встречный.

Ермолин издал короткий стои, выронил фонарь и, согнувшись, начал медленно оседать на пол. Тотчас же на его запястьях шелкнули наручники.

Как-то воскресным вечером к Дудину домой нагрянул Антошин. Снимая пальто, закричал с порога:

— Андрей, ты что с дедом Артюховым сделал? Ходит злой и, представляешь, трезвый! Чем все кончилось? Выкладывай.

Сидели на кухне, чтобы не беспокоить Танюшку. Ирина хлопотала у плиты. На сковородке вкусно шкворчало мясо. Антошин, приюхиваясь, мотал головой, удивлялся, глядя в рот Дудину: «Да ну? Смотри, куда повернуло!»

— Однако тип этот Ермолин, — сказала Ирина, доставая тарелки.

Дудин затаился сигаретой и продолжал:

— Мы у него потом обыск делали, нашли то, что он у Мальцева взял. Головачев с ним еще долго беседовал. И говорит: в душе у него пустота. Вот в чем суть. Ни идеалов, ни устойчивых принципов. А это опасный вакуум. Чем его заполнить? Вот и взбесился в нем себялюбек и собственник. Чужую жизнь загубил, свою сломал.

— А в какой момент вы стали его подозревать? — поинтересовался Антошин.

— После того, как установили, что Артюхова возвращалась и стояла за кустом. Мы поняли, что она не могла добежать до домов в начале десятого, как показывал Ермолин первоначально. Это могло быть косвенным доказательством того, что он был на пустыре, но не заметил возвращения Артюховой. Тут как раз началась гроза, и он ушел с улицы. И смогри, что получилось: стихия в одном случае ему помогла, затруднив нашу работу, а в другом фатально повлияла на точность его расчетов...

— Ладно, герой, соловья, как известно, баснями не кормят, — проговорила Ирина, подавая на стол вкусно пахнущее мясо. — Ешьте, ребята. А то у вас впереди знаете сколько работы!

— Это точно, — сказал Дудин.

СОДЕРЖАНИЕ

**Игорь Андреев
ПРОРЫВ**

3

**Олег Кузнецов
ДАЛЬНИЙ ПОИСК**

53

**Николай Самвелян
ПРОЩАНИЕ С ЕВРОПОЙ**

Диалоги, начатые на вилле «Гражина» и
продолженные на Уолл-стрите

191

**Анатолий Селиванов
ГАРАЖ НА ПУСТЫРЕ**

243

П 75 Приключения-86 : Сборник / Сост. С. Пана-
сян. — М. : Мол. гвардия, 1986. — 318[2] с.,
ил. — (Стрела).
1 р. 40 к. 200 000 экз.

Сборник остросюжетных приключенческих произведений
советских авторов.

П 4702010200—304
078(02)—86—208—86

ББК 84Р7—4

ИБ № 4693

ПРИКЛЮЧЕНИЯ-86

Редактор И. Ансенова
Рецензенты В. Свининников, Ю. Юдин
Художник Н. Абакумов
Художественный редактор Б. Федотов
Технический редактор Г. Прохорова
Корректоры Т. Крысанова, Н. Мейланд

Сдано в набор 11.06.86. Подписано в печать 04.11.86. А12728.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Ли-
тературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8. Условн.
кр.-отт. 16,8. Учетно-изд. л. 17,8. Тираж 200 000 экз.
(100 001—200 000 экз.). Цена 1 р. 40 к. Заказ 1329.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типо-
графии: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.

**В 1986—1987 гг. В СЕРИИ «СТРЕЛА»
ВЫЙДУТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

- Безуглов А. А. Преступники.
- Комов А. К., Веденеев В. В. Премьера без репетиций.
Приключения-87.
- Сизов Н. Т. Невыдуманные рассказы.
Сборник. Срочно, секретно...
- Сборник. Февральское «квадро».
- Финько О. А. Живой смерти не ищет.
- Хруцкий Э. А. Архив сыскальной полиции.
- Чебакин Е. В. Час двуликого.
- Шестаков П. А. Остановка.
- Юзефович Л. А. Клуб «Эсперо».
Сборник. Волчьи ягоды.
- Голубев А. Д. Мир без милосердия.
- Иванов Ю. Н. Рейс туда и обратно.
- Обручев В. А. За тайнами Плутона.
- Псурцев Н. Е. Без злого умысла.
Сборник. Сопка светлых камней.
- Тухтабаев Х. Золотой выкуп.

1911

ROYAL CANADIAN MOUNTED POLICE